
П.М. Шорников

ПОЛЯ ПАДЕНИЯ

**Историография
молдавской этнополитики**

г.Кишинев
2009 г.

Представления о прошлом, история – важнейшая форма общественного сознания. В книге дан анализ научных исследований по вопросам истории молдаван, русских, гагаузов, болгар, евреев Молдавии, раскрыты механизмы исторического «обоснования» притязаний Румынии на территории Молдавии и Украины, методы научной защиты молдавской национальной самобытности, этнокультурных и социальных интересов русских, гагаузов, болгар, евреев. Предоставление русскому языку официального статуса, явствует из проведенного исследования, является ключевым условием обеспечения в республике национального равноправия и урегулирования гражданского конфликта.

Работа рассчитана на ученых, политиков, учителей, студентов и всех интересующихся историей Молдавии.

Рецензенты: Н.Д. Руссев, габилитированный доктор истории,
В.П. Степанов, габилитированный доктор истории,
С.Г. Суляк, доктор истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Глава I. ЛИНИИ РАСКОЛА	7
КОНЦЕПЦИЯ ЗАБВЕНИЯ.....	7
СТРЕЛЬБА ПО МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИИ.....	13
СОП ОТСОРОСА, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРИПТИЗ УНИОНИЗМА.....	21
ПРИРУЧЕНИЕ ПАНТЕРЫ.....	26
«ЯРЛЫК «РУСИФИКАЦИЯ» БЫЛ И ОСТАЁТСЯ ЛОЖЬЮ».....	27
Глава II. МОЛДАВСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ	34
МОЛДАВИЗМ.....	34
У КАЖДОГО НАРОДА – СВОЯ ИСТОРИЯ.....	48
УТВЕРЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ТРАДИЦИИ.....	52
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК МОЛДОВЫ – МОЛДАВСКИЙ.....	55
ПОЛЕТ НАД ПОЛЯМИ ПАДЕНИЯ.....	60
Глава III. ЯЗЫК СОГЛАСИЯ	68
РУССКИЕ ЛЮДИ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА.....	68
ИСТОРИЯ - КАК БЛЕСК КЛИНКА.....	81
ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	82
СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ.....	85
Глава IV. БУДЖАКСКИЙ УЗЕЛ	99
ИСТОРИЯ ГАГАУЗСКОГО ПРОЕКТА.....	99
О БОЛГАРСКОЙ ДУХОВНОСТИ – НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	107
«РУССКИЙ КОД» ГАГАУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	109
РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ.....	112
ПРАЗДНИК БОЛГАРИСТИКИ.....	114
Глава V. СПОРОГЕНОЦИДЕ	115
ПРАВОВАДИКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.....	115
КНИГА НЕНАВИСТИ.....	117
ОТ ЗАМАЛЧИВАНИЯ – К ОПРАВДАНИЮ?.....	119
«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ»; РУМЫНСКИЙ ВАРИАНТ.....	124
Глава VI. КОНСПИРОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	132
ДНЕСТРОВСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИОГРАФИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.....	132
ОБЪЯСНЕНИЯ БЕЗ ОПРАВДАНИЙ.....	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154
ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ.....	158
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

Окончание XX века явило миру миру демократии, отрицающие национальное равноправие. Переход к независимости в новых независимых государствах осуществлен под знаком борьбы за этнические преференции титульных наций. В большинстве из них установлены этнократические режимы.

Молдавия не стала исключением. Называя свое движение демократическим, национал-радикалы Молдавии именуют «мигрантами» и «оккупантами» веками проживающих на этой земле славян, гагаузов, другие национальные сообщества. На рубеже 90-х гг. течение румынистов, сложившееся в молдавской филологии еще в 50-60-е гг., нанесло удар по гражданским правам не только нетитульного населения, но и по молдавским национальным ценностям – молдавскому алфавиту, лингвониму «молдавский язык», молдавскому национальному сознанию. Выступая с позиций молдавского национализма, румынисты вопреки молдавской национальной традиции навязывали Молдавии политику ограничения сферы функционирования русского языка. Статья 13 законопроекта о языковом режиме, опубликованного в органе Союза писателей Молдавии газете «Литература ши арта» 16 февраля 1989 г., предусматривала уголовную ответственность для служащих, допустивших использование в официальном общении иного языка, нежели язык, получивший государственный статус. Ограничение сферы функционирования русского языка нарушало социальные и культурные интересы 40 процентов населения Молдавии. Но языковая реформация сулила интеллигенции титульной нации расширение сферы ее профессиональной деятельности, а титульной бюрократии – монопольный доступ к управлению и власти. Это было особенно соблазнительно потому, что надвигалась приватизация государственной собственности и решался вопрос – кто будет ее делить? Поэтому 31 августа 1989 г. на 13-й сессии Верховного Совета Молдавской ССР отказ русскому языку в Молдавии в официальном статусе был узаконен. Как показало время, принятие этого закона стало провокацией стратегического назначения.

Выступив в июне 1990 г. за «объединение» Молдавии с Румынией, румынисты стали также унионистами. Они получили власть, их лидер возглавлял правительство. Поскольку социальное преуспевание оказалось связано с отказом от молдавской культурной традиции, часть титульной интеллигенции – декларативно или искренне – восприняла румынский этногосударственный проект. Немалая ее часть помогала румынистам подавлять молдавскую национальную идентичность. Но перспектива аннексии Молдавии Румынским государством не устраивала ни молдавскую бюрократию, ни большую часть молдавской интеллигенции. Поэтому главным национальным вопросом Молдавии стал вопрос молдавский – вопрос о защите молдавской национально-культурной самобытности, молдавского национального сознания, молдавской государственности. Не менее значимым для будущего Молдавии оставался вопрос о статусе русского языка. Отражение в историографии политической борьбы по этим вопросам представляет научный и практический интерес.

Эволюция исторической науки Молдавии оказалась противоречивой и зависимой от политической конъюнктуры. Трактовка вопросов молдавской национальной идентичности и событий кризисных лет стала главным объектом идеологической

борьбы. Для понимания сути этой борьбы разъясним некоторые термины, вошедшие в оборот молдавской историографии только в 90-е годы XX века. **Молдавизм** есть молдавское родовое (этническое, национальное) сознание и приверженность традиционным ценностям молдавского народа: самоназванию «молдаване», лингвониму «молдавский язык» и молдавской кириллической графике, а также совокупности представлений молдаван о себе и о других народах, верность православию и восточной геополитической ориентации молдавского народа. Молдавизм есть выражение молдавской этничности(1).

Сущность **румынизма** румынский историк Константин Рэдулеску-Мотру, еще в 30 – 40-е годы XX века изложивший основные постулаты этой идеологии в книгах "Румынизм", "Румынская этничность", "Национализм" и других работах, определял так: «Румынская этничность есть то, что обычно именуется также Румынизмом. Он содержит структуру, которую придало ему историческое прошлое, [и] энергетический потенциал, с которым румынской нации предстоит преодолеть неизвестность будущего». Пределы «румынского пространства» он определял ареалом проживания восточных романцев – от Адриатики до Буга(2), а в трактовке румынских пропагандистов времен второй мировой войны – «до врат Азии».

В 60 – 80-е гг. XX в. в Молдавии сложилась сильная историческая школа. Идеологию румынизма она отвергала. Но исследователь живет в обществе и зависим от него. В изменившихся политических и социальных условиях знание прошлого, живущего во вроде бы усвоенном опыте социальной жизни, не обеспечило их адекватной гражданской реакции. Некоторые из них усмотрели в политических переменах новые возможности для профессиональной самореализации, иные, подчиняясь требованиям конъюнктуры, отказались от служения истине и народу, которому принадлежали по рождению. В статусном плане они выиграли. Идеологическая мимикрия помогла им и в условиях всеобщей нищеты переходных времен обеспечить себе безбедное существование, публикацию монографий, защиту диссертаций. Но обеспечило ли им духовное хамелеонство также согласие с собственной гражданской совестью?

Впрочем, изучение этнополитического компрадорства как психологического явления в круг задач нашего исследования не входит. Ученые видели, что ссылками на события прошлого, их тенденциозной трактовкой определенные политические силы Молдавии обосновывают не только собственные кастовые «права» на социальные привилегии, но и курс на ликвидацию молдавской государственности. Зная или не зная афоризм «Ложь в истолковании прошлого приводит к провалам в настоящем и готовит катастрофу в будущем», большинство исследователей, не желая служить разрушителям родной страны, покинуло научную стезю.

Среди историков оказалось все же меньше этнополитических ренегатов, чем среди гуманитариев иных специальностей. Значительная их часть устояла на позициях концептуального суверенитета. Они сознают, что поле исторических исследований, как и современность, нельзя оставлять без наблюдения. Историческая аргументация широко используется для обоснования целей и оправдания методов текущей политической борьбы, нередко неблагоприятных и для судеб страны просто опасных. Это дает весомый повод для утверждений о том, что история – это политика, опрокинутая в прошлое. Да, историк живет в обществе, проникнут его интересами и не может писать о прошлом без гнева и пристрастия. Но он не имеет права на обман, на искажение или утаивание фактов, противоречащих выработанной им или воспринятой концепции. Не вправе ученый лгать и при оценке исследований, выполненных коллегами.

Подобно тому, как на изломе металла раскрывается его структура, на изломе времен раскрывается структура общественного сознания. Осмысление социального

опыта, его превращение во всеобщее достояние были особенно актуальны в переломные 90-е годы. Но в политически нестабильном, территориально расколотом государстве речь шла не только об оценке степени научной обоснованности истолкования тех или иных событий прошлого, идей и мнений. Принципиальный, строго научный анализ работ по истории Молдавии представлял собой меру защиты массового сознания от попыток его извращения. Он был нацелен также на сохранение в республике демократических свобод от идеологического контроля агрессивного меньшинства, получившего доступ к рычагам государственной власти, но финансируемого и направляемого из-за рубежа.

Из этого проистекает и известный риск историографической работы. Публичная оценка того или иного научного исследования раскрывает не только методологические подходы, нравственные принципы, но и гражданскую позицию рецензента. Несмотря на демократическую риторику и официально декларируемую терпимость к плюрализму мнений, интеллектуальный демарш, неугодный власти имущим, мог и может повлечь за собой шельмование в СМИ, увольнение с работы и другие гонения. Именно с этого, с изгнания из академического Института истории и высших учебных заведений этнически и политически неугодных ученых, и началась в 1990 г. «перестройка» исторической науки Молдавии. Любую попытку исторически обосновать право молдаван на молдавскую этнокультурную самобытность, а русских, украинцев, гагаузов, болгар Молдавии – на национальное равноправие, на свободный выбор языка образования и официального общения, делопроизводства, румынисты и поныне трактуют как проявление «антирумынизма» и «шовинизма», устраивая по этому поводу кампании диффамации, увольняя критиков с работы. Поэтому научная критика, общественностью востребованная, оказалась в независимой Молдавии и самым дефицитным жанром исторических исследований.

Исходя из мнения, что как при ответах на глобальные вопросы развития человечества, так и при интерпретации отдельных фактов, существует объективная истина, а также отвечая на потребности общества, автор этой книги отрецензировал более 70 учебников, пособий, монографических и коллективных работ, посвященных истории Молдавии и ее национальных сообществ. Со временем историографические обзоры и рецензии составили набросок картины борьбы двух тенденций в историографии республики – унионистской, нацеленной на навязывание молдавскому обществу идеологии румынизма в качестве официальной идеологии Республики Молдова, и альтернативному ей научному творчеству молдавских традиционалистов, а также ученых, разрабатывающих вопросы истории славянских сообществ, гагаузов, евреев Молдавии.

Автор не стремился к обличению нравственно-политического упадка и методологического регресса в исторических исследованиях РМ в годы политической смуты. Эти явления носили массовый характер, но историография рассматриваемого периода дала и примеры иного свойства. Выбранный в качестве названия этой книги, как и одной из рецензий, термин заимствован из лексикона испытателей ракетной техники. Полями падения они называют территории, прилегающие к полигонам, на которые падают части запущенных ракет. Изучение этих находок позволяет совершенствовать конструкцию новых «изделий» и таким образом способствует научно-техническому прогрессу. Материалы этой книги помогут читателю составить верное представление о состоянии исторической науки в Молдавии в конце XX – начале XXI столетия.

Автор признателен Российскому центру науки и культуры в Республике Молдова и редакции газеты «Русское слово» за содействие в издании этой книги.

Глава I.

ЛИНИИ РАСКОЛА

КОНЦЕПЦИЯ ЗАБВЕНИЯ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ В РЕСПУБЛИКУ МОЛДОВУ

Исполняется десять лет беспрецедентному акту – фактической передаче системы образования и научных учреждений Республики Молдова под идеологический контроль иностранного государства. Представляется своевременным рассмотреть основные черты концепции исторического процесса, внедряемой в общественное сознание в этот период на правах государственной версии национальной истории.

Идеологическое вторжение румынистов в Молдавию, начатое в конце 80-х гг., предпринято в расчете на несостоятельный принцип исторического права. Задача исполнителей этой операции заключается в обосновании тезиса о том, что молдаване – суть румыны и, стало быть, права на собственную государственность не имеют. Исходя из этой логики выдвинут тезис о двух румынских государствах, подлежащих воссоединению, подобно ФРГ и ГДР в 1989 г.

В порядке подготовки подобных условий румынисты Молдовы огласили идею о законодательном признании идентичности молдавского и румынского языков («Письмо 66-и», сентябрь 1988 г.), тезис «Один язык – один народ» (ноябрь 1988 г.), а во время 13-й сессии Верховного Совета Молдавской ССР (31 августа 1989 г.) добились законодательно зафиксированного отказа молдавской нации от культурного суверенитета и перевода молдавской письменности на румынскую графику.

В 1990 г., после ползучего переворота, унионисты получили доступ к главным рычагам власти. Используя их, 27 апреля 1990 г. они провели через Верховный Совет республики закон о флаге Молдавской ССР – таковым по образцу румынского стал сине-желто-красный триколор, правда, с изображением герба на нем; в качестве нового герба Молдовы был утвержден несколько модифицированный, в период оккупации Бессарабии пожалованный румынским королем городу Кишиневу. Обнаружив конечную цель этих мер, в июле 1990 г., на II съезде Народного фронта Молдовы, унионисты выступили с требованием о переименовании государства в Румынскую республику Молдова.

Законодательной «базой» политики разрушения молдавского национального сознания, – наряду с законами 13-й сессии, – стало «Заключение специальной комиссии Верховного Совета ССР Молдова о политико-правовой оценке Советско-германского договора о ненападении и Дополнительного секретного протокола от 23 августа 1939 г., а также их последствий для Бессарабии и Северной Буковины». Проект этого документа, появившийся несколько странным образом⁽¹⁾, содержал данный очерк истории Молдавии XIX-XX веков с позиций румынизма. Обходя вопрос о вторжении румынских войск в Бессарабию в январе 1918 г., авторы проекта квалифицировали воссоединение края с СССР 28 июня 1940 г. как оккупацию, а образование 2 августа 1940 г. Молдавской ССР – как расчленение Бессарабии.

Хотя в тот же день Молдова провозгласила свой государственный суверенитет, унионисты, добившись принятия «Заключения» республиканским парламентом, по существу делигитимизировали существующую молдавскую государственность. Одобрение «Заключения» представляло собой также отказ молдавского государства от концептуального суверенитета.

Под аккомпанемент риторики о деидеологизации образования была предпринята попытка законодательного закрепления румынизма в качестве обязательной государственной идеологии Молдовы. «По сути, – отмечено в редакционном комментарии газеты «Единство», – в опубликованном «Заключение» сформулированы основные положения новой государственной идеологии. Учителя и преподаватели истории в вузах, в средних специальных учебных заведениях поставлены перед выбором: либо излагать историю республики в духе, указанном в «Заключение», либо вступать в конфликт с республиканскими ведомствами...»(2)

Попытка решения научных вопросов голосованием в законодательном органе неправомерна. Кроме того, «Заключение» было принято в отсутствие требуемых, согласно Регламенту, 2/3 избранного числа депутатов: из 373 избранных парламентариев в заседании участвовали только 233(3). Учитывая это обстоятельство, а главное – недопустимость введения обязательной государственной идеологии, предусмотренную как действовавшей в тот период Конституцией МССР (после отмены ст.6 в мае 1990 г.), так и принятой в 1994 г. Конституцией Республики Молдова (Ст.5, п.2), указанное «Заключение» следует признать с самого начала незаконным. Тем не менее его принятие послужило исходным пунктом для политики, не предусмотренной ни содержанием, ни фактом его одобрения парламентом.

С принятием «Заключения» началась политическая чистка в Институте истории Академии наук Молдовы и на обществоведческих кафедрах высших учебных заведений. Одновременно преподавание молдавского языка и литературы было заменено преподаванием румынского языка и румынской литературы (что не являлось лишь сменой терминов), а вместо истории Молдавии в программы учебных заведений было включено преподавание курса «история румын». С нового учебного года в учебные заведения республики поступила соответствующая программа (4).

Введение курса «история румын» стало возможно в условиях политической смуты и общественной деморализации. Сам факт замены в учебных заведениях суверенного государства курса национальной истории этнической историей титульного этноса другой страны представлял собой акт идеологической капитуляции.

В основу курса была положена исторически несостоятельная концепция румынской общности, включающая идеи о единстве и непрерывности существования румынского народа на протяжении более 2000 лет в «румынском пространстве», включающем территории современной Румынии, Молдавии, а также ряд территорий соседних государств; о румынской нации как высшей форме румынской общности и о создании великой Румынии (включающей Бессарабию) в 1918 г. – как высшем достижении румынской истории. Главным учебником национальной истории в Молдове стала «История румын» румынского историка – националиста Петре Панаитеску, впервые изданная в Румынии во времена фашистской диктатуры (1943 г.). В 1990 г. эта книга была переиздана в Кишиневе на румынском, а затем на русском языке (5).

По румынским образцам в Молдове вскоре была подготовлена собственная серия учебников по «истории румын».(6) Иллюстрируя основные положения румынской исторической мифологии, каковыми являются Конспирация, Спаситель, Золотой век и Объединение, научная несостоятельность которых раскрыта румынскими историками (7), авторы учебников пытались решать сверхзадачу, которая заключалась в обосновании тезиса о том, что молдаване – часть румынской нации. Учитывая существование молдавской государственности и приверженность молдаван молдавским национальным ценностям, это представляло несомненные трудности. А факты истории вынуждали авторов учебников идти на бесконечные подтасовки, фальсификации и замалчивания.

Методологически несостоятельна попытка механически объединить истории трех государств, - Валахии, Молдавии и Трансильвании, вообще замолчать существование княжества Добруджа. Параллельное освещение политических событий не устраняло типологических особенностей молдавского феодализма, выявленных в 70 – 80-е гг. молдавскими медиевистами во главе с известным историком П.В. Советовым, разновекторного характера происходивших во всех трех странах социальных и экономических процессов. Политические отношения между тремя странами заключались в основном в междоусобных войнах и участии в противостоящих коалициях. В Трансильвании государствообразующим этносом вообще были венгры. Все это не оставляет сомнений в том, что у каждого из трех княжеств – Молдавии и Валахии - до создания Румынского государства и некоторое время после этого, а у Трансильвании - до 1918 г., когда она была включена в состав Румынии, – имелась собственная история.

С 1812 г. особой оставалась история Бессарабии. Даже в период румынской оккупации 1918-1940 гг. она, в отличие от Румынии, существовала в обстановке чрезвычайного положения, формируя собственные векторы экономического и социально-политического развития, отстаивая этнокультурную самобытность, собственную духовность. Как и большинство молдавской интеллигенции, авторы учебников признавали, что нация - не биологическая система, и не просто сумма лиц, говорящих на одном языке, а нечто более сложное – культурный синтез. Поэтому их методом, наряду с повторением несостоятельного лингвистического аргумента, стало замалчивание наличия у молдаван молдавского национального самосознания и этнокультурных особенностей, выработанных пятью веками жизни в Молдавском государстве, игнорирование этнополитических реалий Молдавии.

Хотя самоназванием жителей Молдавского княжества на протяжении всей его истории (1359-1859 гг.) да и позднее было «молдовень» (а в Республике Молдова и на Украине он остается таковым и поныне), этот этноним в учебниках также не упоминается, молдаван авторы именуют «румынами», а иногда, косвенно признавая существование у них этнокультурной специфики, – «бессарабскими румынами». Делается это с пониманием научной некорректности приема. Авторам учебников известно, что «румынами» в Стране Румынской именовались лица, работавшие в чужих поместьях; в Молдове эта категория именовалась «вечинами», т.е. «соседями»(8). В России такие сельскохозяйственные работники назывались батраками. Но социальный заказ требует забвения этой истины.

Столь же сознательно игнорируют румынисты лингвоним «молдавский язык», используемый молдаванами на всем протяжении их истории и в настоящее время, как и существование самого молдавского языка, признанного наукой, в том числе в Румынии(9), и включенного в международную Универсальную Десятичную Классификацию (10).

Абсурден применяемый авторами учебников по «истории румын» прием конфискации молдавской истории в пользу румынизма. Все деятели Молдавии, начиная с легендарного воеводы со славянским именем Драг, исторических первых господарей с такими же именами – Богдан I, Богдан II, Лацко, – а также Стефана Великого, Дмитрия Кантемира и других, живших за века до появления термина «румын» даже как название одной из категорий крепостных крестьян, авторы-румынисты именуют «румынами». Необоснованно большое значение придают они эпизодам, связанным с мифологией румынизма, вроде оккупации Молдавского княжества в 1600 г. войсками Михаила Храброго. Валашский воевода представлен носителем идеи румынского интегрализма, в действительности появившейся через два столетия после его смерти. Молдавскому господарю Стефану Великому, несмотря

на многочисленные походы молдавских войск в Валахию и Трансильванию, подобных идей румынская историография не приписывает.

Повествование в учебниках построено в обход ключевых событий молдавской истории. Населению Молдавского княжества приписано единодушное стремление к его включению в состав Румынии, т.е. ненависть к собственной, молдавской, государственности. Засекречены подавленное румынскими властями народное восстание в Яссах 3(15) апреля 1866 г. с требованием восстановления Молдавского княжества, ликвидации румынскими властями 27 ноября (10 декабря) 1918г. Молдавской Демократической республики - первого опыта молдавской государственности в XX веке, Хотинское, Татарбунарское и другие восстания, все Бессарабское освободительное движение 1918-1940 гг., как и участие молдавского народа в Великой Отечественной войне, свидетельствующие о действенном характере идеологии молдовенизма.

Экономические и социальные достижения наиболее продуктивного периода молдавской истории 60 - 80-х гг., связанные с развитием Молдавии в составе СССР, румынисты пытаются игнорировать, нехотя признавая подъем молдавской культуры. Сделаны первые попытки представить переход Молдовы к независимости (27 августа 1991 г.) результатом некоего не существовавшего в действительности «национально-освободительного движения».

Формируя у учащихся синдром осажденной крепости, участие других народов в румынской истории авторы учебников трактуют в исключительно негативном плане. Окружающие народы, судя по учебникам и пособиям, неизменно злоумышляли против «румын». Миф о Конспирации иллюстрируют в основном примерами из прошлого русских. Именно их предки «жили грабежом». Готы и гунны, авары и вандалы, имена которых вошли в историю как символы варварства, резни и вандализма, в «румынском пространстве» «появлялись», «оседали», «продвигались», и только славяне «совершали грабительские походы». Россию авторы учебников представляют агрессивным государством, кощунственно ставя ее на одну доску с Османской империей. Антирусская тенденциозность вынуждает их осуждать даже акты защиты православных народов. В русско-турецких войнах они усматривают не шанс на освобождение Молдовы и Валахии от турецкого ига, а только неудобства, которые причиняли «румынам» русские войска. Вмешательство России, положившее конец кровавому румыно-венгерскому конфликту 1848-1849 гг. в Трансильвании, они именуют интервенцией.

Закономерны, учитывая навязанный официальной историографии Молдовы метод, замалчивание в учебной литературе решающей роли России в объединении Валахии и Молдовы в 1859 г., попытки очернить прогрессивные реформы, проведенные в Бессарабии российским правительством в XIX- начале XX века. Пропаганду вражды к соседним странам представляют собой попытки внушить школьникам идею о правомерности румынских территориальных притязаний к Украине, Болгарии, Югославии, Македонии (11).

Славянам и другим народам нет места ни в «истории румын», ни в «румынском пространстве». Один из главных персонажей легенды об образовании Молдавского государства, русский пасечник Яцко, в учебниках не упомянут. О научной недобросовестности авторов учебников свидетельствует отсутствие упоминаний о важном при характеристике генезиса молдавской культуры факте, признаваемом и румынскими историками: что в Молдавии (как и в Валахии) до середины XVIII в. официальным языком был славянский, и не молдаване или валахи, а фанариоты перевели делопроизводство на греческий. Украинцы, русские, гагаузы, болгары, евреи, представители других народов, составлявшие в XIX - начале XX века половину населения Бессарабии, при описании происходивших в этот период событий

проигнорированы, как и их вклад в развитие экономики и культуры Молдовы, их участие в защите Родины в годы войны. Забыты свыше 30 тыс. бессарабцев, погибших от рук румынских оккупантов в 1918-1924 гг., а также около 100 тыс. евреев и 8 тыс. цыган, истребленных в Молдавии военно-фашистским режимом Румынии.

Показателем политической предвзятости являются попытки авторов учебников возложить на русских вину за действительные или мнимые грехи всех прежних «режимов». Из книжки в книжку кочует лживый тезис о «русификации»(12). Авторы некоторых работ, рекомендованных студентам, приписывают совершение различных преступлений евреям (13). Примерами злонамеренной фальсификации истории являются попытки представить как акт национальных гонений депортацию из Молдавии политически сомнительных лиц накануне Великой Отечественной войны(14) и возложить на правительство СССР вину за голод 1946-1947 гг., разразившийся в республике, разоренной в годы войны и румынской оккупации.

На воспитание вражды к демократии направлена проходящая через большинство учебников апология авторитаризма. Положительно оценивается не только деятельность сильных «национальных» правителей, беспощадно подавлявших оппозицию, включая патологически жестоких вроде Влада Цепеша, но и римских императоров, проливших при завоевании Дакии море крови. Особенно насыщенным описаниями казней, расправ и актов насилия оказалось пособие «Дакиада», предназначенное для учащихся младших классов (15).

Критическая оценка каких-либо периодов румынской истории, ее деятелей в курсе «история румын» не предусмотрена. «Золотой век» Румынии авторы ищут в 20 - 30-х гг. XX века, когда нищая страна, осуществив «Объединение» и рассорившись с соседями, скатывалась к фашизму, пытаясь закрепить в своем составе оккупированную Бессарабию. Особенно одиозны попытки некоторых авторов доказать, что в этот период тотальной разрухи в крае имел место экономический подъем.

Главным героем румынской истории XX века, Спасителем Страны, предстает в «Курсе» фашистский диктатор И.Антонеску, военный преступник, втравивший страну в войну против СССР. Войну эту авторы рассматривают его глазами - из фашистских окопов, предавая забвению 650 тыс. жителей Молдавии, погибших в боях с фашизмом, в заключении, вымерших от голода и болезней. Несомненны и симпатии авторов к профессору-фашисту А.К. Кузе, лидеру фашистской «Железной гвардии» К.Зеля-Кодряну. Их преступления, гибель сотен тысяч румын во второй мировой войне обойдены молчанием. В целом положительно оценивается также правление «коммунистического» диктатора Н.Чаушеску; в вину ему ставят лишь румынские достижения того времени, прежде всего индустриализацию (16).

Курс «история румын» представляет собой не просто иную трактовку событий прошлого, а демонстративную профанацию молдавской истории, попытку ее аннулирования и изъятия из общественного сознания. Создавая крайне ущербную, извращенную картину истории Молдавии и молдавского народа, курс этот нацелен на замену молдавского национального сознания румынским, на воспитание молодежи Молдовы в духе вражды к демократии, антимолдовенизма, шовинизма и ксенофобии. Он разрушает идеологическую основу молдавской государственности и направлен на геополитическую переориентацию населения Молдавии.

Умышленный характер этой политики в преподавании гуманитарных дисциплин признан официально. 11 августа 1994 г. первый заместитель министра образования в присутствии председателя Парламента Д.Г. Моцпана и председателя парламентской комиссии по культуре, науке, образованию и СМИ В.Б. Сеника подтвердил, что «в

последние три года велась работа по включению системы образования Республики Молдова в соответствующую румынскую систему» (17).

Еще одной формой «национального перевоспитания» молдаван является проводимое по инициативе румынской стороны массовое обучение молдавской молодежи в Румынии. Румыния по существу монополизировала подготовку кадров высшей квалификации для Молдовы. В 1994/1995 гг. из 8216 граждан республики, обучавшихся за границей, 7400 (90%) учились в Румынии; в их числе было 500 докторантов и 150 чел., проходивших «углубленное обучение» (18). Возвращаясь на родину, часть этой молодежи пополняет ряды праворадикальных унионистских формирований.

Угрожающий для государственности РМ характер попыток замены в общественном сознании фактов молдавской истории мифами румынизма общественность начала осознавать еще в начале 90-х гг. В разгар вооруженного конфликта с Приднестровьем (1992 г.), выступая в парламенте после поездки на позиции, комиссар полиции, депутат А.Н. Симак вдруг заговорил о проблемах образования. Замену в программах учебных заведений истории Молдавии курсом «история румын» он расценил как провокацию, а массовое обучение молдавской молодежи в Румынии - как политическую ошибку (19). В дальнейшем в парламенте и прессе не раз ставился вопрос о прекращении этой практики румынизации молдаван. Разработка отдельных вопросов истории с позиций молдовенизма продолжалась без участия государственных структур, включая Институт истории АНМ и высших учебных заведений, а их издание осуществлялось на средства общественных организаций и отдельных спонсоров (20).

Преподавание «истории румын» и поныне требует от учителей моральных жертв. Многие школьные учителя и преподаватели университетов читают два варианта истории: как нужно для экзамена и как было в действительности. «История румын» как предмет скомпрометирована в глазах молодежи, среди школьников и студентов царит презрение к лживой, насквозь фальшивой дисциплине.

Замена национальной истории «историей румын» стала главным симптомом духовного кризиса молдавского общества, знаком национально-культурного конформизма образованного сословия. Сама готовность большинства интеллигенции следовать идеологическим конвульсиям «переходного периода» выдает ее концептуальную растерянность, компрометирует ее в собственных глазах и в общественном мнении, изолирует от большинства молдавской нации, решительно высказавшегося за независимость Молдовы во время опроса «Совет с народом» (1994 г.).

Начало политической стабилизации отмечено в Молдове попытками остановить румынизацию. В 1994 г. завоевавшая большинство в парламенте Аграрно-демократическая партия внесла в текст новой Конституции глоттоним «молдавский язык» (Ст.13) и предприняла попытку привести преподавание истории в соответствие с государственными интересами Молдовы. Правительством была создана специальная «Государственной комиссией по выработке концепции изучения истории в учебных учреждениях Республики Молдова» во главе с членом-корреспондентом АНМ К.В. Стратиевским. В начале нового учебного года комиссия представила правительству выводы и рекомендации по перестройке преподавания истории «в духе преемственности государственности молдавского народа в историческом и этническом контексте его становления как нации» (21).

Научных аргументов у унионистов не было. Но их контроль над системой образования, административные структуры которой в 1990-1991 гг. были сформированы как отделения унионистских политических формирований, оказался прочным. Весной 1995 г., когда Министерство образования приняло постановление о

введении в учебные программы курса истории Молдовы, унионистские партии при посредстве преподавателей высшей школы организовали студенческую забастовку под лозунгом «отстоим румынский язык и историю румын». Было выдвинуто также требование о пересмотре ст.13 Конституции. Унионистов поддержал президент РМ М. Снегур. Аграрии не пошли на обострение конфликта. Коллегия Министерства образования отменила свое решение, допустив дальнейшее использование системы образования в антигосударственных целях.

Противостояние румынизму в исторической науке осталось делом личной и общественной инициативы. Но в 1997 г. под грифом Ассоциации ученых им. Н.Милеску - Спэтару был издан первый после перехода Молдовы к независимости обобщающий труд - «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (22), - подготовленный группой ученых во главе с членом-корреспондентом АНМ В.И. Царановым. Авторы изложили цельную концепцию развития молдавского народа, рассмотрев исторические события в пределах Молдавского княжества – до 1812 г., в 1812-1940 г. - в пределах Пруто – Днестровского междуречья и Левобережного Поднестровья, а с 1940 г. – в границах Молдавской ССР.

Выход книги, означавшей реабилитацию национальной истории, стал событием общественной жизни. Пытаясь воспрепятствовать ее распространению, румынисты добились фактического ареста тиража, организовали в печати кампанию диффамации против авторов. Намереваясь устроить судилище над книгой и рассчитывая на поддержку хотя бы части читателей, редакция газеты «Литература ши арта» опубликовала политически наиболее острую, завершающую главу, посвященную событиям 1988 - 1997 гг. (23). Но молдавская общественность приветствовала выпуск книги, написанной с позиций защиты молдавской национальной самобытности и существующей государственности. Судилище не состоялось. На средства, предоставленные Партией коммунистов, был напечатан дополнительный тираж, немедленно раскупленный населением.

Преподавание курса «история румын» представляет собой наиболее опасный для молдавской государственности результат подрывной работы унионистских сил. Масштабы и характер этой деятельности дают основания квалифицировать ее как идеологическую агрессию. Преподавание этого курса стало постоянным фактором духовного кризиса молдавского общества, идеологической интоксикации нового поколения, оно представляет собой метод пропагандистской подготовки аннексии Молдавии соседним государством.

Молдавский народ отвергает концепцию румынизма, он не может мириться с конфискацией своей исторической памяти, попранием национальных ценностей. «История румын» не может быть далее терпима в качестве государственной версии молдавской истории. Восстановление концептуального суверенитета республики, возвращение в учебные заведения курса истории Молдавии - настоятельная необходимость. Осуществить это - обязанность высших эшелонов государственной власти Республики Молдова, их долг перед народом и историей.

Мысль (Кишинев). 2000. N2(10). С.38-42; Кишиневский обозреватель. 2000. N26-28.

* * *

СТРЕЛЬБА ПО МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИИ

Миф – не просто модное слово. Влияние исторических мифов на общественное сознание огромно, и наглядный тому пример – Румыния. В XX веке мифология румынизма сыграла главную роль в подготовке румынского общества и армии к шести вторжениям в соседние страны. Под лозунгами румынизма в 1913 г. Румыния вступила во вторую Балканскую войну против Болгарии, в 1916 г. – в первую, а в

1941 – во вторую мировую войну. Кроме того, в 1918 г. она оккупировала Бессарабию, а в 1919 г. подавила революцию в Венгрии. Лозунгами румынизма об отвоёвании Северной Трансильвании, «уступленной» в 1940 г. Венгрии, а вовсе не идеалами свободы и демократии вдохновлялись румынские войска и в 1944-1945 гг., во время войны против Германии.

С 90-х гг. XX века предпринимаются попытки экспорта мифология румынизма. В рамках работы с «румынами отовсюду» официальный Бухарест осуществляет за рубежом (на Украине, в Сербии, Болгарии, Македонии, Греции, Венгрии) 10 программ: «Румынская школа», «Румынская пресса», «Румынская церковь», «Румынский язык», «Румынское гражданство» и, видимо, «Румынская история». В Республике Молдова курс национальной истории в учебных заведениях заменен курсом «история румын». Главным пособием по этому курсу служит «История Бессарабии» (Кишинев, 2001). По признанию координатора авторского коллектива румынского историка Иоана Скурту, книга подготовлена в ответ на выход в свет обобщающего труда «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (Кишинев, 1997), написанного группой историков под руководством члена-корреспондента Академии наук Молдовы В.И. Царанова.

Сам по себе выпуск «Истории Бессарабии» представляет собой отклонение от концепции румынизма, исключающей изучение истории региональных сообществ. Это противоречие авторы попытались обойти, совершив первый подлог: историю полиэтнической области между Прутом и Днестром они стараются представить только как историю «бессарабских румын», что изначально делает сомнительной ее научную ценность. Но книга показательна как пример методологии румынской исторической науки и ее позиций по названной теме. Итак, какой истории учат новое поколение Молдовы, формируя его политические воззрения, отношение к своему и другим народам, к существующей молдавской государственности?

МИФЫ, КОТОРЫЕ ВНУШАЮТ НАШИМ ДЕТАМ

Главными историческими мифами румынизма являются Конспирация, Спаситель, Объединение и Золотой век. В наиболее четкой форме эти мифы «обоснованы» румынским историком-националистом Петре Панаитеску в книге «История румын», впервые изданной в 1943 г. во времена фашизма и войны против России. Нарушая принцип историзма, он объединял жителей Молдавии, Валахии и Трансильвании этнонимом, внедренным в массовое сознание только во второй половине XIX века – «румыны». Соседние народы представлены им как извечные враги «румын». Спасителями «румын», конечно же, выступали «сильные» правители, жестоко расправлявшиеся с оппозицией: Михай Храбрый, которого молдаване считали разбойником, садист Влад Цепеш, сателлит Гитлера Ион Антонеску. На поле боя всех этих сильных побивали соседи, но для авторов «истории румын» важнее то обстоятельство, что свои их боялись. Главное событие румынской истории – 1918 год, когда Румынскому Королевству удалось, – заполучив Трансильванию, Бессарабию и Северную Буковину, – осуществить «Объединение». Золотым веком страны Панаитеску пытался представить времена нищеты и политических метаний – 20 – 30-е гг. XX в., завершившиеся установлением диктатуры профашистского толка. При описании событий Средневековья П.Панаитеску необоснованно внедрял в оборот лингвоним «румынский язык», этноним «молдаване» пытался представить как наименование территориальной, а не этнической общности, пропагандировал антинаучные определения «румынское пространство» и «румынские страны».

Однако даже П.Панаитеску признал славянское присутствие в Молдавии, Трансильвании и Валахии не только в VI-XIII, но и в XVI -XVIII веках. У славян, констатировал он, румыны позаимствовали христианство, а также свою «старинную

социальную и политическую организацию». Несмотря на их славянские имена, упомянуты в его «Истории румын» и создатель Валашского княжества Иванко Тихомир, и его преемник Сенеслав. Не стал автор оспаривать и происхождение термина «румыны»: «Крепостные крестьяне, – признал он, – назывались в Стране Румынской **румынь**, а в Молдавии – **вечинь**». То есть «соседи». Признавал П.Панаитеску и отличие языка молдаван от румынского. Но главное, под континентальным шельфом Черного моря геологи заподозрили наличие нефти и газа, и оказалось, что сфера территориальных притязаний Румынии, им очерченная, не учитывает этого обстоятельства.

Время нового старта исторических «исследований» настало в Румынии после распада СССР, когда, казалось, появились шансы на перекройку границ. Первоочередной объект вожделений адептов румынизма – территория Республики Молдова. Кроме того, тиражируя традиционные исторические построения историков-румынистов, на концептуальную новизну «Истории Бессарабии» ее авторы не претендуют. Поэтому основное внимание в «Истории Бессарабии» уделено русско-турецкой войне 1806-1812 гг., передаче Придунайских земель после Крымской войны Молдавскому княжеству в 1856 г. и их возвращению в состав России в 1878 г., попыткам оправдать захват Бессарабии Румынией в 1918 г. и оспорить правомерность ее воссоединения с Россией/СССР в 1940 г., а также провозглашению Молдавией суверенитета (1990 г.) и независимости (1991 г.).

НЕНУЖНЫЕ ОПРАВДАНИЯ «ЦАРИЗМА»

Как всякая фальсификаторская книга, «История Бессарабии» внутренне противоречива. В ней есть две несовместимые линии повествования. Теоретическая часть выдержана в антимолдавском и антирусском духе, а факты, призванные обосновать ее положения, в действительности опровергают их.

Царскую власть в Бессарабии XIX в. авторы пытаются очернить ярлыками «оккупационная» и «режим». Какой же была «оккупационная» политика? Александр I предоставил Бессарабии административную автономию, Верховный совет области обладал законодательными правами, руководители местной администрации, даже полицейские начальники – исправники – были избираемы населением. Молдавские бояре получили статус русских дворян; молдаване на протяжении всего столетия составляли в Бессарабии большинство чиновников. Правовое положение молдавских крестьян, признают авторы, также было лучше, чем русских крепостных, крепостное право в Бессарабии не было допущено. Молдавский язык сохранил официальный статус: он использовался в делопроизводстве, официальном общении, судопроизводстве, богослужении. Молдаван освободили от рекрутской повинности. Во время войн и стихийных бедствий цари, даже Николай I, который «ввел автократическое правление в его самых жестоких формах», освобождали жителей Бессарабии от уплаты податей, предоставляли им другие льготы. «В первые десятилетия после аннексии, то есть в правление Александра и Николая, – признают авторы, – бессарабское образование познало определенное развитие». Есть в книге и сведения об экономическом прогрессе Бессарабии XIX века.

Здраво оценив эту политику, молдаване массами переселялись из-за Прута в «оккупированную» Бессарабию. Кто-то не приживался и, пользуясь либеральным пограничным режимом, возвратился домой. Но «теоретическую» выдумку авторов о якобы имевшем место «бегстве» крестьян-молдаван за Прут опровергают приводимые в книге сведения о стремительном росте населения Бессарабии в XIX – начале XX века, особенно в первое десятилетие после ее присоединения к России. При политических потрясениях за Прутом тысячи молдаван бежали в пределы империи. В числе мигрантов, переселившихся в Бессарабию из-за Прута, были семья классика

молдавской литературы Константина Негруци и других бояр. Кишинев, признают авторы, стал одним из центров «румынской» эмиграции. За сто лет численность молдаван в Бессарабии возросла в 6 (шесть!) раз, что невозможно без миграционного пополнения. Так куда же бежали молдаване? В Бессарабию или из нее?

Естественно, мифу о «национально-освободительном» движении противостоят признания, что даже революционные демократы-молдаване интересовались исключительно вопросами социальной политики и, критикуя «царизм», никогда не выражали вражды к России, прорумынских организаций не возникло, а унионистских тенденций в народе – тем более. Это подтверждали и молдаване-румынисты Константин Стере и Пантелеймон Халиппа, трансильванец академик Онисифор Гибу и другие. С начала XX века инициировать таковые пытались секретные службы Румынии, но это уже другая тема. И, наконец, тезис о «преследованиях» богослужения на молдавском языке опровергнут приведенными в книге фактами об использовании этого языка Бессарабской церковью и о ее взаимодействии с Государством Российским.

Если «оккупационный» царский «режим» в Бессарабии и нуждался в «оправдании», то, следует признать, команда Иоана Скурту, вопреки поставленным перед нею задачам, выполнила это весьма убедительно.

АНТИМОЛДАВИЗМ, ИЛИ ПРИТЯЗАНИЯ НА МОЛДАВИЮ

«История Бессарабии» смехотворно антиисторична. Трактую молдаван как «румын Бессарабии», авторы-румынизаторы тщательно обошли процессы социально-культурной консолидации молдавской нации. Термин «молдавский язык», упоминаемый еще летописцами Григоре Уреке и Мироном Костиным в XVII столетии, утверждают авторы, «разработан Коминтерном», существовавшим в 1920-1943 гг. Даже описывая события средневековья, авторы оперируют этнонимами «румыны», «румынские княжества» и т.п. Имя Молдовы упоминается только применительно к Пруто-Карпатской области, а этноним «молдаване» – главным образом в цитатах. Обвиняя валахов в пророссийских симпатиях, – чего стоит только фраза «Бояре Мунтении требовали ни больше ни меньше, чем присоединения их страны к России!» – авторы умалчивают о практических действиях молдаван по достижению той же цели. Времена развития Бессарабии в составе Российского государства – первый в молдавской истории столь длинный период мира, эпоха небывалого экономического и социально-культурного прогресса, – оболганы авторами как «оккупационные», румынская интервенция 1918 г. представлена как акт «объединения», а вторжение войск Антонеску в Молдавию в 1941 г., вызвавшее ужас и массовое бегство населения на восток, – как «освобождение».

Отношение Румынского государства к молдаванам, сформулированное в 1918 г. политиком и историком Н. Йоргу: «Врем Басарабия фэрэ басарабень» («Хотим Бессарабию без бессарабцев»), подтверждающее неприятие правящими кругами Румынии молдавской национальной идентичности, в «Истории Бессарабии», разумеется, не упомянуто. Но книга и без того пестрит свидетельствами молдавского культурного и этнополитического суверенитета. Абсурдным образом уличая молдаван в понимании ими собственных национальных интересов, авторы утверждают, что их отношение к Румынии всегда «было весьма неадекватным, более близким к антирумынскому».

Приведенные в книге факты, подтверждающие эту отчужденность, достоверны. В 1812 г., узнав о заключении Бухарестского мира, т.е. о присоединении Пруто-Днестровского междуречья к России, «ясский Диван выразил свою «невыразимую радость» по поводу увеличения границ России, как это подобает «настоящим и верным патриотам» России (С.36). В дальнейшем в Бессарабии, обоснованно скорбят

авторы, «движение за национальное освобождение [...] не получило должного развития, не приобрело организованных форм и не было теоретически обосновано». Во время первой мировой войны молдаване, – поскольку они были молдаване, а не румыны, – в отличие от румын Трансильвании, Баната и Буковины, и пальцем не шевельнули в пользу Румынии. В Бессарабии, констатируют авторы, румынское «национальное движение находилось в застойном состоянии», т.е. такового не существовало. Даже газету «Басарабия» за отсутствием спроса в Бессарабии пришлось издавать в Румынии.

По понятной причине – какое они имеют отношение к истории румын? – авторы проигнорировали героические события молдавской истории XX века. О Хотинском восстании 1919 года, поднятом молдаванами, сказано одной фразой: в стычке на границе погиб генерал Стан Поеташ. И все! Будто не молдаване-партизаны отряда Григория Барбуцы начали восстание, не молдавские крестьяне убили румынского генерала, и не было 30 тысяч восставших и двух недель боев против семи румынских дивизий, не было 11 тысяч расстрелянных румынскими войсками, сожженных сел, 50 тысяч беженцев! Один абзац посвящен Татарбунарскому восстанию, а о восстании в Бендерах, – хотя восставшие выбили из города румынский гарнизон, – не сказано ни слова. При характеристике румынской политики в Бессарабии в 1918-1940 гг. необоснованно обойдены авторами упразднение Молдавской Республики, провозглашенной 2 декабря 1917 г., террор, только в 1918-1924 гг. унесший в Бессарабии более 31 тыс. жизней, ограбление населения и жандармский произвол, вошедшие в историю как «Бессарабская система», деградация экономики и нищета, сокращение численности населения с 3,2 до 2,9 млн. чел. Ничего не сказано о рабочем и крестьянском движении, о молдавском национально-культурном регионализме, о защите богослужения по старому стилю. Что же остается в «Истории Бессарабии» от истории Бессарабии и истории молдавского народа?

Правда, признано далее, меры по румынизации общественной жизни Бессарабии вызвали недовольство не только «нерумынской части населения, но и некоторых бессарабских лидеров»-молдаван. В дальнейшем среди молдаван было «много коммунистов, ставших сторонниками этой идеологии из убеждения и доставивших много неприятностей румынской администрации как в межвоенный период, так и во время войны» 1941-1945 годов (С.245). Однако события второй мировой войны рассмотрены в книге с позиций режима Антонеску, а отнюдь не молдавских интересов. 650 тыс. жителей Молдавии, уничтоженных его подручными, погибших от голода и болезней, колоссальные разрушения, причиненные оккупантами, ее авторами забыты. Не было, оказывается, концлагерей и расстрелов. После этого остается непонятным недоумение авторов по поводу того, что молдаване массами уклонялись от мобилизации в румынскую армию, дезертировали из нее, а после августовского переворота 1944 г. «подавляющее большинство их стало записываться в ряды Красной Армии». Спасибо, господи, за правду, но как она сказана! Это же речь прокурора времен Антонеску!

ЗМЕИНЫЙ ВОПРОС, ИЛИ ПРЕТЕНЗИИ К УКРАИНЕ

Румынизм был, является и, видимо, долго останется государственной идеологией Румынии. В сентябре 2004 г., на научной конференции в Черновцах, профессор-юрист, Чрезвычайный и Полномочный Посол Румынии Аурел Преда в докладе «Международно-правовой статус Трансильвании, Буковины и Бессарабии в XVIII-XX веках» прямо заявил: Да, Румыния готовится к вступлению в Евросоюз, и поэтому территориальных претензий соседним странам предъявлять не может. Но это не помешает румынам изучать и популяризировать историю областей, некогда входивших в состав Румынии либо преимущественно румынских по составу

населения. (Представим, что подобный подход провозгласят монголы! – П.Ш.) Далее профессор упомянул Бессарабию и Буковину, особо выделив «проблему» района Герцы и острова Змеиного в Черном море. Ссылаясь на законы Османской империи и международное право, маститый юрист тщился доказать, что молдаване права на государственность не имеют. И не только молдаване. Из построений румынского правоведа явствовало «право» Турции на политический контроль над Румынией, Болгарией, Грецией, Албанией, Молдовой, Крымом, Югом Украины, Кубанью, поскольку все эти страны русские отобрали у османов силой оружия.

Вопроса о том, как заполучили эти земли турки, авторы «Истории Бессарабии» не задают: задача у них иная. Но название Змеиного острова фигурирует уже в первой главе их работы. А далее читателю методично внушают, что «румынское пространство» простирается до Днестра и далее. «Северные окраины владений вольных даков, – набрасывают авторы контур границ «Великой Румынии», – граничили со Львовом, в то время как Восточные Карпаты и Днестр составляли естественную границу с востока и запада...» Историкам и археологам известно, что это выдумки. К 106 г. римские легионы разорили Дакию, а даков распродали в рабство. Но теория континуитета основана на постулате, что они сохранились, и авторы книги повторяют его как факт.

Зачем? Это, с похвальной прямоотой указано в учебнике, требуется для исторического «обоснования» «возвращения территории междуречья Прута и Днестра к родине-матери» Румынии. И не только этой территории. В книге не раз перечислены «румыны отовсюду», якобы проживающие от Республики Молдова до «Киргизских пространств» и «от среднеазиатского пространства до Северного полюса». Судя по кругу затронутых в книге тем, «румынское пространство» включает ряд территорий Украины: Северную Буковину, Придунайские земли, «область Херца» и Закарпатье «по всей длине уродованной границы с Чехословакией и Польшей», Кадрилатер (Южная Добруджа, возвращенная Болгарии в 1940 г.), долины Дуная (в Болгарии) и Тимока (в Сербии и Македонии), сербского Баната, ряд районов Венгрии. Сбиваясь на неуместный в научной работе прокурорский тон, авторы выдают предполагаемую очередность территориальных притязаний Румынии. Придунайские земли, утверждают они, «противозаконно дарованы Украине»; Украине надлежит придать статус национального района территории компактного проживания румын в Закарпатье, согласиться с предоставлением двойного, украинско-румынского гражданства румынам Украины. В утешение украинцам отметим, что подобные упреки и претензии содержатся в книге и в адрес других соседей Румынии – Венгрии и Болгарии.

Попытка исторического обоснования территориальных притязаний, предпринятая на страницах «Истории Бессарабии», несомненно, соответствует воззрениям правящих кругов и верхов интеллигенции Румынии. Показательно, что авторы признают «полностью оправданными» и интервенцию 1918 г., и участие Румынии в войне против СССР, т.е. румынскую оккупацию Молдавии и части Украины, в 1941-1944 гг. Остается поблагодарить И.Скурту и членов его команды за искренность в вопросе об «оправдании» фашизма и агрессии.

ВО ВСЕМ ВИНОВАТА РОССИЯ?

Несостоятелен в научном и нравственном плане антирусский и антирусский вектор творения И.Скурту и его команды. Россия и русские плохи для авторов всегда. Авторы «Истории Бессарабии» осуждают все русское: «царский панславизм», русское православие, «советский режим». Но сформулированные ими конкретные претензии к России на редкость вздорны. Используя порочную «методику» двойных стандартов, они начисто отказывают России в праве на обеспечение собственных интересов.

Общее место антирусских построений – обвинения России в захватнических намерениях. То обстоятельство, что речь шла об освобождении Молдавии от турецкого ига, авторами забыто. Отказ Николая I в 1828 г. от присоединения Молдавского княжества к России, – несмотря на предложения турок и просьбы молдаван, – а также роль России в создании Румынского государства в схему империалистических амбиций царизма не укладываются, а потому в книге не упомянуты.

Не обоснован и другой проходной мотив «Истории Бессарабии» – «русификация». Под этим термином подана вся политика просвещения молдаван в XIX – начале XX столетия. Хотя тезис о «русификации» не подтвержден в ней ни одним фактом, глава, посвященная экономическому восстановлению и социально-политической жизни Молдавии в 1944-1952 гг., почему-то названа «Русификация Бессарабии под советской эмблемой». В упрек Москве «демократами» из команды И.Скурту поставлен допуск русского языка в сферу образования, официального общения, массовой информации многонациональной республики.

Не Россию, а румынскую историографию характеризует позиция авторов: нет у румын беды, в которой не была бы повинна Россия. Россия, по их мнению, виновна в том, что, отдав в 1878 г. румынам отвоеванную у турок Добруджу, возвратила себе Придунайские земли, отрезанные от нее в 1856 г., после Крымской войны. Жизнь 100 тысяч русских солдат, полагают авторы, была отдана исключительно за независимость Румынии. Россия якобы виновна и в том, что в августе 1916 г. румыны, не предупредив Петроград, вторглись в Трансильванию. Русские не успели поддержать новоявленную союзницу, и австрийцы быстро разгромили доблестных румын. Русские войска, спешно переброшенные в Румынию, все же удержали часть Молдовы, сохранив Румынское государство, но об этом в книге – ни слова признательности.

Станным убеждением румынских историков в обязанности России защищать интересы государства, захватившего часть ее территории, отмечена трактовка событий 1939-1940 гг. Произвольным образом не Бухарестский мир 1812 г., а пакт Риббентропа-Молотова от 23 августа 1939 г., посвященный предотвращению советско-германской войны, пытаются они выдать за основополагающий документ государственной принадлежности Бессарабии. Статья 3 подписанного тогда же Секретного протокола гласит: «Что касается Юго-Восточной Европы, то советская сторона подчеркивает свою заинтересованность в отношении Бессарабии. Германская сторона заявляет о своей полной политической незаинтересованности в этой территории». Сталин заявил: «Бессарабию не трогать!», а Гитлер согласился. Кого компрометирует этот текст? Объяснения этому в книге нет. Столь же нелепы суждения авторов по поводу советского «ультиматума» от 26 июня 1940 г. о возврате Бессарабии. Во-первых, после румынской интервенции 1918 г. ультиматум был уместен. Во-вторых, его не было, поскольку советская нота не включала сведений о планируемых мерах воздействия на Румынию. Сталин предложил оккупантам убраться, и они, поняв, что Запад не поможет, подчинились.

Выводы, вытекающие из российских сюжетов «Истории Бессарабии», нелепны для Румынии. В 1849 г. русские под командой генерала Н.Паскевича прекратили резню румын, устроенную в Трансильвании венгерскими революционерами, в 1859 г. они при участии министра А.Горчакова и генерала П.Киселева способствовали созданию Румынского государства, в 1877-1878 гг. волей Александра II обеспечили ему участие в победоносной войне, независимость, территориальное приращение и выход к Черному морю, а после второй мировой войны волей И.Сталина, несмотря на румынскую оккупацию Бессарабии в 1918-1940 гг. и участие Румынии в войне на стороне Гитлера, помогли ей вернуть Северную Трансильванию. Тем не менее

авторы, выступающие с позиций румынизма, пытаются доказать, что русские, Русское государство и даже русская культура плохи. Что должен думать о них – или о правящих кругах Румынии – непредвзятый читатель, знающий факты истории? А ведь исторически совсем безграмотный человек эту громоздкую, скучную книгу вряд ли возьмет в руки.

ПРЕДПИСАНО ЗАБЫТЬ

Разрушение национального сознания невозможно без забвения народом своей подлинной истории. Видимо поэтому повествование о самом продуктивном периоде молдавской истории, 60 – 80-х годах XX века, сведено в книге к повторению очернительских заклинаний. Авторы ухитрились истолковать в негативном плане все, что обеспечило экономический и социально-культурный взлет молдавского народа в эти десятилетия и что, исходя из интересов молдавского народа, следует ценить: и обильное финансирование молдавской экономики из бюджета Союза, и индустриализацию, и рост сельскохозяйственного производства, и повышение образовательного уровня населения. Столь грубая тенденциозность, видимо, призвана отбить у читателя всякий интерес к изучению этого периода.

Легковесна, лубочно примитивна данная в книге трактовка событий 1988-1998 гг. Признавая враждебность большинства молдавской нации идее «объединения» Молдавии с Румынией, авторы оказались неспособны осознать закономерность такой позиции народа. Весь этот период они характеризуют как время упущенных унионистами возможностей. Лишний раз демонстрируя собственный антидемократизм и неверие в притягательность идеологии румынизма, они осуждают принятие в июле 1992 г. Закона о референдуме, статья 3(б) которого гласит, что «изменение статуса государственности Республики Молдова возможно только путем специального референдума», закрепление в Конституции 1994 г. лингвонима «молдавский язык». Выдавая свое истинное отношение к молдавской государственности, историки подобно авторам унионистской прессы называют Республику Молдова именем российской губернии и румынской провинции – Бессарабия, а ее законодательный орган – кишиневским парламентом.

И, наконец, язык перевода «Истории Бессарабии» может служить основанием для требований о принятии в Молдове закона «О защите русского языка». Дело не в загадках типа «швейцарский полуостров» или в незнании автором различий между эскадрой и эскадрилей. Русский текст книги изобилует стилистическими погрешностями, воспитывая у читателей скверный языковой вкус.

* * *

Тиражирование румынского государственного мифа в Молдавии представляет собой попытку навязать нашему обществу румынское видение прошлого, а значит, и будущего. Но «История Бессарабии» – вообще не история области между Прутом и Днестром. Это история основанной на мифах румынизма агрессивной бессарабской политики правящих кругов Румынии, неряшливо сработанный, открыто тенденциозный продукт политической пропаганды, созданный с презрением к фактам истории, в расчете на отсутствие научной критики, на читателей неосведомленных и не желающих размышлять. Ее документальная основа малодостоверна, поскольку включает измышления пропаганды, а также выдумки и мифы румынской историографии. Вместе с тем это попытка аннулировать и обесценить молдавскую историю. В части, посвященной «обоснованию» румынских притязаний на территории Молдавии и Украины, - это проспект агрессии.

«История Бессарабии» саморазоблачительна. В научном плане стрельба авторов по молдавской истории оказалась стрельбой холостыми снарядами. Приведенные в

ней факты опровергают концепцию ее авторов. Из опубликованных в книге сведений явствует: молдаване – суверенный народ, с собственными, отличными от румынских, национальным сознанием, историей, культурой, государственной идеей, национальными интересами. Изложив свою версию двух веков молдавской истории, авторы «Истории Бессарабии» не опровергли положений «Истории Республики Молдова». Предпринятая авторами книги попытка обосновать территориальные притязания румынских национал-радикалов ссылками на историческое право также несостоятельна.

Использование «Истории Бессарабии» в качестве учебного пособия нацелено на формирование у населения Молдавии безразличия к собственной истории, культуре, государственности, на идеологическое растление молодежи нашей страны, воспитание нового поколения в духе антимолдавизма, шовинизма и ксенофобии, и как таковое - недопустимо.

Русское слово. 2007. №2(142). Январь.

* * *

СОР ОТ СОРОСА, или Политический стриптиз унионизма

60 лет назад да и позднее люди верили, что, разгромив нацистскую Германию, они навсегда покончили также с идеологией фашизма. И поныне господствует точка зрения, что принципы западной демократии препятствуют возникновению и развитию неонацизма. Увидевшая на днях свет книжка Н.Кожокару со скучным и не очень понятным названием «Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде» (Кишинев.2005) вынуждает в очередной раз усомниться в справедливости этого мнения.

ЛОГИКА АБСУРДА

Сочинение издано на русском языке и на первый взгляд представляет собой некое послание нетитульному населению Молдавии, попытку обосновать требования по части этнополитического поведения, обращенные к нему якобы от имени мажоритарного этноса. О том, что это отнюдь не научный труд, можно понять уже потому, что автор, вопреки научной традиции, пытается заблаговременно отгородиться от «нетитульных» критиков. «Большинство тех, кто является потенциальными ее [темы его работы-П.Ш.] исследователями, – предупреждает он, – будучи нерумыноязычными, либо вовсе не приемлют идею адаптации, либо относятся к ней весьма настороженно». И, как увидим, оснований к тому более чем достаточно.

Сорок лет назад автор окончил целевую аспирантуру по кафедре исторического материализма Московского университета. Однако метод аргументации, используемый «философом», алогичен. Клянясь в приверженности «демократическим» и «европейским» ценностям, он пропагандирует шовинизм. Подчеркнув **«со всей категоричностью»**, что **«деление населения на автохтонное и пришлое или происходящее от пришлых людей отнюдь не является дискриминационным и не преследует цели обосновать для кого-то какие-либо привилегии»**, следующие 120 страниц текста, как и предыдущие пятнадцать, посвящает именно этому – попыткам обосновать национальную дискриминацию «нетитульных» граждан Молдовы. Признав, что **«многие молдаване, можно сказать это с уверенностью, не захотят лишиться тех преимуществ, которые дает им знание русского языка»**, он переходит к инструкциям, как следует вести себя «румыноязычным», чтобы заставить «нерумыноязычных» разговаривать на румынском. Признав, что идея «адаптации»

«не популярна ни в научных, ни в политических кругах», он, утратив представление о пределах политического цинизма, предписывает нетитульному населению Молдавии создать власовскую (или смердяковскую?) организацию, по задачам противоположную этнокультурным объединениям: Ассоциацию Сторонников Адаптации.

Книга проникнута чуждым научным трудам презрением к умственным способностям и историческим познаниям читателей. Жителей Молдавии автор делит на «автохтонных» и «неавтохтонных». Современных украинцев Молдавии, чьи предки живут здесь с VI века новой эры, он относит ко второй категории. Его изобретением является также новая национальная группа – «нерумыны» и языковое сообщество – «нерумыноязычные». Но самое потрясающее открытие «философа» заключается в том, что национальных меньшинств в Молдавии вообще нет! Воспроизведу этот пассаж, наглядно характеризующий уровень его научного мышления:

«Известно, что какая-либо этническая группа может быть рассмотрена как национальное меньшинство тогда, когда она стала таковой, проживая в пределах собственной этнической территории, куда со временем поселились представители других этносов, постепенно опередившие ее по численности (этот критерий служит ей основанием для выдвижения, в определенных условиях, права на территориальную автономию). То есть национальные меньшинства – это бывшие народности, даже нации или, скорее, части их. Как очевидно, таких этнических групп, которые имели бы основания считаться национальными меньшинствами в собственном смысле, у нас нет». А раз нет, то, по логике г-на Кожокару, нет и оснований уважать их закрепленные в Конституции права и интересы.

Примечательны по запутанности его рассуждения о содержании термина «автохтонный» (бэштинаш). Наиболее адекватный перевод этого слова на русский язык – «местный». Но, оказывается, не все местные жители являются также автохтонными. Только «некоторые» из живущих в Молдавии «нерумын», указывает автор далее, действительно являются «бэштинашами», т.е. местными. Не признавая «автохтонности» части сограждан, автор пытается забить клин в среду «нерумыноязычных», признавая местными только **«жителей тех украинских и липованских поселений, которые насчитывают несколько столетий. То же относится и к жителям болгарских и гагаузских поселений. Местными стали, видимо, и выходцы из семей, принадлежащих к различным национальностям, которые еще до 1918 года поселились дисперсно (разобщенно), преимущественно в городах Бессарабии...»** Однако и это, столь милостивое признание сведено на нет условием: «наследники которых в свое время прошли, так или иначе, адаптацию».

Почему, собственно, до 1918 года? Почему не до 1940-го, как предлагали парламентские «фронтисты» в 1990-м? Или до 1812-го? А может, – чего мелочиться? – пойдем далее, до 1359-го? Ответа на эти вопросы в книге нет. В таком случае, зачем все рассуждения на тему автохтонизма? А для того чтобы заявить: «Автохтонным» населением Молдавии являются «румыны». Все прочие – пришельцы. Чего с ними церемониться?

«АДАПТАЦИЯ» И «ИНТЕГРАЦИЯ» ЕСТЬ АССИМИЛЯЦИЯ

Что есть фашизм как идеология? Его стержнем являются шовинизм и расизм с особым уклоном в антисемитизм. Автор выходит на эти позиции исподволь, подстраховываясь демократической риторикой. Он пытается подвести некое правовое обоснование под юридически несостоятельное и неприемлемое в социальном, культурном и нравственном отношении положение об «обязанности» нетитульных

граждан Республики Молдова отказаться от собственной национальной идентичности.

Они обязаны «адаптироваться в автохтонной этнической среде». т.е. «к среде того этноса, с которым им приходится проживать совместно в стране, в которой они осели». Можно подумать, что русские, украинцы, гагаузы, болгары и другие «нетитульные» граждане только что прибыли в Молдавию и г-н «философ», выстроив их на перроне, диктует им условия натурализации. Поясняя смысл термина «адаптация», он ставит читателям в пример «некоторых русских», которые, «женившись на дочерях бессарабских румын», якобы забывали русский язык и давали основание для появления пословицы: «тата рус, мама рус, а Иван – молдаван». В число этих условий, по его мнению, входит согласие «нерумыноязычных» сограждан на денационализацию:

«Адаптироваться к автохтонной этнической среде для нерумыноязычных жителей республики означает свыкнуться со всем тем, что составляет содержание этнической среды румын из восточнопрутской Молдовы как части всего румынского этноса. [...] Имеется в виду прежде всего ознакомление с историей и автохтонной культурой в целом; усвоение и элементарное использование румынского языка; [...] Говоря обобщенно, адаптироваться к автохтонной этнической среде означает свыкнуться и считаться со всем тем, что в ней является подлинной ценностью – духовной, но не только – для тех, кому эта среда принадлежит, кто ценит ее (в том числе как наследие предков, память о них и одновременно дань им за их труд по ее созданию и за принесенные ими жертвы во имя ее защиты и спасения от истребления), желает обогащать ее новыми ценностями и сохранить для потомков».

А как быть с исторической памятью и духовными ценностями русских, украинцев, гагаузов, болгар, евреев, цыган, других национальных сообществ Молдавии, с их правом говорить на родном языке и выбирать язык воспитания и обучения своих детей? По вопросу о смысле «адаптации» автор, напустив словесного тумана, все же не оставляет места для сомнений. Вместо термина «адаптация», сетует он, используется словосочетание «интеграция иноязычного населения в общество». Как будто существующее общество сложилось год-другой назад и 40 процентов населения нуждаются в какой-либо «интеграции».

Интеграция, по мнению г-на Кожокару, есть насильственная ассимиляция нетитульного населения. Она неприемлема только в случае, когда речь идет о судьбах «автохтонного» народа: «Этническое исчезновение автохтонного народа имеет место с неизбежностью одновременно с утратой им родного языка». Судьба национальных сообществ, не относимых автором к разряду автохтонных, его не интересует. Отказ от родного языка он выдвигает как ультимативное требование к нетитульным согражданам. «Отсюда очевидно, – толкует он далее, – что о видах нерумыноязычных жителей на адаптацию к автохтонной этнической среде следует судить прежде всего по их отношению к румынскому языку».

ЗАПРЕТ НА УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Автор не скрывает своих задач: он идеологически готовит аннексию Молдавии румынским государством. При этом пытается заблаговременно отстранить «нерумыноязычных» сограждан от участия в решении вопроса о существовании молдавской государственности. **«Даже в случае необходимости принятия решения о воссоединении с Румынией, – предупреждает «философ», – неавтохтонные жители вправе требовать лишь то, чтобы им было гарантировано соблюдение их прав в соответствии с международными стандартами. Что же касается права решать, воссоединяться или нет, оно принадлежит исключительно автохтонным жителям...»**

Памятуя на чьи деньги будет издана книга, г-н Кожокару избегает высказываться о евреях. Но «философ» не удержался-таки от попытки оправдать политику режима Антонеску. «В румынском ареале, – отмечает он, – некоторые евреи не последовали этому мудрому уроку [т.е. включились в политическую жизнь Румынии], дав Коминтерну превратить себя в орудие большевизации, что в конце концов сильно повредило и им самим». Итак, в фашистском геноциде виноваты не тогдашние правители Румынии, а сами евреи? «Сильно повредило» – это сказано об уничтожении 300 тысяч ни в чем не повинных людей! Какова деликатность «демократа»!

Не утруждая себя аргументацией, автор отрицает правомерность существования термина «гагаузский народ», позволяя гагаузам считать себя только «этнической группой», которую царская империя «заманила» и поселила в Бессарабии без согласия «автохтонного населения», которого в Буджаке в те времена, когда татары откочевали в Крым, не имелось. Гагаузам, оказывается, надлежит быть благодарными за то, что автохтонное население «не подвергло их ассимиляции, как поступили с их соплеменниками на прежней родине». И сидеть тихо, не смея упоминать о своих гражданских правах.

АНТИМОЛДАВИЗМ

Учитывая отношение г-на Кожокару к молдаванам, сам он никак не отвечает собственным критериям адаптированности к «автохтонной этнической среде». На каждой странице демонстрирует он пренебрежение к истории и традициям народа, к которому принадлежал до 1989-го (или 1991-го?) года. Признавая существование «духовных ценностей, созданных восточнопрутскими молдаванами», автор избегает назвать их. Следуя своей извращенной логике, как заблуждение трактует он наличие у молдаван молдавского национального сознания и использование ими лингвонима «молдавский язык». Молдаван, отстаивающих молдавскую национальную самобытность, он с позиций «научного» румынизма обвиняет в приверженности **«примитивному молдовенизму»**.

Трудно понять недовольство автора чертами национального характера молдаван. «Некоторые из этих черт, – полагает он, – оказывали и оказывают им плохую услугу, когда при их проявлении забывали и забывают о мере. Таковы, к примеру, правила «Склоненную голову сабля не берет», [...] «оставь меня в покое и я тебя не трону», чрезмерное гостеприимство». Молдаване – уроженцы Левобережья Днестра, те вообще **«в большинстве своем были молдаване с искаженным национальным сознанием, чтобы не сказать о них больше»**. Больше сказать автору нечего, иначе что останется от тезисов румынизма? Но хочется, поэтому достоинства молдаван он выдает за пороки. На молдаван, поголовно владеющих русским языком и общающихся на нем, он возлагает едва ли не главную «вину» за наличие в Молдавии большого количества «неадаптированных» «нерумыноязычных». В общем, не тот народ, не румынский!

Как же его назвать? В этом «философ» не уверен, именуя мажоритарный этнос Молдавии либо «румынами», либо «восточнопрутскими молдаванами», «бессарабскими румынами» и «неотъемлемой частью румынского этноса» и лишь иногда – просто молдаванами. И даже туземцами, как принято было у европейцев называть пигмеев Центральной Африки, первобытные племена Океании, Австралии, Южной Америки. Язык молдаван «философ» из целевой аспирантуры презирует за его несоответствие стандартам румынского и называет туземным, соглашаясь, впрочем, с тем, что «отношение к **туземному языку** не должно быть абсолютизировано». Евреев Молдавии он снисходительно хвалит за якобы усвоенный ими опыт: «никогда не вмешиваться в споры между **туземцами**».

Наиболее провокационным антимолдавским ходом автора стала его попытка сравнить молдаван с «нерумыноязычными».

ИНСТРУКЦИЯ ПО НЕТЕРПИМОСТИ

Истинный «демократ» компрадорского разлива, г-н Кожокару скорбит по поводу того, что «выборы у нас происходят почти ежегодно», и гневно осуждает принятый международным сообществом **«тезис о том, что права человека приоритетны по отношению к правам нации»**. В конце своего сочинения он дает подлейшие рекомендации по вопросам национальной политики – подлинную инструкцию по национальной нетерпимости, изложенную на псевдонаучном жаргоне. Автор полагает необходимым:

– Вынудить международные организации **«выдвигать в их политике по отношению к России требование, чтобы она уменьшила поддержку антиадаптационных устремлений неавтохтонных жителей в экс-советских республиках, а затем и полностью отказалась бы от такой поддержки...»**;

– Подобные требования к России должны выдвигать власти самой Республики Молдова; для этого нынешнее правящее большинство следует заменить другим, «настоящему демократическим»;

– Департамент межэтнических отношений надлежит превратить в ведомство по адаптации «нерумыноязычного» населения к «автохтонной этнической среде»;

– Создать в Молдове **«благоприятное для адаптации информационно-воспитательное поле... в случае отвержения [...] этот фактор может стать, как минимум, генератором сильного дискомфорта для не желающих адаптироваться»**;

«Восточнопрутские румыны [...] должны говорить с иноязычными жителями на румынском языке[...] Мы считаем, что [...] автохтонные жители должны так вести себя по отношению к лицам, отвергающим адаптацию, чтобы последние почувствовали, что по этой причине их недооценивают или же ими вовсе пренебрегают; что отношение к ним было бы несравненно лучше, если соответствующие автохтонные лица могли заключить, что имеют дело с людьми, которые не только принимают адаптацию (согласны пройти ее), но и делают что-то реальное в этом направлении». Главной компонентой адаптации [...] **«является усвоение и использование румынского языка в непосредственном общении с молдованами [...]»**;

Далее следует рекомендация «автохтонным жителям» **«отвечать только по-румынски иноязычным жителям всегда, когда они будут обращаться к ним по-русски. Или, что для них будет еще хуже, не отвечать им вовсе»**. Инструктаж, рассчитанный на провоцирование гражданской войны, автор завершает смиренным заявлением о том, что **«ратование за такие коррективы никак не означает призыва к какой-либо агрессивности»**.

К межэтническому общению по модели, заимствованной в странах, где бывшие эсэсовцы проводят парады, молдаване не склонны. «Философ» понимает это, но полон решимости их «перевоспитать»: **«Остается научить молдован говорить с не пожелавшими адаптироваться почаще по-румынски»**.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ?

Изданная на русском языке книга Кожокару рассчитана отнюдь не на русских, украинцев, гагаузов, болгар, евреев, цыган и других «нетитульных» граждан Молдавии. Убедить их и их детей в необходимости денационализации невозможно. Аргументация автора оскорбительна также для национального достоинства молдаван, ценящих молдавскую национальную самобытность и гражданское согласие. Книгу

эту нельзя рассматривать в контексте межкультурного диалога. Она написана от имени немногочисленного, хотя и влиятельного в нашей республике клана политических компрадоров. Сочинение Кожокару подтверждает разрыв части титульной интеллигенции с молдавской традицией корректных межэтнических отношений, восходящей ко временам летописцев и Дмитрия Кантемира. Оно созвучно программам унионистских формирований Республики Молдова, враждебных молдавской государственности, и представляет собой неонацистский проект для Молдовы. Но является ли автор идеологом неонацизма?

Нет, Кожокару, возможно, о том не ведая, лишь повторяет постулаты, еще в 20-е годы XX века сформулированные небезызвестным автором «Майн кампф». Там, правда, вместо «нерумыноязычных» в качестве обвиняемых фигурировали евреи. Наш «философ» дал неуклюжую, лишенную внутренней логики перелицовку этого опуса, проиллюстрировав его материалами современной Молдавии. Его сочинение дает представление о том, каким видят будущее нашей республики унионисты, но и показывает, что аргументов, весомых в глазах и молдавской, и европейской общественности, у неонацистов нет.

Книга написана с позиций воинствующего румынизма, но соответствует ли ее содержание национальным интересам румынского народа? Попытка обосновать националистическое насилие, предпринятая Н.Кожокару якобы от имени «румын», провоцирует в Молдавии, Украине, России да и на Западе недоверие к политике Румынии. Объективно книга носит также антирумынский характер.

Военный разгром фашистской Германии, как показало время, не гарантировал мир от попыток возрождения идеологии и практики нацизма. Вызывает недоумение то обстоятельство, что неонацистская книга издана при содействии отделения Фонда Сороса в Молдове. Думается, финансирование подобных изданий представляет собой вмешательство во внутренние дела нашего государства.

Русское слово. 2005. №8(100). Апрель.

* * *

ПРИРУЧЕНИЕ ПАНТЕРЫ

Ренессанс этничности в конце XX века, давший некоторым ведущим исследователям основания определить все столетие как век национализма, состоялся на фоне нарастающих процессов глобализации. Для раскрытия сути проблем этнической идентичности поучительна притча о пантере. Пантера убивает, если ее преследуют, она убивает, даже если ей не причиняют особого беспокойства, но хуже всего – если, ранив, пытаются оставить ее в покое. Но даже пантеру можно приручить. Ответы на вопрос о том, как это сделать и на другие важнейшие вопросы, сформулированные этнологической наукой в кризисные 90-е годы, данные в труде академика М.Н. Губогло. «Идентификация идентичности» (М., Наука. 2003), аргументированы едва ли не исчерпывающим образом.[...]

Концепция множества идентичностей, основанная на понимании многокультурности как богатства, а не порока общества, предложенная автором вместо теории множественной идентичности, заслуживает особого внимания не только в силу своей новизны, но и потому что обоснована анализом материалов полевых исследований, проведенным с использованием различных подходов (когнитивного, конативного, атитьюдного). Применение этой методики позволило автору наглядно раскрыть факторы и технологии функционирования идентичностей в разнообразных сферах и ситуациях.

Одним из центральных сюжетов книги М.Н. Губогло стало обоснованное изучение менталитета граждан полиэтнического государства. Понимание соотношения и

взаимодействия идентичностей, правил, вмонтированных в контекст каждой культуры, дает ключ к пониманию сущности двух разновекторных тенденций – глобализации и индивидуализации, в том числе в сфере культуры, тенденций смещения этничности из сферы материальной в сферу духовной культуры и далее – в сферу политики, права, к прогнозированию поведения граждан при определенных обстоятельствах в соответствии с этнической ролью, – как и любой социальной ролью, – воспринятой ими.

Не только в научно-познавательном, но и в политическом плане ценен данный в монографии анализ такого явления, как выхолащивание содержания и структуры этнической идентичности, манипулирование этническим сознанием, его использования в качестве механизма достижения внеэтнических целей. Расшатывание этнической идентичности, удалось показать автору, осуществляется путем перетасовки, целенаправленной компрометации и обесценивания составляющих (самоназвание народа, наименование языка, родовая (историческая) память), объявления одной из них (например, язык) более важной, чем другие. Другим удобным приемом «размывания» структуры этничности, справедливо отмечает исследователь, служат попытки противопоставить «мы» – этническое «мы» – внеэтническому. В результате сравнивают не две этнические идентичности, – что было бы правомерно, – а идентичность этническую с территориальной, земляческой, региональной, культурной, гражданской и даже европейской и еще шире – с глобальной; результат такого сравнения нетрудно предугадать.

Важным преимуществом М.Н. Губогло является возможность сопоставить результаты уже проведенного им в других работах анализа текущих и незавершенных этнополитических процессов в новых независимых государствах с последними достижениями мировой этнологии. Его несомненная заслуга – выявление тенденций смещения этничности по линии хозяйство – психология – политика, парадоксального характера воздействия перехода к демократии и рыночной экономике на этнополитическую ситуацию в ряде регионов и этническую идентичность населяющих их народов. Поиски национальной идеи, предпринимавшиеся в 90-е гг. в России и других постсоветских государствах, справедливо отмечает исследователь, оказались безрезультатными. Неожидаанны приведенные в книге данные о довольно скромном месте этничности в системе идентичностей, полученные в ходе этносоциологических исследований в Поволжье. Так был ли XX век веком национализма? [...]

Знание структур, сути, характера и закономерностей взаимодействия и тенденций развития идентичностей, наверное, открывает возможность приручить пантеру шовинизма, проложить этническому сознанию маршрут развития в обход конфликтных зон. Однако не менее ценны выявленные автором методы «управления» этничностью. Их знание позволяет эффективно препятствовать демонтажу этничности, защищать национальные ценности, охранять этнокультурное многообразие человечества.

Исторический вестник Приднестровья. 2005. №9. С.157-158.

* * *

«Ярлык «русификация» был и остаётся ложью»

3 апреля [2008 г.] в Академии наук РМ состоялась презентация монографии известного историка Л.Репиды «Суверенная Молдова: история и современность».

С выходом книги Лукерью Евстафьевну поздравили академики Х.Корбу, А.Рошка, Д.Драгнев, А.Завтур, а также заместитель главы правительства В.Степанюк, коллеги

по Академии. За два последних десятилетия, отметил доктор истории, бывший депутат Парламента И.Грек, исследований, охватывающих весь период молдавской истории, издано немного. Это коллективная работа «История Республики Молдова с древнейших времён до наших дней» (координатор: В.И. Царанов, вышла двумя изданиями, в 1997 и 2002 годах) и монографии В.Н. Стати «История Молдовы» (2001, 2003); В.Ф. Степанюка «Государственность молдавского народа» (2006, 2007) и П.М. Шорникова «Молдавская самобытность» (2007). Сегодня этот ряд продолжен монографией Л.Е. Репиды. Чем же заслужила книга такое признание?

СУВЕРЕНИТЕТ – НЕ ТОЛЬКО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Молдавия – не только государство. Это и её многонациональный народ. Л.Е. Репида в понятие суверенитета включает право молдавской нации, а также русских и украинцев, гагаузов, болгар, других национальных сообществ, веками живущих на этой земле, сохранять этнокультурную самобытность и свободу выбора языка общения. Экономические, социально-политические и этнокультурные процессы в Бессарабии и левобережном Поднестровье рассмотрены ею в контексте России/СССР.

Новизна исследования заключается в новых положениях и выводах и новом обосновании существующих взглядов, основанном на анализе труднодоступных документов молдавской истории даже для учёных. В их числе – «Устав образования Бессарабской Области», подписанный императором Александром I 29 апреля 1818 года, и «Учреждения для управления Бессарабской областью», утверждённые десять лет спустя Николаем I. Впервые подробно рассмотрен такой объективный показатель оценки молдавским народом политики российского правительства, как участие уроженцев Бессарабии в защите Отечества в годы первой мировой войны.

Для читателя, знакомого с историографией Молдавии, очевидна скрытая полемика историка с авторами-румынистами. Отбросив даже камуфляж в виде странного термина «царизм», они чернят русский народ и Государство Российское и, разумеется, народ молдавский, для которого Россия была и его государством, ограждением молдавского языка, молдавского православия, молдавской культурной традиции. Напомнить этим авторам факты истории – значит вызвать шквал абсурдных обвинений. Отдав предпочтение аргументированному рассмотрению развития Бессарабии в составе Российской державы, а затем всей Молдавии – в составе СССР, Л.Е. Репида поступила ответственно в гражданском плане и корректно – в научном. Использование этого метода позволило ей доказательно опровергнуть ключевые мифы фальсификаторов молдавской и российской истории.

АВТОНОМИЯ БЕССАРАБИИ

Приведённые в книге факты позволяют усомниться в верности мнения о том, что в составе Российской Империи молдаване не обладали государственностью. В России приоритетом являлась безопасность, а не эксплуатация. Молдаван русские приняли как союзника, вставшего в строй её защитников. Для самих молдаван присоединение Молдавии к России стало проектом национального спасения ещё в XVII столетии, при господре Георгии Стефане. При Дмитрие Кантемире этот проект превратился в программу окончательного устройства национальной судьбы. В русско-турецких войнах молдаване сражались на стороне России. В 1812 году они приветствовали включение в её состав восточной части своего княжества. Они желали сохранения традиционных прав и вольностей, а не молдавской государственности. Оправдались ли ожидания молдавского народа?

Да, оправдались. В 1813 году Александр I подтвердил неизменность «прав и обычаев сей земли». «Бессарабская область, – повторил он в Указе 1818 года, – сохраняет свой народный состав, и вследствие сего получает и особый образ управления». Несмотря на государственную потребность в унификации управления, Николай I также сохранил права и привилегии молдаван – и традиционные, и дарованные им его предшественником на престоле. Молдавские бояре получили права русских дворян, безболезненно были включены в социальную структуру империи и другие сословия. Крепостничество в Бессарабии допущено не было. Предоставленный Бессарабии статус области, обоснованно отмечает историк, был выше статуса губернии. Это была территориально-административная автономия. Само существование Бессарабской губернии, где молдаване составляли этническое большинство, способствовало этнокультурной консолидации молдавской нации. В то же время западнее Прута, справедливо отмечает Л.Е. Репида, создание Румынского государства привело не только к ликвидации молдавской государственности, но и к «упразднению» молдавской народности.

Государство Российское предоставило населению Бессарабии все мыслимые в то время социальные и экономические льготы: налоговую, освобождение от рекрутской повинности, крестьян на полвека раньше, чем в собственно русских губерниях, объявили лично свободными, их участки земли в три раза превышали размеры наделов государственных крестьян в Центральной России. В администрации Бессарабии соотношение чиновников-молдаван и русских составляло 7:5. Это не были этнические привилегии. Льготы были предоставлены и зарубежным переселенцам – немцам, болгарам, гагаузам. Сельское хозяйство Бессарабии получило доступ к бездонному российскому рынку. Но главное, с 1806 до 1918 года на территории Бессарабии не велось военных действий. Данный в книге обзор социально-экономического и культурного развития Бессарабии и левобережного Поднестровья в XIX – начале XX века подтверждает: молдаване и другие жители области сумели использовать небывалые в истории Молдавии возможности. Неужели и эта политика нуждается в оправдании?

УДОБНАЯ ЛОЖЬ: «РУСИФИКАЦИЯ»

Русский язык функционировал в Молдавии изначально. Вспомним сообщение Григоре Уреке, летописца VII века: «Живёт русский язык в Молдавии...» Могло ли быть иначе в стране, где до 40 процентов населения составляли русские люди, а на славянском проводилось богослужение, составлялись государственные документы и летописи? Это не привело молдаван к забвению молдавского языка. Неужели к этому могло привести открытие русских школ и обучение в них также молдаван? Ведь молдавский язык функционировал во всех сферах деятельности, его преподавали в учебных заведениях. В Бессарабской области и сам язык, и лингвоним обрели официальный статус раньше, чем в Молдавском княжестве. «Устав образования Бессарабской области», утвержденный Александром I в 1818 году, установил для молдавского языка более либеральные условия функционирования, чем ныне действующий Закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова» – для русского:

«[...] Дела в Совете производятся на Российском и Молдавском языках, по роду для них свойственному, то есть: распорядительные, казённые, уголовные и следственные [дела ведутся] по-Русски и по-Молдавски с соблюдением узаконений Российской Империи и с сохранением прав и обычаев земли в отношении защищения частной собственности; а Гражданские тяжёлые и межевые дела отправляются на одном языке – Молдавском и судятся по основанию законов и обычаев Молдавских.

Производство по делам уголовным и следственным имеет быть на Русском и Молдавском языках, а именно:

1. Допросы обвиняемых Молдавских уроженцев будут производиться на природном их языке т.е. на Молдавском, а протокол будет сочиняем по-Русски и по-Молдавски.

2. Решительные приговоры, по надлежащем их утверждении, читаны будут подсудимым на языке молдавском.

3. Члены Уголовного Суда, встречая затруднение в изложении мнения их Русским языком, пользуются правом писать оное на природном своём Молдавском.

В Гражданском судопроизводстве употребление Молдавского языка утверждается на основании и в обеспечение прав, преимуществ и местных законов, всемилоостивейшее предоставленных навсегда Бессарабской Области».

Красноречивы и другие приведённые в книге свидетельства несостоятельности тезиса о «русификации». Молдаване считали знание русского языка ценным достоянием, но к моменту революции 1917 года большинство их, увы, всё-таки его не знало. Позднее, в 30-е годы, в период румынской оккупации Бессарабии, когда всякий положительный отзыв о России власти трактовали как проявление «антирумынизма», историк-молдаванин Александру Болдур всё же признал: «Если провинция между Прутом и Днестром стала бы более славянской и русской, безусловно, за сто лет она бы полностью нивелировалась и не нашла бы по истечении этого срока и следов румынского в повседневной жизни, она не отличалась бы от остальных русских губерний. Сто лет не сумели радикально изменить эту провинцию. [...] Бессарабия сохранила свой специфический молдавский характер. Отличия ... оставались фундаментально ... в культуре и языке народа, деятельности православной церкви, самостоятельности провинции».

Молдаване не подвергались ни русификации, ни дискриминации. Не существовало ни политических формирований, с угрозами, проклятиями, уличными манифестациями, требующих запретить молдавский язык, ни политиканов, призывающих «избавиться» от молдаван. Ярлык «русификации» был и остаётся ложью, призванной «оправдать» политику румынизации в прошлом и в наши дни.

У СОСЕДЕЙ БЫЛО ИНАЧЕ

Вещи познаются в сравнении, поэтому рассмотрение национально-региональной политики, проводимой соседним государством, методологически оправдано. В 1856 году, когда Россия проиграла Крымскую войну, полосу земли вдоль Прута, Дуная и Чёрного моря, 8,3 тыс. квадратных верст, победители – Англия, Франция, Османская империя и Сардиния, – отторгнув от Бессарабии, передали в состав подчинённого туркам Молдавского княжества. В 1859 году княжество было включено в состав нового государства, вскоре названного Румынией. 8 ноября 1860 года в Болград, читаем в книге, к румынскому префекту явились приглашённые им старосты и поселенцы из числа местных болгар, чтобы обсудить вопрос о введении рекрутской повинности. Ранее колонисты были от этой повинности освобождены, и старосты болгарских сёл выразили префекту недовольство населения. Но официальный Бухарест был намерен побудить болгар к эмиграции. Заблаговременно подтянутая к зданию префектуры рота румынской армии открыла по представителям болгарского населения огонь. Было ранено 20 человек, часть раненых вскоре скончалась. Затем румынские власти начали отбирать у болгар земли, дарованные им русскими.

Политика устрашения и грабежа принесла искомые результаты. В течение года из Придунавья в пределы России переселились более 22 тысяч человек, треть населения этой территории. Оставшиеся в Придунавье бедствовали до 1878 года, когда Россия

победила турок в очередной войне и эти земли были возвращены в её состав. Взамен Румыния получила Добруджу и выход к морю, а из русской казны – огромную сумму в 535 тысяч рублей золотом. Это была стоимость недоимок, не выплаченных румынскому государству обнищавшими крестьянами Придунавья. Столь корректное поведение Петербурга не помешало румынским националистам возвести утрату бывшей российской территории в ранг национальной трагедии румын.

Сообщение о расстреле в Болграде дополняет существующую картину истории Бессарабии XIX века. К сожалению, не упомянуто в книге о других трагедиях тех лет. 3(15) апреля 1866 года валахский полк, подавляя движение за государственный суверенитет Молдовы, открыл в Яссах огонь по митингующим молдаванам. Убитых и раненых было на порядок больше, штыковую рану получил и митрополит Молдавии Калиник Миклеску. В том же году в Бухаресте, Яссах, Бырладе и Романе произошли антиеврейские погромы и беспорядки. А национальную политику Румынии в XX веке характеризуют «Бессарабская система» насилия и грабежа, массовые убийства мирных жителей при подавлении Хотинского, Бендерского, Татарбунарского восстаний, уничтожение евреев и цыган в годы второй мировой войны.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Закономерным образом особое внимание уделено автором ключевым – и наиболее фальсифицируемым – событиям молдавской истории XX века – 1918, 1924 и 1940 годов. Молдавское национальное движение 1917 года автор именует национально-освободительным. Но молдаване, явствуя из приведённых в книге фактов, были свободны и по-прежнему чужды сепаратизму. Молдавскую Народную Республику они провозгласили как административно-территориальную автономию в составе России. Вторжение румынских войск в Бессарабию в январе 1918 года представляло собой покушение на государственный суверенитет МНР. Оккупационный режим был установлен после боёв методами террора. Возрожденную Молдавскую государственность оккупанты ликвидировали, а затем приступили к ограблению населения и его насильственной румынизации. Стремясь нанести ущерб России, аннексию Бессарабии Румынией поспешно признали Англия, Франция и некоторые другие страны.

Развёртывание освободительного движения в Бессарабии Л.Е. Репида впервые в молдавской историографии рассматривает в контексте политического и этнокультурного сопротивления национальных меньшинств Румынии – венгров и немцев Трансильвании, украинцев Буковины. Выступая против национальной дискриминации и подавления своих языков и культур, румынизации нового поколения, они сформировали национальные политические партии, сеть национальных и религиозных общин, отстаивали своё право на образование и получение информации на родных языках. В отличие от этих движений Бессарабское освободительное движение было полиэтническим, и наиболее организованной его фракцией являлось коммунистическое подполье. Молдаване, другие национальные сообщества Бессарабии, удалось показать автору, сохранили концептуальный суверенитет, способность мыслить и действовать исходя из молдавских и региональных бессарабских, а не румынских интересов, и ориентацию на Россию/СССР.

На наш взгляд, нет оснований представлять работу органов Коммунистической партии (большевиков) по созданию в 1924 году Молдавской автономии как народное «движение за образование автономии». Молдавская АССР была учреждена по инициативе бессарабцев Г.И. Котовского, Павла Ткаченко (Я.Я. Антипова) и других, а также эмигрантов-румын в интересах подготовки освобождения Бессарабии от

румынской оккупации. Но молдаване левобережья Днестра оценили автономию как ограждение молдавской самобытности от развёрнутой на Украине политики украинизации. Создание МАССР, убедительно показано автором, обеспечило молдавскому населению субъектность и особо благоприятные условия для развития экономики и культуры.

Оправдались и расчёты революционеров. В МАССР были подготовлены кадры, сформировавшие в 1940 году ядро государственного аппарата союзной Молдавской республики. Свою поддержку такому решению своего национально-государственного вопроса молдаване наглядно продемонстрировали в годы Великой Отечественной войны. Они сражались в рядах Красной Армии, а в период немецко-румынской оккупации 1941-1944 годов сорвали экономические и мобилизационные мероприятия захватчиков.

ТАИНСТВЕННАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

Глубоким знанием сути происходивших процессов, естественным для Л.Е. Репиды – министра государственного контроля МССР, а затем автора фундаментальных исследований по истории рабочего класса и промышленности Молдавии, – отмечено повествование о развитии Молдавии в составе СССР в послевоенные десятилетия. 60-80-е годы XX века аргументированно показаны в книге как наиболее продуктивный период всей молдавской истории. Республика располагала реальным суверенитетом: парламентом, подотчётным ему правительством и возможностью самой определять экономическую политику и политику в сфере культуры. 60-80-е годы предстают в книге как «Золотой век» экономики и культуры Молдавии. Оснований для возникновения сепаратизма в республике не имелось.

Унионизм, показано в книге, представлял собой шовинизм, основанный на личных интересах. В Молдавии придание государственного статуса языку титульной нации практически не встретило возражений.

Движение «Унитате-Единство», «Гагауз халкы», организации рабочих требовали только предоставления такого же статуса русскому языку. Но противники суверенной Молдовы этого не допустили, поскольку им нужен был гражданский конфликт. Ситуацию осложнил также их курс на смену графики молдавского языка. Проследившая процесс выдвижения языковых требований, исследовательница выясняет, что их инициаторы изначально заменяли лингвоним «молдавский язык» формулами типа «язык народа, который дал название республике». Таким образом, одни и те же лица провоцировали межнациональную рознь и готовили переименование молдавского языка в румынский. Отказ от культурного суверенитета молдавской нации, закреплённый в законе «О графике молдавского языка», следует рассматривать в контексте курса на ликвидацию Молдавии как государства. И, наконец, распад СССР не только разрушил хозяйственные связи и привёл население Молдавии к нищете, но и лишил суверенитет Молдовы внешнего ограждения.

Историку в основном удалось ответить на вопросы «Как это было?» и отчасти «Кто виноват?» Да, в ход событий в Молдавии с 1988 года вмешиваются государственные службы Румынии, а на политической арене Молдавии действуют «лица, прошедшие до этого подготовку в спецслужбах США и других странах; люди аморальные, безудержные карьеристы, сделавшие ложь и предательство сутью своего безнравственного существования». Они располагают прессой, финансируемой из Бухареста, и доступом к электронным СМИ, издаёт историческую и филологическую пропагандистскую литературу, написанную в соответствии с идеологией румынизма, и беспрепятственно распространяют её в Молдове. Но вопрос следующего этапа

исследований – «Почему это стало возможно в нашей суверенной республике?» – ещё ожидает ответа.

Несомненный интерес представляют также приведённые в книге показатели деградации промышленности, сельского хозяйства, науки, здравоохранения, обнищания, массовой эмиграции и вымирания населения республики в 90-е годы. Аргументацию автора могли бы обогатить материалы работ последних лет издания. В тексте есть досадные опечатки. Но в целом книга представляет собой успешный опыт реабилитации молдавской истории, оболганной и обесцениваемой в курсе «история румын», от которого всё ещё не освободилась система образования нашей республики.

Русское слово. 2008. №15(179). Апрель.

Глава II.

МОЛДАВСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ

МОЛДАВИЗМ

В истории молдавского народа XX век ознаменован восстановлением утраченной в 1859 г. молдавской государственности. Молдавское этническое сознание, молдавская национальная идея, весь комплекс духовной культуры, объединяемый понятием **молдавизма**, во многом определили отношение молдаван к Российской Империи (в 1812–1917 гг.), к Румынскому Королевству (1918–1940, 1940–1944 гг.) и к России/СССР (1918–1991 гг.).

Молдавская идентичность сыграла важную роль в образовании Молдавской Демократической Республики (1917 г.), Молдавской автономии (1924 г.), ее преобразовании в союзную республику в составе СССР (1940г.) и в провозглашении независимости Молдавии в 1991г. Кризис молдавской идентичности, спровоцированный в конце 80-х годов XX столетия и не преодоленный и поныне, придает особую актуальность выяснению сугубо научного вопроса о сути молдавской идентичности.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МОЛДАВИЗМА

Основными составляющими национальной идентичности народа являются его самосознание и язык, использование особого лингвонима для его наименования. Появление названия государства «Земля Молдавская», «Цара Молдовой» («Страна Молдовы») свидетельствует о существовании молдавского государственного сознания. О самоназвании народа как признаке осознания этносом своего происхождения от общего предка и отличия от других этнических общностей упоминали еще в XVII и начале XVIII столетия молдавские летописцы Мирон и Николай Костины.[1] Самоназвание «молдаване», наименование государства «Земля Молдавская» мы находим в документах господарской канцелярии с конца XIV века.

Главными идеологическими текстами, в которых нашли отражение молдавская этническая идентичность и ценностная система молдавского народа, являются летописи. Летописание началось в Молдавии в XV веке, в правление Стефана III, за 120 лет до появления украинской летописи Самовидца и исторических заметок о Валахии, и по своему объему, информативности и идеологической насыщенности далеко превосходит последние. Из летописных источников XVI–XVIII вв., в которых используются этноним «молдаване» и лингвоним «молдавский язык», а также название страны Молдавии, наиболее представительными являются:

Поминальник Бистрицкого монастыря за период 1407–1552 гг.;

Анонимная Летопись Страны Молдавской (Бистрицкая летопись, 1359–1507 гг.);

Путнянская летопись (1-я редакция, 1359–1526 гг.);

Путнянская летопись (2-я редакция, 1359–1518 гг.);

Надпись на церкви в Белой долине (Рэзбоень, 1496 г.);

«Сказание вкратце о молдавских господарех отколе начашася Молдавская земля», Молдавско-славянская летопись 1359–1504 гг., сохранившаяся в русской Воскресенской летописи;

Молдавско-немецкая летопись 1457-1499 гг.;
Молдавско-польская летопись 1432-1564 гг.;
Молдавско-славянская летопись Макария (1504–1551гг.);
Молдавско-славянская летопись Евфимия (1541–41-1554 гг.);
Молдавско-славянская летопись Азария (1551–1574 гг.);
Краткая молдавско-славянская хроника (1359–1451 гг.)[2].

Представления молдаван о мире и о себе, система молдавских родовых ценностей, молдавская этнокультурная идентичность отражены также в грамотах молдавских господарей и других документах средневековой Молдавии, изданных румынскими [3] и молдавскими [4] историками, а также в серии историй Молдавии, озаглавленных «Летописецул Цэрий Молдовей» («Летопись Страны Молдавской»), написанных на молдавском языке летописцами Григоре Уреке (охватывает период 1359–1594 гг.), Мироном Костиным (1595–1661 гг.) и Ионом Некулче (1661–1743 гг.) Данные этих историй дополнены и уточнены в трудах Мирона Костина «Де нямул молдовенилор» («О роде молдаван») и т.н. «Польской хронике» (“Chronica ziem Moldawkih y Multansscih”, 1677г.), а также в труде Дмитрия Кантемира «Descriptio Moldaviae» (“Описание Молдавии»), написанном на латыни в 1716 г.[5].

Достоверность летописных данных подтверждена значительным и пополняющимся фондом документов официального делопроизводства, частной переписки, другими свидетельствами, обнаруживаемыми в Национальном архиве Республики Молдова и зарубежных архивах(6).

Богатейшим источником данных о молдавском самосознании, языке и культуре XIX в. являются труды молдавских писателей Георге Асаки, Алеку Руссо, Александру Донича, Михаила Когэлничану, Константина Негруци, Иона Крянгэ, Василе Александри, Константина Стамати, Михаила Эминеску и других[7].

Мнения выдающихся представителей интеллектуальной элиты, каковыми являлись летописцы и писатели–классики, показательны как свидетельства существования определенных взглядов в обществе. Но массовое сознание молдаван находило отражение прежде всего в устном народном творчестве. Представляется принципиально важным отметить особую ценность в плане выявления молдавского этнического сознания и молдавской этнокультурной самобытности именно молдавского фольклора: сказок, легенд, баллад, народных песен, обрядов.

МОЛДАВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РУМЫНИЗМА

Появление доктрины **румынизма**, отрицающей молдавскую национально-культурную самобытность, обусловлено политически. Получив в 1699 г. сюзеренитет над Трансильванией, монархия Габсбургов взяла курс на духовный раскол православных валахов. В 1701 г. в княжестве была учреждена униатская церковь, подчиненная Риму. Позднее группа трансильванских писателей и лингвистов – С.Мику-Клайн, П.Майор, Г.Шинкай и другие – приступила к пропаганде тезиса о том, что валахи – потомки римлян, и к «очищению» валашского языка от слов славянского происхождения. Учитывая, что еще в XVII столетии Мирон Костин и авторы трансильванских хроник иногда называли родной язык «римским» («лимба румленяскэ»), создаваемый таким образом литературный язык назвали румынским. Идеология румынизма, нацеленная на смену культурного кода трансильванских валахов, отчуждала их от молдаван и мунтян, а также от славянских народов, укрепляя их зависимость от Габсбургов, и австрийская монархия поддержала ее распространение. В 1780 г. было положено начало переводу валашской письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику. В 30-х гг. XIX в. был запущен в обращение двойной этноним «валахо-румыны»[8].

После объединения Молдавии и Валахии (1859 г.) процесс строительства нации в новом государстве, как и в большинстве стран Европы, сопровождался утверждением мифа об этнокультурной однородности при реальной разнородности его населения. В XX столетии стратегической целью внешней политики Румынии стала аннексия территорий соседних стран, где проживали восточные романцы. Аннексионистские цели правящих кругов Румынии определили позицию румынской историографии и по вопросу о национально-культурной идентичности молдаван. Историк Константин Рэдулеску-Мотру, изложивший в 30-е – начале 40-х годов XX в. основные постулаты этой идеологии в трактатах «Румынизм», «Румынская этничность», «Национализм» и других работах, определял румынизм как объяснение румынской этничности. «Румынская этничность, – утверждал он в 1942 г., – есть то, что обычно именуется также **Румынизмом**. Он содержит структуру, которую придало ему историческое прошлое, [и] энергетический потенциал, с которым румынской нации предстоит преодолевать неизвестность будущего». Пределы «румынского пространства» он определял ареалом проживания восточных романцев – от Адриатики до Буга [9].

Ядром исторической концепции румынизма является положение об общности происхождения, языка и исторических судеб валахов. На все известные в истории восточнороманские этносы – молдаван, валахов (мунтян), аромунов (куцо-влахов), мегленитов, истриотов, далматинцев – адепты румынизма ретроспективно распространяют этноним «румыны». Несоответствие двух мифов о возникновении народов – молдавского – о Драгоше и мунтянского – о Негру-воеводе – тезису о единстве всех «румын» румынистами в расчет не принимается. В лице виднейших своих представителей А.Ксенопола, Н.Йоргу и других румынская историография пыталась (и продолжает пытаться) обосновать также положения о континуитете, о непрерывности обитания «румынского рода» на протяжении более 2000 лет в «румынском пространстве», которое неопределенно очерчено территорией современной Румынии, Молдавии и смежных областей Украины и Болгарии, и о румынской нации как высшей форме румынской общности [10].

Главными историческими мифами румынизма стали Конспирация, Спаситель, Объединение и Золотой век. Формируя идеологические предпосылки подавления молдавской самобытности и ассимиляции национальных меньшинств, румынисты игнорируют полиэтнический состав населения «румынского пространства» в прошлом и в настоящее время, представляя историю этих этнически и исторически различных территорий только как «историю румын». В целях политического сплочения румын, формирования у них синдрома «осажденной крепости» соседние народы представлены как извечные их враги, которые на всем протяжении румынской истории неутомимо умышляли против «румынского рода». Спасителя румын адепты румынизма видят в «сильных» правителях, жестоко расправлявшихся с оппозицией: то в Михе Храбром, то в сателлите Гитлера военном диктаторе Румынии времен второй мировой войны Ионе Антонеску, а то и в садисте Владе Цепеше, «князе Дракуле», ставшем в европейской исторической мифологии символом патологической жестокости. Пик национального торжества румын, согласно этой концепции, был достигнут в 1918 г., когда Румынии удалось аннексировать Трансильванию, Бессарабию и Северную Буковину. Как «Золотой век» румынисты трактуют времена нищеты и политических метаний – 20 – 30-е годы XX в., – завершившиеся установлением фашистской диктатуры.

Традиционными приемами «обоснования» исторической концепции румынизма являются параллельное изложение событий, происходивших в Молдавии, Валахии и Трансильвании, с наибольшим размахом использованное А.Ксенополом, игнорирование существования молдавского национального сознания и молдавской этнокультурной самобытности, самоназвания молдавского народа и наименования его

языка. Н. Йоргу, автор 10- томной «Истории румын», написанной в 20 – 30- е годы, наиболее подробным образом обосновал главные мифы румынизма [11].

Эти мифы стали основными темами книги «История румын», написанной историком-румынистом Петре Панаитеску и впервые изданной в 1943 г. в период военно-фашистской диктатуры и антисоветской войны [12]. По сравнению с современными румынистами автор достаточно объективен. Он признавал наличие между языками жителей Молдавии, Валахии и Ардяла (Трансильвании) «незначительных» диалектных различий, славянское присутствие в Карпато-Днестровских землях не только в VI–XIII, но и в XVI –XVIII вв., славянский характер множества топонимов и гидронимов Румынии, славянское влияние на формирование румынского языка. У славян, констатировал П.Панаитеску, румыны позаимствовали христианство, а также свою «старинную социальную и политическую организацию». Несмотря на их славянские имена, упомянуты в «Истории румын» и создатель Валашского княжества Иванко Тихомир, и его преемник Сенеслав. Не стал классик румынизма оспаривать и происхождения термина «румыны»: «Крепостные крестьяне, – признал он, – назывались в Стране Румынской **румынь**, в Молдавии – **вечинь**»[13], т. е. «соседи».

Для румынистов П.Панаитеску ценен как последовательный приверженец культурно-языкового понятия нации, обретшего этнические черты именно в эпоху фашизма. В его «Истории румын» предпринята попытка представить историю трех различных по культуре, политическим традициям и роли в истории государств – Валахии (Мунтении), Молдавии и Трансильвании – как общую историю «румынского рода», и последовательно проведен курс на конфискацию молдавской истории и ее деятелей в пользу румынизма. Вопреки принципу историзма, при описании событий средневековья П.Панаитеску использовал лингвоним «румынский язык», замалчивая существование глотонима «молдавский язык», этноним «молдаване» пытался представить как наименование территориальной, а не этнической общности, пропагандировал антинаучные определения «румынское пространство» и «румынские страны».

«Найти» румынскую нацию в племенных союзах гетов и даков с точки зрения науки очень трудно; скорее это вопрос веры. Внедрение термина «румын» в официальный обиход в качестве этнонима даже в Трансильвании началось только в XVIII в. Молдавские национальные ценности отнюдь не изжили себя, и виднейшие молдавские просветители выступили против трансильванской «романомании». Георге Асаки (1788-1869 гг.) и Михаил Когэлничану (1817-1891 гг.) вошли в число основателей гипотезы «дакизма», согласно которой предками восточных романцев были не римские колонисты, а даки [14]. Эту идею с энтузиазмом поддержал Б.П. Хашдеу (1838-1907 гг.) [15], а румынский историк В.Пырван убедительно обосновал ее на основе анализа имевшихся в то время данных археологии [16].

Изучая вопросы формирования румынского языка, ясский профессор А.Филиппиде еще в XIX в. пришел к еретическому с точки зрения идеологии румынизма заключению об отсутствии между молдаванами и валахами генетической связи [17]. Это мнение поддерживали ведущий румынский филолог С.Пушкариу и ряд других исследователей [18]. Румынский славист Илие Богдан (1867-1919 гг.), уроженец Пруто-Карпатской Молдавии, признавая румынскую государственную идентичность, в этнокультурном плане считал себя молдаванином. В своих трудах он использовал этноним «молдаване» и лингвоним «молдавский язык». Критически относился к тезису о «римском» происхождении румын классик молдавской и румынской литературы Михаил Эминеску; в его творчестве преобладали формы молдавского языка. На позициях этнокультурного молдавиизма устояли один из крупнейших писателей Румынии XX в. Михаил Садовяну, историк и писатель начала

столетия Калистрат Хогаш, современный писатель Чезар Ивэнеску и некоторые другие мыслители-молдаване. Считаясь с этнокультурными реалиями, даже идеолог румынизма Н.Йоргу пользовался термином «молдаване», правда, исподволь пытаясь лишить его функции этнонима, употребляя как самоназвание населения одной из трех «румынских» стран [19].

Румынизм представляет собой отступление от традиции европейского сознания, склонного к экспертизе, призванной выявить объективную истину. Его научная критика дана румынскими же учеными. Г.К. Братиану в книге «Загадка и мираж: румынский народ», изданной в 30-е годы XX в., отмечал незавершенность процесса формирования румынской нации и оперировал понятием «молдавское пространство»[20]. Место исторической мифологии в механизме власти в Румынии и политическая бесперспективность апелляций румынистов к «историческому праву» наглядно раскрыты в трудах «Румынские исторические мифы» и «История и миф в румынском сознании», появление которых связано с именем историка Лучиана Бойя, – в первом случае он выступил редактором, во втором – автором. «Муссолини, – резонно отмечает Л.Бойя, – желал восстановить Римскую империю. Это было, как говорится, его право: почти тысячу лет Средиземное море было итальянским озером, а на латыни говорили от Испании до Болгарии и от Ливии до Англии. Исходя из истории, точнее, из миграционистской теории, мадьяр можно отправить назад на Урал, а американцев – в Европу, оставив индейцев свободными в их стране. Не говорите, что мы предлагаем нелепую игру; ту же игру мы встречаем и в нашей истории». Справедливо и указание автора на методологическую некорректность главного аргумента румынистов, лингвистического, в вопросе об обосновании принадлежности молдаван к румынской нации: «Молдаване хорошо знали, что говорят примерно так же, как мунтяне, ... но это не мешало им веками называть себя молдаванами, а не румынами» [21].

Таким образом, как система интерпретации прошлого румынизм представляет собой историческую мифологию. Однако для мифологии соответствие реалиям истории не является обязательным в принципе. Как этнополитическая идеология, этический код и модель этнического поведения румынизм оказался достаточно функционален. Поэтому история румынизма не осталась только историей мифа. Вытесняя из общественного сознания политически опасные исторические сюжеты, идеология румынизма уже около 150 лет является главным фактором формирования государственного и национального сознания населения Румынии.

В теоретическом плане румынизм, возможно, не самая радикальная в Европе этнополитическая доктрина [22]. Но, сформулированный в Трансильвании, в зоне острых межэтнических и религиозных противоречий, он изначально служил межнациональному размежеванию. Будучи призван обосновать приоритет мунтянского этноса в объединенном государстве, румынизм не был рассчитан и на уважение культурной самобытности молдаван. Поскольку как общерумынские были представлены мунтянско-олтянские культурные образцы, молдаване были поставлены в положение имитаторов, обреченных вечно оставаться догоняющими. Поэтому румынизм изначально предполагал конфликт с молдавиизмом.

В XX в. доктрина румынизма пережила пору конкретизации и радикализации. Ал. Авереску, румынский маршал и глава правительства (1918 г.), отношение правящих кругов Румынии к молдаванам сформулировал так: «Хотим Бессарабию без бессарабцев». Историк Н.Йоргу, которому также приписывают авторство этой фразы, подобным образом определил отношение румынизма к венграм и другим национальным сообществам Румынии, внося весомый вклад в подготовку идеологического «обоснования» национальной политики румынского фашизма[23]. До полной определенности идеологию румынизма довел ясский профессор-фашист

Александру Константин Куза. Удрученный политикой правительства И.Антонеску, особенно на оккупированных территориях СССР – в Молдавии и на юго-западе Украины, – основанной на этой версии румынизма, К.Рэдулеску-Мотру заключил: «Единственная позитивная идея националистов типа А.К. Кузы – изгнание чужаков из страны». Однако позиция самого К.Рэдулеску-Мотру была немногим менее радикальной. Иноэтничное население, полагал он, следует не изгонять из Румынии, а заставить служить румынским национальным интересам [24], что также являлось одной из задач национальной политики режима Антонеску.

Поскольку статус национальных меньшинств как этносов, лишь «терпимых» румынами, изначально определялся положением румынизма о «румынском пространстве», Румыния превратилась в едва ли не единственное в Европе государство, проводящее эффективную политику ассимиляции. В Пруто-Карпатской Молдавии уже к концу XIX в. было подавлено национально-культурное сопротивление молдаван. В Добрудже доля румын среди населения в 1880–1992 годы возросла с 28 до 91%, тотальная румынизация области стала фактом. В Трансильвании процент румынского населения с 53,8 (в 1910 г.) был доведен до 73,6 (1992 г.) [25]. К концу XX в. большинство живущих в Румынии немцев эмигрировало в Германию, а до 90 процентов цыган, более 60 процентов украинцев и 35 процентов русских старообрядцев-липован, помня о своем этническом происхождении, отдавали предпочтение государственной идентичности, при опросах именуя себя румынами.

Как идеология румынизм оказался востребован наиболее радикальными националистическими силами страны. С позиций румынизма было обосновано вступление Румынии в первую (в 1916 г.) и вторую (в 1941 г.) мировые войны, проведение политики террора и румынизации в Бессарабии и Северной Буковине в 1918–1940 годы и геноцида в Молдавии и на юго-западе Украины в 1941–1944 годы. Под лозунгами румынизма в марте 1990 г. были спровоцированы румыно-венгерские межэтнические столкновения в Тыргу-Муреш и массовая эмиграция венгров из страны [26]. В начале 90-х годов идеология румынизма была использована в подготовке гражданской войны в Республике Молдова и в пропагандистском обеспечении военных действий против Приднестровья [27].

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ МОЛДАВСКИХ ИСТОРИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Для авторов основных исторических трудов, изданных в 1900–1917 годах и затрагивающих молдавскую проблематику, – одного из крупнейших молдавских мыслителей XX в. Алексея Матеевича, члена Бессарабской губернской ученой архивной комиссии И.Н. Халиппы, протоиерея Н.В. Лашкова (Лашку), историка А.В. Болдура и других – молдавская национально-культурная идентичность была данностью [28]. Народ, к которому принадлежали, они называли молдаванами, а его язык – молдавским. Они пропагандировали язык, культуру и прошлое молдаван, способствуя обновлению исторической памяти молдавского народа.

В научное обоснование молдавской идентичности особенно значимый вклад внес в эти годы А.Матеевич. В трудах «Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка», «Молдавские похоронные причитания», «Религиозные мотивы в поверьях и обрядах бессарабских молдаван», «Молдавские празднования от пасхи до пятидесятницы», «Христианство в Бессарабии» и ряде других работ он выявил молдавскую языковую и богослужебную самобытность, обосновал необходимость их защиты от покушений латинизаторов, осуждал подавление языковой идентичности населения Запрутской Молдавии. Его литературное творчество не оставляет сомнений в его верности молдавской национально-культурной традиции и восточной геополитической ориентации.

Содержание публичного выступления А.Матеевича в мае 1917 г., записанного активистом прорумынской организации, и написанный самим поэтом по-румынски для кого-то из знакомых румын текст стихотворения «Наш язык» дали повод для утверждений о том, что в конце жизни он склонился к идеям восточно-романского интегрализма. Но стихотворение «Некоторым», написанное в июле 1917 г., за месяц до кончины, представляет собой этнополитический манифест, направленный против тех, кто желает «изменить свободный язык молдавских кодр»[29], подтверждает его приверженность молдавским национальным ценностям.

Историки, творившие в Бессарабии в период румынской оккупации 1918–1940 гг., по вопросу о молдавской национальной идентичности занимали противоречивую и двусмысленную позицию. Открытая защита молдавской самобытности лишала их возможности профессионального творчества и означала политический конфликт с властью. На уровне деклараций виднейшие из них: И.Нистор, А.Болдур и Шт.Чобану перешли на позиции румынизма, и в своих работах именовали молдаван «румынами», «бессарабскими румынами» или «бессарабцами», и реже, чем позволял себе Н.Йоргу, – молдаванами. Но они же издали труды, из которых следует: у Молдавии есть своя история, отличная от истории Валахии и Трансильвании, а мажоритарное население Бессарабии обладает этнокультурной спецификой, отличающей его от титульного этноса «остальной» Румынии. Даже румынист Ион Нистор (1876–1963 гг.) упоминал о «местных молдаванах», «красоте молдаванок», «молдавских селах», «молдавских хозяйствах», «молдавских обычаях», «молдавских школах» [30].

Несмотря на заявления о приверженности румынизму, наличие у молдаван Бессарабии в XIX – начале XX в. молдавского, а не иного национального сознания и использование молдаванами лингвонима «молдавский язык» подчеркивал в своих работах также Александру Болдур. В 20 - 30-е годы он отмечал молдавскую, – а не румынскую, – национально-культурную самобытность молдаван и явно избегал именовать их румынами[31].

Показателен этнополитический кульбит члена румынской академии Штефана Чобану. Угодливый конъюнктурщик, участник упразднения Молдавской Демократической Республики и попыток международно-правового оформления аннексии ее территории Румынией в 1918–1919 годы, он вместе с тем утверждал, что «Бессарабия в начале XX века имела свою собственную, национальную культуру...» В 1941 г., когда в Румынии правил диктатор И.Антонеску, Чобану опубликовал на французском языке книгу «Бессарабия: население, история, культура», в которой обосновал правомерность использования этнонимов «молдаване» и «молдавский народ», лингвонима «молдавский язык», формул «молдавская письменность», «молдавская традиция». При этом Чобану продолжал декларировать свою приверженность румынизму[32].

Изучение и популяризация этими исследователями молдавской истории и молдавской культуры способствовали сохранению молдавского национального сознания и молдавской культурной идентичности [33].

ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРУДАХ МОЛДАВСКИХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Образование в 1924 г. Молдавской автономии означало восстановление молдавской государственности, утраченной в 1859–1862 годах в результате образования Румынии, а также государственности 1917-1918 годов, упраздненной оккупантами, и как таковое способствовало упрочению молдавского сознания и культуры. В газете «Плугарул Рошу» публиковались статьи, посвященные молдавской истории. Однако разработка фундаментальных вопросов интересующей нас темы была начата только в 40-е годы, когда Молдавия обрела целостность и

статус союзной республики в составе СССР. Наличие у молдаван молдавского национального сознания, самоназвания «молдовень», молдавского языка и молдавской истории было наглядно раскрыто в научной и художественной литературе. Издание славяно-молдавских документов канцелярии господарей Молдавского княжества, осуществленное под руководством П.В. Советова, славяно-молдавских летописей[34], а также трудов молдавских летописцев и писателей-классиков облегчило исследователям доступ к главным источникам по истории молдавской национальной идеи и способствовало активизации научных исследований по проблематике молдавского средневековья. Отметив наличие у молдаван государственности, раскрыв оригинальный характер молдавского летописания и культурного процесса в Молдавском княжестве, В.М. Сенкевич и Е.М. Руссев еще в 40 – 50-е годы в общих чертах обосновали культурный суверенитет молдавского этноса[35].

В плане научного осмысления и популяризации молдавской истории, накопления и систематизации данных, раскрывающих своеобразие молдавской культуры, этапными стали обобщающие работы «История Молдавии»(1951 г.) и двухтомной «Истории Молдавской ССР» (1965, 1967 гг.) под редакцией академика АН СССР Л.В. Черепнина [36] и целостный очерк истории Молдавии XIV–XVIII вв., данный Н.А. Моховым в монографии «Молдавия эпохи феодализма» (1964 г.) [37]. В этих трудах убедительно обосновано положение о самостоятельном характере исторического процесса в Молдавии, раскрыты роль славян в генезисе молдавского народа и, в определенной степени, роль молдавской государственности в консолидации молдавского этноса, восточная геополитическая ориентация молдаван и их участие на стороне русских в русско-турецких войнах.

Указание на наличие государственности как фактора консолидации молдавского этноса, существование у молдаван сознания своего этнического единства, молдавских патриотических чувств, представлений о себе как избранном народе, через который Бог осуществляет свою волю, отмеченные в труде Н.А. Мохова «Очерки истории формирования молдавского народа»[38], стали шагом к выявлению роли молдавской национальной идеи в формировании геополитической ориентации молдаван в средневековье и в новое время. На древность самоназвания «молдаване» и молдавского самосознания справедливо указывал академик А.М. Лазарев (39). Решающая роль России в социально-политических преобразованиях в Дунайских княжествах и тем самым ее влияние на эволюцию молдавской национальной идеи в Пруто-Карпатской Молдавии в 20 – 50-е годы XIX в., а также в создании Румынского государства была наглядно раскрыта в трудах В.Я. Гросула и Е.Е. Чертана [40].

Неоспоримую фактографическую основу для преодоления упрощенной трактовки положения об общем происхождении мунтян и молдаван создал ввод в научный оборот данных антропологии. Сопоставив и обобщив результаты изучения находок археологов Молдавии и Румынии, московская исследовательница М.В. Великанова установила наличие антропологических различий между населением средневековой Молдавии и Валахии[41]. Группа историков-медиевистов во главе с членом-корреспондентом Академии наук Молдавии П.В. Советовым раскрыла типологические особенности развития феодализма в Молдавском княжестве; тем самым была доказана научная некорректность излюбленного румынистами метода параллельного описания политических событий в трех странах – Молдавии, Валахии и Трансильвании [42]. Для конкретизации этнодемографических условий формирования молдавского этноса особое значение имели результаты исследований П.П. Бырни и Л.Л. Полевого. Им удалось на материалах археологии и топонимики выявить полиэтничный состав населения Молдавии в XIV–XVII веках и направленность происходивших в княжестве ассимиляционных процессов [43].

Ввод в научный оборот новых сведений об участии молдаван в боевых действиях на стороне России в период русско-турецких войн XVIII – начала XIX века, осуществленный благодаря изданию ряда монографических и коллективных работ в конце 60-х–80-е годы, обогатил документальную базу данных о геополитической ориентации молдавского народа в новое время и дал дополнительные основания квалифицировать присоединение Бессарабии к России в 1812 г. как реализацию программы молдавского национально-освободительного движения [44]. Данные о массовой миграции молдаван из Молдавского княжества в Бессарабию, опубликованные В.С. Зеленчуком, убедительно обосновали давнее положение о том, что условия Бухарестского мира 1812 г. представляли собой реализацию воли молдавского народа [45]. Механизм формирования корректных молдавско-российских этногосударственных отношений в последующий период раскрыт в трудах академика Я.С. Гросула об экономической и социальной политике российского правительства в Бессарабии в XIX в. [46].

В контексте изучения молдавской языковой и национально-культурной самобытности выдающимся достижением явились выявление, систематизация и описание специфики молдавской речи, а также обоснование лингвистической географии молдавского языка. Основные результаты этой работы, опубликованные в «Молдавском лингвистическом атласе» [47], в коллективном труде «Молдавская диалектология» [48] и обширной специальной литературе, особенно в трудах академика Н.Г. Корлэтяну, члена-корреспондента АН МССР Т.П. Ильяшенко, профессоров А.И. Чобану, А.Т. Борща и других исследователей, и поныне сохраняют свою доказательную силу. Особенности молдавского разговорного языка, позволяющие выявить его отличия от румынского, систематизированы Р.Я. Удлером, В.А. Комарницким, А.П. Евдошенко, В.К. Павел и другими лингвистами [49]. Исторические условия формирования молдавского языка, обусловившие его отличия от других романских языков, наглядно раскрыты в труде Н.Д. Раевского «Контакты восточных романцев со славянами» [50].

Замечательным пополнением документальной базы молдавской национально-культурной, особенно языковой, самобытности стал Золотой фонд устного народного творчества, собранный, систематизированный и прокомментированный в 60–е годы XX в. коллективом фольклористов под руководством профессора И.Д. Чобану и изданный в серии публикаций из 16 томов [51]. В серии исследовательских работ, написанных по материалам молдавского фольклора И.Д. Чобану, Е.В. Жунгиету, В.М. Гацаком, В.А. Чиримпеем, А.С. Хынку, Н.М. Бэешу, Г.Г. Ботезату и другими исследователями, убедительно обоснован оригинальный характер устного народного творчества молдаван, что стало весомым вкладом в популяризацию этнокультурного наследия молдавского народа [52].

Изданием коллективного труда историков, филологов и этнографов «Молдаване», в котором обобщен богатый фактический материал, раскрывающий национально-культурную самобытность молдавского народа [53], и исследования «Формирование молдавской буржуазной нации», в котором был дан методологически важный анализ роли буржуазии и интеллигенции в процессе формирования молдавской нации [54], подведен предварительный итог этому периоду научного осмысления и обоснования молдавской национально-культурной самобытности. Систематизация артефактов молдавской национально-культурной идентичности и достижений молдавской историографии и лингвистики в сфере их осмысления была осуществлена в 70–80-е годы изданием на молдавском языке 8-томной «Молдавской Советской Энциклопедии», а также кратких (однотомных) энциклопедий «Молдавская ССР» и «Советская Молдавия» и других [55].

В 80-е годы своеобразие исторического пути молдавской литературы, ее связей с византийской, южно- и восточнославянскими литературами, процесс формирования молдавской этнокультурной самобытности, тематическая и стилистическая специфика на огромном фактическом материале наглядно раскрыты в трехтомнике «История молдавской литературы»[56]. Дополнительное обоснование самобытный характер молдавской духовной культуры получил также в трудах философов Д.Т. Урсула, Ф.М. Верцана, В.М.Смелых, В.Н. Ермуратского, П.А. Ковчегова и др. Им удалось проследить преемственность в развитии общественной мысли Молдавии. Весомый вклад в исследование вопросов молдавской этнокультурной идентичности был внесен в ходе осуществления проекта «Молдавские мыслители», когда была написана и издана серия биографий молдавских летописцев, ученых, писателей XVIII – начала XX в.[57].

Следующим этапом изучения процессов развития молдавского этноса на всем протяжении его истории была призвана стать подготовка обобщающего труда по истории Молдавии. Однако первая попытка подготовки такой работы оказалась малоуспешной. Стремясь избежать полемики с румынскими историками, редакторы книги «История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней»[58], увидевшей свет в 1982 г., исключили из нее вызывающие наиболее резкие возражения румынских коллег вопросы молдавского этногенеза, начиная с тезиса о непрерывности восточно-романского присутствия в Карпато-Днестровских землях, не упомянули о славянском населении на Внутрикарпатском плато в VI–IX вв., не акцентировали участия славян в формировании молдавской народности в XIV–XVII столетиях. Подобный подход сохранился и при подготовке 5-томного труда «История Молдавской ССР». Авторы первого тома, увидевшего свет в 1987 г.[59], также поддержали концепцию континуитета и, несмотря на отсутствие фактических оснований, признали присутствие волохов в Восточном Прикарпатье уже с XII в. Попыткой достижения компромисса стало упоминание таких причин возникновения этнокультурных различий между молдаванами и мунтянами, как включенность их предков в состав разных государственных образований, а также особенности их этнического окружения: южнославянское на юго-западе и восточнославянское – на северо-востоке. Второй и последующие тома 5-томника были написаны, но не изданы по политическим причинам.

Обзор основных направлений изучения истории Молдавии в 50–80-е годы XX в. позволяет утверждать, что специальное исследование национальной идеи молдаван в эпоху, когда национальные идеи других народов, – начиная с русской, – огульно определялись как реакционные течения общественной мысли, – в научных учреждениях было невозможно. Само понятие «молдавизм» в научном обороте отсутствовало. Дабы не давать повода для полемики с румынскими коллегами, ученые Молдавии лишь обозначали темы молдавско-румынских языковых различий, молдавско-валашских межгосударственных и межэтнических отношений, движения за восстановление Молдавского княжества в 60-е годы XIX в. и молдавского этнокультурного сопротивления румынизации. Даже при исследовании трудов молдавских писателей–классиков оставался нераскрытым этнополитический контекст литературной борьбы того времени. Не получил научной оценки перевод молдавской письменности с кириллицы на латинскую графику в 60-е годы XIX столетия. По существу историография формировала у молдавской общественности безразличное-если не положительное-отношение к подавлению молдавской этнокультурной самобытности в процессе формирования румынской нации.

Не все необходимое делалось для пополнения источниковой базы молдавизма. Не было осуществлено подлинно научное – в данном случае факсимильное – издание трудов молдавских летописцев, не увидели света полные собрания сочинений

молдавских писателей–классиков XIX в. Весьма содержательный труд по истории Молдавии, «Молдавский летописец» Варфоломея Мэзэрян, ряд других известных специалистам ценнейших источников по молдавской истории не опубликованы до сих пор. В отсутствие научных исследований, посвященных сравнительному анализу фольклора, литературы, течений общественной мысли Молдавии, Валахии и Трансильвании, специфика молдавской культуры остается недостаточно выявленной и отграниченной от культуры валашской, а затем румынской.

ПОПЫТКИ ИСТОРИКОВ-РУМЫНИСТОВ ОТРИЦАТЬ МОЛДАВСКУЮ ЭТНОКУЛЬТУРНУЮ САМОБЫТНОСТЬ

На рубеже 90–х годов XX в. недоработки исторической науки Молдавии были использованы унионистами в целях демонтажа молдавской государственной и этнокультурной идентичности. По иным, социальным и политическим причинам, в момент, когда национализму в жизни Молдавии была отведена роль решающего политического аргумента, часть молдавских историков перешла на позиции румынизма. Им, причастным к научному обоснованию молдавской национально-культурной самобытности в 60 – 80-е годы [60], были известны документы молдавской истории, и они не могли не сознавать научную несостоятельность исторической концепции румынизма. Они приняли ее как идеологический императив, политический заказ и условие государственного финансирования их дальнейшей профессиональной деятельности.

Установочными в методологическом плане стали для румынистов Молдовы переизданная в Кишиневе в 1990 г. на румынском, а затем на русском языке монография П.Панаитеску «История румын»[61] и книга бывшего сотрудника Института истории партии при ЦК КПМ М.Брухиса «Россия, Румыния и Бессарабия: 1812, 1918, 1924, 1940» [62]. Но при написании собственных работ румынисты Молдовы взяли за образцы прежде всего современные румынские учебники[63], в которых изложение исторического процесса в «румынских странах» дано в более вульгаризованной, чем у П.Панаитеску, форме. В этих учебниках этноним «молдаване» почти отсутствует, а термин «румыны» используется даже применительно к населению Карпато-Дунайских земель античной эпохи; в них отсутствуют имеющиеся в книге П.Панаитеску сведения о славянском влиянии на развитие румынской культуры. По таким румынским образцам историки–румынисты подготовили серию собственных учебников по «истории румын»[64].

В отличие от их работ предшествующего периода, при написании этих учебников их авторы, сменив этнополитические подходы, лишь переписывают историю. Пытаясь проиллюстрировать основные темы исторической концепции румынизма, они мало заботятся об убедительности создаваемого ими «образа прошлого». Соучаствуя в конфискации молдавской истории в пользу румынизма, они именуют «румынами» всех деятелей Молдавии, начиная с легендарного воеводы со славянским именем Драгош, исторических первых господарей с такими же именами – Богдан I, Богдан II, Лацко, а также Стефана Великого, Дмитрия Кантемира и других. В «Кратком курсе лекций по истории румын» единственной теорией происхождения румын признана теория континуитета, в соответствии с которой «румынский народ, имеющий единые культуру, язык и национальную направленность, является прямым потомком дако–римлян всей древней Дакии»[65].

Игнорируя разновекторный характер социальных процессов, происходивших в средневековье в Валахии, Молдавии и Трансильвании, истинное содержание политических отношений между Молдавией и Валахией, особенно войны, историки–румынисты продолжают курс румынской историографии на маргинализацию молдавской истории. Необоснованно большое значение придается в их работах

эпизодам, связанным с мифологией румынизма, особенно оккупации Молдавского княжества в 1600 г. войсками Михая Храброго. Валашский воевода представлен носителем идеи румынского интегрализма, в действительности появившейся через два столетия после его гибели.

В стремлении оспорить правомерность применения лингвонима «молдавский язык» румынисты прибегают к подмене предмета дискуссии. Они обсуждают не историю языка и происхождение его наименования, отличия живой молдавской речи от норм общего литературного языка, а степень соответствия этим нормам живого языка современной Молдавии. Признавая существование отличий между румынским и молдавским языками, последний они именуют диалектом. При этом игнорируется многовековая история использования лингвонима «молдавский язык» молдаванами. Политический вывод формулируется антинаучно: «Один язык – один народ, один народ – одно государство»[66].

Согласно концепции румынизма, румынская нация не может включать в свой состав иную целостную культуру, отличную от нее самой, тем более другую нацию. Стремясь вытеснить из исторического сознания молдаван память о славянском участии в формировании молдавского этноса и славянском влиянии на развитие молдавской культуры, авторы учебников «истории румын» не упоминают о славянском населении средневековой Молдовы, замалчивают даже существование русина Яцко, одного из главных персонажей легенды об образовании Молдавского государства.

Таким образом, курс «история румын» представляет собой профанацию молдавской истории, попытку ее аннулирования и изъятия из общественного сознания. Преподавание «истории румын» нацелено на формирование у нового поколения безразличия к молдавской идентичности и молдавской культуре, на замену молдавского национального сознания румынским, на геополитическую переориентацию нового поколения и разрушение идеологических основ молдавской государственности.

МОЛДАВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Замена на рубеже 90–х годов XX в. замена курса молдавской истории этнической историей титульной нации соседнего государства означала концептуальную капитуляцию большей части, но не всего образованного слоя Молдавии. Идеологическое вторжение румынизма актуализировало молдавское национальное сознание. Хотя традиционная историография Молдавии стала альтернативной, разработка вопросов молдавской истории с позиций молдавизма была продолжена и в отсутствие государственной поддержки. Появление первых изданий в защиту молдавской идентичности было вызвано потребностями политической борьбы. В брошюрах историка В.Я. Гросула и филолога И.Д. Чобану, изданных в Тирасполе в начале 90–х годов, – ранее их варианты печатались в кишиневских газетах – были обоснованы права молдаван на собственную историю и культурный суверенитет[67]. На более обширном фактическом материале, почерпнутом главным образом из румынской литературы, удалось обосновать древность бытования самоназвания «молдаване» и лингвонима «молдавский язык» в монографии «Молдаване в истории»[68]. В ходе публичной полемики, последовавшей после выхода этой книги, термин «молдовенизм» («молдавизм») утвердился в молдавской публицистике, а затем и в научной литературе.

Достижения молдавской советской историографии 60–80–х годов в обосновании самобытного характера молдавской культуры и молдавской истории получили развитие в трудах сотрудников Приднестровского государственного университета

Н.В. Бабилунги, Б.Г. Бомешко, других приднестровских историков[69]. Разработка региональной истории увенчана выпуском в Тирасполе фундаментального двухтомного труда «История Приднестровской Молдавской Республики»[70].

Самостоятельный характер молдавской государственности, независимость исторического процесса в Молдавии от подобных процессов в Валахии и Трансильвании раскрыты в коллективной монографии «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» [71], подготовленной группой ученых во главе с членом-корреспондентом АНМ В.И. Царановым и изданной в 1997 г. под грифом Ассоциации ученых им. Н.Милеску-Спэтару. Авторы этого первого после провозглашения независимости обобщающего труда по молдавской истории изложили цельную концепцию развития молдавского народа, рассмотрев исторические события в пределах Молдавского княжества – до 1812 г., в 1812–1940 г. – в пределах Пруто-Днестровского междуречья и Левобережного Поднестровья, а с 1940 г. – в границах Молдавской ССР. Анализ вопросов этнической истории молдаван позволил им наглядно обосновать положения о праве молдаван на собственную историю и государственность[72]. В 1998 г. был издан дополнительный тираж, а в 2002 г. доработанный и дополненный вариант этой книги вышел вторым изданием [73].

В целом успешной попыткой создания энциклопедии молдавизма стал выпуск историком Василе Стати труда «История Молдовы в датах»[74]. Включенный в книгу перечень литературы, посвященной вопросам молдавского самосознания и молдавского языкознания, суждения деятелей истории и культуры, хроника молдавско-валахских войн и конфликтов не оставляют сомнений в независимом от событий в Валахии и Трансильвании характере исторического процесса в Молдавском княжестве, в реальности молдавской этнокультурной самобытности на всем протяжении молдавской истории, опровергают ряд мифов румынизма, в том числе о существовании между Молдавией и названными княжествами в XV–XVIII вв. отношений солидарности, антиосманского фронта «румынских стран».

Для дальнейшего обоснования древности самоназвания «молдаване», молдавского родового и национального сознания, лингвонима «молдавский язык» чрезвычайно важен критический разбор результатов исторических исследований 60-х годов, целенаправленно вытесняемых из научного оборота румынистами, данный в другом труде В.Стати – «История Молдовы». Привлечение фактического материала, труднодоступного даже для исследователей либо впервые вводимого в научный оборот, позволило автору уточнить содержание тезиса об общем происхождении молдаван и валахов. Не оспаривая наличия у двух народов общей латино-фракийской этнической основы, В.Стати указал на существенные антропологические различия между населением средневековой Молдавии и Валахии. Они, справедливо заключил исследователь, обусловлены не только длительным развитием молдаван и валахов в условиях взаимной изоляции, но и их различным этническим пополнением[75].

Картину этногенеза волохов и консолидации молдавской народности в составе Молдавского княжества, представленную В.Н. Стати, обогатили и позволили уточнить материалы трех монографий, опубликованных в 2000–2002 гг. Автором одной из них, Р.А. Рабиновичем, приведены убедительные объяснения отсутствию сведений о волохах в Карпато-Днестровских землях в эпоху «темного тысячелетия»: их просто не было в регионе. Тем самым вскрыта несостоятельность концепции континуитета. Период кристаллизации этноса, ставшего известным под именем «волохи», автор обоснованно относит ко времени между появлением в Северном Причерноморье готов и нашествием гуннов (375 г.). Венгерское слово «olah», означающее «влах», отмечено в книге, могло быть заимствовано только из немецкого языка и только догуннского периода. Бесспорных данных о присутствии волохов на

левобережье Дуная до начала XIII века, удалось показать исследователю, нет; в этом столетии имела место миграция волохов с правобережья Нижнего Дуная в Трансильванию[76].

С выводами о времени появления волохов в Трансильвании, обоснованными в названной работе, стыкуются данные, приведенные в коллективной монографии «И... разошлись славяне по земле»[77], посвященной славянскому периоду истории Карпато-Днестровских земель (VI–XIII вв.). Материалы этой книги, доказательные и благодаря использованию авторами данных археологии – достаточно детализированные, дают основания для пересмотра бытующих в исторической литературе представлений о масштабах участия славян в формировании волошского этноса, а издание в переводе на русский язык книги польского историка Здислава Сперальского «Молдавские авантюры»[78] пополнило данные об условиях формирования молдавского этнического сознания и культуры, о политических и культурных связях Молдавии с Польско-литовским государством и включенной в его состав Галицкой Русью, с другими восточнославянскими землями в XIV–XVII вв. Аргументация древности существования молдавской этнокультурной идентичности, приведенная историками-молдавистами, получила поддержку сотрудника Стэнфордского университета (США) Ч.Кинга, издавшего в 2000 г. монографию «Молдаване» в США[79]. Полемика в печати, вызванная изданием книги в переводе под неадекватным названием «Молдаване, Румыния, Россия и культурная политика», убедительно подтвердила возросшую потребность молдавского общества в реабилитации национальной истории.

Ценным вкладом в обоснование молдавского языкового суверенитета стал выход в свет еще одного труда В.Н.Стати – «Молдавско-румынского словаря» объемом 19400 слов[80]. Опираясь на классиков молдавской литературы и достижения лингвистики, применив предложенный Алеку Руссо метод исследования, основанный на выявлении языковых различий, исследователь наглядно раскрыл индивидуальности молдавского языка и его отличия от румынского, прочертив тем самым демаркационную линию между молдавским и румынским языками. Абсолютное большинство титульных слов, удалось ему показать, определены как «молдавские» классиками молдавской литературы В.Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, М. Садовяну и др., а также румынскими лексикографами в созданных ими толковых словарях румынского языка 1929, 1931, 1955–1957 и даже 1982 годов издания. Изданием МРС автору удалось подтвердить безграничные выразительные возможности молдавского языка и обосновать его место на высшей ступени в иерархии восточнороманских языков.

И, наконец, В.Н. Стати внес новый вклад в обоснование реальности молдавской этнокультурной идентичности в средние века, вновь рассмотрев государственную деятельность Стефана Великого, ставшего для последующих поколений молдаван воплощением всех достоинств[81]. Эта проблематика рассмотрена также в написанной с позиций молдавизма монографии В.Ф.Степанюка «Государственность молдавского народа»[82].

Труды историков-молдавистов 90-х годов XX в. представляют собой плодотворную попытку трезвой переоценки идейного и научного багажа предшествующей эпохи, чуждую как восхвалениям предшественников, так и недооценке их вклада в исследование проблематики молдавской этнокультурной идентичности. В научном плане защита ими молдавской этнокультурной самобытности от идеологического давления румынизма оказалась достаточно эффективна. Ими выявлены существование молдавского этнического сознания (с XIV века), приоритетность самоназвания народа «молдаване» и лингвонима «молдавский язык» сравнительно с этнонимом «румыны» и «румынский язык», установлены

основные артефакты молдавской идентичности в сфере культуры (язык, фольклор, литература).

Вместе с тем исторической наукой не раскрыта вся совокупность признаков молдавской национально-культурной самобытности, соотношение молдавского родового (этнического, национального) сознания и молдавской государственной идеи. Отсутствует и специальная обобщающая работа по истории молдавиизма. Хотя факт проживания в Молдавском княжестве многочисленного славянского населения общепризнан, тенденция описывать историю Молдавии как историю только молдавского этноса сохраняется, поэтому генезис молдавской идентичности, этнокультурные условия формирования молдавиизма не получили адекватного освещения.

Молдаване, как и любой другой народ, хотят уважать себя, свой язык, свою культуру. Им необходимо ясное представление о своем прошлом, о своей миссии в истории и задачах на будущее, ибо, как отмечал Михаил Эминеску, «без общих идей не существует народа» (83). Логика исторического познания и потребности молдавского общества требуют дальнейшего исследования сущности и структуры молдавской национальной идентичности, особенностей молдавского этнического и государственного сознания, этнообразующих функций молдавского языка, молдавской духовной культуры, молдавской государственности, молдавской Церкви, Молдавского права, типичных черт национального характера молдаван.

Основные положения и выводы данной работы, а также фактические данные, использованные для их обоснования, прошли апробацию в опубликованных автором монографических работах [84], в написанных им разделах обобщающих трудов [85], а также в серии научных и газетных статей.

Первый вариант статьи опубликован: Мысль. 2003. N2(20). С.63-72.

* * *

У КАЖДОГО НАРОДА – СВОЯ ИСТОРИЯ

Выход в свет труда Василе Стати «История Молдовы в датах» останется в исторической науке республики главным событием 1998 года. Находкой автора, позволившей ему высказаться по всем важным событиям молдавской истории, явилось написание политического трактата в форме хроники. Упоминая даты, В.Стати часто сопровождает описание емкими характеристиками политических событий, личностей, книг, выдержками из документов, научных трудов. Нередко в авторе берет верх ироничный писатель, и эти оценки превращаются в запоминающиеся маленькие эссе.

Неизменно эффективен излюбленный историком прием – бить оппонентов их собственным оружием. Пример тому – книга академика Шт.Чобану «Бессарабия. Население. История», опубликованная в 1941г.(!). В.Стати приводит почерпнутое из нее безоговорочное признание наличия у молдаван собственного молдавского национального сознания, молдавского языка, а также стремлений к воссозданию молдавского (а не румынского) государства в его исторических границах.

Глубокое знание источников и научной литературы позволило автору создать труд, отличающийся концептуальной новизной. Молдаване, отличающиеся от мунтян (валахов) даже антропологически, следует из приведенных в книге фактов, представляют собой народ, ставший в XIX веке объектом насильственной ассимиляции посредством включения в новое этнополитическое образование – «румыны». Содержание книги опровергает идею существования некоей общей для волохов и молдаван истории. Была своя история у каждого народа, у каждого государства.

Успешно решает автор задачу демифологизации истории молдавско-валашских отношений. В книге упомянуто участие валашских войск во всех вторжениях турок в Молдавское княжество. При Васлуе, Рымнике, Катлабуге и в других сражениях, выигранных Стефаном Великим, мунтяне, увы, выступали на стороне Оттоманской порты и других противников Молдовы. В последующие столетия княжества систематически оказывались в составе противостоящих коалиций, а то и в состоянии войны.

Другой константой молдавской истории обоснованно предстает восточная ориентация Молдавии. Развитие в Молдавии тенденций к интеграции с Россией опережало возникновение политических предпосылок их реализации в виде общей молдавско-российской границы. Со времен господаря Георгия Стефана (1655) до 1812 г. молдавское правительство 17 (семнадцать!) раз обращалось с просьбой о присоединении княжества к России. Положения Бухарестского мира 16 мая 1812 г. явились исполнением вековых чаяний молдаван.

Плодотворен данный в книге параллельный анализ судеб двух частей молдавского народа. Судя по оценкам валашских историков XIX века, население Западной (Запрутской) Молдавии сохраняло приверженность молдавскому государству. Объединение двух княжеств было осуществлено под давлением Англии и Франции. Проводимая Румынским государством политика подавления молдавского национального сознания, региональная дискриминация встретили сопротивление молдаван. Население Западной Молдовы сохранило молдавское национальное сознание и специфическую молдавскую речь, десятилетиями противилось внедрению латинской графики. Возникновение в Румынии Партии молдаван в наши дни предстает закономерным.

Избранный В.Стати метод позволяет читателю самому сформулировать оценку исторических процессов. В Бессарабии, явствует из его труда, десятилетиями оставалось в силе молдавское право, молдавский язык сохранял официальный статус, молдавское боярство вошло в состав российского дворянства, все население получило ряд льгот. Высказывания деятелей молдавской культуры о приниженном положении молдавского языка соседствуют с данными о создании учреждений культуры, открытии церквей, выпуске книг. И речи нет о дискриминации молдаван в сфере труда. Центр духовной жизни молдаван, свидетельствуют факты, к началу XX века перемещается в Восточную Молдавию.

Обзор событий 1917-1918 гг. позволил историку вскрыть более широкий, чем это считалось до сих пор, характер сопротивления румынской оккупации, оказанного населением Бессарабии. Против вторжения румынских войск боролись не только большевики. Молдавская Демократическая Республика объявила Румынии войну, ее правительство отдало молдавским частям приказ о выступлении на фронт. Решение об «объединении» было принято не в Кишиневе, а в Яссах. Сфатул Цэрий автор обоснованно квалифицирует как «слепое орудие в руках политических агентов, и не только румынских», а его решения о присоединении Бессарабии к Румынии – как принятые в обстановке, исключающей свободу волеизъявления, и, следовательно, неправомочные.

Доверие к автору внушает его презрение к политической конъюнктуре. Совокупность приведенных в труде сведений о советском периоде молдавской истории характеризует этот период как небывалую в истории Молдавии эпоху созидания во всех сферах: экономике, науке, культуре, образовании, здравоохранении.

Раскрывая истинную цену экспертных заключений по вопросам языка и графики, историк приводит поразительный пример фальсификации группой лингвистов из Академии наук Молдовы фундаментального труда «Молдавского лингвистического

атласа», изданного в 1968-1973 гг. В 1991 г. они опубликовали извлечения из него в виде брошюры «Румынский лингвистический атлас по областям. Бессарабия». Ключевая в брошюре карта «Молдавское языковое пространство», воспроизведенная В.Стати со ссылкой на книгу, изданную в Бухаресте в 1993 г, свидетельствует: существование молдавского языка и в Румынии признано как научный факт учеными, но не политиками.

Хроника вооруженного конфликта 1992 г. подтверждает мнение историка об этом событии как о подрывной операции, призванной создать в Молдавии условия для ее аннексии Румынией. О провокационных замыслах инициаторов конфликта свидетельствуют опубликованные в книге данные о нападении подразделения специального назначения МВД РМ на российскую воинскую часть в Кочиерах, о формировании оперативной группы МНБ Молдовы, направленной в Гагаузию с террористическим заданием и захваченной гагаузской милицией 24 мая 1992 г. в Чадыр-Лунге. Для истинных патриотов Молдовы в этом конфликте нет «чужих»; цифру жертв обеих сторон-участниц В.Стати дает общую – 940 убитых, более 4500 раненых.

Некоторые события истории Молдавии XX века, способные подкрепить авторскую концепцию, в книге не упомянуты. В их числе сведения о демографическом развитии Бессарабии в XIX веке, о партизанской борьбе в Молдавии в 1944 г., об экономическом взаимодействии республики с другими субъектами СССР в 1944-1991 гг. Остается сожалеть, что не нашла отражения в авторских комментариях общественная борьба в защиту молдавской кириллицы, по вопросам государственной символики Республики Молдова, события, связанные с проведением в республике Референдума СССР в 1991г.

Тем не менее, «История Молдовы в датах» представляет собой убедительное утверждение культурного суверенитета молдавской нации. Это подлинная энциклопедия молдавского сопротивления румынизму. Наряду с книгами «Молдаване в истории»(1994) и «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (1997) труд Василе Стати содержит научное обоснование идеологии молдовенизма – единственно возможной государственной идеологии Республики Молдова. Концептуальный характер книги, ее насыщенность фактами, точные политические оценки, взвешенные положения и выводы гарантируют ей научное долголетие.

Приднестровье (Тирасполь). 1999. 29 января; Glasul Moldovei. 1999. 30 martie.

* * *

МОСТ ЧЕРЕЗ ЗАБВЕНИЕ

Формирование нации, утверждал французский этнолог Эрнест Ренан, есть акт забвения составляющими ее народами своей действительной истории. Многие ли из современных французов помнят о том, что их предками были бургунды, провансальцы, аквитане, бретонцы, нормандцы? Труд Василе Стати «История Молдовы» (Кишинев, 2003) представляет собой попытку уберечь от исчезновения с арены истории народ, к которому принадлежит, – молдаван.

Книга замечательна уже тем, что является историей нашей страны, а не этнической историей другого народа, преподаваемой в учебных заведениях нашей республики. Первым трудом такого рода была «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», написанная коллективом авторов и изданная в 1997 г.; в декабре 2002 г. увидело свет второе издание этой книги.

Неоспоримы концептуальный суверенитет и профессиональная добросовестность ученого. Книга написана с любовью к молдаванам и уважением к другим народам, к

правде истории. В отличие от версий «истории румын», с 1990 г. введенной в программы учебных заведений вместо истории Молдовы, в данной книге ни один факт, не укладывающийся в авторскую концепцию, не обойден вниманием, каждый из них упомянут и оценен. Убедительно раскрыт процесс нациестроительства в Румынии путем конфискации истории и культурных достижений молдавского народа, исторических деятелей Молдавии.

Достижением исследователя является научная новизна его труда, обеспеченная прежде всего богатством и разнообразием использованных источников. Книга содержит массу сведений, почерпнутых из трудов, изданных во многих странах в XIX и первой половине XX века и большей частью недоступных даже специалистам. Эффективен излюбленный автором прием бить оппонентов их же аргументами, сопоставляя выдержки из их работ. Вскрывая научную несостоятельность и политическую реакционность положений и выводов адептов румынизма, их методы обращения с документами, автор наглядно разоблачает фальсификаторов и обесценивает их аргументацию. Научная полемика, которой насыщена «История Молдовы», придает ей публицистичность, в принципе несвойственную такого рода работам, но читается она с интересом, и это отклонение от академических традиций воспринимается скорее как достоинство.

Используя результаты исследований последнего десятилетия, ученый дал содержательный очерк молдавской истории с учетом трактовки ее событий не только в научной литературе, но в и периодической печати. Предпринятая в книге попытка дать объективную картину различных периодов истории Молдавии в целом удалась, анализ вызывающих особые споры сюжетов XIX и начала XX века, а также периода румынской оккупации Молдавской Демократической Республики и развития Молдавии в составе Союза ССР в 60 - 80-е годы представляет научный и познавательный интерес. На основании неоспоримых фактов и статистических данных историк справедливо квалифицирует последние три десятилетия как подлинный золотой век молдавской культуры. Задача защиты молдавской национальной идентичности, молдавского сознания, самоназвания народа «молдовень», лингвонима «молдавский язык» успешно решена. Исследователю удалось избежать и соблазна представить историю Молдовы как историю только молдаван. Книга содержит интересные сведения о славянском присутствии в Молдове на всем протяжении ее исторического бытия, о вкладе других представителей в развитие ее экономики и культуры.

Есть в книге и недоказуемые положения. Не подтверждены фактами – за отсутствием таковых – тезисы о якобы происходившей в XIX - начале XX века «русификации» молдаван, о борьбе за молдавский язык, которую как будто вели в этот период молдаване. Если к 1917 году всего 30% молдаван понимали русскую речь, если за весь XIX век ни один молдаванин не был наказан за сепаратистскую либо националистическую деятельность – за отсутствием таковой, – о какой русификации, о какой национально-освободительной борьбе может идти речь? Отступлением от принципа историзма является предъявление российскому правительству претензий по части невыполнения в XIX столетии демократических процедур, вошедших в мировую практику веком позже.

Представляется спорной критика принципов, согласно которым проводилось в 1940 г. административно-территориальное размежевание между Молдавией и Украиной; когда эти принципы были применены при формировании территории Молдавской АССР (1924 г.), это не вызвало возражений исследователя. Введение в Бессарабии в 1940 г. принятых в СССР социальных гарантий, медицинского обслуживания, наделение крестьян землей, установление гораздо более низких, чем в годы оккупации, норм налогообложения, надо полагать, было осуществлено не

потому, что власти стремились «произвести хорошее впечатление на население»; это был общий порядок, и власти не дискриминировали бессарабцев. Упоминания о «тоталитаризме», якобы царившем в Советской Молдавии в 60 - 80-е гг., наводят на еретическую мысль: а не был ли он благом, если создал условия для столь впечатляющего расцвета молдавской литературы и искусства, «извержения творческих способностей» молдавских литераторов и ученых?

Ошибочно утверждение о том, что в кризисные годы конца XX века русскоязычное население Молдавии якобы заботилось лишь о своих национальных проблемах. В 1989 г. Движение «Унитате-Единство» выступило в защиту молдавской кириллицы, а рабочий класс Молдавии, в том числе десятки тысяч молдаван, бастовал не против придания государственного статуса молдавскому языку; участники забастовки лишь требовали придания такого статуса также русскому языку. Депутатская группа «Согласие», как признает сам автор, помогала парламентскому клубу «Вяца сатулуй» остановить денационализацию молдаван. Во имя укрепления молдавской государственности русскоязычные депутаты голосовали в 1993 г. за досрочный роспуск парламента, контролируемого унионистами.

Тем не менее выход «Истории Молдовы» – ценный вклад в молдавистику. Изучение, накопление, научное описание и систематизация свидетельств самобытности молдавского народа, его права на собственное родовое имя «молдовень», на молдавский язык, на собственную историю и государство, последовательно и успешно осуществляемые Василием Стати, его борьба с политикой забвения прошлого обновляют историческую память молдавского народа, способствуют утверждению позиций молдовенизма, создают препятствия превращению молдаван в маргиналов румынской нации. Публикация этой и других работ по истории Молдавии укрепляет духовные основы Республики Молдова. Эту историю должно знать новое поколение молдаван. Все содержание рассмотренного труда свидетельствует: курс молдавской истории, яркой и поучительной, должен быть возвращен в учебные заведения.

Русское слово. 2003. №3 (47). Февраль.

* * *

УТВЕРЖДЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Дожили! Впервые в истории независимой Молдовы предметом ажиотажного спроса стала книга *Молдавско-румынский словарь*, составленный Василе Стати. В магазине «Штиинца», когда часть тиража, поступившая в продажу в этот день, была реализована, у прилавка возник митинг. Одни покупатели расспрашивали продавщиц, есть ли *Словарь* на складе, другие по принципу «я Стати не читал, но я его осуждаю» возмущались изданием такой книги. И те и другие высказывали подозрение, что продавщицы скрывают такую замечательную / возмутительную книгу с целью спекуляции. Через пару дней, когда я «достал» *Словарь*, в троллейбусе соседи заглядывали через плечо, спрашивали, где купил, и начали выяснять перевод молдавских слов. Откуда такой интерес к справочному изданию?

Идея выпуска молдавско-румынского словаря не нова. В таком словаре на всем протяжении XX века нуждались и молдаване, и румыны. Обширные молдавско-румынские глоссарии сопровождают издания трудов молдавских летописцев, Иона Крянгэ, Михаила Садовяну, Калистрата Хогаша. В 1917 г. в кишиневской газете «Кувьнт Молдовенеск» была дважды опубликована информация о предстоящем издании молдавско-румынского словаря объемом 10 тыс. слов. В 1918-1940 гг. молдаване не читали румынских газет потому, что они, отмечали румынские наблюдатели, печатаются на языке, им непонятном. Чтобы сделать пропаганду

доступной, они вслед за Ионом Крянгэ были вынуждены призывать журналистов: «пишите более по-молдавски». В 1941-1944 гг. авторы справочных «Монографий» бессарабских уездов, написанных для нужд румынских оккупационных властей, составляли молдавско-румынские словники на сотни слов и выражений, румынам непонятных. Например имеющийся в архиве молдавско-румынский словник Т.Холбана (1943 г.).

Несмотря на огромную работу по систематизации явлений молдавской национально-культурной идентичности, выполненную молдавскими филологами, лингвистами, историками в 60 – 80-е годы XX века, в молдавской лексикографии отсутствовал труд, в котором были бы разъяснены молдавско-румынские языковые различия. С середины 50-х гг. исследования в молдавской лингвистике были по абсурдным политическим мотивам направлены в обход этой проблемы. Это привело к фальсификации лингвистической ситуации в молдавском обществе и создало условия для целенаправленной подгонки молдавского языка под стандарты румынского.

В 1989 г. во вводную часть Закона о функционировании языков унионисты вставили тезис о молдавско-румынской идентичности. В 1990 г. Молдова утратила контроль над собственной системой образования. Из программ учебных заведений были исключены не только история Молдовы, но и молдавский язык, и молдавская литература. Не спрашивая молдаван, эти дисциплины заменили преподаванием румынского языка, румынской литературы, истории румын. В литературный язык пустили поток неизвестных большинству молдаван слов и выражений, и разрыв между языком, на котором продолжает говорить большинство молдаван, и языком прессы, телевидения, радио, приобрел размеры, угрожающие этнокультурной целостности молдавского народа. Язык современной прессы Молдовы людям без филологического образования мало понятен. Для того чтобы разобраться в ворохе заимствований из французского, читателям требуется если не переводчик, то консультант. Таким образом, издание *Словаря* осуществлено в соответствии с логикой научного познания и потребностями общества. Заслуга составителя заключается прежде всего в том, что он реализовал идею, которая давно носилась в воздухе.

Объем книги В.Стати, а это 19400 слов и языковых форм, лишает смысла дискуссию о научной целесообразности издания молдавско-румынского словаря и убедительно подтверждает молдавскую языковую самобытность. Казалось бы, какие могут быть политические претензии к человеку, который подвел под общеизвестную научную истину столь впечатляющую доказательную базу? Но часть интеллигенции уже осознала свой отказ от защиты молдавских национально-культурных ценностей как согласие с тем обстоятельством, что молдавской культуре отведена роль маргинального варианта румынской культуры. Поэтому в издании *Словаря* она усмотрела нравственный упрек. А упреки - кто же их любит?

Интеллигенты знают, что легализация курса на имитацию румынских языковых стандартов поставила молдаван в положение вечно догоняющих. Румынский язык за 150 лет пережил более 70 реформ и продолжает эволюционировать. В самой Румынии сохраняются региональные языковые особенности, в том числе молдавские. Какую речь имитировать молдаванам – бухарестскую, олтянскую, марамурешскую или все-таки молдавскую? В языковом плане «угнаться» за румынами невозможно в принципе. И, главное, зачем? Зачем предоставлять любому румыну возможность экзаменовать молдаванина на знание румынского языка, внушать ему сознание его, молдаванина, культурной неполноценности? Сам факт выпуска *Словаря* – акт восстановления молдавского национально-культурного суверенитета. Словарь дает молдаванам языковые ориентиры, напоминает, что для того чтобы чувствовать себя уверенно при общении с жителями Румынии, вовсе не обязательно приспосабливать

свой язык к олтянской речи, а свое национальное сознание – к национальным предрассудкам румын и уровню их общекультурной неосведомленности.

Солідна источниковая база *Словаря*. Познавательно интересны литературные иллюстрации – выдержки из трудов Иона Крянгэ, Василе Александри, Михаила Садовяну и других выдающихся деятелей молдавской культуры XIX – XX веков. Эти извлечения по праву занимают почти половину объема *Словаря*, поэтому желающим поспорить с составителем придется дискутировать с классиками. Прав автор и в том, что не скрывает и другую часть источниковой базы своего *Словаря* - наиболее полные и корректные в научном плане словари, опубликованные в Румынии. Молдавские слова, приватизированные румынскими лингвистами, составители этих словарей отмечали как молдавские и буковинские. Но специалисты, для которых не секрет, что молдавский язык – это «мать румынского языка», понимают, что молдаване с тем же, если не с большим основанием вправе относить к числу диалектизмов и регионализмов большинство валашско-олтянских слов.

На рубеже 90-х годов XX века политические спекулянты вместо реальной картины жизни родной страны, ее истории и культуры вывесили перед глазами нового поколения экран с примитивными комиксами. Итог прискорбен. То что для самих манипуляторов национальным сознанием – только маскхалат, который они носят, охотясь в джунглях «переходного периода», часть нового поколения уже считает цветом их кожи. Самоназвание народа, к которому принадлежат по рождению, «молдовень» у них осталось только для общения в домашнем кругу с якобы «отсталыми» родителями, название родного языка «лимба молдовеняскэ» они произносить избегают. Но не вся молодежь столь подвержена идеологическим манипуляциям, большая ее часть мыслит и желает знать правду, в том числе о родном языке и его истории. В основном тираж *Словаря* раскупили именно молодые люди. Ознакомившись с ним, они поймут, что *Молдавско-румынский словарь* В.Стати – это аргументированное напоминание о реальности молдавской языковой традиции, о том, что языковые нормы, установленные академией наук Румынии, не всегда соответствуют исконно молдавским.

Показательна реакция на выход *Словаря* газет, редакторы которых, было дело, печатно жаловались на сокращение финансирования из правительственных фондов Румынии. Они пишут биографию составителя прозой и стихами, употребляя сильные выражения и попросту непотребные слова. Уровень этой критики – это их автопортрет, а ее эмоциональность подтверждает ее ненаучный, политически обусловленный характер. Пытаясь восстановить идеологическую цензуру в сфере исторических и лингвистических исследований, критики В.Стати выдвигают политические обвинения, начинающиеся приставкой «анти-». Но критики сознают, что ни навешивание ярлыков, ни сентенции филологических авторитетов, чья научная принципиальность осталась в 80-х годах, не могут опровергнуть реальность. *Словарь* есть, и *молдавско-румынские языковые различия тоже существуют*. Смехотворны попытки увязать выпуск словаря с некими конъюнктурными политическими соображениями. Любому человеку, знакомому с техникой такой работы, понятно, что составить словарь «на скорую руку», к такой-то дате, невозможно. Его подготовка требует работы на протяжении десятилетий.

Впрочем, возмущение этих кругов тем обстоятельством, что В.Стати провел черту между молдавским и румынским языками, – во многом наигранное. В действительности выходу *Словаря* рады и лингвисты-румынисты. Они раньше студентов обзавелись этой книгой и читают ее с интересом к печатному слову, какого не испытывали со времен «Перестройки». Будучи все же молдаванами, они довольны тем, что нашелся ученый, который элегантно утер нос «братям», с которыми у них брынза все-таки врозь и за деньги. И предвкушают гранты, которые получают на

подготовку и издание книг, призванных «опровергнуть» очевидное. Громить не столько *Словарь*, сколько его составителя они уже начали в прессе – в расчете на внимание спонсоров.

Если нападки на составителя по поводу самого факта лингвистического размежевания некорректны, то дискуссия по поводу обоснованности проведенной составителем демаркационной линии вполне уместна. Приятно увидеть в *Словаре* знакомые с детства молдавские слова **курекь, пепене, попушой, цэрнэ, колб, цинтирим**. Но не у всех молдавских слов имеются эквиваленты в языке румынском. Не является ли отступлением от принципа двуязычия превращение *Молдавско-румынского словаря* в *Толковый словарь молдавского языка*? Иногда вызывает сомнение принцип разграничения молдавской и румынской лексики. Я, например, считал, что **сысыяк, зэвор, пагубэ, зэбалэ, лозие, зэпэчит, бот, бутояш, пыслэ, пол, гутуй, чомаг** и многие другие слова – исконно молдавские, а в *Словаре* они фигурируют как переводы на румынский. Стоит ли отдавать соседям эту часть молдавского языкового достояния? Правомерно ли обходить молчанием вопрос о том, что традиционная молдавская графика – кириллическая?

Выход *Словаря* В.Стати наглядно показал, что можно переориентировать научные учреждения, но нельзя остановить мысль. Как никогда актуален вопрос о государственном финансировании научных исследований. Средства необходимо выделить ученым, которые осуществят сравнительный анализ лексического фонда, морфологии, фонетики молдавского и румынского языков, напишут труды о языке молдавских летописцев Григоре Уреке, Мирона и Николая Костиных, Иоана Некулче, а также классиков молдавской литературы, прежде всего Иона Крянгэ. Уже в 90-е гг. вышло добротное исследование Леонида Куруча «Комунитэць фолклориче молдобулгаре». Когда же будет написан труд, посвященный выяснению молдавско-валашских фольклорных общностей и расхождений? В Молдове едва ли не каждый год выходят книги по ономастике. Когда будут сопоставлены молдавская и румынская ономастика? Не пора ли для румынского читателя, а также для молдаван, обойденных полноценным образованием в 90-е годы, издать еще один словарь – румынско-молдавский?

Кампания очернения, развернутая в унионистской прессе Молдовы в связи с изданием «Молдавско-румынского словаря», это политическая кампания, и от ее исхода зависит быть или не быть в Молдове политической цензуре. Свобода выражения мнений, предусмотренных Конституцией, реализованная составителем, заслуживает одобрения.

Независимая Молдова. 2003. 16 сентября.

* * *

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК МОЛДОВЫ – МОЛДАВСКИЙ «МОЛДАВСКО-РУМЫНСКИЙ СЛОВАРЬ» И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ГАЗЕТЫ КИШИНЕВА

*В футболе, в молдавском языке
и в сельском хозяйстве разбираются все.*

Академический фольклор

О *Молдавско-румынском словаре (МРС)* в русскоязычной прессе Молдовы пишут, и немало. Обстоятельного научного анализа содержания этого труда пока не появлялось, да и не газетное это дело – научные дискуссии. Удивляет другое: единодушие газет, политически ориентированных весьма разнообразно и

финансируемых из взаимно независимых источников, в оценках *Словаря*. Тон публикаций наших акул пера – неуместно игривый, а стиль – легковесный, большинству их в общем не свойственный. Приведем характерный пассаж:

«Голубое сало по-кишиневски. *Молдавско-румынский словарь* из той же серии, что глобус Украины и сало в шоколаде. Василе Стати освоил скандал как жанр литературы [...]

Параллелей более чем достаточно: обе книги «Голубое сало» Сорокина, которую путинские «Идущие вместе» объявили порнографической (и «Молдавско-румынский словарь» Василе Стати, «самая скандальная книга года»), агрессивно атакуют общепринятые правила и устоявшиеся нормы и получили скандальную славу, чем поселили в сердцах книготорговцев мучительные противоречивые чувства [...] Как бы не оказаться захлестнутым волной гнева кишиневских интеллектуалов и не получить на лоб ярлык мерзавца, которому все равно на чем зарабатывать.

[...] Отчетливый политический оттенок приобретает скандал вокруг творения Стати. «Молдавско-румынский словарь» – это целая канистра бензина, щедро выплеснута на очажок никогда не угасающей дискуссии [...], которая однажды уже стала одной из причин войны [...] Появление этой книги мгновенно увязали и с опубликованием концепции национальной политики[...] Критики глубоко сомневаются в том, что Стати лицо частное. Более того, многие уверены, что деньги на издание дала власть, и это дает повод для более широких политических умозаключений[...] Может быть, это и в самом деле политика, а может – всплеск неумной энергии автора, который тонко поймал конъюнктуру политического рынка. Персонаж комиксов, «сумасшедший ученый» давно заслужил право на жизнь и у нас – тем более если этот ученый вдобавок еще и политик...» (*Новое время*. 1.08.2003).

В том же ключе написаны и другие посвященные Словарю публикации, начиная с комментария газеты «Молдавские ведомости» (26.07.2003), сопровождавшего новость о его выходе. Бог весть откуда его автор взял, что Словарь якобы «издан по просьбе премьер-министра Румынии». Авторы из «Коммерсант Plus» пишут о «**так называемом Молдавско-румынском словаре**», призывая критиков «уделить особое внимание отнюдь не содержанию (sic!) словаря», который все-таки «богатый и объемный труд», а его составителю В. Стати, которого призывают не платить «дань политическому моменту» и «проигнорировать требования политических спонсоров» (15.08.2003). «Сторонний наблюдатель» молдавского языка из «Комсомольской правды» – тонкий знаток провансальского (в отличие от лингвистов Р.Будагова, Г.Степанова) и валлийского (в отличие от полиглота М.Габинского) языков – радуется «некоторыми перлами Василия Стати», им самим и выдуманным, таким, например, как «любитель женщин» (*Комсомольская правда*. 1.08.2003). Даже действительно знающий проблему и граждански неробкий автор из «КН» поддался прессингу румынизма и заявил, что «Книга Стати просто дерзкий розыгрыш, задиристая насмешка...» (*Кишиневские Новости*. 22.08.2003). Как будто можно шутки ради лет 20 собирать материал, а потом выдать на гора солидный том.

Авторы менее корректных публикаций измываются над *Молдавско-румынским словарем*, оскорбляют В.Стати, приписывая ему политическую крамолу. Хотелось бы напомнить не им, а читателям, что языковое сознание (глотоним, лингвоним) не устанавливается лингвистами, и заявления типа «Пускай лингвисты определяют, как следует называться многострадальному языку Молдовы...» попросту безграмотны. Лингвисты, чьи труды определяют современный уровень романского языкознания, – от А. Мейе, Л.Щербы до А.Граура, В.Пизани, Б.Казаку и М.Габинского, – уже

определили: глотонимия (автоглотонимия) – название (самоназвание) языка – это не языковое, а социально-культурное и национально-психологическое явление.

Призывы предоставить решение вопроса о наименовании языка лингвистам из команды ХДНП равноценны идее передать его на усмотрение лидера этой партии. А он, Юрий Рошка, уже разъяснил политический смысл споров вокруг глотонима, призывая своих сторонников «не отрывать глотоним от этнонима» и не допустить признания глотонима «лимба молдовеняскэ», поскольку это подтвердит существование «молдавского народа». Откровенен и другой поборник румынизации, академик М. Чимпой: «Поддержкой понятия «молдавский язык» преследуется цель: категорический отказ от румынской государственности Республики Молдова...» («Literatura si arta». 25.08.1994). И наоборот. Переименование языка молдаван в румынский влечет согласие с формулой о Молдове как «втором румынском государстве», а в перспективе – и с ликвидацией существующей молдавской государственности. Как оценивать намерения авторов таких призывов?

Известный молдавский публицист Виорел Михаил, а до него – румынский автор М.Р. Якобан, наглядно показали, почему румынская (и местная румынизаторская) пропагандистская машина так стремится дискредитировать и изъять из обращения глотоним «лимба молдовеняскэ» и этноним «молдовень». «Если есть **лимба молдовеняскэ** – есть **попор молдовенеск**; если есть **попор молдовенеск** – есть государство – **Республика Молдова**» (М.Р. Якобан, август 1994 г.). И наоборот: если нет молдавского языка, то нет и молдавского народа, а значит, нет и молдавского государства. А есть румынская провинция Бессарабия, ненароком обретшая независимость часть «Великой Румынии».

«Чтобы вы поняли, почему с таким остервенением борются за то чтобы узаконить термин «лимба ромынэ», – разъясняет Виорел Михаил, – приведем следующий силлогизм:

1. Допустим, что в Республике Молдова узаконили термин «лимба ромынэ».
2. После этого немедленно последует естественный вопрос: какое имя носителей «лимба ромынэ»? Ромынь, разумеется.
3. В какой стране должны жить все румыны? – В Румынии, разумеется!
4. Вывод: Республика Молдова – это искусственное государство, потому что заселено румынами» (*Săptămîna*. 5.09.2003).

Вот почему румынизаторы чернят и пытаются дискредитировать термин **лимба молдовеняскэ** и утверждающий его лингвистическую обоснованность *Молдавско-румынский словарь*!

Связь вопроса о наименовании языка с политикой журналисты сознают. Однако автор из газеты «*Кишиневский обозреватель*» (11.09.2003) заявляет, что «шансы и возможности гражданина сокращаются в случае продвижения лингвонима «молдавский язык» на государственном уровне». (В скобках отметим: с чего бы это?) Признавая, что «выбор в пользу лингвонима «молдавский язык» не может иметь негативных последствий», *Кишиневский обозреватель* усмотрел, что «применение какого-либо выражения («молдавский язык») сопровождается попытками создать ему реальную, практическую основу. Пример таких попыток – разработка и издание *Молдавско-румынского словаря*...» Далее обозреватель, раскавычив кого-то из авторов почившей «Цары», заявляет, что «последствием институционализации выражения «молдавский язык» станет узаконивание недостаточного знания и неправильного использования стандартного румынского языка...» Очевидно полагая, что идеологический «плюрализм» им противопоказан, большинство газет избегает публиковать авторов, чьи взгляды на *Молдавско-румынский словарь* отличаются от взглядов румынистов.

Но, господа, если уж вы хотите быть законопослушными и научно корректными, не забывайте, что согласно Конституции государственным языком Молдовы является все-таки молдавский язык, а не румынский. Лингвоним «молдавский язык» используется с XIII века (см. балладу *Миорица*), включен в европейский научный оборот с XVI- XVIII вв. (см. труды Гр. Уреке, М. Костина, Дм. Кантемира), и еще в 1831 г. согласно Органическому Регламенту, первой Конституции Молдовы, получил статус официального языка Молдавского княжества. И, наконец, с каких это пор и почему использование молдованами родного лингвонима узаконивает неграмотность? Ведь даже общую литературную форму молдавского национального языка и румынского национального языка создали молдаване М. Когэлничану, К. Негруци, Ал. Руссо, В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, М. Садовяну и другие писатели-классики, примеры из творчества которых составляют около половины всего объема *Молдавско-румынского словаря*.

Итак, румынский политический класс, румынские историография, филология, СМИ отрицают право молдаван называть свой язык молдавским из политических соображений, стремясь обосновать территориальные притязания Румынии. Но чего ради подыгрывают им «наблюдатели» из некоторых газет Молдовы, выходящих на русском языке? Не думаю, что журналисты стремятся выставить русскоязычных крайними в молдавско-румынском этнокультурном конфликте. Однако дело обстоит именно так, их публикации способны осложнить отношения между нетитульным населением Молдавии и молдаванами. Свидетельство тому – выдержка из статьи социолога А. Гросула, опубликованной в газетах «Коммунист» и «Молдова Суверанэ», характеризующей научную и политическую суть споров, развернувшихся вокруг *Словаря*, а также нежелательные последствия позиции, занятой некоторыми русскоязычными газетами.

«Уже сам объем *Молдавско-румынского словаря* (около 19.000 слов) является убедительным свидетельством особенностей, индивидуальности молдавского национального языка. Кто сомневается, пусть попытается доказать обратное. Пусть приводит доказательства. Научные. А не брань и дешевые хохмы, хамство или румыно-базарные ярлыки. С этой точки зрения лишены всяких оснований попытки предъявить политические претензии МРС и его автору... Уже при суммарном перечислении любой, даже русский до сих пор не изучивший молдавский язык, сможет убедиться, что абсолютное большинство титульных слов в *Молдавско-румынском словаре* определены как «молдавские» и подтверждены цитатами из творчества В. Александри, М. Эминеску, И. Крянгэ, М. Садовяну, Н. Гане, И. Сбиера и др., самими румынскими лексикографами в созданных ими толковых словарях румынского языка 1929, 1931, 1955-1957 и даже 1982 годов издания. Тем самым МРС подтверждает безграничные выразительные возможности сладкозвучного молдавского языка, обосновав его место на высшей ступени в иерархии восточнороманских языков.

Богатство и разнообразие слов/форм, выражений, характеризующихся в толковых словарях румынского языка как «молдавские», подтверждают вывод румынского академика Дж. Кэлинеску: «По сравнению с бедным мунтянским диалектом, язык ардялского крестьянина и особенно язык молдаванина находятся на более высокой ступени». (Печально, что очень «сторонние наблюдатели», возомнившие себя «знатоками» молдавского языка, до сих пор не узнали об этой широко известной истине.) *Молдавско-румынский словарь* ничего не выдумывает. Только напоминает и подтверждает. Все слова/формы из молдавского регистра были ранее опубликованы, в той или иной мере получили толкование в молдавских научных работах, определены как «молдавские» в очень авторитетных румынских толковых словарях. Так называемые

интеллектуалы, глобально-румынские ли, местнорусские ли, которые без стыда и совести кричат, что *Молдавско-румынский словарь* это, дескать, «нелепость», «абсурд», «мерзость», награждают этими очень «интеллигентными» характеристиками прежде всего румынских лексикографов, молдавских писателей-классиков, румынских издателей-составителей молдо-румынских лексиконов, приложенных к произведениям И. Крянгэ, М. Эминеску, В. Александри, М. Садовяну... Базарное, хамское охаивание здешними и ближними великорумынами вкупе уже и с некоторыми местными, но «сторонними» русскими, научной работы о современном обиходном словаре молдован чувствительно ущемляет национальное достоинство государствообразующей нации – молдован, оскорбляет их национальный язык.

[...] Правятся или нет валахо-олтянам, румынизаторам, местным русским «сторонним наблюдателям» молдавские слова – не имеет никакого значения. Это их, молдован, родные слова, усвоенные от родителей, унаследованные от предков. И когда иноязычные, румыны или русские обзывают их язык, хулят молдавские слова, издевательски насмеваются над научными работами по молдавскому языку, они недопустимо оскорбляют национальное достоинство молдован, сеют раздор, презрение, отчуждение к подобным румынам или русским, то есть раздувают румынофобию или другую фобию».

Стремясь дать читателям точку отсчета для оценки *Молдавско-румынского словаря*, далее А.Гросул с полным на то основанием рекомендует «хотя бы перелистать *Русско-украинский* и *Украинско-русский словарь* Д.Ганича и И.Олейника, где более половины слов являются фонетическими и семантическими дублетами в обоих языках, например: *Балка, баловать, банка, бездарный, водолаз, водокачка, вождь, мед, масло, масть, мозоль, мороз, моряк, муха, мяч* и т.д. и т.п., в том числе *сало*, в том числе *голубое*... И никто до сих пор (вышло уже 6-е издание, Киев, 1992) не возмущился, что якобы переводится с русского на русский или с украинского на украинский. В *Молдавско-румынском словаре* подобных взаимных идентичных фонетических и семантических дублетов нет. Что подчеркивает разность между этими близкородственными языками, выявляет особенности, индивидуальность молдавского национального языка. Тем самым доказывается научный характер и правомерность издания МРС. «Сторонние наблюдатели», возомнившие себя знатоками отношений между близкородственными языками, могли бы хотя бы перелистать *Русско-белорусский словарь* С. Грабчикова (Минск, 1993), где большинство из 15. 000 слов – полные фонетические и семантические дублеты в обоих языках! В МРС этого и в помине нет. Может знакомство с этими словарями, где хотя бы половина слов им понятна, поумерит высокомерие, издевательский тон и поучительный зуд всяких «наблюдателей».

Опираясь на классиков молдавской литературы и достижения лингвистики, В.Стати сделал очередной шаг по пути познания, прочертив демаркационную линию между молдавским и румынским языками. Анализ того, как он это сделал, - это задача научной критики, а не предмет для конъюнктурных спекуляций. Свои отношения с румынистами молдавские патриоты выяснят сами, они уже делают это и, как показывает выход *Молдавско-румынского словаря*, ряда исторических трудов да и газетные публикации последних месяцев, довольно успешно. И все-таки не дело русскоязычной прессы занимать в идущей ныне в молдавском обществе борьбе позицию “моя хата с краю” и тем более подыгрывать противникам молдавского национально-культурного суверенитета и существующей государственности.

Время [Кишинев]. 2003. 24 сентября.

* * *

ПОЛЕТ НАД ПОЛЯМИ ПАДЕНИЯ

Едва ли не любая книга на темы истории выявляет отношение автора к прошлому, а значит – и к настоящему и будущему страны, а в условиях нашей республики – также к самому существованию Молдавии как государства. Новое издание книги историка и филолога Василия Стати «История Молдавии в датах», как и первое, вышедшее в 1998 году, нельзя оценивать вне контекста всей исторической науки нашей республики, переживающей период прогиба под идеологическим, информационным и, главное, финансовым прессингом Румынии. Проблема не сводится к корыстному грехопадению ряда авторов с учеными степенями. В кризисные 90-е годы системе образования республики навязан антинаучный курс «история румын», включенный в программы вместо истории Молдавии; работы, написанные исходя из интересов не Молдовы, а соседнего государства, издаются в республике массовыми тиражами.

Рецензируемая книга представляет собой публичный демарш против «деисторизации» Молдавии, – в защиту самого имени «Молдавия», самоназвания народа – «молдаване», их права называть родную речь «молдавский язык», – во имя формирования в РМ «принципиального государственного вектора». Потребности «обоснования» притязаний Румынии на территорию Молдавии и ряда областей Украины вынуждают муссировать многие вопросы молдавской истории также румынистов. Их метод заключается не в замалчивании событий, а в их трактовке с позиций государственных интересов не Молдавии, а Румынии. В разоблачении этих фальсификаций, в демифологизации молдавско-румынских межгосударственных, межэтнических и этногосударственных отношений ведущая роль принадлежит Василию Стати. На протяжении последних двух десятилетий именно он играл ведущую роль в научном обосновании на новой документальной основе этнокультурной самобытности молдавского народа. Еще более важна его деятельность как популяризатора этих достижений исторической науки.

Стремясь высказаться по широкому кругу научно-значимых вопросов, автор верно выбрал форму подачи фактического материала. Книга построена как летопись. Перечень событий создает ткань исторического повествования, достаточно подробную карту молдавской истории. Заслуживает быть отмеченной методологическая корректность исследования. Обязательство соблюдать верность принципу историзма – использовать только этнонимы и топонимы описываемого времени, не допускать экстраполяции стандартов, критериев, терминов, появившихся в XIX-XX столетиях, на предшествующий период автору в основном удается выполнить. Исключив опубликованную в первом издании массу сведений о событиях в Валахии и Трансильвании, прямого отношения к истории Молдавии не имеющих, автор сделал книгу более целенаправленной. Поскольку В.Н. Стати – не только историк, но и общественный деятель, идеолог молдавизма, трактовка им фактов молдавской истории и его полемика с отечественными и зарубежными приверженцами румынского этногосударственного проекта выражают не только его личное мнение, но и позицию всей школы историков-молдавистов, а как таковые представляют не только познавательный, но и политический интерес.

ЛЕТОПИСИ, ЗАПИСИ, КНИГИ

История, гласит одно из определений предмета, есть политика, опрокинутая в прошлое. Предвзятое истолкование одних фактов истории и умышленное замалчивание других, опровергающих тенденциозную трактовку, может дать только временный пропагандистский эффект. В науке важно не то, у кого больше возможностей тиражировать свои взгляды. Достоинством рассматриваемой работы

является ее документированность. Данный в книге обзор источников по истории Молдавии обстоятелен и емко. Обосновывая свою позицию, исследователь приводит не только выдержки из молдавских летописей, составляющих Золотой фонд молдавской идентичности, из «записей» канцелярии молдавских господарей, трудов молдавских писателей-классиков, но и современных литераторов, в том числе тех из них, кто, в отличие от великих предшественников, не устоял на позициях молдавского этнокультурного суверенитета и перешел на сторону румынистов. Весьма содержателен данный в исследовании обзор историографии, в том числе работ историков, изданных в последние годы.

Естественны и логичны авторские критерии оценки событий истории Молдавии. Историк исходит из интересов молдавского народа. Вместе с тем, приобщая читателя к анализу документов, В.Н. Стати пробуждает в нем азарт исследователя и дает возможность самому оценить события и деятелей прошлого. Читатель может выявить также нерешенные вопросы источниковедения и документального обеспечения дальнейших исследований по истории Молдавии. Несомненно, необходимо издание труда «Молдавский летописец», написанного в XVIII столетии на русском языке монахом Варфоломеем Мэзэрян и представляющего собой, как отмечено его первым комментатором историком литературы Г. Богачем, «один из самых красноречивых документов признательности молдавского народа русскому народу за его миссию освобождения подневольных народов Балкан» от турецкого ига. Книга «Молдавский летописец», охватывающая почти двухтысячелетний период истории Карпато-Днестровских земель (повествование доведено до 1769 г.), по информационной ценности сопоставимая с «Описанием Молдавии» Дмитрия Кантемира, и поныне существует в единственном экземпляре и практически недоступна исследователям.

В принципе, историки не склонны пропагандировать взгляды оппонентов, предпочитая скрытую полемику. В.Н. Стати называет фальсификаторов молдавской истории поименно, он цитирует выдержки из их работ. Многие страницы его книги представляют собой продолжение историографического обзора, начатого во вводной главе. Изыскивая противоречия в аргументации авторов-румынистов, ученый вскрывает несостоятельность их построений. Обилие таких упущений, выявленных в трудах даже таких маститых историков Молдавии, как Ион Нистор, Александру Болдур, Штефан Чобану, наводит на мысль об их неслучайном характере. Румынизм предстает в книге как обязательная для исповедания, хотя бы декларативного, государственная идеология, историческую необоснованность которой признавали и ее пропагандисты. «Несомненно, – приводит автор мнение именитого румынского историка Лучина Бойя, – Румынская Страна и Молдавия были различными странами». Термин «румын» до середины XIX века не был этнонимом, ранее в Валахии так называли крепостных крестьян. То обстоятельство, что в наши дни эти давно известные истины требуется доказывать вновь, характеризует не науку, а идеологический климат в Молдавии. Таким образом, авторские отступления от традиции замалчивания оправданны.

МОЛДАВСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ

Не бывает героя без цели, нет народа без этнического сознания, без представлений о своем происхождении, о своем месте среди других народов и своей миссии в истории. Данные в книге исторические обоснования правомерности существования наименования страны, молдавского самосознания, этнонима «молдаване», лингвонима «молдавский язык» достаточно полны, достоверны и убедительны. Подтверждения тому прослежены автором на протяжении почти семи веков и обоснованно предстают как константы молдавской истории. Безусловно,

самоназвание народа, язык и его наименование – гносеологические ценности, не подлежащие отчуждению. Этнический облик молдаван характеризуют также сведения о молдавских традициях, молдавском фольклоре, о молдавской архитектуре. Это закономерно, поскольку массовые представления этноса о прекрасном и безобразном – суть его эстетические ценности. Весьма информативны приведенные в книге данные о молдавском обычном и писаном праве, также влиявшем на сознание и дух народа, и их отличиях от волошского права. Даже легендарный общий предок у валахов, справедливо отмечено автором, – иной, чем у молдаван: не Драгош, а Негру-воевода. Судя по документам, использование термина «Молдова» в текстах на русском языке неправомерно. Имя «Молдавия» и даже «Молдования» первично и использовалось даже в текстах на латыни.

Не обойден в книге вниманием и вопрос о традиционной молдавской графике. «Кириллический алфавит – уже под 1359 годом, когда возникло княжество Молдавия, – отмечает автор, – становится официальной письменностью Молдавского Государства. Он был официальной графикой Молдавии 630 лет, до 1989. За исключением 1918-1940 и 1932-1937 (в МАССР), когда был введен латинский алфавит». Но в рецензируемой книге, как и в издании 1988 года, отсутствует упоминание о событии, поистине драматичном для судеб молдавской национальной идентичности: о распоряжении, данном в феврале 1860 года министром внутренних дел Валахии и Молдавии Ионом Гикой об изучении служащими латинской графики. Этот ведомственный циркуляр, выпущенный функционером без выявления воли населения или хотя бы публичного обсуждения вопроса, и доныне остается единственным обоснованием отказа валахов и молдаван от своей традиционной кириллической письменности. «То обстоятельство, что реформа письменности проведена административным путем, – отмечал румынский филолог Думитру Макря, – представляет собой доказательство того, что она не являлась лишь лингвистической проблемой, а стала заботой текущей политики». Суть этой политики в трактате раскрыта, но почему так просто, росчерком пера, удалось лишить молдаван одной из опор их национальной культуры? И разве в общих чертах не была повторена эта операция в 1989 году в Кишиневе? Истоки атак на молдавские национально-культурные ценности заслуживают дальнейшего изучения.

Поистине красной, временами кровавой, нитью проходит по ткани истории молдавско-валашское соперничество. Раскрытие в 90-е годы этой прежде запретной темы является заслугой В.Н.Стати, его вкладом в исторический дискурс молдавизма. В «Истории Молдавии в датах» автор корректно, не смакуя упоминаемых летописцами жестокостей, перечисляет войны и другие конфликты, имевшие место между Молдавией и Валахией, союзнические отношения валахов с турками, татарами, венграми, вторгавшимися в Молдавское княжество. Не только при сражениях при Васлуе, в Белой Долине, Рымнике, Катлабуге, Рошканах и в других битвах молдаван с турками и татарами, явствует из рецензируемой книги, но и на международной арене правители Валашского княжества выступали на стороне мусульман, а не христиан. Уже это обстоятельство было способно породить между молдаванами и валахами смертельный антагонизм. Задача первого этапа исследования – поиск ответа на вопрос «Что было?» – автором решена. Но причины молдавско-валашского соперничества требуют дальнейшего изучения.

Наглядно раскрыта в трактате восточная геополитическая ориентация Молдавии. Отношение молдаван к москвитам еще до возникновения теории «Москва – Третий Рим», со времен Стефана Великого выходило за пределы симпатий, определяемых общностью православной веры двух народов. Выдав в 1483 году дочь Олену замуж за Ивана-царевича, заключив союз с Иваном III (вероятно, в форме вассальной присяги), великий господарь положил начало курсу на объединение двух государств под одним

скипетром. В 1497 году, когда Сучаву осадило 100-тысячное польское войско, союз с Москвой спас Молдавское государство от разгрома. Почти четверть века не вторгались в Молдавию крымские татары. Но главный эффект договоренностей Стефана Великого и Ивана Большого был впереди.

СЛАВЯНСКАЯ ЛИНИЯ

Возможно, главный порок молдавской историографии XX века заключается в трактовке истории Молдавии как истории только молдаван. Никто не оспаривает вывода историка Л.Л. Полевого и археолога П.П. Бырни: в XV-XVI веках русины, «русские люди», составляли 40 процентов населения княжества. Но эту цифру, меняющую упрощенные представления о средневековой Молдавии, большинство историков избегают упоминать. Моноэтничность княжества лишь подразумевается. В.Н. Стати констатирует присутствие славян в Карпато-Днестровских землях с VI века н.э. и их культурное влияние на предков молдаван: «Северо-дунайские романцы, – отмечено в книге под IX веком, – воспринимают славянское богослужение; в восточно-романский мир массово проникает славянское письмо и славянский язык в его средне-болгарской форме, старославянский язык становится языком культа, языком господарских канцелярий». 902-911 годами, когда в Киеве еще правил Вещий Олег, датируется самая древняя славянская надпись, обнаруженная в Букове, на территории современной Румынии. Цитаты из молдавских летописей обоснованно даны историком в славянской транскрипции, почти идентичной современной русской. Но, вспоминая волохов и болоховлян, а также венгров, печенегов, половцев, автор забывает о их современниках – тиверцах, уличах, берладниках (создавших в XII столетии свою государственность!), бродниках, галицких выгонцах, веками населявших Карпато-Днестровские земли. Уместно было бы отметить, что переселившиеся на восточные склоны Карпат волохи встретили здесь древнерусское население.

С образованием Молдавского государства (1359 год) вопрос о судьбах потомков древнерусского населения Карпато-Днестровских земель практически выпадает из перечня событий. Порождая сомнения в дако-фракийском, и тем более романском происхождении молдаван (но не их языка!), автор лишь упоминает об ассимиляции славян восточными романцами. Но этому положению противоречат не только данные Л.Л. Полевого и П.П. Бырни, но и сообщения молдавских летописцев Григоре Уреке, Мирона и Николая Костиных, Иоанна Некулче, а также Дмитрия Кантемира о том, что русины на протяжении столетий составляли второе по численности после молдаван этнокультурное и языковое сообщество Молдавии, а молдаване знали русский язык. Русины, явствуя из материалов книги, не только участвовали в молдавском этногенезе, но стали главным демографическим пополнением молдавской народности.

В связи с русинами и казаками допускает автор и отступление от принципа историзма, именуя их украинцами. В XV-XVIII столетиях этот термин известен не был. Не только в первой малорусской летописи Самовидца, но и в гоголевском «Тарасе Бульбе», – а повесть написана в середине XIX века, – слова «украинец» нет. Как этноним оно получило распространение только в XX веке. Однако восточно-славянское присутствие в Молдавии прочитывается как бы между строк. Автор упоминает о Русской улице Сучавы. В 1434 году Илияш, претендент на молдавский престол, читаем далее, располагая поддержкой «некоторых галицких и подольских магнатов», был побежден Стефаном II при Дарманештах (близ Сучавы) и вынужден отступить в польские владения, т.е. в Галицкую Русь. А жители Дарманешт, ныне «столицы» русинов Южной Буковины, и поныне именуют себя русинами. Горожане Белгорода, независимые от кого бы то ни было, в том же 1434 году завладевают

замком Лерич в устье Днепра, причем без войны. Не потому ли, что население Белгорода и Лерича принадлежало к одной народности?

Безосновательно выпала из цепи отраженных в книге событий героическая страница истории Молдавии и Галицкой Руси – крестьянское восстание под предводительством Мухи (Андрея Борули) в 1490-1492 годах. Ранее, в 1456 году, упомянуто в книге, в тех же местах произошло восстание под водительством Льва, в ходе которого молдавские крестьяне, выступив против польских феодалов, объединились с «украинскими» крестьянами. Уместнее было бы указать: выступили против католиков, а галицких и подольских крестьян назвать русскими людьми – так и сегодня называют себя их потомки. Войском Петра Арона восстание было подавлено, но оно предшествовало вступлению на господарский престол Стефана III и, вероятно, подготовило для этого условия. Представляется целесообразным подробнее, чем это сделано автором, рассказать о правлении Ивана Подковы (1577-1578 годы), крестьянского господаря, героя молдавского народа. Заслуживает осмысления факт: 23 ноября 1577 года в сражении под Яссами ненавидимый народом Петр Хромой вместо 10-15 - тысячного войска смог выставить против казаков только 500 наемников-турок. Конечно, молдаване не желали погибать, защищая господаря-валаха. А кроме того, часть воинов была набрана в Ясском торге и пригородных селах Соколе, Николине, Мирославе, Доколине. Чего ради было им воевать против казаков – тоже русских людей?

Бедность приводимых в трактате сведений о судьбах потомков древнерусского населения Молдавии во многом объяснима корректным характером молдавско-славянских межэтнических отношений. Никогда не было в княжестве молдавско-руси́нских столкновений, молдаване принимали руси́нов такими, какими они были, и не пытались вытеснить их язык, подавить их культурную самобытность. Материалы книги В.Н. Стати позволяют, используя методологию известного историка Льва Гумилева, утверждать, что в составе Молдавского государства взаимодействие молдаван и руси́нов развивалось по законам симбиоза. Каждый из этносов занимал свою территорию, социальную нишу и сохранял свое этнокультурное своеобразие. В администрации, торговле и иных сферах соперничества между молдаванами и русинами не существовало. Взаимодействуя, они обогащали друг друга, повышая жизненные возможности каждого из народов. В критическую фазу процесс ассимиляции руси́нов молдаванами вступил только в конце XIX века, но завершения не получил. В XX столетии большинство руси́нов вошло в состав формирующейся украинской нации.

Молдавско-славянский симбиоз дал Молдавии огромные преимущества перед моноэтнической Валахией и Трансильванией, где валахи были угнетенным меньшинством. 23-летний период молдавско-валахских отношений в эпоху Стефана Великого автор обоснованно именуется временем молдавского владычества, а социально-культурное превосходство Молдавия сохраняла до 60-х годов XIX века. В молдавско-руси́нском симбиозе – главное объяснение устойчивости Молдавской государственности в эпоху турецкого ига. Выводы из этого опыта еще предстоит сделать. В кризисные времена, 2 декабря 1990 года, на встрече с депутатами Верховного Совета СССР Л.Н. Гумилев говорил о необходимости восстановить традиционные формы межэтнических отношений. Нельзя подталкивать народы к «интеграции» и слиянию, лучше следовать принципу: «жить порознь, но дружно».

МИННЫЕ ПОЛЯ ИСТОРИИ

Перечислив начиная с времен господаря Георгия Стефана (1654 год) до 1812 года более десяти обращений молдавских господарей, Дивана, бояр и духовенства в Москву и Петербург с просьбой о присоединении княжества к России, автор выводит

читателя на фундаментальную загадку молдавской истории: объединительные стремления сформировались в Молдавии еще до возникновения политических предпосылок их осуществления в виде общей молдавско-русской границы. Тем не менее названные и многие другие события и процессы, также упомянутые в книге, особенно участие молдаван в русско-турецких войнах на стороне России, свидетельствуют: присоединение Бессарабии к России представляло собой исполнение не только молдавского проекта национального спасения, но и проекта окончательного устройства национальной судьбы. Народ Молдавии приветствовал это событие.

Данный в книге перечень мероприятий российского правительства в Бессарабии опровергает черный миф о «царизме». В Бессарабии десятилетиями оставалось в силе молдавское право, молдавский язык сохранял официальный статус, молдавское боярство вошло в состав российского дворянства, все население получило социальные и экономические льготы. Строились города и церкви, создавались учебные заведения, печатались книги, в том числе на молдавском языке. Молдаване были равны с другими подданными России в доступе к управлению, образованию, власти. Пограничный режим на Пруте оставался свободным. В Бессарабию направлялся из Молдавского княжества поток переселенцев. Царское правительство можно упрекнуть в недостаточном внимании к культурным нуждам молдаван, – как и русского народа, – но его политика создала условия для молдавского национального подъема в начале XX века.

Условия развития молдавской культуры и социальных отношений в Бессарабии и Молдавском княжестве становились все более различными, поэтому рассмотрение автором молдавского этнокультурного процесса в XIX веке как целостного представляется малообоснованным. Однако данный в книге обзор важных для молдавской национальной идентичности событий, происходивших за Прутом, позволяет проследить нарастание кризисных явлений, идейные искания, противоречия, ошибки и прозрения крупнейших деятелей молдавской культуры того времени.

Перечень ключевых событий истории Молдавии – присоединения к России восточной части Молдавского княжества, названной Бессарабией (1812 г.), аннексии области Румынским государством (1918 г.) и ее воссоединения с Россией/СССР (1940 г.), – В.Н.Стати справедливо пополняет еще одним – упразднением Молдавского княжества после его объединения с Валахией в 1859 году. Участие молдаван в этом событии, воспетом румынской историографией как акт создания Румынского государства, в перспективе прошедших полутора столетий предстает как следствие интеллигентского заблуждения, повлекшего крушение молдавской национальной идентичности в Пруто-Карпатской Молдавии, к превращению молдаван в маргиналов румынской нации. Следствием этих процессов стало перемещение в конце XIX века центра духовной жизни молдавского народа в Восточную Молдавию.

Вполне обоснованно исходит историк из совместимости интересов молдавского народа, проживающих совместно с ними национальных сообществ и государственных интересов России/ Союза ССР. В XIX столетии на обоих берегах Днестра упрочилась давняя традиция корректных молдавско-славянских межэтнических отношений. Россия была для молдаван их государством. Молдавское национальное движение, зародившееся в период революции 1905-1907 годов, было чуждо шовинизму и сепаратизму и пользовалось поддержкой русской общественности. В годы первой мировой войны молдаване приняли массовое участие в защите Отечества. Молдавская Народная Республика 1917 года была учреждена как составная часть Российской Федерации. В период румынской оккупации Бессарабии 1918-1940 годов Бессарабское освободительное движение было полиэтническим.

Утверждая, что в 1918 году румынские войска захватили не просто российскую губернию Бессарабию, но территорию Молдавской Демократической Республики, а в 1940 году состоялось ее освобождение от румынской оккупации, В.Н.Стати с юридической стороны дела прав. Но народ Бессарабии не вдавался в тонкости международного права. Его государством была Россия. Поэтому в 1918 году он встретил оккупантов штыками, потом поднял Хотинское, Бендерское и Татарбунарское восстания, не допустил своей геополитической переориентации на Румынию, а в июньские дни 1940 года восторженно приветствовал армию России. Образование Молдавской Союзной Республики молдаване вряд ли оценили как создание для молдавской бюрократии режима этнических преференций. Но Россия/СССР была их государством, и с началом Великой Отечественной войны они безоговорочно выступили на защиту России/СССР.

Послевоенный голод ударил по всем национальным сообществам Молдавии. Высылка кулаков представляла собой социально-политическое мероприятие, а не акт национальных гонений. Современники понимали это, и трагические события 1946-1947 и 1949 годов не привели к межэтническим трениям. И все же приведенные в книге сведения об этногосударственных отношениях в республике в те годы могут быть, на наш взгляд, существенно дополнены.

ИЗ ЗОЛОТОГО ВЕКА – В ЖЕЛЕЗНЫЙ?

Убедительна представленная в хронике В.Н.Стати картина послевоенного восстановления и созидания 60-80-х годов. Яростно чернимый ныне румынистами, это был период стремительного подъема экономики, науки, культуры Молдавии, благосостояния ее населения. Это было время, когда служение прогрессу страны действительно ценилось как патриотическое деяние. Возрождая исторические связи, закладывая новые культурные традиции, поднималась плеяда ученых и писателей. Молдавская история, молдавская культура, молдавская традиция пользовались вниманием общественности и власти. Издавались труды классиков молдавской литературы, молдавский фольклор, «Молдавский лингвистический Атлас», «Молдавская Советская энциклопедия», обобщающие труды по истории Молдавии. Расцветали молдавские искусство, кино. Стремительно изменялась социальная структура общества. Работники получали бесплатное жилье. Перечень строящихся предприятий, создаваемых учреждений науки и культуры, творческих коллективов, журналов и газет, издаваемых книг, достижений ученых Молдавии неоспоримо свидетельствует о том, что именно этот период был самым продуктивным во всей молдавской истории. Социально-ориентированное общество в СССР в целом и в Молдавии в частности стало реальностью.

Следуя принятому методу, составитель хроники не вполне свободен в выборе достойных упоминания событий. Вероятно, поэтому картина этнокультурного взлета тех лет грешит неполнотой. В хронике отсутствуют данные о постоянном и обильном финансировании экономики Молдавской ССР из бюджета Союза ССР. Было ли, – даже без учета потока текущих в республику денег, – в Молдавии место для национального недовольства? Объективно – нет. Но сложившаяся в СССР система этнических преференций, предупредительное отношение Кремля к этнически мотивированным социальным притязаниям бюрократий союзных республик стимулировали национализм. И все же никакого «национально-освободительного» движения в Молдавии не возникло. Как ни странно, в 1989-1990 годах националистические, унионистские и другие организации, враждебные государству, нацеленные на борьбу за этнические привилегии, были созданы при поддержке советской политической полиции. Их участникам была обеспечена безнаказанность.

К чести В.Н.Стати, в «Истории Молдавии в датах» обычные для авторов-унионистов безосновательные рассуждения о «борьбе за независимость» отсутствуют. Молдавия получила независимость вследствие распада СССР. Предчувствуя социальную деградацию и политические бедствия, народ был этому не рад. Затем последовали разрушительные «реформы», расхищение общественной собственности, развал промышленности, сельского хозяйства, падение жизненного уровня населения, политическая нестабильность, унионистская угроза, дезинтеграция республики, война на Днестре. Ее перипетии отражены в хронике кратко, но емко. Закономерным образом указывает автор единую цифру убитых и раненых с обеих сторон: это все наши потери, общие потери Молдавии. Были ли победители в этой войне? У читателя складывается мнение: само возникновение этой войны было нашим общим поражением, а прекращение огня – общей победой. Упущением автора при написании последнего раздела книги можно признать только недостаточное раскрытие роли законов о языковом режиме, принятых в 1989 году, и массовых увольнений служащих, проведенных под предлогом их исполнения, в провоцировании гражданского конфликта в республике.

Интересны в познавательном и научном плане статистические приложения, список использованной литературы, именной и географический указатели. Заслуживает быть отмеченным также высокое качество полиграфического исполнения книги. Издатели проявили не только вполне уместную щедрость, но и художественный вкус.

* * *

Основные претензии к В.Н.Стати и пожелания к содержанию его книги нами уже высказаны. В центре его внимания были вопросы молдавской этнокультурной идентичности. Этим обстоятельством, а также все еще слабой разработанностью данной тематики объясняются недостаточное внимание к истории русских и другого нетитульного населения Молдавии. Труд В.Н.Стати расширяет сферу известного о прошлом молдаван. Из его содержания следует: **Молдавизм** – это совокупность этнокультурных особенностей молдавской нации и ее духовный суверенитет, молдавская национальная и геополитическая идентичность. Он сформировался исторически, он определял ориентацию молдавского народа на Россию и со времен Дмитрия Кантемира определяет лояльность молдаван Государству Российскому. **Румынизм** предстает в книге как совокупность представлений о прошлом валахов и молдаван, в основном мифологических, навязываемых обществу при посредстве государственных институтов Румынии и принятых на веру большей частью населения этой страны и определенным числом граждан других государств. В целом второе издание «Истории Молдавии в датах» представляет собой ценное пополнение исторического дискурса молдавизма и гражданской истории нашей республики.

Полями падения испытатели называют пространства, на которые падают детали ракет. Их изучение способствует совершенствованию новых «изделий». Обзор историографии Молдавии, данный Василием Стати в этой книге, позволит поднять научный уровень исследований по истории Молдавии.

Рец. на кн.: Stati V. Istoria Moldovei in date. –Chisinau. Cartea Moldovei. 2007. // Русское слово. 2008. №16 (180). Апрель

Глава III.

ЯЗЫК СОГЛАСИЯ

РУССКИЕ ЛЮДИ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

История восточнославянского населения Молдавского княжества, просуществовавшего 500 лет (1359-1859 гг.), загадочная сама по себе, вдвойне таинственна потому, что она специально никогда не изучалась. К ней не обращались историки, не искали вдохновения в ее перипетиях писатели. Правда, во второй половине XIX и в начале XX в. этнографы описывали культуру потомков этого населения, но в 20-е годы в силу политических причин прекратилась и эта работа. Научная добросовестность побуждала исследователей в той или иной форме разрабатывать славянские сюжеты в контексте истории Молдавии, но специальное изучение этой темы до начала третьего тысячелетия оставалось табуированным.

Прекращение изучения истории русинов Молдавии отчасти можно объяснить этнополитическими интересами республиканской бюрократии и конформизмом союзного Центра, вынужденного в данном случае сделать выбор между официально декларируемой приверженностью принципам интернационализма и политикой консолидации украинской социалистической нации. Замалчивание истории этноса, полагает почетный академик Академии наук Молдовы, этнолог М.Н. Губогло, представляет собой весьма изобретательную, изощренную и, к сожалению, эффективную форму нарушения «равенства возможностей»(1). В гораздо большей степени, чем в случаях с гагаузами и болгарами Молдавии, лишение русинов исторической памяти и права на собственную историю способствовало размыванию их этнического сознания.

На рубеже 90-х гг. XX в. падение некоторых идеологических табу, а также замена в программах учебных заведений республики истории Молдавии антинаучным курсом «история румын»(2) вновь поставили перед исторической наукой республики задачу создания более полной и достоверной версии национальной истории, научной картины молдавского этногенеза. Решение этой задачи требует исследования истории славянского населения Молдавского княжества, возможно важнейшей из таких тем.

1. О наименовании восточнославянского населения Молдавского княжества

Восточных славян - и живущих в Молдавии, и жителей соседних с Молдавским княжеством Подолья и Галицкой земли, - молдавские летописцы называли словом «*рус*», так же как называют современных русских(3). Просто русскими называл их выдающийся молдавский мыслитель XVIII столетия Дмитрий Кантемир(4). На рубеже XX в. потомки насельников юго-западной части Древней Руси, еще не вошедшие в состав украинской нации, именовали себя русинами, а во множественном числе – русскими(5). Но еще в XIX в. знаменитый русский историк С.М. Соловьев поставил вопрос о том, «имеет ли право историк настоящие понятия о национальности приписывать предкам нашим IX века?», и дал на этот вопрос отрицательный ответ(6).

Насельники Древнерусского государства именовали себя *русинами*, вероятно, с ударением на первом слоге. Этноним этот семь раз встречается уже в древнейшей русской летописи - «Повести временных лет». «Аще хто убиеть крестиянина *русин*, или христианинъ *русина*, - читаем уже в тексте договора князя Олега с греками (912

г.), - иде же аще створить убиство...»(7). Наименование *«русин»* и термин *«русские люди»* встречаются также в Новгородской летописи при описании событий XI в.(8). Слово *«русин»*, производное от названия страны – Русь, соответствовало нормам русского языка домонгольских да и более поздних времен. У молдавских летописцев во множественном числе термин *«рус»* звучал не *«рушь»*, как в настоящее время, а *«русь»*. В древнерусской форме, с ударением на первом слоге, оно до настоящего времени сохранилось в украинском языке, а во многих селах Молдавии их жители, ныне официально идентифицирующие себя как украинцы, подчеркивают, что они *«руськи люди»* и «мова» у них тоже *«руська»*(9). Поэтому можно предположить, что именно таким - *«русин»*, *«русские люди»* - было самоназвание восточных славян Молдавского княжества и в XIV-XVIII вв.

В XX столетии, когда завершилось формирование русской (великорусской), украинской и белорусской наций, термин *«русин»*, с ударением на втором слоге, стал применяться как наименование особой этнографической группы. Часть этой группы, проживающая в Бессарабии, в силу исторических условий обретшая этнокультурные особенности, отличающие ее от малороссов, вошедших в состав украинской нации, обрела и новое самоназвание - *«руснаки»*(10)). Этноним «украинцы» применяется к ним только с 20-х гг. Используя также этноним «украинцы», - именно так, *русинами*, уже в 80-е гг. XX в. называл восточнославянских насельников Молдавского княжества один из виднейших молдавских языковедов Н.Д. Раевский(11).

На наш взгляд, было бы ошибкой отождествлять средневековой этноним *рус (русин)* с современным пониманием принадлежности к русской нации. Необходимо разграничивать также русинов – носителей древнерусского этнического сознания, и русинов – представителей современного субэтноса. По названным причинам потомков древнерусского населения, проживавших в Молдавском княжестве в XIV – XIX вв., представляется корректным именовать не русскими или украинцами, а *русинами* – с ударением на первом слоге; правомерно также использование их самоназвания *«русские люди»*.

2. Источники по истории русинов Молдавского княжества

Политическая обусловленность невнимания историографии к славянским сюжетам истории средневековой Молдавии очевидна уже из обилия данных об участии русинов в жизни княжества. Огромный фонд таких сведений содержат старейшие письменные источники по истории Молдавии - славяно-молдавские летописи(12).

Летописи содержат более 1500 названий городов и сел, наименования сотен рек, гор, местностей, рек и озер Молдавии, имена тысяч жителей Молдавского княжества, принадлежавших ко всем сословиям: государственных и военных деятелей, духовных лиц, купцов, крестьян, сведения о событиях государственной и церковной жизни, состоянии экономики и т.п., позволяющие судить о численности, расселении и политическом поведении русинского населения Молдавского княжества.

Сведения об истории и культуре русинского населения Молдавского княжества приводятся также в серии историй Молдавии, озаглавленных «Летопись Страны Молдавской», написанных на молдавском языке летописцами Григоре Уреке (охватывает период 1359-1594 гг.), Мироном Костиным (1595-1661 гг.) и Иоанном Некулче (1661-1743 гг.). Сведения, содержащиеся в этих историях, дополнены и уточнены в написанном на латыни в 1716 г. труде Дмитрия Кантемира «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии»)(13). В трудах летописцев, а также их интерпретаторов Евстратия Логофета, Симиона Даскэла и других приводятся сведения о расселении русинов в Молдавии в XV-XVII вв., оценки их численности, сведения об их языке и обычаях, об участии в политической жизни княжества и в

войнах с поляками, турками, татарами, венграми, валахами. Достоверность летописных данных подтверждена фондом документов канцелярии молдавских господарей, частной переписки, другими свидетельствами, обнаруженными в архивах Молдавии, России, Румынии, Украины и изданных во второй половине XX века учеными Молдавии (14) и Румынии(15).

Упоминания о событиях в зонах компактного проживания русинов, об их участии в политической, экономической и культурной жизни Молдавского княжества содержат также молдавские летописи XVIII столетия. Часть их еще в 1874 г. издана в Бухаресте Михаилом Когэлничану(16). Документальные данные, позволяющие судить о направленности и итогах этноассимиляционных процессов, протекавших в Молдавском княжестве в XVIII в., содержат материалы проведенного в 1790-1792 гг. учета населения(17).

3. Историография вопроса

Начало спорам о генезисе русинов Молдавии, выдвинув версию их позднего «миграционного» происхождения, положил в конце XVII в. летописец Мирон Костин (1633-1691 гг.). Вероятно, по этнополитическим мотивам (18) он попытался оспорить изложенную Григоре Уреке (1590-1647 гг.) легенду об основании Молдавского государства, согласно которой «русские» проживали в восточном Прикарпатье до появления там молдаван. Не аргументируя свои суждения ссылками на какие-либо источники, Мирон Костин заявил, что марамурешский воевода Драгош нашел пустынную страну, в которой «...поселил крестьян-русинов из Покутья и Подолии»(19).

Эту теорию позднего появления русинов в Молдавии не поддержал даже сын Мирона Костина – Николай Костин (1660-1715 гг.), не менее чем отец, известный летописец. В своем труде «Летопись Страны Молдавской» он повторил версию Гр. Уреке об одновременном заселении пустынной страны молдаванами и русскими, приглашенными Яцко из Ляшской Страны(20). Еще ближе подошел к истине Дмитрий Кантемир (1673-1723 гг.), считавший «русских» исконными жителями Молдавии. В книге «Описание Молдавии» (1716 г.) он упомянул заселенную ими область на севере княжества - «Русский Кымпулунг» (т.е. Русское Долгополье); это была республика, насельники которой подчинялись молдавским господарям только в той степени, в какой считали нужным(21). Первенством русинов («русских») при заселении страны можно объяснить и воспоминания о их былом господстве, сохранившиеся в молдавском народе до XVIII в. и также упомянутые Дм. Кантемиром в труде «Летопись древностей романо-молдо-влахов»(22).

Не будучи знакомы с трудами молдавских летописцев и Дм. Кантемира, сто лет спустя к выяснению вопроса о времени расселения русинов в Карпато-Днестровском пространстве и изучению их культуры приступили российские ученые.

а) Российская дореволюционная историография: русины – коренное население Бессарабии, отличное от велико- и малорусов.

Первые сообщения о происхождении и традиционной культуре русинов Пруто-Днестровского междуречья появились в официальных документах после присоединения края к России. В 1813 г. священнослужитель-молдаванин Петр Куницкий опубликовал брошюру, в которой были, в частности, кратко охарактеризованы нравы и обычаи местных «малороссиян». Петербургский чиновник П.Свиныйн в докладе «Статистика Бессарабии» (1817 г.) ошибочно связал появление малоруссов в крае с их бегством от религиозных гонений, развернутых польскими властями в юго-западной Руси после заключения Унии, т.е. в XVI в., а полковник русской армии С.И. Корнилович, автор «Статистического описания Бессарабии»

(1827г.), дал социальную версию иммиграции малороссов, объяснив их переселение с Украины стремлением уклониться от рекрутской повинности и помещичьего произвола в XVIII столетии. Конкретный характер проводимых военными исследований русинской подтвержден фактом: подполковник генерального штаба М.Драган (1849 г.) в составленном им военно-статистическом описании Бессарабской области дал достоверный очерк обычаев русинов и упомянул их самоназвание - «русняки»(23).

Начало научному изучению русинов Бессарабии положили офицер генерального штаба российской армии А.И. Зашук (по сведениям румынского историка Н.Йоргу – «рутен», т.е. русин) и этнограф А.С. Афанасьев-Чужбинский, малоросс. Первый из них в двухтомном труде «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область»(СПб.1862), осуществил этническое районирование края, указав, в частности, зоны компактного проживания русинов и их численность, выявил ряд форм их культурного взаимодействия с молдаванами. В статье «Этнография Бессарабской области», опубликованной в 1863 г. в журнале «Записки Одесского общества истории и древностей», А.И. Зашук высказал справедливое мнение о том, что русины являются коренными жителями Бессарабии и отграничил их от малороссов, являющихся более поздними поселенцами(24). Независимо от А.И. Зашука и почти одновременно с ним к заключению о том, что руснаки - коренные жители края, пришел А.С. Афанасьев-Чужбинский. Он отметил также отличие языка руснаков от малорусской речи и неблагоприятную для них направленность этнических процессов: во многих местах Бессарабии руснаки, помнящие о своем русском этническом происхождении, в языковом плане уже к середине XIX в. были ассимилированы молдаванами (25).

Этнокультурную самобытность руснаков, а также их родство с малороссами отметил также П.П. Чубинский, автор 7-томного труда по этнографии русинов (СПб., 1872-1877). Термин «русняки», констатировал он, представляет собой самоназвание особого народа или живущих в Бессарабии «малороссов». П.П. Чубинский разделял русняков на три ветви: «горян или карпатских русинов, галичан, иначе поднестровцев или червонорусов, и собственно русинов или русняков, жителей Хотинского уезда, Подолья, Волынского-Галицкого пограничья, Владимирского уезда и Люблинщины». Исследователь убедительно обосновал также тезис о длительном проживании руснаков в Бессарабии(26).

Еще более решительно утверждал русскую этнокультурную идентичность русинов и автохтонность их происхождения уроженец Буковины Г.И. Купчанко. Буковинские *русские*, - утверждал исследователь в работе «Некоторые историко-географические сведения о Буковине» (1875 г.), – самые древние поселенцы Буковины, которые именовали себя *русняками* или *рускими людьми*, поляки их называли *русинами*, румыны – *русами*, а немцы - *рутенами* (27). К «великому племени - русскому» относил бессарабских русинов и П.А. Несторовский, чьи основные труды вышли в свет в 1905-1910 гг. Вместе с тем исследователь выделял их как особую «народность», отличную как от велико -, так и от малороссов, а язык русинов он определил как разновидность «малорусского языка». Поднестровские русины, верно предположил он, образовались от смешения «старинного русского элемента и разных выходцев из Галиции, Подолии и отчасти даже и Украины. Совершенно без примеси, чистым является буковинский тип»(28).

Культурная самобытность русинов Бессарабии и их автохтонное происхождение воспринимали как данность также А.Накко(29), В.Кельсиев, П.Сорока, С.Потоцкий, К.Крамаренко, Ф. Пуцыкович и другие российские исследователи конца XIX – начала XX века. Не отрицая давнего проживания руснаков в Бессарабии, Н.К.

Могилянский не связывал их происхождение с *червонорусами*, как он называл насельников Галицкой Руси.

Ветвью «славяно-русской семьи» и потомками славян, живших в этих местах еще до образования Древнерусского государства, считал русинов Бессарабии и П.Н. Батюшков(30). Часть русинов, справедливо полагал и молдаванин-исследователь этого вопроса П.А. Крушеван, проживала в Бессарабии еще до прихода Драгоша, т.е. до возникновения Молдавского государства. В вышедшем в 1903 г. под его редакцией сборнике «Бессарабия» им упомянуты и переселения русинов из Галицкой Руси и Волыни в Хотинский уезд в конце XVI - начале XVII в., в эпоху становления церковной Унии в юго-западных землях исторической Руси(31). Не настаивая на непрерывности русского присутствия в крае, предположение о том, что «славяне проходили через Бессарабию не позже пятого столетия», высказал уроженец Бессарабии, академик Л.С. Берг (1918 г.). Это, продолжал ученый, «первое появление славян в нашем крае, около того же времени славяне появились в Галиции, Буковине, Трансильвании». Отметив наличие у современных ему русинов Бессарабии представлений о себе как части русского народа, – самоназваний «руснаки» и «руськие», – а также этнокультурных особенностей, отличающих их от малоруссов, он, в угоду идеологическому прессингу, все же причислил руснаков к последним(32).

Дореволюционными российскими исследователями был введен в научный оборот богатейший комплекс данных, раскрывающих этнокультурную идентичность русинов Бессарабии, Буковины, Галиции. Ими был убедительно обоснован взгляд на русинов (руснаков) как на автохтонное население этих областей, отличное в этнокультурном плане от велико- и малоруссов. После революции 1917 г. советская историография была нацелена на содействие консолидации украинской советской нации, и дальнейшая разработка русинской проблематики в России/СССР была прекращена. Русинов советские авторы именовали украинцами(33). Однако русские ученые-эмигранты, менее подверженные идеологическому контролю, не поддерживали попыток удревнения этого термина. Отмечая двуэтничный характер средневековой Молдавии, Г.В. Вернадский назвал ее Молдавской Русью(34).

б) Румынская историография: «подразумеваемая» моноэтничность Молдавии.

До 1918 г. основные территории проживания русинов находились в составе Австро-Венгерской империи и Румынии. Приоритетным в этих государствах являлось изучение истории и культуры государствообразующих наций. Обилие славянизмов в румынском языке, богатые славянские реминисценции в топонимике Румынии требовали объяснений, документы по истории Валахии и Молдавии были составлены в основном на славянском языке и изобиловали славянскими именами. Но в Румынии основой нациестроительства стало утверждение мифа об этнической однородности страны. Поэтому румынская историография, признавая славянское присутствие в Карпато-Днестровских землях и в Трансильвании в раннем средневековье, не отрицая прямо наличия славян в Молдавском княжестве, пыталась представить те или иные группы восточнославянского населения «румынами», а историю Румынии, игнорируя наличие в «румынском пространстве», – от Тиссы до Днестра и, возможно, восточнее, – «нерумынского» населения, – только как «историю румын». Тезис о приоритете проживания «румын» в «румынском пространстве» и поныне остается ключевым положением исторической концепции румынизма(35). Упоминания о самом существовании русинов допускаются в работах румынских ученых только в отступление от названного принципа.

Метод «исключения» русинов из истории Молдавии путем замалчивая самого их существования в Молдавском княжестве уже в конце XIX – начале XX в. широко

использовал в своем 15-томном сочинении «История румын от Траяновой Дакии» румынский историк А.Д. Ксенопол(36). Представить Молдавское княжество моноэтническим пытался и один из виднейших идеологов румынизма историк Николае Йорга. Признавая наличие «достаточного числа русских» среди знати Молдавии и высказав даже мысль, что преждевременная смерть господаря Лацко (1365-1374 гг.) помешала ему основать в княжестве русскую династию, он не упоминал о русских крестьянах Страны Молдовы, а славянские имена первых правителей Валахии, – Сенеслав, Тихомир, Литовой, Владислав, – объяснял не их восточнославянским происхождением, а культурным влиянием соседей-славян на «румын». Отмечая боевую доблесть *оргеян*, *лапушнян* и *сорочан*, «людей неукротимых и стойких», историк не упоминал о том, что *оргеяне* и *сорочане* были, скорее всего (или в большинстве своем), русские люди(37).

Курс гражданской истории Молдавии как повествование об этнической «истории румын» пытались выстроить и авторы двух «Историй Бессарабии», написанных в 20 - 30-е гг. - Ион Нистор и Александру Болдур, историки-молдаване, перешедшие на позиции румынизма. Первый из них, зная о славянском присутствии в Карпато-Днестровских землях в VI-XIV вв. тем не менее исподволь внедрял «миграционную» теорию славянского присутствия в Бессарабии. Восьмивековое проживание славян в регионе до возникновения Молдавского княжества он абсурдным образом трактовал как время, проведенное ими в ожидании возможности двинуться далее на юг, в пределы Византийской империи. Пытаясь доказать приоритет присутствия «румынского элемента» даже в Буковине, И.Нистор отрицал преемственную связь русинов с тиверцами и другими группами древнерусского населения края. Подобно Мирону Костину, он представлял их недавними иммигрантами из Галиции и Буковины. «Рутены или украинцы, – не приводя доказательств утверждал историк, – не являются коренными жителями Бессарабии. Они бежали на землю Молдавии [...] из Подолии и соседнего Покутья». Стремясь оспорить даже мнение румынских историков о том, что «малоруссы или украинцы, живущие сегодня в Черновицком и Хотинском цинутах, – потомки рабов, приведенных правителями Молдавии [из Галицкой Руси] и размещенных там», И.Нистор настаивал: «рутены или украинцы [...] проникли к нам намного позднее, [...] они скитальцы на молдавской земле, пришельцы из Подолии и соседнего Покутья». В другой своей работе, «Украинский вопрос в свете истории», И.Нистор, также не приводя фактических данных, утверждал, что украинцы Хотинского уезда и даже Буковины – «пришельцы, беженцы из Галиции и Подолии, осевшие по приезду в молдавских селах», и, по существу противореча себе, даже предположил, что большинство русинов являются «рутенизированными молдаванами»(38).

Более взвешенную позицию занимал А.Болдур. Признавая достоверность приведенного в Лаврентьевской летописи списка русских городов, существовавших в Карпато-Днестровских землях до образования Молдавского государства, а также документа 1395 г., в котором Молдавское государство названо Россовлахией, и данных о том, что в песнях галичан Молдавию именовали Молдославией, А.Болдур, по примеру Н.Йоргу, не допускал иных мотивов их появления, кроме «славянского влияния на румын Молдавии». Отметив, что в Килии и Белгороде официальным языком еще до образования Молдавского государства являлся русский, он тем не менее утверждал, что эти города уже тогда были населены большей частью «румынами». Следуя императивам концепции румынизма, историк пытался обосновать даже волошское происхождение тиверцев и уличей. Он допускал проживание в Молдавском княжестве немолдавского населения, но почему-то не русинов, а болгар, и только в Хотине. Функционирование в Молдавии русского языка как официального А.Болдур также не оспаривал, но объяснял этот факт не наличием в

княжестве русинов, а подчиненностью Молдавской церкви Киевской митрополии. Признавая нехватку документальных данных, позволяющих судить об этническом составе населения, он вместе с тем высказал убеждение, что в Бессарабии уже в конце XVI в. преобладали «румыны»(39).

Еще один историк-румынист 20 – 30-х гг., академик Штефан Чобану, не оспаривал наличия русинов в Молдавии в первые десятилетия существования княжества и даже назвал район их компактного проживания. Славяно-молдавская этническая граница, вслед за Н.Йоргу полагал он, и поныне отмечена топонимами с «малорусскими» окончаниями «-эуць», производными от славянских «-овцы» и «-евцы». В специальной работе «Украинская проблема в свете истории» Шт.Чобану упомянул, что во времена Стефана Великого в уездах Сучава, Ботошань, Васлуй и Тутова было много сел с названием «Русский». В духе антирусской конъюнктуры историк высказал мнение о том, что утверждение молдавской государственности в XIV в. столкнулось с попытками князя Юрия Кориатовича (1374 г.) создать «славяно-русинское» государство в северо-восточном углу Молдавии(40). Но главное, как и И.Нистор, и А.Болдур, Шт. Чобану явно избегал привлекать внимание к истории русинского населения Молдавского княжества.

Историки отвечали на запросы правящих кругов страны. Подобно правительствам других государств, аннексировавших территории, населенные русинами, правительство Румынии игнорировало их национальную идентичность. Добиваясь этнокультурного раскола славянского населения Бессарабии и Северной Буковины, оккупированных Румынией в 1918 г., в 1930 г. при проведении переписи румынские власти обозначили родной язык русинов двумя лингвонимами – как *рутенский* и *украинский*, а этнонимы **рутен**, **украинец**, **малорус** и **русняк** включили в одну графу. Русских (великороссов) при этом называли оскорбительно: **rus (muscal)** (русский (москаль)), а самоназвания **русин** и **гуцул** в бланках переписи не упомянули вообще. В тактическом плане эта мера оправдала ожидания ее инициаторов: значительная часть русинов Румынии и оккупированных ею территорий отдала предпочтение государственной идентичности – румынской(41). Но русинской этничности сама по себе эта мера устранить не могла.

До логического завершения метод «исключения» русинов из истории Молдавии, Трансильвании и Валахии путем признания их присутствия в княжествах на начальном этапе их существования при замалчивании их роли в дальнейшей политической и культурной жизни княжеств довел румынский историк-националист Петре Панаитеску. В книге «История румын», изданной во времена военно-фашистской диктатуры (1943 г.), он признал присутствие славян в Карпато-Днестровских землях не только в VI-XIII, но и в XVI -XVIII веках, отметил славянский характер множества гидронимов и топонимов Румынии, славянское влияние на формирование румынского языка. У славян, констатировал П.Панаитеску, румыны позаимствовали христианство, а также свою «старинную социальную и политическую организацию»(42). Но других упоминаний о славянах в книге почти нет. История Румынии и существовавших до ее образования на территориях, включенных в ее состав четырех княжеств, – Молдавии, Валахии, Трансильвании (где государствообразующим этносом были венгры и имелось значительное славянское население) и славянской Добруджи, – представлена как история «румын». Отсутствие упоминаний о славянах создает у читателей представление об этих государствах как о «румынских» по составу населения(43).

По вопросу о проживании потомков древнерусского населения в Молдавии и Трансильвании румынская историография эпохи народной демократии и социализма, особенно в ее версии времен Н.Чаушеску (1964-1989 гг.), осталась на позициях замалчивания известных науке фактов. Даже объективные румынские исследователи

истории румыно-славянских связей рассматривали почти исключительно межгосударственные отношения Румынии и России, а также взаимодействие румынской и русской литературы. Упоминания о славянском присутствии в Молдавском княжестве в работах историков были редки(44).

в) Молдавская советская историография: первые шаги к растабуированию русинской темы.

В Молдавской Советской Республике, как и в каждом из субъектов Союза ССР, приоритетная поддержка была обеспечена культуре титульной нации и, естественно, в первую очередь изучалась ее история. Исключение славян из молдавской истории обедняло и искажало ее, поэтому их участие в этногенезе молдавского народа в принципе признавалось, в контексте исследований истории молдавской культуры определенное внимание уделялось также изучению славянского влияния на формирование молдавского языка и развитие молдавской духовной культуры(45). Но влияние это исследователи трактовали как исключительно внешнее, идущее из-за пределов Молдавии: из Болгарии, Сербии, Галицкой Руси, России.

В Молдавии, как и на Украине, проводилась политика этнокультурной консолидации, включающая «корректировку» этнического сознания русинов(46). Социальных либо политических причин для проведения специальных русинских исследований в республике не имелось, поэтому молдавская советская историография, подобно румынской, заняла позицию замалчивания русинской проблематики. В первом томе двухтомника «История МССР» (1965 г.) не нашлось места для воспроизведения одного из важнейших документальных свидетельств славянского присутствия в Карпато-Днестровских землях – перечня древнерусских городов XII в., включенного в «Историю Молдавии» 1951 г. издания(47). Составители одготомника «История Молдавской ССР» (1984 г.) построили курс истории Молдавии эпохи феодализма без упоминания об этнической структуре населения княжества, только отметив, что накануне создания Молдавского государства славяне составляли большинство населения Карпато-Днестровских земель(48).

Застой в осмыслении русинских сюжетов истории Молдавии становился все более очевиден благодаря успехам археологии. Результаты археологических исследований, проведенных в республике в 50 - 60-е гг. при ведущем участии Г.Б. Федорова, обогатили существующие представления о численности, культуре и судьбах древнерусского населения Карпато-Днестровских земель(49). Давнюю гипотезу румынской историографии о том, что русины северо-востока Молдавии являются потомками переселенцев XV-XVII вв., выступая по отношению к молдаванам в качестве суперстрата, опроверг молдавский археолог П.П. Бырня. Выходя за общепринятые хронологические рамки археологических исследований, в своей монографии «Сельские поселения Молдовы XV-XVIII вв.» (1969 г.) он выявил славянский характер большинства сельских поселений на севере Молдавии не только в древнерусский период, но и в XV-XVII вв. (50).

Установить примерную численность основных этнических групп и их долю среди населения Молдавии к концу правления Стефана Великого (1500 г.), а также географию их расселения на территории княжества удалось историку Л.Л. Полевому. Сопоставив данные археологии с письменными источниками, исследователь заключил: «География, датация, этнокультурная принадлежность археологических памятников подтверждают до мелочей ретроспективную картину топонимов на территории Молдовы последней трети XIII – первой трети XIV в.». Историком были выявлены более ранние, по сравнению с молдавскими, сроки образования славянских поселений, главным образом на севере и северо-востоке Молдавии, и динамика преобразования славянских топонимов в молдавские, т.е. ассимиляции русинов

молдаванами. Для выяснения географии проживания русинов в княжестве весьма показательна также составленная им топонимическая карта Молдавии XIV-XV вв. Северная Буковина, подтвердил Л.Л. Полевой в следующей монографии, являлась древней славянской землей, и осторожно сформулировал вывод о первичности проживания русинов в Карпато-Днестровских землях вообще: «славянская топонимия поселений прошла более длительный путь развития», чем молдавская(51). Анализируя находки археологов Молдавии и Румынии, М.В. Великанова еще 60-е гг. убедительно обосновала высказанное ранее румынскими исследователями мнение о наличии антропологических различий между средневековым населением Молдавии и Валахии, объяснив их интенсивными молдавско-славянскими контактами(52), т.е. проживанием в Молдавском княжестве многочисленного славянского населения.

Этническая идентичность русинов Молдавии получала попутное обоснование также в процессе разработки вопросов истории молдавской культуры. Издание в 60 - 80-е гг. XX в. молдавских песен и легенд, в том числе гайдуцкого цикла, в которых фигурировали русины(53), изучение молдавского фольклора, а также истории молдавско-русско-украинских культурных связей(54) вновь выявили наличие на севере Бессарабии в XV-XX вв. автохтонного компактно проживающего восточнославянского, т.е. русинского, населения. Не пытаясь объяснить масштабы его культурного взаимодействия с молдаванами, исследователи отмечали наличие общих элементов в фольклоре и бытовой культуре молдаван, украинцев и русских (55). Длительный, с XIV до второй половины XVIII в., и неизменно партнерский характер взаимодействия молдаван с русинским населением княжества, а также неблагоприятную для русинского этноса направленность этнических процессов уже в середине XV столетия, в начальный период правления Стефана Великого, на материалах лингвистики удалось подтвердить языковеду Н.Д. Раевскому. По примеру Л.Л. Полевого ученый упомянул странную формулу «русино-украинцы», но, сознавая, что участие русинов в формировании украинской нации в XXв. не дает оснований для наименования их украинцами уже в средние века, восточнославянское население Молдавского княжества он уже называл русинами(56).

Однако табу на разработку русинской темы оставалось в силе. Игнорируя результаты исследований П.П. Бырни и Л.Л. Полевого, молдавские медиевисты по-прежнему ограничивались констатацией «присутствия старинного русского населения в цинутах между Днестром и Карпатами»(57) и проводили мысль о том, что молдаване, расселившись в конце XIII-XIV вв. в центре и даже на юге Пруто-Днестровского междуречья, незамедлительно ассимилировали славян, сохранившихся там после татарского нашествия. Некоторые исследователи, избегая обобщений, публиковали новые документальные подтверждения известных летописных свидетельств о пополнении славянского населения Молдавского княжества вследствие миграций, вызванных религиозными гонениями на православных и социальными притеснениями в Речи Посполитой (58), другие данные, посвященные частным вопросам истории русинов. Но под воздействием идеологического прессинга отступая от принципа историзма, именовали их украинцами.

Показательна по противоречивости позиция виднейшего этнографа Молдавии конца XX в. В.С. Зеленчука. «Украинские [?]- вопреки уже установленным наукой фактам утверждал он в книге «Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в.» (1979 г.), –поселения, расположенные на севере области, были такими же древними, как молдавские». Далее следовало положение о все-таки более древнем происхождении славянских поселений: «Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что с VI до начала XIII в. культура Восточного Прикарпатья носила ярко выраженный славянский характер. На территории между Карпатами и Днестром с конца VII до IX в. существовала славянская культура, получившая

название Лука-Райковецкая – Хлинча». Затем автор попытался оспорить факт проживания потомков насельников Древней Руси в Молдавском княжестве: «Молдавское население, расселившееся в конце XIII – XIV вв., поглотило оставшиеся там группы славян». И, наконец, опровергая собственный тезис о быстрой ассимиляции русинов молдаванами, этнограф привел данные о существовании в Молдавии русинского населения в XIX веке(59). Это была политически обусловленная позиция. Десять лет спустя В.С. Зеленчук, не приводя каких-либо аргументов, вновь повторил необоснованное положение о том, что после образования Молдавского государства молдаване ассимилировали проживавшее в Карпато-Днестровских землях славянское и даже тюркское население(60), вероятно, татар. От рассмотрения судеб русинского населения средневековой Молдавии этнограф уклонился.

Таким образом, накопление в научном обороте сведений об истории и культуре русинов Молдавии в 50 – 80-е гг. XX в. шло только попутно, в процессе изучения истории и культуры молдавского этноса. Ни одной специальной монографической работы, ни одной научной и даже газетной статьи, посвященной истории русинского населения Молдавского княжества, в рассматриваемый период так и не было опубликовано.

г) Украинская историография: замалчивание существования русинов в Молдавии.

Классик украинской историографии, львовский профессор, а затем советский академик М.С. Грушевский (1866-1934 гг.), сыгравший ведущую роль в обосновании украинской национальной идентичности, не отрицал этнокультурной самобытности русинов, использовал в своих публикациях этнонимы «русины» и «русские люди», а в работе «История Украины-Руси» привел сведения об ускоренной ассимиляции румынами и венграми русинского населения Трансильвании в XVIII – XIX вв. Однако русины (руснаки) Бессарабии остались вне сферы его внимания. О вторжении казаков и татар в 1650 г. в Молдавию и ее «жестоким опустошении» он сообщает походя, одной строкой, как о войне против чуждого народа(61). Учитывая эрудицию историка, игнорирование им самого факта проживания в Молдавии потомков древнерусского населения нельзя объяснить его неосведомленностью. Это было признание особой, отличной от малороссиян (будущих украинцев), этнокультурной идентичности русинов.

Позицию замалчивания существования русинов в Молдавии заняла и украинская советская историография. О проживании в средневековой Молдавии даже не русинов, а как признавала молдавская историография, – «восточнославянского населения», в трудах, посвященных истории Украины, не упомянуто. Показательно описание похода войска Богдана Хмельницкого в Молдавию в 1650 г., данное в обобщающем труде «История Украины» (1979 г.). Столица княжества Яссы, отмечено авторами, была занята казаками без боя, молдавские полки, собранные господарем, присоединились к крестьянско-казацкому войску. Однако никаких разъяснений причин ни социальных, ни этнокультурных, столь необычного, – или наоборот, если вспомнить походы Ивана Подковы и других запорожских претендентов на молдавский престол, закономерного поведения молдаван, – в книге не дано(62). Безосновательно удревяняя распространение этого термина в качестве этнонима, украинцами именуют русинов средневековой Молдавии и авторы обобщающих этнологических работ(63).

Избегают упоминать о существовании русинов в Молдавии и украинские историки-эмигранты. Именуя их украинцами, отмечают приоритет их расселения на Буковине(64). Сознательно путая понятия, Наталия Полонская-Василенко пишет о

борьбе «украинских» бояр за власть в Молдавии в конце XIV столетия, якобы завершившейся победой «румынской» (в действительности – волошской) династии Мушатинов, и определяет княжество как «национально необозначенное» государство. Молдавского господаря Стефана Великого историки-эмигранты, не приводя каких-либо доказательств, снисходительно объявляли покровителем «украинской» культуры, а описывая участие казаков в войне против турок на территории Буджака в 1609 г., признали, что в ходе их «были разграблены Килия, Измаил и Аккерман», не упомянув о том, что значительную часть или большинство их населения составляли русины. Начало «румынизации» Буковины они, также не приводя фактов, связывают с правлением господаря Василия Лупу (1634-1653 гг.)(65).

д) Современное состояние исследований истории и культуры русинов Молдавии.

В 90-е гг. XX в. по причинам вненаучного характера даже попутная разработка вопросов истории и культуры славянского населения Карпато-Днестровских земель в научных и учебных учреждениях Молдавии была прекращена. Исключив из своих работ упоминания о славянах средневековой Молдавии, историки-румынисты довели до абсурда метод фальсификации истории, еще в XIX в. введенный в обиход румынской историографией. Документальная база истории русинов все же пополнена материалами, опубликованными в двух томах сборника «Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи», охватывающих период 1671-1710 и 1711-1750 гг.(66). Однако названный сборник издан с нарушениями научных принципов публикации исторических документов; молдавские тексты, написанные в оригинале кириллицей, опубликованы в латинской транскрипции. А автор работы «Отношения румын с восточными славянами до 1812»(67), безосновательно оспаривая свидетельства летописцев и игнорируя результаты исследований П.П. Бырни, Л.Л. Полевого, Н.Д. Раевского и других ученых, предпринял попытку «опровергнуть» сам факт проживания славян в Молдавском княжестве. Умалчивают о существовании в Молдавском княжестве русинского населения и разработчики курса «история румын». А о славянах и венграх, проживающих за пределами «румынского пространства», они в издаваемых ими учебниках и учебных пособиях упоминают, как правило, в негативном плане(68).

Неизученность истории русинов Молдавии осложняет усвоение этой темы и исследователями, сохранившими верность научному подходу. В XIV в., отмечено в «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (1997г.), первом обобщающем труде по национальной истории, созданном после перехода Молдавии к независимости, «Днестровско-Карпатские земли продолжали интенсивно заселяться волохами из-за Карпат и древнерусским населением из Галицкой Руси», но весь курс истории Молдавского княжества вновь построен почти без упоминаний об этническом составе его населения(69).

Однако русинские сюжеты закономерным образом присутствуют в трудах, посвященных истории Молдавии, даже в случаях, когда отношение исследователей к самому факту существования в средневековой Молдавии славянского населения остается не вполне определенным. «Местным русским населением» и русскими крестьянами безоговорочно именует жителей Северной Молдавии XV столетия польский историк Здислав Сперальский(70). Идеолог молдавизма В.Н. Стати, наоборот, поддержал несостоятельный тезис о быстрой ассимиляции славян молдаванами в центральной и южной частях Пруто-Днестровского междуречья и попытался заменить используемый молдаванами по крайней мере со времен летописца Григоре Уреке (XVIIв.) этноним «рушь» странным термином

«протомолдаване». Переселение «русских», т.е. русинов, в Молдавию из Галицкой Руси и Подолии, осуществленное Стефаном Великим, исследователь, забывая об угоне населения Молдавии в те же годы на север польскими войсками, трактует как главную причину существования в Молдавии многочисленного русинского населения еще в конце XVII столетия. По поводу известного высказывания молдавского господаря (1503 г.), в котором использована характерная для языка русинов частица «ся»: «взял есми ту букату земле хочу щоби ми ся достало», ученый присоединяется к справедливому выводу румынского автора о том, что господарь «говорил по-русски», никак однако не объяснив его языковой компетентности(71).

Замалчивание проживания потомков древнерусского населения в Молдавии остается традицией украинской историографии. В школьных учебниках Украины отсутствуют не только этноним «русин», но и упоминания о наличии предков современных украинцев в Молдавском княжестве. Отсутствие упоминаний о русинах Молдавии при описании таких событий украинской истории, как восстание Дмитрия Мухи - Андрея Борули (1490-1492 гг.), поход Ивана Подковы и его правление в Молдавии (1577 г.), а также походы Богдана Хмельницкого, создает у учащихся ложное представление о моноэтничном составе населения княжества и о существовании украинско-молдавского межэтнического конфликта в позднем средневековье. Показательно также исключение украинской историографией из контекста украинской истории столь замечательного исторического деяния руснаков Северной Бессарабии, как поднятое ими совместно с молдаванами Хотинское восстание 1919 г., направленное против румынской оккупации(72), – очевидно потому, что состоялось оно под лозунгами воссоединения Бессарабии с Россией, а правительство Центральной рады отказало повстанцам в поддержке.

Вместе с тем находящийся в научном обороте фонд данных о русинской идентичности пополняется в результате региональных и краеведческих исследований историков и этнографов. На материалах участия русинов в «москвофильском» и «народовском» движениях конца XIX – начала XX в. профессору Черновицкого университета А.Добржанскому удалось вскрыть механизм подавления русинского самосознания властями Австро-Венгерской империи и польско-католическими кругами Галиции в конце XIX – начале XX в.(73). Этнокультурные особенности русинов Буковины и Северной Бессарабии выявлены Г.Кожолянко в обстоятельном исследовании «Этнография Буковины»(74). Вопросы истории русинов Карпато-Днестровского региона затрагивают также зарубежные русинские, точнее, карпато-русские историки(75).

Российская украинистика признает иерархичность уровней этнического сознания современных украинцев. Галиция в XII в., явствуя из фундаментального труда «Украинцы» (2000 г.), изданного Институтом этнологии и антропологии РАН, включала Поднестровье, а изначальные самоназвания жителей южной Руси – *русин*, *русич*, *руснак*, *руський* – так и не исчезли из лексикона жителей Закарпатья, Галиции, Подолья. Осознавая себя украинцами, они сохраняют генетическую связь с древнерусским населением, именуясь русинами (руснаками); осознавая принадлежность к краю, называют себя карпаторусами. Упомянуты в книге и региональные самоназвания украинцев: *буковинцы*, *верховинцы*, *воляняне*, *галичане*, *запорожцы*, *казаки*, *малороссы*, *ополане*, *подгорцы*, *пинчуки*, *подолане*, *севрюки*, *слобожане*, *степняки*, *тавричане*, *червонорусы*, *черкасы*, *черноморцы*, а также этнографические группы: *бойки*, *лемки*, *гуцулы*. Выделен нижнеднестровско-прутский антропологический тип украинцев. Прутский вариант отличается более интенсивной пигментацией и большим развитием третичного волосяного покрова, он характерен для населения Северной Молдавии и Хотинщины, которое говорит на особом *поднестровском* диалекте. Упомянуты и другие особенности культуры русинов

Бессарабии. Однако этноним «русин» используется авторами труда только применительно к украинцам, в начале XX в. эмигрировавшим в Канаду. Остается необоснованной попытка авторов трактовать появление термина *Украина* как свидетельство «завершающегося этапа формирования украинского этноса» уже с XII столетия(76).

Переходной в концептуальном плане стала работа В.П. Степанова (2001г.), посвященная истории этнографического изучения русинов Бессарабии. Исходя из этнокультурных реалий автор признал наличие у коренного восточнославянского населения Молдавии особенностей, отличающих его от украинцев, в том числе особого русинского этнического сознания и самоназваний «русины», «руснаки» и «руськи люди». Отметим историк и то обстоятельство, что русины Бессарабии никогда не жили в составе Украинского государства. Однако, разделяя официальную трактовку украинской этничности, вывода о том, что русины Молдавии, следовательно, частью украинской нации не являются, автор не сделал, именует их этнографической группой украинцев – «бессарабскими украинцами»(77). Формальные основания для такого заключения дают результаты политики подавления этнического сознания русинов, проводимой в Молдавии с 1918 г. Судя по материалам переписи населения 1989 г., ни один житель республики русином себя не назвал. Однако это обстоятельство вряд ли дает основания утверждать, что людей, помнящих о своем русинском происхождении, в Молдавии нет.

Научные итоги предшествующего периода исследований раннесредневековой истории славян Карпато-Днестровских земель удалось подвести авторам обобщающей коллективной монографии «И... разошлись славяне по земле» (2002 г.). С привлечением новых, не использованных прежде источников ими обоснована непрерывность славянского присутствия в этих землях в VI-XIII вв. н. э. Признавая запустение этих земель и нестабильность их политического статуса уже в конце XII – первой половине XIII в., исследователи вместе с тем заключили, что «в землях к востоку от Карпат славяне продолжали обитать и позднее, даже после многих десятилетий господства Золотой Орды»(78). Тем самым перед исторической наукой был вновь поставлен вопрос о судьбах древнерусского населения в составе Молдавского государства, когда условия существования стали менее опасными.

Продолжено пополнение фонда артефактов культуры руснаков Молдавии. Памятники устного народного творчества украинцев северных районов республики, собранные и опубликованные фольклористом В.Д. Панько, позволяют выявить его отличия от фольклора потомков малорусских поселенцев XIX-начала XX в. и представляют собой вклад в обоснование этнокультурной самобытности русинов Молдавии(79).

Закономерным продолжением предшествующего этапа русинских исследований явился выход в 2004 г. в свет монографии С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси: очерки этнической истории руснаков Молдавии», в которой история русинов Молдавского княжества кратко рассмотрена в общем контексте проблемы русинской идентичности. Справедливо рассматривая живущих ныне в Украине, Словакии, Сербии, Польше, Румынии, Молдавии русинов и их потомков, помнящих о своем этническом происхождении как части населения Древней Руси, не вошедшей в состав русской, украинской и белорусской наций, автор убедительно обосновал автохтонное происхождение русинов Карпато-Днестровских земель и факт их проживания в Молдавском княжестве на протяжении всего периода его существования. Буковина и север современной Молдавии, удалось показать исследователю, входили в зону первичного славянского этногенеза (IV-VII вв.), и присутствие славян на этих землях с тех пор было непрерывным. Мирный характер взаимоотношений русинов Восточного Подкарпатья с молдаванами в период образования Молдавского

княжества автор резонно объясняет общностью православной веры волохов и русинов, волошко-русинским составом населения Семиградской Руси и тем обстоятельством, что поход Богдана на восток представлял собой волошко-славянское предприятие. Оригинально мнение автора о том, что славянские насельники Карпато-Днестровских земель являлись прямыми потомками скифов и сарматов(80).

Особую наглядность повествованию С.Г. Суляка придает использование им при анализе миграций русинов Буковины в Бессарабию в XIX в. и этнокультурных процессов, происходивших в их среде в XX столетии, документов, относящихся к истории его собственной семьи и родного русинского села Булгак. Наличие в Молдавии множества граждан, официально идентифицирующих себя как украинцы, молдаване или русские, но знающих о своем русинском происхождении, выявили презентация книги, состоявшаяся 9 июня 2004 г. в помещении Департамента межэтнических отношений Республики Молдова, и отклики на это событие, поступающие в общественную организацию «Русь». Актуальность изучения истории русинов Молдавии подтверждена также научной дискуссией по вопросам русинской истории, развернувшейся в Молдавии в 2003 г.(81) и положительными откликами на выход монографии С.Г. Суляка в периодической печати Молдавии и за рубежом(82).

Таким образом, главные достижения русинистики в изучении культуры русинов Молдавии связаны с российской дореволюционной этнографической наукой. История руснаков Молдавского княжества и Бессарабии получала лишь попутное освещение в контексте истории Молдавии и общей истории русинов. Дальнейшее замалчивание историками присутствия русинов в Молдавском княжестве в средневековье и в новое время, а их потомков – в Молдавии в наши дни не имеет научных оснований и препятствует созданию подлинно научной истории Молдавии. Руси́ны Молдавии не могут более оставаться народом без истории. Логика исторического познания требует написания специального труда, посвященного истории потомков древнерусского населения, принявших участие в формировании Молдавского государства, в его защите, в развитии его экономики и культуры.

Русин [Кишинев]. 2005. №1(1). С.9-40.

* * *

ИСТОРИЯ - КАК БЛЕСК КЛИНКА

История военно-служилого сословия, сыгравшего роль детонатора и главной ударной силы в восстаниях Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, составлявшего в XIX столетии до четверти Вооруженных Сил России, связана и с Молдавией. В книге известного историка И.А. Анцупова «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (Кишинев. 2000) нашли удачное сочетание общероссийский контекст событий и конкретно – исторические исследования складывания казачьих формирований в Бессарабии и Днестровско-Бугском междуречье, описание их формирования, состава и быта казаков, их военной истории и участия в социально - политических движениях эпохи.

Труд И.А. Анцупова ценен новизной включенных в него сведений о всех казачьих войсках: Донском, Запорожском, Черноморском, Уральском, а также о задунайских казаках-некрасовцах, участвовавших в заселении Южной Бессарабии. В состав казачества, оправданно подчеркивает автор, входили не только великороссы и малороссы, но и представители других народов. В Бугском и Усть-Дунайском (Буджакском) казачьих войсках, находящихся в центре авторского внимания, наряду с русскими служили молдаване, болгары, цыгане. Их духовная

сплоченность раскрывает одну из особенностей казачьей да и вообще русской традиции межнациональных отношений: к представителям других народов они относились как к соратникам, становящимся в строй для борьбы против общего врага.

Казачество справилось со своей миссией, доблестно сражаясь во всех русско-турецких войнах. Во время Отечественной войны 1812г. бугские казаки воевали под командой знаменитых партизан Давыдова, Фигнера, Сеславина, навек закрепив за собой славу лучшей конницы мира. Данное в книге описание их участия в этой войне и в заграничном походе русской армии, - чем напоминают названия их поселений на Юге Бессарабии - Каир, Париж, Фараоновка, - нельзя считать исчерпывающим, но оно намечает направление дальнейших исследований. Следующим этапом разработки этой темы, надо полагать, станет исследование участия в этих исторических событиях наших земляков.

Утрата казачьим сословием своей былой социальной роли, удалось показать историку, связана не столько с ошибками царского правительства, вроде лишения дунайских казаков заслуженных ими льгот, перемещения из Бессарабии и Левобережного Поднепровья десятков тысяч казаков, сколько с развитием в России капиталистических отношений. Ключ к разгадке политики правительства относительно, справедливо отмечает И.А. Анцупов, коренится а аграрной сфере. Расказачивание казаков началось еще в 20-х годах прошлого века. Вместе с тем традиционно жесткий, критичный подход к оценке политики царизма не помешал ученому раскрыть творческий, патриотичный характер деятельности, в том числе по обустройству казаков, Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова и ряда других государственных деятелей России, созидавших ее могущество.

Казаки не ушли из истории. В войнах XX века они подтвердили свою славу непревзойденной по боевым качествам кавалерии. В наследство XXI столетию осталась богатейшая, подлежащая освоению самобытная субкультура казачества. События последнего десятилетия, в том числе в Молдавии, отмечены попытками возрождения казачьих традиций.

Замечательный по информативности и глубине анализа труд И.А. Анцупова вносит весомый вклад в обогащение исторической картины освоения Юга Бессарабии и формирования ее населения и подтверждает давно заслуженную репутацию автора как крупнейшего специалиста по истории Молдавии XVIII-XIX веков. Успешное восстановление утраченных было фрагментов истории Бессарабии и Буго - Днестровских земель, важное само по себе, наводит и на тревожные раздумья. Специального исследования заслуживает, на наш взгляд, технология изъятия из общественного сознания целых пластов исторической памяти. Заслуга издания книги, раздвигающей горизонты исторического познания, принадлежит Конгрессу русских общин Молдовы и Международному Независимому университету Молдовы (УЛИМ). Остается надеяться, что в дальнейшем от реализации столь плодотворных научных инициатив не останется в стороне и государство.

Кишиневский обозреватель. 2000. 12 мая.

* * *

ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Условием возрождения этнокультурной идентичности русинов является обновление их исторической памяти. Кроме общего характера, отмечал русский мыслитель первой половины XIX века П.Я. Чаадаев, у каждого народа есть еще свой частный характер но и тот и другой «всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов»(1). Начало русинским

исследованиям в Молдавии еще в 60 - 80-е годы XX века положила научная разработка общих вопросов истории и культуры республики учеными, далекими от русинской проблематики. Труды **Г.Б. Федорова** и других археологов подтвердили факт проживания предков современных русинов в Карпато-Днестровских землях с VI в. новой эры, археологу П.П. Бырне и историку **Л.Л. Полевому** удалось выявить территорию преимущественного расселения русинов, их численность и долю среди населения Молдавского княжества в XV-XVI столетиях, а языковеду **Н.Д. Раевскому** – вернуть в научный оборот этноним «русин» и раскрыть влияние языка местных русинов на формирование молдавского языка(2).

Предпринимаемые в Молдавии с 1989 г. попытки обосновать дискриминацию украинцев ссылками на их «миграционное» происхождение вынудили ученых напомнить факты истории. «Не хотелось бы шокировать тех представителей молдавской интеллигенции, которые носят русские, украинские и прочие «некоренные» фамилии и энергично требуют прекратить всякую ассимиляцию («манкуртизацию», «русификацию», «миграцию» и т.д.), – отталкиваясь от приведенного выше свидетельства В.Бутовича, напомнил в 1990 г. историк **Н.В. Бабилунга**, – но, пожалуй, не будет большой ошибкой назвать их в своем роде продуктом той же ненавистной им ассимиляции. Ибо их предки в не таком уж отдаленном прошлом сами ассимилировались, отказались от своего языка и слились с молдавской нацией...»(3). Большинство украинцев Молдавии - 420 тыс. чел. - отмечено в первом номере газеты «Просвіта» (1991 г.), являются потомками «коренного украинского населения Молдавии», т.е. русинов(4). Часть украинцев Севера Бессарабии, напомнил в 1995 г. историк **Ю.П. Датий**, является потомками славянских племен, населявших территорию между Прутом и Днестром с древнейших времен(5). Это еще не означало растабуирования исследований по русинской тематике, и осмысление накопленных наукой данных о русинской этничности запаздывало. В 2001 г. историк **В.П. Степанов**, признавая наличие у коренного восточнославянского населения Молдавии особого этнического сознания и самоназваний «русины», «руснаки» и «руськи люди», отмечая, что русины Бессарабии никогда не жили в составе Украинского государства и, следовательно, частью украинской нации не являются, все же назвал их этнографической группой украинцев – «бессарабскими украинцами»(6).

В 90-х гг. изучение этнической истории славян Молдавии, несмотря на почти полное отсутствие государственной поддержки, активизировалось. Но исследования по истории русского и украинского населения были посвящены процессам XIX – начала XX в., и главным образом современности(7). Коллективная монография «И... разошлись славяне по земле», в которой раскрыта непрерывность восточнославянского присутствия в Карпато-Днестровских землях в VI-XIII веках, по собственной инициативе написанная группой историков, увидела свет только в 2002 г.(8). При участии крупнейшего специалиста по истории народов Молдавии **И.А. Анцупова** группа, уже в несколько ином составе, планировала написание коллективных трудов, посвященных также этнической истории русского населения Молдавского княжества. Споры вызвал вопрос о самоназвании этого населения. Допустимо ли именовать этих жителей русскими, как их называли молдавские летописцы XVI-XVIII веков? А вдруг это будет истолковано как утверждение об их принадлежности к современной русской нации? Или украинцами?

Участники дискуссии были знакомы с трудом Н.И. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»(9), и данная им трактовка происхождения украинской идентичности возражений не вызвала. Использование этнонима «украинцы» в монографии, посвященной восточным славянам Молдавского княжества (1359-1859 гг.), как поступал В.С. Зеленчук(10), представлялось некорректным. Поскольку сам

этнограф свои прежние позиции не защищал, а в личных беседах резонно напоминал о том, что украинцев Севера Бессарабии он еще в 70-е гг. называл также русинами, в целях выявления современной аргументации украинистов к дискуссии были привлечены украинские историки. Основные позиции ее участников были отражены на страницах журнала «Мысль»(11). Было признано, что до 1917 г. термин «украинцы» не являлся этнонимом, а обозначал участников политического и национально-культурного движения, направленного на подавление среди русинов общерусского интегрализма и на сепарацию малороссов и русинов от великоруссов; русских жителей средневековой Молдавии следует в соответствии с древнерусской традицией именовать русинами. И.А. Анцупов взялся за разработку наименее изученного сюжета этнической истории русинов Молдавии – их массовой ассимиляции в XVIII столетии.

В.С. Зеленчук, которому было предложено написать главу, посвященную этнической истории руснаков Бессарабии XIX-начала XX века, ссылаясь на занятость другими срочными работами, – он формировал коллектив для подготовки труда «Молдаване», – от этой работы отказался, но дал ряд ценных рекомендаций источниковедческого и методологического характера и пообещал вернуться к этому вопросу позднее. Этнограф обязался также «просмотреть», т.е. неофициально отрецензировать и отредактировать, книгу о русском населении Молдавского княжества, когда она будет написана(12). В порядке подготовки к написанию монографии был опубликован ряд статей по истории славян средневековой Молдавии(13). И все же исследование темы пошло по несколько иному пути.

Этапным событием на пути возрождения исторической памяти русинов стал выпуск известным в Кишиневе журналистом и предпринимателем **С.Г. Суляком**, вышедшим на русинскую тему в поисках архивных документов по истории своей семьи, монографии «Осколки Святой Руси»(14). В данной книге, первой, после трудов П.Несторовского 1905-1910 гг., специальной работе о русинах Бессарабии, судьбы древнерусского населения Карпато-Днестровских земель рассмотрены в контексте русинской истории и современно этнокультурного возрождения русинов. Язык руснаков, подчеркнул исследователь, отличается как от литературного русского, так и от литературного украинского языка, и его специфика определяется тем обстоятельством, что, проживая в составе православного Молдавского княжества, руснаки Бессарабии и Буковины в большей степени, чем группы западнорусского населения, оказавшиеся в XIV веке под властью католиков, сохранили «свою русскость», культурную самобытность, унаследованную от Древней Руси. Использование ими самоназвания «руськи люди» и лингвонима «руська мова» свидетельствует, что руснаки всегда считали себя русскими, а свой язык – русским. В 20-30-е гг. XX века, когда в Советской Украине утверждалась украинская национальная идентичность, они находились под властью Румынии. Поскольку русины Молдавии в составе Украинской ССР не жили и, следовательно, в формировании украинской нации не участвовали, заключил автор, они вправе считать себя отдельным этносом либо причислять себя к русской нации, вместе с которой развивались в составе Российской Империи. Автором сформулировано требование об официальном признании государством русинской этнической идентичности и о государственной поддержке национально-культурного возрождения русинов.

Появление научного труда, посвященного истории второго коренного этноса Молдавии, а также новой серии научных(15) и газетных публикаций, в том числе полемикального характера, «легализовали» русинов Молдавии как этнос и получили отклик среди их потомков. Презентация книги «Осколки Святой Руси», состоявшаяся 9 июня 2004 г. в актовом зале Департамента межэтнических отношений в Кишиневе, стала первым массовым собранием русинской общественности Молдавии. В нем

принял участие ряд видных деятелей науки и культуры, официально идентифицирующих себя как молдаван, русских или украинцев, но помнящих о своих русинских корнях.

Уже в 2003 г., после публикации в республиканской прессе первых статей о русинах, по инициативе С.Г. Суляка с целью сохранения и возрождения традиций и культуры руснаков Молдавии была учреждена Республиканская общественная организация «Русь». Законодательство Республики Молдова – Конституция (1994 г.), Закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова» (1989 г.), Закон «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций» (2001 г.), «Концепция государственной национальной политики Республики Молдова» (2003 г.), другие законодательные акты – не препятствуют возрождению русинской культуры. Устав организации «Русь» зарегистрирован министерством юстиции, а сама организация принята на учет Департаментом межэтнических отношений. Таким образом, русинская этничность в Молдавии де-факто признана государством.

Это пока не привело к принятию специальной государственной программы поддержки возрождения культуры русинов, подобных Указу Президента Республики Молдова «О мерах по обеспечению развития украинской национальной культуры» (1991 г.) и соответствующей программе правительства Республики Молдова. Однако некоторые возможности для сбора и популяризации артефактов русинской этничности создало уже образование при Институте межэтнических исследований Академии наук Молдовы Отдела истории и культуры украинского населения и учреждение в Бельцком государственном университете им. Ал. Руссо кафедры украинского языка и литературы. Русинская этнокультурная специфика получает отражение в научных трудах по истории и языку украинцев Молдовы, в сборниках местного украинского, т.е. главным образом русинского, фольклора. В передачах Национального радио и телевидения на украинском языке звучит живая речь потомков русинов, их «руська мова». В 2005 г. в Кишиневе начат выпуск международного исторического журнала «Русин».

Фрагмент статьи «Парабола забвения: Этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века». // Русин [Кишинев]. Международный исторический журнал. 2005. № 1(1). С.9-40.

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Русский (славянский) язык, родной (разговорный) язык русинов-потомков древнерусского населения Карпато-Днестровских земель(1), книжный язык и язык летописания(2), богослужения, государственного делопроизводства(3) и официального общения, с момента образования Молдавского княжества в 1359 г. до времен правления фанариотов (1711-1822 гг.) обладал в Молдавии официальным статусом. С конца XVIII столетия среди молдавской знати получил распространение разговорный русский язык того времени(4). Официальным языком Бессарабской губернии в составе Российской империи (1812-1917 гг.) был русский литературный язык. Благодаря поддержке местного населения всех национальностей, включая молдаван, русский язык, маргинализуемый и вытесняемый властями Румынии, лишенный официального статуса, все же сохранил функции языка публичного также в Бессарабии 1918-1940 гг. В Советской Молдавии (1944-1991 гг.) русский язык

наряду с молдавским фактически обладал официальным статусом и использовался в политике, образовании, науке, культуре, массовой информации, официальном и неформальном общении(5).

Законодательное ограничение сферы функционирования русского языка, насильственное, не имеющее этнодемографических и социально-культурных оснований, снижение его правового статуса является главным содержанием языковой реформации, осуществляемой в новых независимых государствах(6). Большинство населения Молдавии не согласилось со статусом национального меньшинства, определенного для них законодательством о языковом режиме, принятым в союзных республиках в 1989 г.(7) и якобы предполагающим отказ от публичного использования родного языка. Но особенностью общественного сопротивления языковой реформации в Молдавии является активное участие в защите сферы функционирования русского языка наряду с русскими других национальных сообществ, а также лояльное отношение к русскому языку большинства титульной нации(8). Представляются необходимым обзор бытующих в исторической литературе трактовок причин этого явления и выяснение степени их обоснованности.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ МОЛДАВИИ

Вопреки расхожему тезису о «русификации» молдавские историки подтверждают традиционно добровольный характер восприятия русского языка молдаванами в XIX-начале XX в., а также то обстоятельство, что усвоение русского языка не влекло забвения родного языка и национальных традиций(9), т.е. не приводило к денационализации национальных сообществ. В первом синтезе молдавской истории, изданном после распада СССР, «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней»(10), языковая политика советских времен обоснованно определена как исходящая из лингвистических реалий. В книге приведены данные переписи населения 1989 г., согласно которым русский язык являлся родным или вторым, которым свободно владеют, для 68% населения Молдавии, в том числе для 58% молдаван; молдавский язык, отмечено авторами, являлся таковым только для 66% населения, включая 11% лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Оба языка являлись языками официального и профессионального общения, делопроизводства, массовой информации, образования, т.е. де-факто обладали официальным статусом. Актуализацию вопросов языковой политики в Молдавии авторы связывают с общесоюзными процессами, а осуществление мер по ограничению сферы функционирования русского языка в Молдавии – также с деятельностью прорумынских национал-радикалов.

Традиционный у молдаван характер владения русским языком и их участие в защите его функционального пространства в другие кризисные времена XX столетия – в период румынской оккупации 1918-1940 и 1941-1944 гг. раскрыт в монографии «Молдавская самобытность». Отношение молдаван к русскому языку даже в периоды, когда его публичное использование преследовалось румынскими властями, показано в книге, было положительным. Благодаря поддержке молдаван он и в годы двух оккупаций в основном сохранил функцию языка межнационального общения(11). Положительное отношение молдаван к усвоению и использованию русского языка в советский период признают и авторы-унионисты. Юлиан Фрунтяшу, автор монографии «Этнополитическая история Бессарабии», квалифицирует его как некую врожденную «русофилию» молдаван(12), по его мнению, явление порочное. Стремление молдаван усвоить русский язык автор, противореча себе, пытается объяснить также соображениями карьерного роста, свойственными функционерам, но никак не большинству этноса.

Вопреки намерениям автора, усвоение русского языка молдаванами предстает в книге как часть процесса их культурализации. «Знание русского языка, – отмечает Ю.Фрунташу далее, – было непосредственно связано с идеей социального, политического и вообще человеческого прогресса. Отсутствие русских языковых навыков трактовалось как непреодолимое препятствие социальной эволюции индивида. [...] В СССР не было возможно, по определению, существование культурного индивида без знания русского языка». Вопрос о возможности существования таких индивидов в современной Молдове им опущен. По существу опровергая тезис о якобы имевшей место в прошлом «русификации» титульной нации, автор приводит цифру: в начале 70-х гг. только 34% молдаван бегло говорили по-русски. Не встретив возражений бывшего президента РМ М.И. Снегура, тезис о «русификации» аргументированно опровергает также его собеседник политолог Э.Г. Волков(13).

Уже по мотивам, названным Ю.Фрунташу, оценка отношений русского и молдавского языков как конкурентных, данная Татьяной Млечко в монографии «Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова»(14), представляется спорной. Административного принуждения в сфере функционирования русского языка не допускалось, в нем просто не было необходимости. Уже средняя школа обеспечивала молодежи возможность изъясняться на русском языке, и предубеждений по части его использования в массах молдаван не существовало. Исследовательницей отмечена «этническая совместимость» народов Молдавии и убедительно обоснована особая консолидирующая роль русского языка в полиэтническом обществе Молдавии. Из 482,2 тыс. жителей, при переписи 1989 г. назвавших родным язык, не совпадающий с их национальной самоидентификацией, 446,4 тыс. назвали родным русский язык. Справедливо подчеркнут автором функциональный в политико-социальном отношении характер вопроса о статусе языков. «Мобилизованный лингвизм» (термин академика М.Н. Губогло) мажоритарной нации, отмечает Т.П. Млечко, представлял собой способ произвести неравное разделение власти и ресурсов между группами, которые определяются на основе языка, обоснованно подтвержден ссылкой на тезис титульных национал-радикалов о коренных и некоренных жителях Молдавии. В соответствии с ним коренные обладают всеми гражданскими правами, они являются государствообразующей нацией, а некоренные – лишь «совместно проживающими людьми других национальностей».

Данное в книге объяснение прочности позиций русского языка и системы образования, функционирующей на русском языке, его ролью как одного из мировых языков, распространенностью на постсоветском пространстве, а также социолингвистическими факторами представляется справедливым, но неполным. Имели место также исторические причины, указанные в научных исследованиях предшествующего периода(15), но целенаправленно предаваемые забвению в Республике Молдова. Однако термин «русификация», используемый мажоритарными национал-радикалами при характеристике национально-языковой политики, проводимой российским правительством в Бессарабии в XIX – начале XX в. и правительством СССР в Молдавии после 1944 г. и призванный «оправдать» языковые гонения, развернутые в республике в 1989 г., Т.П. Млечко резонно определяет как пропагандистский: в начале XX в. критики пускали его в ход, с классовых позиций обличая «царизм», а в конце столетия – когда с позиций национализма ставили местному русскому населению в вину само присутствие русского языка в Молдавии. Хотя данное автором определение отношений русского и молдавского языков в системе образования независимой Молдовы представляется спорным, она права в другом: хотя с получением государственного статуса молдавский язык стал по

юридическому положению языком №1, русский язык сохраняет информационную и образовательную конкурентоспособность.

Как достояние каждого из национальных сообществ Молдавии, обеспечивающее их представителям подлинное равенство возможностей социального продвижения, трактует массовое национально-русское двуязычие почетный действительный член Академии наук Молдовы автор труда «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» М.Н. Губогло(16). Один из парадоксов новейшей истории гагаузов, отмечает исследователь, заключается в том, что большую часть XX в. им пришлось бороться за свободное использование не родного, а русского языка. Идея о сохранении своей национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского – укоренилась в среде гагаузов еще в 50-е гг. Массовое владение гагаузами русским языком, удалось показать М.Н. Губогло, не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности. Владение русским языком освободило гагаузов от комплексов национального меньшинства при общении с молдаванами и обеспечило им равные с этническим большинством условия социального продвижения. На рубеже 60-х гг., показал в монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов»(17), гагаузы выступили против перевода школьного обучения на гагаузский язык. Эта мера, осуществленная официальным Кишиневом якобы во имя осуществления права гагаузов на обучение на родном языке, на деле грозила ограничить новому поколению доступ к высшему образованию и его социальное продвижение. Родители ответили на решение властей массовыми протестами, и республиканские власти были вынуждены возобновить обучение на русском языке. В 60 – 80-е годы XX в. оно стало фактором стремительного социально-культурного подъема гагаузского этноса.

Гагаузский народ оценил выгоду двуязычия. Исследуя роль языкового вопроса в политическом размежевании в Молдавии на рубеже 90-х гг., М.Н. Губогло отметил коренное противоречие в отношении к русскому языку двух национально-политических формирований – «Народного фронта Молдовы» и Народного движения «Гагауз халкы». Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, т.е. смены языка межнационального общения, то в Программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание государственного статуса только одному языку, молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственной возможной базой языковой политики в гагаузских районах. Игнорирование мажоритарными национал-радикалами этнокультурного выбора гагаузского народа вынудило гагаузское национальное движение защищать позиции русского языка в республике политическими средствами. Этническая мобилизация гагаузов, удалось показать автору, протекала под флагом защиты русского языка и во имя его сохранения в качестве национального достояния гагаузов.

С тем большим основанием опыт самоутверждения гагаузов посредством использования русского языка следует экстраполировать на процесс приобщения к русскому языку славянских сообществ Молдавии – украинцев и болгар, среди которых свободное владение русским языком распространено даже в большей степени, чем среди гагаузов. Тезис о том, что для украинцев русский язык стал литературной версией родной речи, высказанной на страницах журнала «Русин»(18), возражений не вызвал. Выражая свою оценку степени приобщенности украинцев и болгар к русскому языку, в 1989 г. титульные национал-радикалы – авторы законопроекта «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» «забыли» включить в список языков, функционирующих на территории Молдавии,

украинский и болгарский. «Возможно, – отмечает этнолог В.С. Степанов, – это объясняется тем, что в среде украинского и болгарского населения, наряду с родными языками, был широко распространен русский, а в ряде населенных пунктов – и молдавский язык. Тем не менее, знак вопроса остается»(19).

Характеризуя процесс распространения знания русского языка среди национальных сообществ республики, В.П. Степанов обоснованно отмечает: русский язык не подавлял других языков и «на уровне бытового общения в Советской Молдавии звучала болгарская, гагаузская, украинская речь. Причем сложившиеся условия вполне устраивали национальные меньшинства, которые в 50 – 60-е гг. даже отказывались от обучения на родном языке в пользу русского. [...] Требования в пользу русского иногда встречаются и по отношению к молдавскому языку»(20). Социологические опросы, проведенные в 2002 г., показали, что для украинцев Приднестровья русский язык является первым или вторым языком, которым они свободно владеют, а на Правобережье Днестра украинцы решительно выступают за придание именно русскому языку официального статуса. В ходе дискуссии о языках обучения украинцев, вспыхнувшей тогда же в кишиневской прессе, руководители украинских этнокультурных организаций решительно высказались против перевода школьного обучения в украинских селах Молдавии с русского языка на украинский(21).

Не менее показательны языковые приоритеты болгар Молдавии. Интеллигенты-болгары, явствуя из материалов сборника «По пути национальной духовности болгар Молдовы»(22), владеют литературным болгарским языком. Но подавляющее большинство документов болгарского национального движения составлены на русском языке. В русском языке болгары видят свою социально-культурную опору, возможность сохранить болгарскую культурную идентичность и социально-культурное равноправие при контактах с представителями других этносов, избежать провинциализации культуры болгарского населения Молдавии, сохранить узы солидарности болгар с другими национальными сообществами республики, необходимые для национального выживания немногочисленного этноса в демократическом государстве.

В восприятии национальными сообществами Молдавии русского языка как своего национального достояния – одна из главных, наряду с его информационной и культурной ценностью, причин защиты ими его социальных функций и правового статуса в период кризиса СССР и в независимой Республике Молдова.

ПОКУШЕНИЕ НА ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ПРИЧИН ГРАЖДАНСКОГО КОНФЛИКТА

Это положение относится к числу замалчиваемых молдавскими политиками. Уважительно отозвавшись о приверженности людей своей национальной самобытности, бывший лидер партии аграриев и председатель парламента Д.Г. Моцпан(23) даже в главе воспоминаний, посвященной Приднестровью, не упомянул о проблеме статуса русского языка. Экс-президент М.И. Снегур свою позицию по вопросу о функционировании русского языка в Молдавии сформулировал так: «языком [официального] общения должен быть государственный язык, а русский язык остается языком общения между народами СССР»(24). Попытка проведения в жизнь политики, построенной в соответствии с этим принципом, вела к гражданскому конфликту. Между тем именно с критики билингвизма, с попыток доказать негативное воздействие на умственное развитие молдавских детей усвоения наряду с родным еще одного языка, развернутых в «перестроечной» публицистике в 1988-1989 гг., начали румынсты пропагандистское «обоснование» ограничения сферы функционирования русского языка(25).

Но в исторической литературе положение о решающей роли языковой политики национал-радикалов в политическом расколе общества и дезинтеграции республики представляется общепризнанным. Исключение русского языка из делопроизводства, предъявление работникам лингвистических требований, отмечено в книге «Покушение на статус» (1997 г.), представляло собой создание предлога для этнической чистки в престижных и выгодных сферах деятельности, а его вытеснение из образования было призвано закрепить этносоциальные итоги кадровой политики. Уже публикация первого законопроекта о языковом режиме, предусматривающего исключение русского языка из официальной сферы, представляло собой разрыв не только с коммунистической политикой пестования национальных культур, но и с давней бессарабской традицией корректного обращения с национальными чувствами соотечественников(26). Всеобщий характер протестов против установления в республике одноязыкового режима подчеркивает Чарлз Кинг (США), автор монографии «Молдаване». «Демонстрации против принятия законопроектов о языке, отмечает он, имели место по всей Бессарабии, особенно в городах с большой индустриальной базой и русскоязычным населением, как, например, на севере Бессарабии, в Бельцах. Но в Заднестровье лояльность по отношению к советской системе была сильнее и здесь же языковые реформы – особенно тесты, предусмотренные новыми законами, грозили встретить самый большой отпор. [...] Парламентское голосование в пользу молдавского языка стало началом событий. В ответ на это голосование местные Советы Тирасполя и других городов проголосовали против регламентов, переданных из центра, и постановили, что законы о языке не признаются действующими восточнее Днестра». Сознвая недостаточность объяснений возникновения Приднестровской государственности только преобладанием русского и украинского населения в регионе, автор оставляет вопрос нерешенным: «Имелось намного больше русских и украинцев западнее Днестра, чем в Приднестровье; в нескольких северных районах славянское население было столь же сконцентрировано, как и в районах восточнее Днестра»(27).

Сознвая угрозу гражданскому миру, созданную публикацией дискриминационных для нетитульного населения законопроектов о языковом режиме, весной 1989 г. требование о придании государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку поддержала часть молдавских традиционалистов. Профессор-молдаванин В.Н. Яковлев(28), один из лидеров Интердвижения Молдавии «Унитате-Единство» и впоследствии председатель Союза молдаван Приднестровья, еще в апреле 1989 г. опубликовал проект Закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», предусматривающий придание государственного статуса, наряду с молдавским, также русскому языку. Идеолог молдавизма историк В.Я. Гросул полагал, что лучшим решением вообще будет отказ от придания государственного статуса какому-либо языку. Когда ход событий сделал огосударствление языка мажоритарной нации неизбежным, он выступил за государственный статус также русского языка. «Введение русского языка в качестве второго государственного языка, – отметил он в 1995 г., – лишь юридически закрепит реальную ситуацию, усилит доверие русскоговорящих граждан к государственности Молдавии, в большей степени сделает их патриотами нашей республики...»(29). В свою очередь поборники национального равноправия приветствовали изучение молдавского языка новым поколением и расширение сферы его функционирования, протестуя лишь против использования языкового рычага в целях маргинализации нетитульного населения. В монографии Т.П. Млечко(30) опубликованы фрагменты ряда законопроектов, нацеленных на обеспечение гражданам права на выбор языка обучения детей и молодежи – молдавского или русского. «Речь о том, – полагает

автор, – чтобы государственный язык был не вместо родного, а вместе, то есть наряду с родным языком».

Выдвижение и популяризацию требования о придании государственного статуса в многонациональной, в основном двуязычной республике только языку титульной нации авторы «Истории Республики Молдова»⁽³¹⁾ связывают с инициативой не молдавских, а румынских националистов, выступающих против национальной идентичности и культурного суверенитета молдавской нации и стремящихся противопоставить молдаван русскоязычному населению. В книге «Молдавская самобытность» (2007 г.) сама публикация первого законопроекта «О функционировании языков» 16 февраля 1989 г. расценивается как попытка политически расколоть молдаван, перенацелив часть молдавской интеллигенции с защиты молдавских национально-культурных ценностей, подвергаемых атакам румынистов, на борьбу за этнические преференции. Молдавские традиционалисты, показано в монографии, выступили за предоставление государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку⁽³²⁾.

Положительное отношение большинства молдаван к публичному использованию русского языка и согласие с его равноправным статусом в Молдавии подтверждено фактами. Альтернативный законопроект, включавший статью 5 «Молдавский, русский и другие языки на равных началах используются всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, являющимися участниками политических, экономических, социально-культурных и иных регулируемых правом отношений», был разработан юристом-молдаванином профессором В.Н. Яковлевым⁽³³⁾. Приветствуя придание государственного статуса молдавскому языку, в своем синтезе молдавской истории (2002 г.) В.Н. Стати⁽³⁴⁾ приводит также сведения о негативных социально-экономических и политических последствиях этого акта для судеб немолдавского населения и гражданского согласия в Молдавии. Республику, пишет он, покинули десятки тысяч специалистов высокой квалификации, включая молдаван. Справедливо отмечая непричастность молдавских традиционалистов к развертыванию в республике национально-языковых притеснений, В.Н. Стати утверждает, что «Народный фронт Молдавии» был организацией румынской, а молдаване в тот период ни одной национальной организации не имели. С целью защиты национальных и социальных прав было образовано Движение «Унитате-Единство», объединяющее в основном русскоязычное население, в районах на левом берегу Днестра образовались Советы трудовых коллективов (СТК), а на юге – национальное движение гагаузов «Гагауз халкы».

Упомянув эти факты, далее историк пытается переложить на сограждан, требующих предоставления русскому языку официального статуса, часть вины за возникновение гражданского конфликта. Забывая о том, что одним из требований Республиканской стачки являлась защита молдавского алфавита и в ней участвовали десятки тысяч рабочих-молдаван, В.Н. Стати безосновательно трактует ее как выступление только русскоязычных, притом направленное «против молдавского языка»: «В дни, когда Верховный Совет обсуждал законы о государственности молдавского языка, функционировании языков, многие предприятия Кишинева объявили забастовку. Ситуация была более чем нелепой: крупные предприятия Молдавского Государства объявили забастовку против декретирования государственного статуса молдавского языка». Спровоцировав своими экстремистскими действиями создание «Единства», СТК и «Гагауз халкы», утверждает историк, фронтисты достигли своей первой цели – политического раскола республики. Игнорируя исторический характер широкого функционирования русского языка в Молдавии и социально-политические последствия применения

законов 13-й сессии, правоведы Н.Андроник, В. Иванов и Г.Татар утверждают, что придание государственного статуса только молдавскому языку представляло собой всего лишь «устранение деформаций в языковом строительстве в Республике Молдова»(35), суть которых остается нераскрытой. В непонимании якобы «демократической» сущности решений 13-й сессии Верховного Совета МССР, – ведь русский язык сохранил «свое положение языка межнационального общения», – обвиняет забастовщиков В.С. Степанюк, автор монографии «Государственность молдавского народа» (2006 г.)(36).

Наиболее решительно отказывает русским и другим национальным сообществам в праве на языковую свободу и на защиту своих интересов унионистская историография. Авторы «Истории Бессарабии» трактуют решения 13-й сессии ВС МССР как акт румынского торжества над русским языком, поскольку молдаван слишком долго якобы убеждали в том, что «единственным языком в СССР, способным выразить идеи и высокие чувства, является русский язык»; лишение русского языка фактически имевшегося у него официального статуса(37). Как выступления в защиту языкового статус-кво, якобы обеспечивающего «лингвистическое превосходство русских в общественной, экономической и культурной жизни», квалифицирует забастовки 1989 г. в своей «Этнополитической истории Бессарабии» Ю.Фрунташу. Но эти соображения, применимые при объяснении языкового поведения функционеров, не могут объяснить участия в стачке 1989 г. десятков тысяч рабочих-молдаван, а также двуязычия молдаван в настоящее время. Какой-либо связи между принятием в 1989 г. законодательства о языковом режиме и дезинтеграцией республики автор, занятый поисками в событиях в Молдавии «руки Москвы», не усматривает. Однако, констатируя отсутствие в республике антисоюзного сепаратизма, даже этот исследователь опровергает тезис о «неудовлетворенности» молдаван существующим в республике официальным двуязычием. Экс-президент П.Лучинский вообще обошел в мемуарах вниманием вопрос о языковых причинах гражданского конфликта, упомянув лишь о социальном недовольстве малоквалифицированных рабочих-молдаван(38).

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ АВТОНОМИЙ НА ЮГЕ И ВОСТОКЕ МОЛДАВИИ

Насилие в вопросе о выборе языка обучения, отмечено в работе «Покушение на статус», не только оскорбляло гражданское и национальное достоинство русских, украинцев, представителей других национальных меньшинств, но и сокращало шансы их детей получить высшее и профессиональное образование. Закрытие русско-молдавских школ, сокращение преподавания русского языка в молдавских школах ограничивало территориальную и, следовательно, социальную мобильность молдавской молодежи. Поэтому курс на ликвидацию образования на русском языке не мог быть принят обществом. Закрытие в Кишиневе русских дошкольных учреждений летом 1990 г., сокращение набора в группы с русским языком обучения в техникумах и профессионально-технических училищах, попытки унионистов обосновать требование о присоединении Молдавии к Румынии способствовали радикализации движения за национальное равноправие, возникновению в восточных и южных районах Молдавии территориальных образований, быстро прошедших путь от неподчинения Кишиневу в вопросах языка делопроизводства, официального общения и образования до экономического и политического суверенитета.

Попытка лишить русский язык официального статуса, явствует из материалов труда «История и культура гагаузов»(39), сыграла ведущую роль в активизации гагаузского национального движения и в возникновении на Юге Молдавии идеи автономизации региона. В 1989-1990 гг. обсуждались различные варианты автономии

для Юга Молдавии, преимущественно территориальные, с полиэтническим населением: Буджакской, Бессарабской, Гагаузско-Болгарской автономии, и только когда стала очевидной невозможность их осуществления, возобладала идея создания Гагаузской АССР. Главный смысл создания автономии в любой форме заключался в сохранении за русским языком официального статуса как условия сохранения этнополитического статус-кво. Как отмечает М.Н. Губогло(40), стратегически точнее звучала бы формула не «язык для республики», а «республика для языка», ибо только сохранение за русским языком официального статуса и сферы его функционирования в Молдавии позволяло гагаузам сохранить конкурентоспособность на рынке труда, включая область управления. Интердвижение Молдавии «Унитате-Единство» поддержало требование автономизации Юга как меру противодействия утверждению в республике режима национальной дискриминации(41).

Исключение русского языка из официальной сферы, предусмотренное национал-радикальными, – включая разработанный Рабочей группой Верховного Совета МССР, – законопроектами о языковом режиме, было признано неприемлемым и общественностью Приднестровья. Свидетельством тому – воспоминания участников создания Приднестровской государственности(42) и документы того времени(43). Развернувшаяся весной 1989 г. полемика в СМИ по вопросу о статусе молдавского и русского языков обусловила политизацию населения. При этом, как и на Юге Молдавии, автономистское движение в Приднестровье, отражая его полиэтничность и стремление всех национальных сообществ Молдавии сохранить гражданское согласие, не возражало против государственного статуса первого, но требовало такого же статуса для русского языка.

Вынужденный характер автономизации восточных и южных районов Молдавии подтвержден и анализом событий в Кишиневе, данным в книге «Молдавская самобытность». Вопрос о целесообразности создания автономии на юге республики Инициативная группа Интердвижения Молдавии обсуждала уже в начале 1989 г. При условии сохранения в Молдавии недискриминационного языкового режима, полагал ее председатель, профессор-историк А.М. Лисецкий, автономизация не нужна. Однако 16 февраля в органе Союза писателей Молдавии газете «Литература ши арта» был опубликован проект закона о языковом режиме. Государственный статус его авторы требовали предоставить только языку титульной нации; статьей 13 проекта была предусмотрена административная и даже уголовная ответственность должностных лиц, использующих в официальном общении язык, не обладающий таким статусом. Предание этого провокационного проекта гласности активизировало тенденции к самоопределению в регионах. Наряду с угрозой насильственного «объединения» Молдавии с Румынией и неприятием проводимой официальным Кишиневом политики румынизации местным молдавским населением, отмечено также в трудах по истории Приднестровья(44), как угрозу социальной маргинализации восприняло население Левобережья Днестра попытку лишить русский язык официального статуса.

Не соглашаясь с требованиями русскоязычного населения о придании русскому языку статуса государственного языка Молдавской ССР / ССР Молдова / Республики Молдова, молдавские традиционалисты решительно осуждают позицию унионистов по вопросу о придании русскому языку официального статуса в Приднестровье. «Власти восточномолдавских районов, – сочувственно отмечает В.Степанюк, – предложили объявить государственными два языка: молдавский и русский, хотя бы для них (последнее не соответствует действительности – П.Ш.). Кишинев высокомерно, с порога, отверг эти предложения, не учитывая историю этого молдавского края, его этнодемографическую специфику, языковые и культурные особенности многонационального местного населения. Эта неконструктивная

позиция, националистические экстремистские выходки сторонников Народного фронта Молдовы (НФМ) углубили отчуждение между берегами Днестра, консолидируя позиции восточнорумынских общественных сепаратистских организаций, щедро питая убеждения населения молдавского Левобережья в том, что «Молдавия объединяется с Румынией»(45). Далее автор по существу признает обоснованность подобных убеждений, вновь указывая на унионистскую угрозу как фактор дезинтеграции Молдавии. Однако ответственность прорумынских национал-радикалов за дезинтеграцию республики по существу низводится до уровня тактической ошибки. Нерешенность вопроса о статусе русского языка как этносоциальной причине гражданского конфликта в Молдавии в книге отходит на второй план.

Мотивами «возмездия» местному русскому населению за преступления сталинского и даже царского «режимов» пытается обосновать политику ограничения сферы функционирования русского языка в Молдавии унионистская историография. В учебниках, написанных в русле курса «история румын», эта тематика проигнорирована. Авторы «Истории Бессарабии» трактуют решения 13-й сессии ВС МССР как акт румынского торжества над русским языком, поскольку молдаван слишком долго якобы убеждали в том, что «единственным языком в СССР, способным выразить идеи и высокие чувства, является русский язык». Впрочем, лишение русского языка фактически имевшегося у него официального статуса они не расценивают как ущемление интересов даже русского меньшинства(46). В.Василос, автор курса истории, предназначенного для студентов Технического университета(47), даже индустриализацию Молдавии, ее урбанизацию и подъем образовательного уровня ее населения в 60 – 80-е гг. поставил в «вину» Союзу ССР. Тезис о «русификации» населения республики в этот период он абсурдным образом попытался «обосновать» **фактическим** статусом русского языка как языка государственного и языка межнационального общения, его использованием в делопроизводстве, данными о численном преобладании русских, украинцев и других нетитульных граждан среди населения Кишинева и некоторых других городов и выбором частью молдаван-горожан русского языка как языка аккультурации нового поколения. Риторика о правах человека отброшена и упомянутым Ю.Фрунташу(48). Стремление русских, украинцев, гагаузов, болгар, а также части молдаван отстоять свое право на использование русского языка в отношениях с государственной администрацией, на получение образования и общественно-значимой информации автор квалифицирует как проявления «русского шовинизма». Отрицая национальную идентичность молдаван, он именует их «бессарабскими румынами», а право «румын» навязывать нетитульному населению язык, получивший государственный статус, пытается обосновать заведомо несостоятельными ссылками на послевоенный голод, депортации сталинских времен и иные преступления «коммунистического режима».

Схематизмом отмечена трактовка гражданского конфликта исследователями Запада. Только в наличии в Приднестровье преимущественно русскоязычного населения видит причину сепарации Приднестровья Жан Ньюзиль. Попытки компромиссного урегулирования гражданского конфликта в Молдавии, начиная с вопроса о статусе русского языка, французский автор рассматривает в контексте соперничества Запада и России. «Федерализация Республики Молдова по российской модели, – полагает он, – [...] имеет целью ликвидацию Республики Молдова и ее преобразование в антизападный российский протекторат»(49). Не приведя данных об оппозиционности молдаван Москве, Ч.Кинг в событиях 1989 г. усматривает “утверждение узким этническим шовинизмом местного суверенитета молдаван против имперских интересов или поражение советского «интернационализма»“. Признавая наличие в конфликте также внутримолдавской составляющей, но, упуская

из виду общесоюзный характер процесса, историк усматривает в актуализации языкового вопроса также продолжение борьбы за власть двух фракций молдавской номенклатуры, правобережной и левобережной, развернувшейся в 50-е гг. «Новые молдавские элиты Бессарабии, представленные такими людьми, как Мирча Снегур, – утверждает историк, – нашли в вопросе о языке полезный инструмент против старого заднеistroвского руководства, русифицированного и традиционалистского».

Однако союзный Центр, в 50-е гг. сделавший ставку на бессарабскую номенклатуру, уже утратил роль арбитра, кроме того, на этот раз в конфликт вмешалось политическое представительство нетитульного населения. «Хотя руководители организации «Единство» были согласны с тем, чтобы молдавский язык был провозглашен государственным языком, они настаивали на том, чтобы позиция русского языка была обеспечена путем его провозглашения вторым государственным языком». Назвав деятелей «Единства», по его мнению, сыгравших главные роли в инициировании Республиканской политической стачки, далее Ч.Кинг, противореча себе, приписывает ее организацию аппарату КПМ и «директорскому корпусу», в действительности, за немногими исключениями, занявшим позицию, враждебную забастовке: «Когда партийная газета одной из фабрик Тирасполя заблаговременно, в начале августа 1989 года, опубликовала проекты нового закона о языке, показывая русскоязычному населению, что Верховный Совет не собирается объявить русский язык вторым официальным языком, местные партийные кадры и руководители фабрик Заднеistroвья инициировали волну забастовок против языкового движения»(50). Однако свидетельства массового характера движений в защиту национального равноправия в регионах, также приведенные автором, опровергают подобные суждения.

БЕССТАТУСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЭТНОГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛДАВИИ

К драматизации межэтнических отношений в Молдавии на почве неприятия законов 13-й сессии особенно склонны зарубежные авторы, мало осведомленные о местных традициях. «В ожидании нового языкового законодательства, – утверждает Ч.Кинг, – отношения между различными этническими сообществами Молдавии разрушились настолько, что бывшие союзники дошли до эффективных боев весной 1992 года»(51). Допуская свободное функционирование в республике СМИ на русском языке, бездоказательно утверждает Ж.Нюзиль, нынешнее правительство Молдовы провоцирует среди молдаван «состояние недовольства местным русским населением»(52). Но молдавские авторы-унионисты, знающие реальное положение, избегают затрагивать эту тему, по существу признавая, что обострения отношений между титульным и нетитульным населением Молдавии, во всяком случае в бытовом межличностном общении, не произошло даже в период Днестровской войны. Свидетельством тому – отсутствие фактов проявления межэтнической вражды даже в воспоминаниях молдавских участников событий(53) и современников-румын(54), склонных к демонизации противника.

Иное дело – отношение национальных меньшинств к государству, обретающему все более этнократический характер. Первые попытки возложить на их же политические формирования вину за распространение среди них недоверия к официальному Кишиневу были предприняты еще представителями руководства КПМ, взявшими курс на капитуляцию перед национал-радикалами. Первый секретарь ЦК КПМ Семен Гросул, отмечает политолог-унионист Г.Е. Кожокару, еще в сентябре 1989 г. «обвинил НФМ, Единство, Гагауз халкы в деструктивных действиях, которые проявились в разделении населения республики по национальному признаку». Это

утверждение было применимо к НФМ, но не к другим формированиям, по существу правозащитным. Однако далее шли обвинения в адрес участников «Единства», которые якобы «нередко принимают ультрареволюционные резолюции, поддерживают политические забастовки, выступают с призывами к свержению правительства, к созданию русскоязычной автономии»(55). Обходя вниманием требование о предоставлении русскому языку государственного статуса как главном вопросе массовых манифестаций, автор упоминает лишь о поддержке деятелями «Единства» идеи создания автономии на юге Молдавии на митингах, проведенных в Кишиневе, Комрате, Чадыр-Лунге. Вышего накала вражда к официальному Кишиневу, недоверие к парламенту и правительству достигли в молдавском обществе осенью 1990 г., после «похода» молдавских «волонтеров» против гагаузов и вооруженных столкновений молдавской полиции с населением в Дубоссарах, а также весной-летом 1992 г., во время вооруженного конфликта с Приднестровьем.

В 1994-1998 гг. молдавские традиционалисты, отстранив унионистов от главных рычагов государственной власти, несколько стабилизировали этногосударственные отношения. Движение «Единство» при поддержке Социалистической партии Молдовы и левых аграриев отстаивало право граждан на свободный выбор языка обучения – молдавского или русского. Материалы выходящих в Кишиневе общественно-политических, научных, исторических журналов(56) и научных конференций(57) свидетельствуют о том, что русский язык остается в Молдавии языком публичным. Он используется в сфере политики, массовой информации, культуры, межнационального и, в меньшей степени, официального общения, науки. Конституцией 1994 г. признано право на сохранение, развитие и функционирование русского и других языков, используемых на территории страны. В республике сохранена вертикаль воспитания/ образования, функционирующая на русском языке. Граждане вправе в устной и письменной форме обращаться в государственные учреждения на русском языке и получать на этом языке ответы. На двух языках, молдавском и русском, публикуются официальные акты, принимаемые парламентом, заполняются удостоверения личности граждан. Нормативная база для свободного функционирования русского языка, созданная в республике, закрепляет за русским второе – после государственного молдавского – место в иерархии функционирующих на территории Молдавии языков. Русский язык остается востребованным у молдавской молодежи. В высших учебных заведениях Кишинева и Бельц молдаване составляют большинство студентов внебюджетных (платных) академических групп с русским языком обучения.

Вместе с тем в отсутствие у русского языка закрепленного в законе официального статуса его позиции остаются необеспеченными. Вследствие применения требований относительно обязательного знания служащими государственного языка (Ст.7 Закона «О функционировании языков...») завершается процесс моноэтнизации государственного аппарата. Его комплектование прежде всего по языковому, т.е. этническому принципу, подпитывает среди функционеров шовинизм, укрепляя социальную базу унионистских политических формирований. Их активисты призывают молдаван отвечать только по-молдавски даже тогда, когда к ним обращаются на русском языке. Отсутствие у русского языка официального статуса служит национал-радикалам предлогом для выдвижения требований об «адаптации» русскоязычных граждан Молдавии к «румыноязычной» этнической среде, прежде всего об «усвоении и элементарном использовании румынского языка»(58). Существенная часть молдавской молодежи получает образование в Румынии, усваивая там не только румынский язык и профессиональные знания, но и румынскую традицию языкового поведения, отличную от молдавской и неприемлемую в полиэтничном, в основном двуязычном обществе. Система

школьного обучения русскому языку в молдавских школах во многом разрушена. Он преподается как иностранный, что не обеспечивает молдавской молодежи усвоения даже разговорного русского языка. Столь же неудовлетворительно поставлено обучение молдавскому языку в школах с русским языком преподавания. Элементарное взаимное непонимание между русскоязычной и молдо- (румыно-) язычной молодежью нарастает.

Тем самым создаются предпосылки грядущего этнополитического конфликта на языковой почве, какового удалось избежать в конце 80-х – 90-е гг. Уже в тот период, показали социологические исследования, проведенные в Молдавии в 90-е гг. московскими этнологами С.С. Савоскулом, И.А. Субботиной и Л.В. Остапенко(59), у местной русской молодежи сформировалась установка на эмиграцию в Россию или Дальнее Зарубежье как предпочтительный способ решения социальных проблем. Эффект «выталкивания», явствует из результатов данных исследований, достигнут прежде всего вследствие применения этнолингвистического прессинга, поскольку существенного ухудшения социально-экономического положения русских по сравнению с положением молдаван в республике не произошло.

* * *

Историография проблематики статуса русского языка в Молдавии разнообразна, что представляет собой дополнительное доказательство политической актуальности этого вопроса. Рассмотренная литература свидетельствует о следующем.

Политика маргинализации русского языка не следовала из этнолингвистической и этнополитической ситуации в Молдавии. Она была инициирована извне и изначально служила не социально-культурным нуждам молдавской нации, а клановым интересам титульной бюрократии и интеллигенции. Характер этой политики в основном определялся правительственными кругами Румынии, геополитическими устремлениями ее правящих кругов. Требования перевода обучения гагаузов, украинцев и болгар на родные языки, также выдвигаемые прорумынскими национал-радикалами, представляют собой тактическую уловку, направленную на раскол сообщества русскоязычных, социальную маргинализацию нового поколения «немолдаван» и конечный перевод всего обучения в РМ на государственный язык.

«Национализация» Молдавии на путях маргинализации русского языка несовместима с демократизацией. Отношение политических формирований Молдовы, именующих себя «демократическими», к гражданским правам и свободам «нетитульного» населения, в первую очередь к его праву на свободный выбор языка официального общения, образования, массовой информации, науки, культуры, свидетельствует об имитационном характере «демократии», установленной в Республике Молдова вследствие придания государственного статуса в полиэтничной, в основном двуязычной республике, государственного статуса только одному языку – языку титульной нации. Отсутствие у русского языка официального статуса способствует дальнейшей этнократической эволюции Республики Молдова. Оно остается источником напряженности в этногосударственных отношениях и стимулирует унионизм, движение, направленное против самого существования молдавской государственности.

Подводя итог насильственной языковой «реформации» конца XX в. на пространстве от Триеста до Владивостока, видный современный этнолог Э.Хобсбаум сделал вывод, прискорбный для инициаторов этнополитических игр на постсоветском пространстве вообще и в Молдавии в частности: «этнолингвистическая сепарация не обеспечивает прочной основы для упорядочения, хотя бы в общих чертах, мирового порядка. Для 1/5 земной поверхности

[политические] карты являются временными. Одно дело ясно – что будущее этих стран зависит от игр, идущих на совсем ином уровне. За исключением России, которая, вероятно, останется политической величиной»(60). В том, что попытка исключить русский язык из жизни Молдавии провалилась, сомнений нет.

Русин. 2008. № 1(9).

* * *

Глава IV.

БУДЖАКСКИЙ УЗЕЛ

ИСТОРИЯ ГАГАУЗСКОГО ПРОЕКТА

Почетный действительный член Академии наук Молдовы, профессор М.Н. Губогло выпустил труд «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» (М.: Наука.2006). Как один из ведущих российских социологов и этнологов М.Н. Губогло является консультантом Государственной Думы, при его участии формируется национальная политика России, его трактовка состояния этногосударственных отношений в Молдавии учитывается при формировании внешней политики России. Поэтому вследствие ее тематического многообразия и познавательной ценности данная книга заслуживает подробного рассмотрения.

Выпуск данной монографии закономерен как продолжение более сорока лет проводимых М.Н. Губогло исследований истории и культуры гагаузов, этнополитических процессов, происходящих в Молдавии при их участии. В 90-е гг. XX в. ученый результативно исследовал связи между социальными трансформациями и этничностью в контексте теории идентичностей. В написанном им параграфе «Приднестровский народ как единая общность» (История Приднестровской Молдавской Республики. Т.2. Ч.II) раскрыты генезис и характер приднестровской региональной идентичности. И, наконец, ценным пополнение источниковой базы, необходимой для создания научной картины этнополитических процессов в Молдавии 1989-1992 гг., стал вышедший под редакцией М.Н. Губогло сборник документов и материалов «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения» (М., ЦИМО. 2003). У нового комплексного исследования академика две стержневые темы – история гагаузского национально-культурного и этнополитического проекта и роль русского языка в социально-культурном развитии гагаузского этноса во второй половине XX в. Ценность исследования заключается также в использовании автором документации, почерпнутой в архивах Москвы, и материалов социологических опросов, раскрывающих направленность текущих этнокультурных процессов.

ОСНОВА ГАГАУЗСКОГО ПРОЕКТА:

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА

Определяя жанр рецензируемой книги как истории, М.Н. Губогло ограничил себя в выборе тематики исследования. Исходя из такого подхода первые два раздела монографии, посвященные гагаузской традиционной культуре, на первый взгляд, выпадают из контекста исторического исследования. Действительно, гагаузы не являются народом, неведомым миру. Однако исходная точка любого этнического проекта – сохранение этнокультурной самобытности, и автор был прав, решив дать своего рода реестр национальных ценностей гагаузов. Материалы книги дают читателю возможность составить достаточно полное представление о содержании гагаузской этничности и о том, что защищали гагаузы во времена распада СССР и становления современной молдавской государственности.

Главная из национальных ценностей гагаузов, как и любого народа, – родной язык, хранитель этнокультурной информации. Создание гагаузской письменности на основе русского гражданского шрифта (1957 г.) обеспечило подъем гагаузской литературы. Убедительно опровергая пропагандистские выдумки о якобы имевшей место

«русификации» гагаузов, автор приводит свидетельства прочности гагаузского национального сознания и владения гагаузами родным языком.

Другая национальная ценность гагаузов, также определяющая их этническую сущность, – их историческая память, легенды, баллады, сказания, сказки. Формирование гагаузского национального проекта во второй половине XX в., удалось показать автору, шло традиционным путем – посредством создания культа Прошлого. Беда гагаузов заключалась в том, что о временах до расселения в Буджаке у них не сохранилось даже устных преданий. Призывы литераторов воздать должное «следам кочевий» и «могилам предков» вряд ли могли возместить отсутствие таких следов и могил, а также героев ранней гагаузской истории.

Недоработку историков взялись исправлять литераторы. В 50-80-е годы деятели гагаузской культуры, отвечая на вызовы настоящего и будущего, отчаянно восстанавливая картину прошлого, стремились преодолеть дискриминацию гагаузов замалчиванием их пребывания на Буджакской земле. Продолжая эту традицию, автор большое, на наш взгляд, чрезмерное внимание уделил культу волка в мифологии и в представлениях гагаузов. Но данный в книге очерк истории гагаузской культуры – литературы, живописи, музыки – весьма содержателен и заслуживает отдельного издания. Как важная черта гагаузской этничности, гарантия сохранения национальной самобытности гагаузов, наглядно обоснована в книге их приверженность православной вере.

Разгадка загадок этнической идентичности гагаузов и механизмов ее конструирования, данная автором, проста и убедительна: их этническая сущность – в их языке и фольклоре, интеллигентам следует оставить поиски исторической родины гагаузов на границах Индии и Китая и заняться практической работой по социально-культурному подъему народа, к которому принадлежат по рождению.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ ГАГАУЗСКОГО НАРОДА

Один из парадоксов новейшей истории гагаузов заключается в том, что большую часть XX в. им пришлось бороться за свободное использование не родного, а русского языка. Идея о сохранении своей национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского – укоренилась в их среде еще в 50-е гг. На рубеже 60-х гг., а вовсе не в 90-е гг., показал М.Н. Губогло в монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (М., ЦИМО. 2004), состоялась первая этническая мобилизация гагаузов. Она была вызвана переводом школьного обучения на гагаузский язык, осуществленным без предварительного выявления воли родителей школьников, без должного научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения. Профанация образования грозила ограничить новому поколению гагаузов доступ к высшему образованию и его социальное продвижение. Родители ответили на это решение властей массовыми протестами, и официальный Кишинев был вынужден возобновить обучение на русском языке.

Массовое владение гагаузами русским языком не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности и развитию гагаузской культуры. Вместе с тем оно стало фактором стремительного социально-культурного подъема гагаузского этноса в 60-80-е годы XX в. Добровольно приобщаясь к русскому языку, гагаузы сделали его своим национальным достоянием. Владение русским языком освободило гагаузов от комплексов национального меньшинства при общении с молдаванами и обеспечило им равные с этническим большинством условия аккумуляции нового поколения и социального продвижения. Опыт самоутверждения гагаузов посредством использования русского языка оказался всецело положительным.

Продолжая исследование этой темы, автор исследует роль языкового фактора в политическом размежевании в Молдавии на рубеже 90-х гг. Показательны различия в отношении к русскому языку «Народного фронта Молдовы» и Народного движения «Гагауз халкы», выявленные автором. Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, то в Программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание государственного статуса только одному языку, молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственной возможной базой языковой политики в гагаузских районах.

Игнорирование мажоритарными национал-радикалами языковых реалий вынудило гагаузское национальное движение защищать этнокультурный выбор гагаузского народа политическими средствами. Этническая мобилизация гагаузов, удалось показать автору, протекала под флагом русского языка и во имя его сохранения в качестве национального достояния гагаузов.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ГАГАУЗСКОГО ПРОЕКТА. ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ГАГАУЗОВ

Термином «этническая мобилизация» понятийный аппарат этнологии обогатил именно М.Н. Губогло (См.: Языки этнической мобилизации. М., Школа. 1998), поэтому особый интерес представляет данный им анализ этого процесса в Гагаузии.

Гагаузский национальный проект советских времен, явствуется из рецензируемой книги, заключался в сохранении и развитии гагаузской этнокультурной идентичности и в использовании преимуществ проживания в крупном государстве в целях социально-экономического подъема гагаузского этноса. Несмотря на недовольство политикой официального Кишинева, гагаузы были лояльными гражданами СССР, националистического либо сепаратистского движения среди них не возникло. Даже после развала Советского Союза, справедливо отмечает автор, в Гагаузии, как и в России, не было ни консолидирующей этническую общность идеи, ни лиц, готовых взять на себя ответственность стать ее творцами и выразителями.

Идея предоставления гагаузам административной автономии была сформулирована кишиневским доцентом И.И. Мещерюком в письмах партийно-государственному руководству СССР еще в 1957 г., но она не была закреплена в программных документах и не стала известна общественности. В гагаузский национальный проект эта идея вошла только в период кризиса Союза, в конце 80-х гг., как реакция на попытку титульных национал-радикалов установить в Молдавии дискриминационный для национальных меньшинств языковой режим. Несмотря на их декларации о готовности предоставить гагаузскому языку, – в отличие от русского, украинского, болгарского, – статус регионального официального языка, гагаузская общественность быстро осознала, что, добиваясь маргинализации русского языка, титульные националисты стремятся узаконить такую кадровую политику, с помощью которой носители молдавского языка могли бы без конкуренции с иноязычными специалистами занимать руководящие должности. Поэтому формирующееся гагаузское национальное движение поддержало требование Интердвижения Молдавии о предоставлении государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку.

При этом автономизация рассматривалась не как прелюдия отделения от Молдавии, а только как гарантия сохранения национального равноправия в гагаузских районах. «Когда гагаузский народ говорит о своей автономии, – заявила 12 ноября 1989 г. на Чрезвычайном съезде гагаузского народа историк М.В. Маруневич,

– хочется, чтобы понимали: в этом нет ничего националистического, лишь только желание выжить и дружить на равных со всеми народами...» Гагаузское движение не выдвинуло требований, направленных на ущемление иноэтничного населения районов своего компактного проживания. Эти обстоятельства, а также правозащитный характер гагаузского этногосударственного проекта обеспечили гагаузам поддержку других национальных сообществ Молдавии, населения Приднестровья. Политическая мобилизация гагаузов состоялась на общедемократической основе и не повлекла осложнения межэтнических отношений в районах компактного проживания гагаузов.

Положительная сторона рецензируемой работы – ее предметный характер. В книге поименно названы более 100 деятелей и активистов гагаузского движения, указаны личные заслуги каждого из них. Раскрыт вклад едва ли не всех деятелей гагаузской культуры в национальное пробуждение гагаузов, указано, что в разработке концептуальных основ гагаузской автономии приняли участие ученые-гагаузы С.С. Курогло, И.И. Каракаш, К.П. Таушанжи.

ПРОЕКТЫ АВТОНОМИИ

Автору удалось раскрыть эволюцию идеи региональной автономии. В 1988-1989 гг. конкурировали три ее модели: Гагаузская, Гагаузско-Болгарская и Буджакская. Национальной, таким образом, была только первая, две другие автономии были задуманы как полиэтничные, а по времени обсуждения их, видимо, следовало перечислить в обратном порядке. Выдвигалась также четвертая - модель создания Бессарабской Советской Социалистической Республики с включением в ее состав районов компактного проживания гагаузов и болгар Юга Молдавии и Одесской области Украины. Данная в книге квалификация этого проекта как имеющего скорее экзотический, чем рациональный смысл, верна: однажды прочерченные административные границы превратились в межгосударственные, и их изменение стало практически невозможным. Но закономерность в возникновении такого проекта все же имела. Еще в 1957-1958 гг. И.И. Мещеряков предлагал руководству СССР создать в тех же территориальных пределах Болгаро-Гагаузскую Республику.

Закономерно было и намерение сторонников всех проектов сохранить в автономии за русским языком официальный статус. Более того, отмечает автор, стратегически точнее звучала бы формула не «язык для республики», а «республика для языка». Ибо только сохранение за русским языком его позиций позволяло гагаузам сохранить конкурентоспособность на рынке труда, включая сферу управления. Но именно отношение к русскому языку являлось главным пунктом противоречий между национальным движением гагаузов и прорумынскими национал-радикалами. Если движение «Гагауз халкы» полагало, что паритетное национально-русское и русско-национальное двуязычие – единственно реальная языковая база в местах компактного проживания гагаузов, то Народный фронт Молдовы с особой жесткостью отвергал возможность образования каких-либо автономий на базе русского языка.

Реализация того или иного варианта автономизации зависела не от его исторической, правовой или даже этнодемографической обоснованности, а от соотношения политических сил в республике и за ее пределами. Материалы книги позволяют проследить процесс «свертывания» этногосударственных проектов. Самый широкий, проект создания Бессарабской ССР, практически не обсуждался. Почти та же судьба постигла проект полиэтничной Буджакской автономии. Проект образования Гагаузско-Болгарской АССР в составе Молдавии оставался в силе до ноября 1989 г.; намеченный на 12 ноября Съезд гагаузского народа готовился с целью создания двуэтничной автономии. Но между 30 октября и 12 ноября стало очевидно, что в болгарском Тараклийском районе сторонники автономизации не добились

должной поддержки. Только в этот момент в гагаузском движении возобладал проект создания Гагаузской АССР в составе Молдавской ССР. В дальнейшем гагаузский народ вел борьбу за осуществление именно этого проекта.

Это еще не означало перехода гагаузского движения на позиции сепаратизма. В составе СССР гагаузы прекрасно уживались с молдаванами. Только летом 1990 г., когда титульные национал-радикалы выступили с требованием присоединения Молдавии к Румынии, в программу гагаузского национального движения был включен пункт о праве гагаузов на внешнее самоопределение в случае изменения государственного статуса Молдавской республики. Не желая мириться с дискриминационной политикой прорумынских националистов, 19 августа 1990 г. более 800 депутатов Советов всех уровней – участников Второго Чрезвычайного съезда гагаузского народа единодушно приняли «Декларацию о свободе и независимости гагаузского народа от Республики Молдова». Это решение поддержали делегаты Второго Чрезвычайного съезда народных депутатов всех уровней, провозгласившие 2 сентября Приднестровскую АССР. Но гагаузы, как, впрочем, и молдаване, и другие народы Молдавии, по-прежнему желали сохранить Союз, что и подтвердили в ходе Референдума СССР в марте 1991 г.

ПОПЫТКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ ГАГАУЗОВ

Безусловным достоинством рецензируемой работы является обращение автора к некоторым вопросам этнополитики, публично практически не обсуждаемым. Речь идет о графике гагаузского языка. С этим вопросом в начале 90-х гг. был искусственно увязан вопрос о языке аккультурации нового поколения гагаузов.

Отразив в начале 60-х гг. попытку официального Кишинева под предлогом обеспечения им права на обучение на родном языке заключить их в языковое гетто, гагаузы решительно отвергли и проект «гагаузизации» образования, предложенный титульными национал-радикалами в 1989 г. Но постановка вопроса о латинизации гагаузской письменности оказалась для гагаузов неожиданной. Никогда, за исключением периода румынской оккупации в 30-е гг. и в 1941-1944 гг., когда публичное использование гагаузского языка было запрещено, гагаузы не знали латинской графики. Проживая в Добрудже, они пользовались заимствованной у болгар кириллицей, а после переселения в Россию – русским гражданским шрифтом. Именно этой графикой до 30-х гг. XX в. создавал свои труды просветитель гагаузского народа М.М. Чакир. В богослужебных книгах гагаузов применялось также греческое, т.н. караманлийское, письмо.

Получив в республике власть, титульные национал-радикалы попытались решить эти вопросы методами административного насилия, представленного как инициатива самих гагаузов. В июле 1991 г. адепт латинизации Н.Бабоглу, назначенный заместителем министра образования, созвал на совещание 30 гагаузских интеллигентов. 11 из них являлись сотрудниками научных учреждений или преподавателями высшей школы, 10 – служащими министерств и ведомств, 6 – учителями, трое – журналистами, а один – композитором. Все они, за исключением двоих, являвшихся также депутатами парламента, зависели по службе от министра образования Н.Маткаша и других национал-радикальных функционеров. Кишиневский чиновник, отмечает автор, «наряду с молниеносно усвоенной им обычной для народнофронтистской риторики хулой на все советское прошлое, позволил себе надуманные обвинения в адрес русского языка». Он призвал прекратить «тратить впустую средства на печатание литературы на ломаной орфографии кириллицы». Один из депутатов, член фракции НФМ, оказывал давление на участников совещания.

К этому времени гагаузы пережили «поход» молдавских «волонтеров», избиение националистическими погромщиками артистов ансамбля «Дюз ава» и нападения на депутатов-гагаузов; продолжались массовые увольнения с работы политически неугодных лиц. Тем не менее заведующий отделом гагаузоведения АН Молдовы, депутат С.С. Куроглу, другой деятель гагаузского движения, старший научный сотрудник АН Г.А. Гайдаржи и еще 11 участников совещания выступили против латинизации гагаузской письменности и перевода обучения на гагаузский язык. 18 чел., включая инициатора совещания, приняли написанное под диктовку НФМ обращение к руководству ССР Молдовы и к руководству Турецкой (!) республики с просьбой об оказании помощи в переводе гагаузского языка на латиницу и в подготовке кадров, с тем чтобы осуществить также переход к обучению на гагаузском языке.

Принятие этого обращения представляло собой и попытку извратить гагаузский проект. Отказ от русского языка, отмечает автор, подобно эффекту бумеранга, приведет не к спасению от ассимиляции, а, напротив, будет загонять гагаузов и их социокультурное и этнополитическое развитие в тупик, в изоляцию от магистрального развития модернизации. Успешная самозащита малочисленного и потому малозащищенного народа на основе младописьменного, функционально слаборазвернутого гагаузского языка, невозможна. На эту роль подходит русский язык, которым гагаузы владеют и уже сделали своим национальным достоянием. Несмотря на массивную пропаганду, организационные меры воздействия и структурное насилие (сокращение возможности получить в Молдове высшее образование на русском языке и невозможность трудоустройства в государственную администрацию при наличии такого образования), гагаузы и в дальнейшем сохранили ориентацию на русский язык как язык образования. Красноречивы приведенные в книге цифры: в 1995/1996 учебном году на русском языке обучались 97 процентов гагаузских детей. Для сравнения отметим: на русском языке тогда же обучались только 72,3% русских детей, 68,7% украинцев, 75,9% болгар.

Как эпизод операции по геополитической переориентации этноса, проводимой внешними силами руками этнокультурных компрадоров предстает в книге перевод гагаузской письменности на латинскую графику. Сама латинизация не получила научного обоснования и поныне. В выступлениях парламентариев Молдавии прозвучал политический мотив: перевод гагаузской письменности на латиницу якобы облегчит гагаузам интеграцию в тюркский мир. Но тюркский мир – мир мусульманский. Стремятся ли к этому гагаузы, народ православный? Приемлема ли для них «интеграция» ценой этнокультурной капитуляции? Почему парламент Молдавии, государства, около 90% населения которого исповедует православие, позволяет себе подталкивать православных гагаузов к интеграции с мусульманским миром?

Ответа на эти вопросы в рецензируемой книге нет. История перевода гагаузской письменности на латиницу остается загадочной. Некоторые участники совещания 1991 г., выступившие в защиту гагаузской традиции, в 1993 г., после перехода Молдовы к независимости, поддержали латинизацию перед парламентом. Такую смену этнокультурной ориентации М.Н. Губогло резонно объясняет социальными мотивами: «Поистине, кто кормит, тот и танцует». Но желательна конкретизация ответа на вопрос о мотивах их действий.

Впрочем, в период существования Гагаузской Республики латинизация гагаузской письменности практически не состоялась. Она была осуществлена только в 1996 г.

**ПРОЕКТ ДЛЯ МОЛДАВИИ:
УНИТАРИЗМ? ФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ? КОНФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ?**

После расчленения СССР лозунг права наций на самоопределение правящими кругами новых независимых государств был немедленно забыт. Оказались неприменимы при решении вопросов национальной политики также процедуры формальной демократии. Парламентарии, принадлежащие к титульным нациям, начали демократическим большинством голосов решать, на каком языке надлежит воспитывать и обучать детей, обращаться в государственные учреждения, получать общественно-значимую информацию лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам. Этот курс, явствует из рецензируемой книги, лишь укреплял гагаузов в решимости сохранить провозглашенную 19 августа 1990 г. гагаузскую государственность. Их согласие с понижением ее статуса до уровня автономии в обмен на признание официальным Кишиневом, данное 23 декабря 1994 г., не означало отказа от гагаузского этногосударственного проекта. Гагаузам удалось сохранить в автономии официальный статус русского языка и право на проведение недискриминационной кадровой политики. Неизменной осталась также геополитическая ориентация гагаузского народа на Россию.

Весьма содержателен данный в книге обзор взаимоотношений между Комратом и Кишиневом в 1994-2005 гг. Подтверждая свои суждения фактами, автор убедительно квалифицирует эти отношения как внешне благополучные и терпимые, а в действительности острые, противоречивые и конфликтогенные. В то время как Центр настроен на максимальное выхолащивание статуса автономии, гагаузское движение требует наполнения гагаузского суверенитета дополнительными гарантиями и полномочиями, включения представителей Гагауз-Ери в делегацию, ведущую переговоры по вопросу о статусе Приднестровья, выражало намерение добиться для Гагаузии статуса третьего субъекта будущего общего государства. Руководителям Гагаузии приходится сдерживать стремления гагаузов довести решение вопроса о статусе Гагауз-Ери до логического конца – до провозглашения независимости от Кишинева. В этих условиях Комрат разработал проект Закона Республики Молдова «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова», в котором предложил установить между Молдовой и Гагаузией даже не федеративные, а конфедеративные отношения. Таким образом, речь идет уже не только о признании официального статуса русского языка в Молдове. Вопрос поставлен ребром: быть или не быть федерации в Молдавии.

Как долго сможет официальный Кишинев игнорировать полиэтничный, в основном двуязычный характер Республики Молдова? Ответ на этот вопрос затрагивает интересы не только гагаузов, но и двух пятых населения республики. Расчленение СССР в момент, когда на Западе в виде Европейского Сообщества формируется Европейское сверхгосударство, не дало бывшим субъектам Союза подлинной независимости. Решения ПАСЕ, МВФ, ЕБРР и других международных политических и финансовых структур для Кишинева не менее обязательны, чем в былые времена директивы Политбюро ЦК КПСС. А для европейского общественного мнения, на которое ориентируется правящая партия и большинство других политических сил Молдовы, как форма государственного устройства демократический федерализм, даже конфедерация, более привлекательны, чем постсоветский этнократический унитаризм. Экономика Молдовы остается ориентированной прежде всего на Россию. Таким образом, от справедливого определения статуса Гагаузии, полагает автор, в немалой степени зависит урегулирование конфликта с Приднестровской Молдавской Республикой да и в целом современное положение Молдовы на политической карте мира.

Отмеченные достоинства не означают, что у книги нет недостатков.

Желательно рассмотрение истории гагаузского национального движения в более полном контексте политической борьбы в Молдавии. Помощь «Гагауз халкы» оказывали руководители Интердвижения, молдаванин, профессор-юрист В.Н. Яковлев и украинец, профессор-историк А.М. Лисецкий, юридический консультант этого общественно-политического формирования, русский ученый-правовед В.Ю. Лебедев и некоторые другие специалисты. Продвижению вопроса о гагаузской автономии в Верховном Совете и правительстве СССР способствовал лидер депутатской группы «Союз», народный депутат СССР от Молдавии Ю.В. Блохин. Подробного научного анализа заслуживает также участие самого М.Н. Губогло в защите национального равноправия в СССР в целом и в Молдавии в частности, в разработке программы гагаузского национального движения.

По меньшей мере спорна трактовка автором НФМ как политического формирования **молдавских** националистов. Социальную базу этого «Фронта» составляли румынисты, – отнюдь не только молдаване, перешедшие к **румынской** этнической самоидентификации и действующие исходя из национально-государственных интересов не Молдавии, а Румынии.

И, наконец, исторический деятель противоречив. В книге названы творцы гагаузской культуры 60-80-х гг., не скрыл автор и факты, свидетельствующие о не всегда корректной, исходя из национальных интересов гагаузского народа, позиции некоторых из них в 90-е гг. Вероятно, этому явлению должна быть дана не только нравственная, но и политическая оценка. Представляется целесообразным также разделить этнополитические и художественные критерии оценки литературных качеств некоторых произведений гагаузских литераторов, как это сделано в других трудах М.Н. Губогло.

Именем языка националистические круги Молдавии, как и других новых независимых государств, проводили и продолжают проводить в своих интересах внутреннюю социальную и национальную политику. Гагаузский этногосударственный проект наряду с традиционными национально-культурными ценностями включает и идею сохранения и развития своей национальной самобытности на базе двух языков – гагаузского и русского.

Как и всякое добротное исследование, труд М.Н. Губогло представляет собой вклад в реабилитацию советского периода национальной истории, оболганной и очерненной. Вместе с тем его содержание свидетельствует об уточнении авторской оценки языковой реформации, происходящей в СССР, а затем в новых независимых государствах с конца 80-х гг. XX в. Процесс, вначале названный исследователем «тихой языковой революцией», а позднее, – когда «революция» вылилась в серию гражданских конфликтов и региональных гражданских войн, – языковой реформацией (См.: Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законодательстве в сфере этногосударственных отношений. Москва. ЦИМО. 2000), в рецензируемой книге наглядно представлен как политика насилия, проводимая в своих корыстных интересах националистическими кликами.

Монография «Именем языка» представляет собой наиболее полное изложение истории гагаузского этногосударственного проекта, данное главным идеологом и историком гагаузского национального движения. Это познавательно интересный и методологически значимый опыт написания этнической и региональной истории, ценное пополнение дискурса гагаузской истории и культуры. Данный в книге анализ

текущих этнополитических процессов позволяет прогнозировать будущее, и как таковой представляет интерес не только для историков и массового читателя, но и для действующих политиков.

Общественная мысль Приднестровья. 2006. №2(3). С.58-66; Мысль. 2007. №2(36). С.51-54.

* * *

О БОЛГАРСКОЙ ДУХОВНОСТИ – НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сборник документов и материалов «По пути национальной духовности болгар Молдовы (Конец 80-х-90-е гг. XX в.)», вышедший в свет в Кишиневе под редакцией известных историков И.Грека и Н.Червенкова, обречен стать раритетом. Дело не только в скромном для труда такого рода тираже, всего 500 экземпляров, но прежде всего в его насыщенности интереснейшими свидетельствами о событиях современной истории Молдовы, причем одного из наименее изученных его сюжетов.

Достоинством сборника является обилие и разнообразие собранной в нем документации. Ее содержание раскрывает текущие и незавершенные этнополитические процессы среди болгар Молдовы в самый сложный период становления новой молдавской государственности. В силу естественных причин включенные в сборник материалы раскрывают позицию русских, гагаузов, других групп так называемого русскоязычного населения, всех патриотических сил Молдавии.

Болгары Молдовы не отделяют себя от болгарской нации. Но Молдова – их родина, и стремлений возвратиться на историческую родину, в Болгарию, среди них даже в это кризисное десятилетие не отмечено. Сквозную тему сборника закономерно составляют материалы о формах национального самоопределения болгар – от дискуссии о целесообразности создания Буджакской (Гагаузско-Болгарской) Автономии в конце 80-х – начале 90-х гг. до Тараклийской территориально-административной эпопеи 1998 г. Познавательны опубликованные в сборнике резолюции митингов, обращения советников всех уровней к руководству республики, стенограммы парламентских споров.

Демократия – это диктатура большинства. Теоретически и политически важен данный сборник ответами на вопрос о принципиальной применимости механизмов демократии при определении курса национальной политики. Авторам удалось на документах раскрыть сложный механизм выработки общеприемлемого компромисса по вопросу о преобразовании Тараклийского района в самостоятельный уезд, достигнутого благодаря поддержке других патриотических сил Молдовы. В ходе борьбы по вопросу о статусе Тараклии выявился концептуальный суверенитет болгарской общественности Молдовы. Несмотря на членство общественных и политических деятелей-болгар в различных политических партиях, в вопросе о сохранении Тараклийского района как отдельной административно-территориальной единицы большинство их действовало солидарно и в интересах всего болгарского сообщества.

Документация о борьбе болгар за свои права в 90-е гг. XX века, опубликованная в сборнике, ценна также тем, что подтверждает удивительную закономерность, свойственную большинству национальных движений народов Молдовы: будучи национальным, болгарское движение никогда не было и не является националистическим, ему чужд болгарский этноцентризм, его лидеры, активисты и рядовые участники неизменно учитывали и уважали интересы молдаван и других

национальных сообществ Молдовы, поддерживали молдавскую государственность. Такая позиция болгар предопределила поддержку идеи сохранения Тараклийского уезда русскими, гагаузами, украинцами региона, этнокультурными организациями республики, а также обеспечила болгарам лояльное отношение большинства парламентариев-молдаван.

Показательны выявленные в сборнике языковые приоритеты болгар Молдовы. Болгары, во всяком случае интеллигенты, владеют литературным болгарским языком. Но подавляющее большинство документов болгарского национального движения составлены на русском языке. В русском языке, свидетельствуют документы, болгары видят свою социально-культурную опору, возможность сохранить болгарскую культурную идентичность и социально-культурное равноправие при контактах с представителями других этносов, избежать провинциализации и деградации культуры болгарского населения, сохранить узы солидарности с другими национальными сообществами Молдавии, столь необходимые для национального выживания болгарского этноса в демократическом государстве.

Заслуживает одобрения научная корректность составителей – тех же И.Грека, Н.Червенкова, а также Татьяны Шикирлийской. Как участники событий, они могли бы проигнорировать публикации своих политических оппонентов. Этого не произошло, в сборнике представлены все точки зрения, включая неприемлемые для составителей. Такой подход, безусловно, увеличивает научную ценность издания. Правы историки и в том, что написанию монографического исследования они предпочли выпуск сборника, состоящего, разумеется, в основном из документов и материалов их домашних архивов.

Сборник издан своевременно, и его материалы представляют собой весомый вклад в создание источниковой базы не только истории болгар, но и гагаузов, молдаван, русских, украинцев нашей республики, политической и общегражданской истории Молдавии. Документальный стержень истории болгарского населения Молдавии периода кризиса СССР и становления новой молдавской государственности создан. Отныне болгары нашей республики располагают документальным фондом по истории современности, какого нет ни у русских, ни у гагаузов, ни у украинцев, ни, следует признать, у молдаван. Хотя сводный труд по истории болгарского населения нашей республики еще не написан, болгары Молдавии более не являются народом без истории.

При всем тематическом богатстве документов, включенных в сборник, его нельзя признать исчерпывающим. Ожидают публикации новые сотни документов истории болгар, способные обогатить не только описание их прошлого, но и историю нашей республики как таковую. Они позволяют создать дискурс, по значимости выходящий за пределы исторического опыта болгарского сообщества Молдовы.

И, наконец, сборник издан на средства, предоставленные современным меценатом И.И. Биширом. Приветствуя спонсорство как таковое и содействие предпринимателя выпуску этой книги, выскажем мнение, что болгары, как и другие национальные сообщества Молдавии, вправе рассчитывать на государственное финансирование исследований, посвященных их истории и культуре. Почему ничего подобного не издается под эгидой Академии наук Молдовы?

Остается поздравить составителей с замечательным вкладом в историографию современной истории Молдавии и пожелать им новых достижений на пути служения науке. Наш подарок составителям – неизвестный им документ гагаузско-болгарской дружбы.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЖЕСТВЕННОМУ БОЛГАРСКОМУ НАРОДУ, ПРОЖИВАЮЩЕМУ В НАШЕМ РЕГИОНЕ

ДОРОГИЕ БОЛГАРСКИЕ ДРУЗЬЯ!

В эти трудные для молодой Гагаузской Республики дни, когда силы возникшего противостояния оказались далеко не равными, когда напряжение политической ситуации достигло своей высшей точки и каждый миг грозил непредсказуемым взрывом любого случайного столкновения, вы по зову своего сердца пришли к нам на помощь.

До глубины души взволновало жителей Комрата и других населенных пунктов Гагаузской республики сообщение о том, что женщины с. Твадицы вместе с детьми легли на асфальт и преградили своими телами путь двигавшимся на юг формированиям из людей, одурманенных националистическими призывами правительства ССР Молдовы. Население Тараклии и Кирютни не дало пройти карательным формированиям МВД, двигавшимся на блокаду соседних гагаузских сел.

Действуя по зову своего сердца, вы проявили истинный интернационализм и выразили свою дружескую поддержку гагаузскому народу. Ваш патриотический порыв далеко не случаен. Многие годы на этой земле жили в дружбе и согласии болгары и гагаузы, русские, молдаване и украинцы, евреи и цыгане, люди любых других национальностей.

Испокон веков их отличало трудолюбие и любовь к земле, к своим национальным традициям.

На протяжении последних десятилетий мы не раз оказывали помощь друг другу в трудные для нас дни.

Мы горячо благодарим за оказанную нам поддержку в трудные минуты для нашего народа и призываем вас, дорогие болгарские друзья, к единству и солидарности.

Мы глубоко уверены в том, что и многие молдаване также разделяют наши взгляды и сочувствуют нам в борьбе за наши права. Мы ни у кого не хотим отнять ни земли, ни дома, ни свободу. Мы только хотим жить, как и все: равными среди равных.

Мы призываем: Люди всех национальностей, проживающие на юге Молдовы, - объединяйтесь! Если мы едины- мы непобедимы!

Временный Комитет Гагаузской Республики.

999. Информационный вестник. Издание Демократических сил Болградского района. №3.1990. 16 ноября.

Русское слово. 2005. №15(107). Август.

* * *

«РУССКИЙ КОД» ГАГАУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Литература гагаузов – малоизученное явление. Писатель Степан Булгар, составитель сборника «Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в.» (Кишинев. 2005), имеет все основания считать себя едва ли первооткрывателем, во всяком случае – первым популяризатором этого пласта гагаузской культуры. Сборник включает малоизвестные и труднодоступные даже специалистам труды гагаузских авторов и открывает интереснейшие страницы истории гагаузской культуры.

Как народ православный, гагаузы в период жизни на Балканах и долгое время после переселения в Россию получали знания о христианской истории из караманлийской литературы, написанной на близком их языку турецком диалекте греческими буквами. В XIX веке гагаузы, жившие в Болгарии, Македонии и Греции, а

также в Добрудже, в 1878 году включенной в состав Румынского королевства, все шире использовали также богослужебные книги на гагаузском языке, написанные кириллическим письмом. «В прошлом, когда гагаузы жили в Византийском государстве, – отмечал виднейший просветитель-гагауз, протоиерей Михаил Михайлович Чакир (1861-1838 гг.), – они пользовались греческими книгами и алфавитом. [...] Гагаузы, которые жили среди болгар, пользовались болгарскими книгами со славянским алфавитом [...] Подлинно гагаузской письменности, гагаузских книг не имеется, поэтому они пользуются алфавитом и книгами того государства, где они проживают, поэтому у гагаузов письменной литературы нет, а есть лишь устная литература».

Ситуация изменилась в конце XIX – начале XX века, когда подлинным кодом гагаузской культуры стали кириллическая письменность и русский язык. М.М. Чакир выполнил перевод религиозных текстов, необходимых для богослужения на гагаузском языке, записав их кириллическими буквами. В 1906 г. по его предложению в Кишиневе была учреждена переводческая комиссия, им же и возглавленная. Комиссия выполнила работу, которая в наши дни под силу целому институту. На гагаузский язык были переведены и изданы «Евангелие», «Псалтырь», «Часослов», «Акафист», «История святых» и другие церковные книги. Тем самым о.Михаил внес весомый вклад в создание гагаузской кириллической письменности. Он остался верен этой традиции и в 20-е годы, когда Бессарабия находилась под властью Румынии. Редактируемая просветителем православная газета на гагаузском языке «Хакикатын сеси» («Голос истины») печаталась также кириллицей.

Познавательльно интересна «История гагаузов Бессарабии», написанная М.Чакиром на гагаузском языке в 1934 году. Это емкое и логичное повествование о происхождении гагаузов и их самоназвании, их бытии в Добрудже и расселении в Буджаке, обычаях и культуре. Показателен полный признательности рассказ о попечителе задунайских переселенцев генерале Иване Никитиче Инзове, знакомом Пушкина, Михаиле Григорьевиче Буткове, других должностных лицах Бессарабской администрации. Не верится, что это написано во времена оккупации, когда все связанное с Россией надлежало охаивать.

В 30-е годы просветитель в силу политических условий продолжил переводческую и издательскую деятельность на гагаузском языке с использованием румынского алфавита, но это обстоятельство не означало отказа гагаузского народа от кириллической графики. Кириллицей были отпечатаны в Кишиневе Евангелие и некоторые другие богослужебные книги на гагаузском языке, а также гагаузские тексты в книге Анастаса Манова «Происхождение гагаузов, их обычаев и нравов», изданной в Варне (Болгария), обоснованно приведенные в сборнике.

Отношение гагаузов к М.М. Чакиру хочется признать их национальной традицией и позаимствовать ее. Михаил Михайлович еще при жизни удостоился признательности сонародников. По случаю его 50-летия учитель из гагаузского села Авдарма В.Д. Касым сказал во славу подвижника гагаузской культуры замечательные слова: «Ваше преподобие, Вы для нас являетесь тем, кем были Кирилл и Мефодий для славянского народа. Ваше Преподобие, Вы дали нам Священное Евангелие на гагаузском языке, и мы слушали его в церкви на нашем родном языке, а также читаем и дома, в семье. Ваше преподобие, Вы перевели и дали нам, гагаузам, правила священной Литургии, «Евангелие», «Псалмы», «Часослов», «Краткую историю церкви», «Историю новых святых», «Историю старых святых», молитвы и церковную историю». Все эти книги, и сегодня влияющие на сознание народа, на гагаузском языке были напечатаны кириллицей. Очевидно, не случайно в 50-е гг. именно на основе кириллицы была воссоздана гагаузская письменность, сложилась современная гагаузская литература.

Вполне корректен в научном плане ответ, данный С.С. Булгаром на вопрос о том, что следует считать гагаузской литературой. К ней, полагает составитель, наряду с книгами, написанными на гагаузском языке, следует относить также произведения, написанные гагаузами на русском. Включенные в сборник произведения обогащают существующие представления о гагаузской культуре начала XX века. Протоиерей Михаил Чакир, оказывается, был не одинок как просветитель. Его достойным предшественником, мыслителем, соответствующим уровню своей эпохи (да и наших времен), был другой священник-гагауз – уроженец Чадыр-Лунги Дмитрий Чакир (1839-1916 гг.). Его работа «Биографический очерк рода и фамилии Чакир» написана на хорошем литературном русском языке, а ее содержание представляет собой успешную попытку передать потомкам крупницы исторического опыта гагаузов. Работа Дмитрия Георгиевича – это и картина нравов, и описание быта гагаузских крестьян XIX – начала XX века, и свидетельство духовной насыщенности жизни патриархального общества. Сама его книга – дар судьбы и раритет, единственный ее экземпляр обнаружен в 1991 году в тайнике под основанием каменного креста на могиле его деда Захария Чакира.

Заслугой составителя является также возвращение из забвения имени драматурга Чакира, тоже Михаила Михайловича (1886-1971 гг.), подполковника русской армии, участника первой мировой войны. На русском языке ему довелось творить в 20-30-е годы, в эпоху, когда публичное использование русского языка становилось в Бессарабии едва ли не подсудным делом. Уже по названию первой из его пьес можно судить, почему его имени нет в гагаузских учебниках: пьеса называется «Тело женщины». Как ни странно, в 1927 году она была напечатана в Кишиневской епархиальной типографии. Другая пьеса, тоже комедия, называется «Ты не мужчина», а еще одна, посвященная временам революции, – «Сватовство товарища делегата». Думается, юмор той эпохи сам по себе – явление удивительное. Романы, составляющие классику этого жанра, – «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», «Похождения бравого солдата Швейка» – посвящены все же более благополучным временам.

Впрочем, драматург Михаил Чакир был не только юмористом. В 1929 году тоже на русском языке он опубликовал в Кишиневе пьесу «Прибои войны», трагедию-хронику «из современной русской жизни», отражавшую и его личный опыт. Поразительно, но это единственное литературное свидетельство о событиях первой мировой войны, принадлежащее гагаузу. А ведь в этой войне, справедливо отмечает составитель, участвовали десятки тысяч гагаузов. Возможны и другие открытия. Содержательны также написанные на русском языке воспоминания гагауза-подпольщика, участника Татарбунарского восстания 1924 года Н.С. Шишмана.

Издание сборника «Страницы истории и литературы гагаузов XIX – нач. XX в.» способствует восстановлению связи времен, культурной традиции гагаузского народа, нарушенной двумя мировыми войнами и другими потрясениями XX столетия. Творчество писателей-гагаузов – это и составная часть русской культуры Бессарабии.

История гагаузов как православного народа и их культурное достояние, созданное на основе кириллической письменности и на русском языке, заслуживают дальнейшего изучения и популяризации.

Русское слово. 2005. № 14(106). Июль.

* * *

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИИ ГАГАУЗОВ

Самое трудное для историка – изучать недавние события, анализировать еще не завершённые процессы. Самым сложным, вызывающим споры моментом при написании истории любого народа является разработка концептуальной схемы. Поэтому особый интерес представляет такая схема, предложенная почетным академиком Академии наук Молдовы М.Н. Губогло в монографии «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (Москва, 2004). Ее суть – в признании исключительной роли знания гагаузами русского языка в социально-культурном подъеме гагаузского этноса во второй половине XX века.

Идея о сохранении народами своей национальной самобытности на базе двух языков – своей национальности и русского, – справедливо отмечает автор, – ныне малопопулярна на постсоветском пространстве. Причины тому – политико-идеологического свойства. Опыт самоутверждения гагаузов с помощью свободного использования русского языка в хозяйственно-экономической и общественно-политической жизни оказался всецело положительным. Именно поэтому гагаузский народ сохранил русский язык как язык официального общения, делопроизводства, образования, массовой информации, науки, культуры и после перехода Молдавии к независимости. Обильные фактические данные, приведенные в книге, свидетельствуют: владение русским языком освободило гагаузов от комплекса национального меньшинства при общении с молдаванами и обеспечило им равные с этническим большинством условия для полноценной аккультурации нового поколения.

Свой выбор русского языка как языка образования гагаузам пришлось защищать еще на рубеже 60-х годов XX столетия. После создания гагаузской кириллической письменности (фактически – воссоздания, потому что гагаузы пользовались кириллицей еще в XIX веке) ряд представителей гуманитарной интеллигенции поставил вопрос о переводе на гагаузский язык школьного обучения. Исследователь справился с трудной задачей выявления архивных материалов по этой теме. Обоснованно отметив, что многие решения в те времена принимались в спешке, академик М.Н. Губогло наглядно показал, что перевод в 1958 году обучения на гагаузский язык в первых классах 38 школ был осуществлен без необходимого научно-методического, кадрового и материально-технического обеспечения, а главное, без предварительного выявления воли родителей школьников.

Документальных оснований подозревать кого-то в стремлении создать для гагаузов языковую резервацию и тем самым, говоря словами гагаузских интеллигентов, «оставить их всех чабанами», нет, но переход к обучению на гагаузском языке осложнил гагаузским детям усвоение русского языка. Поэтому решение Министерства просвещения Молдавской ССР о переводе обучения на родной язык гагаузов общественность восприняла как попытку ограничить новому поколению гагаузов доступ к высшему образованию и его социальное продвижение. Именно тогда, а не в конце 80-х годов, произошла первая, по терминологии М.Н. Губогло, этническая мобилизация гагаузов, их массовое выступление в защиту своих национальных интересов. В гагаузских районах прошли родительские собрания с участием более 6000 тысяч человек, на которых выступили свыше 500 родителей. Они требовали возобновить обучение на русском языке с первого класса, и официальный Кишинев был вынужден уступить.

Массовое владение гагаузами русским языком не препятствовало утверждению гагаузской национальной идентичности и развитию гагаузской культуры. Вместе с тем оно стало фактором их стремительного социально-культурного подъема в 60-80-е

годы XX века. «Гагаузизация школ не произошла, но сам прорыв, связанный с обретением письменности, – обоснованно утверждает исследователь, – стал мощным психологическим катализатором этнического самосознания, повышенного тяготения к русскому языку [...] И чем глубже приобщались гагаузы к русскому языку, чем убежденнее делали его своим национальным достоянием, тем ошутимее становился их вес в общественной жизни республики». Итак, ключевое слово сказано: гагаузы сделали русский язык своим **национальным достоянием**.

Жертвовать этим достоянием они не пожелали и в кризисные годы конца столетия. Показательны различия в отношении к русскому языку «Народного фронта Молдовы» и Народного движения «Гагауз халкы», выявленные автором. Если НФМ, декларируя свою поддержку функционированию гагаузского языка, требовал от гагаузов одновременного отказа от использования русского языка, то в Программе «Гагауз халкы» отношение к русскому языку было прямо противоположным. Придание в республике государственного статуса только одному языку, молдавскому, полагали «халкисты», означало бы принятие курса на исчезновение гагаузов как этноса. Национально-русское и русско-национальное двуязычие гагаузы считали единственной возможной базой языковой политики в гагаузских районах. Игнорирование кишиневскими национал-радикалами языковых реалий вынудило гагаузское национальное движение взять курс на автономизацию.

Прочную основу курса гражданской истории гагаузов составляет данное в книге описание этнополитических процессов 1989-1994 годов. В книге убедительно раскрыта ведущая роль этнического и языкового фактора в избирательных кампаниях этого периода и парадоксальный характер гагаузского национального движения, как и других движений национальных меньшинств Молдавии: будучи национальным, оно не являлось националистическим, поскольку не ставило перед собой целей, наносящих ущерб другим народам, и поддерживало существующую государственность. Политические мобилизации этого периода – за исключением осуществленной титульными национал-радикалами – осуществлялись на общедемократической, а не национальной основе.

Борьба, удалось показать М.Н. Губогло, шла прежде всего вокруг вопроса о пределах функционирования русского языка. В августе 1990 года политическая элита Кишинева, полагает он, «была обеспокоена не столько провозглашением гагаузской автономии, сколько тем, что сам факт ее существования на русскоязычной основе не позволит в полной мере и немедленно реализовать законы о языке», т.е. вытеснить русский язык из официальной сферы и исключить из сферы управления русскоговорящих специалистов, заменив их теми, кто свободно владеет языком, получившим государственный статус. Вывод исследователя парадоксален, но представляется верным: «Запретом «Гагауз Халкы» и отменой решений всех съездов народного движения и депутатов всех уровней от территории компактного проживания гагаузского населения руководство ССР Молдовы наносило удар не столько по этнической мобилизации гагаузов, сколько по русскому языку и по совокупности его носителей, составляющих более трети всего населения республики».

Академиком М.Н. Губогло создан большой, многоплановый научный труд, посвященный малоисследованной проблематике современной истории гагаузского народа. Представляется необходимым его переиздание, с тем чтобы он стал доступен не только исследователям, но и студентам, и преподавателям Комратского университета, учителям школ АТО Гагаузия, всем интересующимся историей и культурой гагаузов и историей современности.

Русское слово. 2005. №16(108). Август.

ПРАЗДНИК БОЛГАРИСТИКИ

Второе десятилетие исторические исследования остаются в Молдове в основном делом частной инициативы. Хотя библиографический указатель литературы «Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в.- 1995 г.» (Ред.: Н.Н.Червенков. Кишинев. 2003) составлен известным болгаристом И.Ф. Греком согласно плану работ Института межэтнических исследований Академии наук Молдовы, он издан на спонсорские средства. Издан хорошим тиражом и на современном уровне полиграфической культуры.

Труд впечатляет тщательностью проведенного исследования и полнотой охвата литературы по вопросам истории и культуры болгар Южной России/СССР, а также новых независимых государств. Он включает 9 тыс. названий книг и научных статей, целый архив данных, причем не только отдельные издания, но и наиболее содержательные научные статьи.

До настоящего времени историк, приступая к разработке той или иной темы, вынужден предварять его собственными, нередко весьма сложными, источниковедческими исследованиями. У ученых, изучающих историю и культуру болгар Молдавии и Украины, отныне огромное преимущество: эту работу за них выполнил составитель названного труда. Указатель составлен в полном соответствии с методическими решениями современной библиографии. Тематическая структура справочника логична и удобна для исследователей. Несмотря на огромный объем книги – 664 страницы, - автору удалось избежать дублирования материалов. Краеведческие данные, персоналии, статистические сборники и документальные издания, сведения из литературы различных жанров, относящиеся к разным периодам истории болгар, можно отыскать в течение минут. Уместны и высокоинформативны также Предисловие автора и вступительная статья научного редактора. Они дают достаточно полное представление об исследовании истории и культуры болгар, поселившихся в конце XVIII – XIX вв. на Юге России.

В упрек автору можно поставить то, что является продолжением достоинств книги, – порой излишнюю, на наш взгляд, тематическую детализацию рекомендуемой литературы. Дискуссионным представляется и применение к болгарам Молдавии и Украины термина «диаспора». Диаспорой - в переводе с греческого - «рассеяние» - принято именовать этнические сообщества, проживающие дисперсно. Болгары же, составляя большинство жителей в некоторых городах и десятках сел, обладают территориальностью, т.е. являются болгарским населением.

Труд И.Ф. Грека представляет собой наиболее значимое по своему воздействию на судьбы молдавской болгаристики достижение 2003 года. Более того, это этапная работа в болгаристике, она облегчит работу поколениям исследователей. Исходя из интересов науки, безусловно, необходимы подготовка и издание подобных справочников по истории и культуре русского населения, других национальных групп Молдавии. Выпуск такого рода фундаментальных работ заслуживает полного финансирования государством.

Коммунист. 2004. 9 апреля.

Глава V.

СПОР О ГЕНОЦИДЕ

ПРАВОРАДИКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

[...] Типичные для праворадикальных движений 20-30-х гг. ксенофобия и антисемитизм включены в идеологический багаж мажоритарных национал-радикалов Молдавии в формах, заимствованных у легионерского движения Румынии. Постоянным объектом их пропагандистских нападок являются русские, на которых, стремясь оправдать совершаемые несправедливости, правые радикалы пытаются возложить ответственность за преступления и ошибки всех прежних режимов. Они предъявляют территориальные притязания к Украине, навешивают оскорбительные ярлыки гагаузам. Радикалы пытаются реабилитировать диктатора Румынии времен второй мировой войны И.Антонеску и его наместника в Буго-Днестровском междуречье Г.Алексяну, ответственных, в частности, за истребление не менее 300 тыс. евреев, а также лидера румынских «легионеров» К.Зеля-Кодряну.

Правые идеологи «новой волны» превосходят радикализмом ветеранов. [...] Материалы фашистской пропаганды с обвинениями евреев в глумлении над православными святынями и в соучастии в сталинских репрессиях в Бессарабии в 1940-1941 гг. воспроизводила даже парламентская газета «Сфатул Цэрий». Расизмом проникнуты выступления национал-радикалов против браков молдаван с русскими и евреями, и особенно - с азиатами и африканцами (1). Под влиянием этой пропаганды в начале 90-х гг. подростки совершали акты вандализма на еврейских кладбищах.

Характерной чертой тактики национал-радикалов стало насилие. В их «активе» - осада здания МВД 10 ноября 1989 г., серия нападения на оппозиционных депутатов Верховного Совета, в том числе на региональных лидеров И.Н. Смирнова и С.М. Топала, вторжения в редакции русскоязычных газет Кишинева, поджог пятого этажа Дома печати и помещения Движения за равноправие «Унитате-Единство», вторжение на предприятие «Молдэнерго», массовые избиения граждан, не владеющих государственным языком, на улицах Кишинева, попытки срыва голосования во время Референдума СССР 14-17 марта 1991 г., убийство учащегося техникума Димы Матюшина, повинного лишь в том, что громко разговаривал на улице по-русски, другие акты устрашения (2). Организованный характер этих бесчинств был очевиден. 22 мая 1991 г. президент республики, вошедший в конфликт с премьер-министром, осудил с парламентской трибуны тех, «кто пытается удержаться у власти с помощью управляемого и хорошо оплаченного экстремизма».[...]

Уличное насилие сыграло особую роль в создании в Молдавии атмосферы национальных гонений. По данным журналиста Михаила Дрезлера, в 1990 г. 77,5% эмигрирующих из Молдавии евреев заявили, что они сами или их близкие были ущемлены из-за их национальной принадлежности, 87,5% эмигрантов указали, что их более всего тревожит в республике рост шовинистических и националистических настроений (3). При опросе, проведенном в начале 1991 г. Всесоюзным Центральным институтом общественного мнения (ВЦИОМ), обострение межнациональных отношений назвали главной проблемой 70% русских и украинцев Молдавии (4).

Пропаганда национальной вражды достигла апогея в период вооруженного конфликта с Приднестровьем. В принятом 30 июня 1992 г. заявлении Движение «Единство» квалифицировало деятельность электронных СМИ как психологическую подготовку погрома (5). Митинговый марафон и уличные беспорядки кризисных лет, «поход» против гагаузов (октябрь 1990 г.) позволили радикалам сформировать политизированный актив. Во время боевых действий на Днестре часть этих лиц получила оружие. В обществе нарастала тревога. «Сегодня в Молдове 40-50 тысяч евреев. Пусть я окажусь плохим пророком, – заявил 8 июля на съезде Всемирного еврейского конгресса по антисемитизму представитель евреев Молдавии Иосиф Балцан, – но меня не оставляет ощущение, что их жизнь находится под угрозой» (6). Публикация подобных предупреждений и, главное, присутствие в Молдавии российских войск, предотвратили трагическое развитие событий.

Политика национал-экстремистов компрометировала режим. Попытаясь поправить его имидж, Парламент принял постановление «О неотложных мерах по достижению гражданского согласия в ССР Молдова» (14 ноября 1990 г.), предусматривающее обеспечение представительства граждан в органах публичного управления в соответствии с этнодемографической ситуацией, президент РМ издал указы о мерах по обеспечению развития национальных культур украинского, еврейского, болгарского и русского населения Молдавии; был образован Департамент национальных отношений. Но решения, за исключением последнего, не выполнялись, а безнаказанность экстремистов, звучавший на митингах лозунг «Чемодан – вокзал – Россия» и другие, антисемитского толка, выдавали истинные цели радикалов. В 1990–1993 гг. Молдавию навсегда покинули 36,2 тыс. евреев, 23,1 тыс. русских и 15,1 тыс. украинцев. Положительным – 12,4 тыс. чел., – оказался только баланс межреспубликанских миграций молдаван. Массовую эмиграцию евреев и славян в эти годы следует рассматривать как скрытую депортацию. Потеря тысяч специалистов стала фактором деградации экономики, науки, культуры республики.

Политика правых провоцировала в обществе раскол. Изгнание из Парламента депутатов, избранных в Приднестровье и Гагаузии, пропагандисты национал-радикализма впоследствии сами признали причиной возникновения в регионах «самопровозглашенных» республик. «Ребята из «Фронта», – пишет редактор газеты «Литература ши арта», – стояли на страже у выхода из Парламента, улюлюкая, оплевывая и избивая «предателей». Следствия: они покинули Парламент, возвратившись в Тирасполь и Комрат, и начали конспирировать против «Кишинева», а оттуда пришла потом и война, и автономизация районов, именуемых сегодня «Гагауз-Ери» (7).

[...] Авантюризм, склонность к авторитаризму и экономическая некомпетентность лидера национал-радикалов стали очевидны уже к осени 1990 г. Однако нарастающая анархия порождала среди интеллигенции тоску по режиму твердой руки, развал экономики еще не привел к падению жизненного уровня. Поэтому осознание политической элитой масштабов ущерба, наносимого националистами общенациональным интересам, запаздывало. М.Г. Друка удалось отстранить от власти только в мае 1991 г. (8).

Смена премьера не означала смены режима. Но кровопролитие в Приднестровье резко сократило их социальную базу. Патовая ситуация в Парламенте, блокирующая законодательную деятельность, оказалась неприемлема и для сторонников рыночных реформ, каковыми провозглашали себя радикалы. Только в этих условиях государственно-ориентированное большинство политической элиты Молдавии перешло к активным действиям. Усилиями центристов и левых в начале 1993 г. радикалы были лишены ключевых постов в руководстве Парламента. Тем не менее, в августе 1993 г. им удалось сорвать ратификацию документов о вступлении Молдавии

в СНГ. Это решение, нанесшее республике ущерб в сумме 200 млн. долларов США, разоблечило радикалов как антинациональную силу. Парламент самораспустился. На досрочных выборах 1994 г. национал-радикалы потерпели поражение.

Отказ нового парламентского большинства от проведения аттестации служащих на знание государственного языка, решение ряда задач экономического свойства уменьшили напряжение в обществе. В Конституции 1994 г. зафиксирована недопустимость обязательной государственной идеологии. Был урегулирован конфликт с гагаузами. Однако, устранив крайности национальной политики радикалов, пришедшие к власти центристы не демонтировали законодательный механизм дискриминации. [...] Проведение руками центристов политики правых национал радикалов осложняет сотрудничество политических сил, победивших на выборах 1994 г.

Правые радикалы сохранили многие позиции в государственной администрации, системе образования, государственных СМИ, творческих союзах. В учебных заведениях вместо истории Молдовы был введен курс «история румын», разрушающий национальное сознание молдавской молодежи. Имитируя организационные формы легионерского движения Румынии 30-х гг., национал-радикалы предприняли попытку формирования подпольных легионерских «гнезд» (9), вовлекая в них молодежь. В книжных киосках высших учебных заведений продавалась завозимая из Румынии легионерская литература. Свое влияние в системе образования национал-радикалы продемонстрировали уже весной 1995 г. Воспользовавшись предложением президента М.И. Снегура изменить название государственного языка с молдавского на румынский, они провели забастовку преподавателей высших учебных заведений, которые постарались вовлечь в нее студентов.

[...] Праворадикальные формирования Молдавии так и не обрели массовой социальной базы. Но экономический кризис продолжает углубляться, опасность социальных потрясений возрастает, и угроза правого радикализма остается реальной. Задача подлинно демократических сил – положить конец этим опасным тенденциям в политической жизни Республики Молдова.

Материалы круглого стола, состоявшегося 9 ноября 1997 года, посвященного памяти жертв «Хрустальной ночи». - Chisinau. 1998. С.20-26.

• * *
•

КНИГА НЕНАВИСТИ

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ФАШИЗМА В ЭССЕ РУМЫНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Накануне 59-й годовщины освобождения Молдавии [от немецко-румынской фашистской оккупации] на прилавки книжных магазинов Кишинева легла книжка в обложке кровавого цвета, эссе Паула Гомы «Красная Неделя – 28 июня - 3 июля 1940, или Бессарабия и евреи»*. Автор – из тех эмигрантов, кто ничему не научился. Ему нельзя отказать в откровенности. Но возложенная им на себя задача обелить фашизм неразрешима в принципе.

Характерно неуважение автора к читателю, использование им доводов, рассчитанных на людей неосведомленных и не желающих размышлять. Оригинален Гома и тем, что, в отличие от своих политических единомышленников, не маскирует своей позиции демократической фразеологией и не отрицает общеизвестного: «поездов смерти», конвоев, концлагерей, расстрелов женщин, стариков, детей, тысяч трупов, составленных на берегу Днестра и сожженных. Но геноцид он пытается оправдать, объясняя его праведным гневом, якобы обуявшим румын в связи с поведением евреев в июньские дни 1940 года. Перечисляя фамилии евреев-

участников революции и Бессарабского подполья 1918-1940 годов, автор констатирует: эти люди были противниками Румынии. Но вывод, следующий из этой констатации, абсурден. Какие, вопрошает автор, могут быть претензии к Антонеску, который, творя «волю нации», когда представился удобный случай, развернул геноцид против всего еврейского населения Бессарабии и Румынии? Диктатор-сообщник Гитлера остается для Гома героем.

Следуя своей извращенной логике, эссеист пытается обелить своего кумира. Что говорить о Холокосте, спрашивает он далее, если после него имели место акты геноцида в других странах, например в Камбодже? Используя свой метод, Гома мог бы обосновать геноцид против любого народа, начиная с молдаван. Разве не молдаванин Григорий Барбуца во главе отряда молдавских партизан начал Хотинское восстание? Не молдаване подняли на вылы румынского генерала Поеташа? Не Леонтий Цуркан был одним из вождей Татарбунарского восстания? А Антон Оника – разве не он руководил подпольным комсомолом Бессарабии? А «молдовеняску» на площадях Кишинева в июне 1940-го кто танцевал? А четверть миллиона молдаван, сражавшихся в годы войны в рядах Красной Армии?

Назвать эссе Гома антисемитским – значит бесконечно заузить масштабы понятия «фашизм». Автор ненавидит всех. В бедах Румынии, в преступлениях, совершенных ее правителями, Гома усматривает «мына русулуй» – «руку русского». Это русские, оказывается, виновны в хронической нищете Румынии в межвоенный период, это они в 1941 году вынудили миролюбивых румын во главе с героем Антонеску перейти Прут, Днестр и двигаться далее, до предместий Сталинграда, истребить 400 тысяч евреев, какое-то количество цыган (о молдаванах и прочих Гома не упоминает) – и служить Гитлеру, пока фронт не был возвращен к Яссам и Кишиневу. Украинцы, по логике автора, виновны в том, что некоторые земли Украины он, Гома, считает румынскими территориями. Американцев он третирует как пособников Сталина и проводников «еврейских интересов», а молдаване повинны в том, что сочувствовали расстрелянным евреям, не желали воевать против русских, а в 1944 году дружно пошли служить в Красную Армию. Быть может, хотя бы румыны снискали любовь автора? Ничуть! Румын он осуждает за то, что в августе 1944-го они «предали» немцев, русских встречали в Бухаресте цветами, а «героя» Антонеску и его сообщников, организаторов и исполнителей Холокоста и других преступлений, отдали под суд и воздали им по заслугам.

Миф – это реальность в той степени, насколько в него верят. Гома, на восьмом десятке совершающий второе открытие фашизма, пытается создать для оглупления нового поколения героический миф о самой кровавой и грязной странице истории XX века. Его книга раскрывает внутреннюю логику фашизма – логику шовинистического безумия. Но эмигрант Паул Гома забыл нечто очень важное, а именно то событие, которое положило конец Холокосту и другим деяниям его «героя»: Яско-Кишиневские Канны. Его попытка реабилитировать идеологию и политику, стоившую человечеству 50 миллионов жизней, несостоятельна.

Вызывает недоумение «содействие» изданию в Молдове этой злобной и лживой книжки, оказанное Международным Центром Культуры для Детей «Серджиу Гроссу».

*Примечание. * Goma P. Săptămăna Roșie 28 iunie-3 iulie sau Basarabia și evreii. Muzeum. Chișinău. 2003.*

Русское слово. 2003. №15(59), Август.

* * *

ОТ ЗАМАЛЧИВАНИЯ – К ОПРАВДАНИЮ?

УНИОНИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ХОЛОКОСТА В МОЛДАВИИ

У современной унионистской историографии Холокоста в Молдавии имеется предыстория. Уже режим Иона Антонеску пытался «обосновать» уничтожение евреев перед румынской общественностью. В 1942 г., к первой годовщине начала войны против России, пропагандистская служба румынских оккупационных властей выпустила книгу «Вызволненная Бессарабия» (1). Главный ее тезис гласил: «устранение» евреев было «справедливым возмездием» за их перманентно «антирумынскую» деятельность, особенно в Бессарабии и Северной Буковине в 20-30-е гг., а также после «уступки» этих провинций Советскому Союзу в 1940 г. Принцип коллективной ответственности этнического или конфессионального сообщества за деяния отдельных лиц, к нему принадлежащих, абсурден. Тем не менее положения, сформулированные в пропагандистском издании оккупационной администрации, и поныне составляют основу концептуальных построений историков-унионистов. Однако со времен войны изучение этой страшной темы прошло через несколько этапов.

1. Попытка забвения

В 1944-1946 гг. Чрезвычайные Государственные комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков, созданные после изгнания оккупантов в городах и районах республики, собрали обширный фактический материал о казнях, пытках и депортациях времен румыно-германской оккупации. По данным раскопок, на местах массовых расстрелов было определено примерное число лиц, убитых оккупантами, – около 64 тыс. чел. Забыть это было невозможно. Однако Румыния успела повоевать на стороне Антигитлеровской коалиции, наказала главных военных преступников, в стране утвердился режим т.н. народной демократии, и предъявлять исторические счета было не время. Поэтому пропагандистское использование фактов злодеяний, совершенных румынскими войсками на территории Молдавии, оказалось ограниченным (2). Все же упоминая о них, историки избегали конкретизировать национально-государственную принадлежность фашистских преступников. Хотя свыше 90 процентов жертв являлись евреями, последнее обстоятельство также не акцентировалось. В 50-60-е годы научная разработка темы геноцида была вообще блокирована из опасения руководства правящей партии «нанести ущерб» советско-румынской дружбе.

Ситуация изменилась в середине 60-х гг. Возобновление румынской историографией попыток обосновать «права» Румынии на Бессарабию позволило И.Э. Левиту и другим исследователям ввести в научный оборот огромный документальный материал об оккупационной политике Румынии, включая уничтожение евреев: о их заключении в гетто и концлагеря, расстрелах части их на месте и депортация оставшихся в концлагеря на Буге. Был раскрыт также экономический мотив геноцида: присвоение еврейской собственности румынским государством и его функционерами (3). Исключительный по масштабам и жестокости характер «окончательного решения» еврейского «вопроса» режимом Антонеску был доказан документально. Наличие этих материалов в научном обороте и их значимость для создания полной достоверной картины истории Молдавии периода румынской оккупации 1941-1944 гг. позволяют нам отойти от правила, требующего оценивать научные труды по тому, что в них есть, и рассматривать отсутствие упоминаний о трагедии евреев как проявление политической тенденции.

2. «Спаситель» и евреи

В Румынии изучение политики режима Антонеску, в том числе истребления евреев, начатое в конце 40-х гг. под руководством историка Михаила Роллера, все больше входило в конфликт с нарастающими в стране националистическими тенденциями и к началу 60-х гг. было свернуто. Последовал период замалчивания этой страницы румынской истории, а в 70-80-е гг. в рамках националистического дискурса «эпохи Чаушеску» была предпринята политическая реабилитация фашистского диктатора – инициатора агрессии и геноцида. Главную роль в осуществлении этой идеологической операции сыграли историк Георге Бузату, писатель Марин Преда и бывший жезногвардеец издатель-эмигрант Иосиф Константин Драган. Последний, как полагают, на средства, предоставленные ему Бухарестом, выпустил в Италии на румынском языке трехтомный сборник «Мемориал Антонеску». Роль жертвы в войне отводилась исключительно румынской нации; диктатор выступал ее Спасителем, но никак не палачом евреев. Участие Антонеску в уничтожении евреев надлежало замалчивать либо оправдывать.

Молдавские историки знали об этом курсе румынской историографии, но говорить о румынском влиянии на их собственные построения не приходится. Публичная проповедь антисемитизма была допущена некоторыми из них только в период кризиса СССР. Под предлогом разоблачения «советского тоталитаризма» тон «исследованиям» был задан публикацией на рубеже 90-х гг. в унионистской печати Кишинева фрагментов упомянутой книги «Вызволненная Бессарабия». Авторы различных вариантов «истории румын», включенной в 1990 г. в программы учебных заведений Молдовы, замалчивали Холокост либо, стремясь привить молдаванам румынское национальное сознание, представляли террор румынских властей как направленный исключительно против евреев. Неожиданный вклад в «обоснование» тезиса о «вине» евреев перед Румынским государством и, следовательно, о «правомерности» их уничтожения, внес бывший партийный историк Михаил Брухис. Подобно составителям «Вызволненной Бессарабии», он попытался доказать, что в 1918-1940 гг. в борьбе против румынской власти в крае участвовали не молдаване, а главным образом евреи, украинцы, русские (4).

Однако продолжалась и научная разработка истории Молдавии и судеб ее еврейского населения. Уже в 90-е гг. по документам оккупационной администрации удалось установить, что в 35 гетто и концлагерях на территории республики были заключены почти 100 тыс. евреев, и свыше 90 процентов из них погибли (5). Обобщающие данные об истреблении оккупантами евреев в Бессарабии и на Левобережье Днестра были приведены и в коллективном труде «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (6). Добросовестные историки не могли игнорировать этих сведений. Однако унионистская трактовка Холокоста определялась внеаучными факторами.

3. Апология геноцида

Под флагом «борьбы с коммунизмом» попытку открытого обоснования «правомерности» Холокоста предприняли авторы книги «Страдания Бессарабии и русские хищения», изданной в 1996 г. с целью «устранения всякого барьера против объединения Бессарабии с Румынией» (7). В этом пособии для высшей школы евреев именуют исключительно словом «jidovi» и пытаются связать с их кознями всякий акт сопротивления румынской власти в Бессарабии 1918-1940 гг. Как и в пропагандистском издании 1942 г., в пособии использован неприемлемый в дидактическом издании площадной жаргон жандармов. Все же приведем несколько выдержек.

«Банды иудео-коммунистических террористов начали проникать в церкви, сжигать иконы, пачкать стены и осквернять утварь. Одежания священников были изъяты и использованы в качестве театральных костюмов. [...] В Кишиневе адвокат Карл Штейнберг вместе с другими жидами организует комитет по встрече большевиков. Этот комитет вместе со всем еврейским населением встречает орды захватчиков красными флагами и плакатами, на которых было написано: «Добро пожаловать, мы вас ждали 22 года». В Оргееве жидовские капиталисты Тростинецкий, Коган Борис, адвокат Рабинович и доктор Бурд сформировали коммунистический комитет. [...] В Резине евреи сняли памятник короля Фердинанда и, устроив процессию, сбросили его в Днестр, встретив большевиков красными флагами и хлебом-солью. Такие же оскорбительные действия в адрес румынского национального достоинства имели место в торге Теленешты. В Тигине комитет по встрече большевистских войск образован инженером Мильманом, [...] адвокатом Титусом Борисом и другими. Также состоялись речи полные ругани и длительные шествия по улицам с красными флагами. Как по заказу все жидовские заведения и дома были украшены советскими флагами. [...] В Сороках перед вступлением большевиков образовались вооруженные жидовские охраны». Далее в «вину» евреям поставлены «покушения, забастовки, восстания [...] все инициированные жидовской рукой», и даже Татарбунарское восстание.

Антисемитизм представлен в книге одной из идейных основ румыно-германского союза в войне против СССР. «Никогда еще, – сказано в цитируемых далее «Страданиях Бессарабии», – история не знала более тесного товарищества, братства более лояльного и более рыцарского, и никогда не сливались более гармонично чаяния и чувства двух наций в борьбе за идеал, являющийся идеалом всего человечества». Остается гадать, что считают авторы наиболее впечатляющим выражением общности идеалов немецких и румынских фашистов: руины совместно разрушенного ими Кишинева, кладбище 18 тысяч евреев в Дубоссарах или крематории Освенцима, куда И.Антонеску также отправлял «румын» иудейской веры?

4. Игра в молчанку, тур второй

Вообще освободить правящие круги Румынии от моральной ответственности за уничтожение евреев позволяла, по мнению кишиневских историков-унионистов, сама концепция курса «история румын»: они создавали картину румынской, а не еврейской истории. В книге «История румын. Бессарабия и Заднепровье (1812-1993)» (8) руководящий работник высшей школы Молдовы А.Морару назвал имена некоторых бессарабских евреев, причастных и не причастных к борьбе против оккупантов, но о судьбе сотен тысяч узников гетто и концлагерей, видимо, не считая их уничтожение режимом Антонеску существенным событием «истории румын», не упомянул.

А.Петренку, автор монографии «Бессарабия во второй мировой войне», пошел дальше, попытавшись не только замолчать геноцид, но и всецело связать политику диктатуры с личностью диктатора. «В гетто и концлагерях, – очевидно признавая «правомерность» убийства мужчин во цвете лет, тем более враждебных оккупантам, отметил он, – большинство евреев составляли лица старшего возраста, женщины, дети. Часть евреев, оставшихся в Бессарабии, не были враждебны румынской администрации. Имелись и такие, в отношении которых несправедливость совершила и советская власть: у них была конфискована собственность, материальные ценности и т.п. Документы подчеркивают то обстоятельство, что оставшееся еврейское население было невиновно и не могло нести ответственность и не могло отвечать за антирумынскую деятельность своих единокровных». Умолчав о дальнейшей судьбе евреев Румынии и Бессарабии, автор попытался пробудить у читателей сочувствие не

к ним, а к Антонеску, без комментариев цитируя его brutальные объяснения политики геноцида: «Когда я принял меры против евреев, я принял их не против индивида, а против сообщества, которое грабило румынский род. Я защищаю нацию. Еврейское сообщество должно заплатить...» (9). Смертный приговор, вынесенный диктатору румынским судом в мае 1946 г., автор попытался представить несправедливым.

Рецензируя эту книгу, И.Э. Левит с полным на то основанием квалифицировал ее как проантонесковскую, научно несостоятельную и кощунственную попытку оправдать Холокост (10). Тем не менее метод фальсификации истории посредством замалчивания самых трагических ее страниц взяли на вооружение и другие авторы-унионисты, в том числе авторы учебников И.Ожог и Н.Шаров (11), В.Василос (12) и другие. В следующем издании своей книги А.Петренку вновь умолчал об уничтожении евреев. «С момента возвращения румынских властей в Бессарабию, – лишь походя упомянул он, – евреи были интернированы в лагеря и гетто, кроме лиц со специфическими ситуациями: законные смешанные браки, крещенные евреи, евреи, занятые в германских миссиях, евреи-фармацевты и т.п.» (13). И все! Больше о судьбе более 100 тысяч людей, принявших мученическую смерть, в книге не сказано ни слова.

5. От замалчивания – к «оправданию»?

Этот шаг в трактовке истребления евреев сделан авторами главного пособия по курсу «история румын» – книги «История Бессарабии (От истоков до 1998 года)» (14), написанной под руководством румынского историка И.Скурту, члена Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии и, стало быть, человека, знающего факты. Протаскивая старый тезис о «вине» евреев перед Румынией, авторы работы пытаются представить евреев едва ли не единственными противниками румынской власти в Бессарабии. При этом вновь пущен в ход жандармский жаргон 1942 года. При вступлении советских войск 28 июня 1940 г. в Кишинев, оказывается, только «евреи были в восторге», а в Сороках «в 14.30 вооруженные банды евреев переплыли Днестр и водрузили красные флаги с советской эмблемой прямо на берегу; другие две вооруженные банды евреев численностью в 200-300 человек собрались в центре города. [...] Ограбление отступающих колонн румынской армии и администрации преследовало цель недопущения эвакуации военных складов...[...]

» Названо и имя переводчика советских генералов: «Ив. Ильич Браунштейн».

Политику геноцида призвана оправдать и трактовка вторжения румынской армии в СССР как «священной войны» против большевизма. Но о мероприятиях румынского правительства, армии, жандармских легионов, направленных на уничтожение евреев, в «Истории Бессарабии» не сказано ни слова. Вопреки общеизвестным фактам сказано, что «ни одна акция, предпринятая во время военных операций, не указывает на наличие попыток какой-либо этнической чистки». Антонеску, приказывавшего своим наместникам в Бессарабии, Буковине и «Транснистрии» стрелять в евреев из пулеметов, загонять их в концлагеря и катакомбы, топить в море, вешать на улицах, авторы пытаются представить едва ли не антифашистом. Евреев, отмечено в книге, Антонеску «попытался защитить и этого добился». Очевидно именно этот «успех» оккупантов позволил авторам «Истории Бессарабии» вообще не упоминать далее о евреях.

6. Вновь с открытым забралом

Полностью солидаризовался с позицией режима Антонеску по вопросу о евреях другой автор – румынский писатель-«диссидент» Пауль Гома, уроженец Бессарабии,

живущий во Франции. Издание в Кишиневе в 2003 г. его книги «Красная неделя 28 июня - 3 июля 1940 года или Бессарабия и евреи» (15) стало скандальным событием. В соответствии с испытанной схемой «Вызволненной Бессарабии» П.Гома вновь попытался доказать, что в уничтожении около 200 тысяч евреев в Румынии и еще 200 тысяч — в оккупированных румынскими войсками Бессарабии, Буковине и «Заднестровье» сами евреи и виноваты, поскольку прежде вели себя «агрессивно», и за это были справедливо наказаны. Впрочем, число погибших Гома счел завышенным и договорился до того, что сомневается, а был ли Холокост вообще. Никак не обоснованы его утверждения, что, участвуя в деятельности советских властей, евреи руководствовались «критериями вероисповедания и национал-расизма». Лживы сообщения автора, что в советском Кишиневе «террор над румынами осуществляли патрули самообороны под предводительством знаменитой рыжей Розенберг, Бубиса, Мельника, адвоката Штернберга. В Тигине (Бендерах) адвокат Гинсберг демонстративно на улице застрелил двух чиновников префектуры». Давно опровергнута исследователями и повторяемая П.Гомой версия о евреях, которые якобы отрезали язык священнику в Ниспоренах, а затем заперли его в церкви и сожгли. Как писали сами румыны: «Это неправда и фальсификация тех времен для нагнетания обстановки». Даже унионистский еженедельник «Тимпул», печатая отрывки из эссе Гома, назвал их провокационными. Правда, в положительном смысле — полезными для возбуждения мысли.

Публикация книги П.Гома спровоцировала резкие отзывы в кишиневской прессе (16). Антифашистская лига в Бухаресте также заключила в своем бюллетене «Антифашистская трибуна»: «Пауль Гома опубликовал злобный антисемитский текст...» Но самый аргументированный анализ подделки парижского национал-радикала дал профессор И.Э. Левит. Он доказательно опроверг давнее объяснение Холокоста мотивами «мести». Еще в 1943 г. глава организации Международного Красного Креста в Румынии швейцарец Ш.Колб, отметил историк, заявил вице-премьеру Михая Антонеску: «...румынское государство заявляет, что мера (депортация — И.Л.) была принята из-за насильственных и преступных действий, совершенных против румынской армии во время уступки этих провинций, а также по причине разрушения еврейским населением совместно с большевиками перед отходом последних из города Кишинева и других городов Бессарабии». Далее Ш.Колб осудил депортацию евреев как черную страницу в истории Румынии. Истребление евреев, удалось показать И.Э. Левиту, определялось не желанием «мести», а явилось следствием определенной политики чисто нацистского толка. Творение П.Гома ученый справедливо квалифицировал как смесь преднамеренной фальсификации, невежества и злобного антисемитизма(17).

7. Что дальше?

Научная несостоятельность унионистской трактовки уничтожения евреев на большом и во многом новом фактическом материале раскрыта в книге члена-корреспондента Академии наук Молдовы Р.Удлера «Годы бедствий. Воспоминания узника гетто»(18) и в фундаментальной монографии С.Назарии «Холокост: Страницы истории»(19). В молдавском обществе растет понимание недопустимости манипуляций историческим сознанием. «Убежден, — отметил в предисловии С.Назария, — мы совершили бы серьезнейшую ошибку, если бы допустили дальнейшее обольщение нашего народа, его интеллигенции, молодежи расистскими, антисемитскими, фашистскими и националистическими идеями, ложью и клеветой, вылившимися на людей широким потоком в 90-е годы прошлого века...»

Унионисты все еще препятствуют возобновлению изучения курса гражданской истории Молдавии и игнорируют Декларацию Стокгольмского международного

форума по Холокосту (2000 г.), обязывающую государства Европы включить в школьные программы изучение темы Холокоста. Унионистская литература используется в обучении студентов и школьников. Однако поддержка этого курса из-за рубежа слабеет. В 2005 г., накануне вступления Румынии в ЕС, ее правительство учредило Национальный институт по изучению Холокоста «Эли Визель». В конце года в Яссах изданы «Документы» и «Заключительный доклад» Международной комиссии по изучению Холокоста в Румынии(20). В них наглядно раскрыты «автохтонные» корни и традиции румынского антисемитизма, а большая часть материалов посвящена рассмотрению политики уничтожения евреев Бессарабии и «Заднепровья». Смогут ли панегиристы Иона Антонеску и далее игнорировать прессинг с Запада?

Метания унионистской историографии между замалчиванием трагедии евреев Молдавии и попытками обосновать «правоту» организаторов геноцида либо возложить всю вину за него на И.Антонеску представляют собой лишнее свидетельство порочности ее постулатов. Но стремление сохранить их в неприкосновенности, несомненно, присутствует. Лицензиат яесского университета «Ал.И.Куза» Игорь Кашу, представленный в журнале «Контрафорт» как редактор главы «Заключительного доклада», посвященной «коммунистическим (?) репрессиям в Бессарабии», пытается оспорить критику работ А.Петренку, данную И.Э. Левитом, безосновательно приписав ученому несогласие с любой реконструкцией истории Бессарабии, в том числе исходя «из перспективы экономической, социальной и культурной политики режима Антонеску, даже если он (видимо, А.Петренку –П.Ш.) не пренебрегает судьбой евреев, но не считает ее центральной»(21). Но для наших «борцов с тоталитаризмом» солнце всходит на Западе, на рубеже 90-х годов они уже перестроились в духе политической конъюнктуры, и в новых условиях от них можно ожидать попыток уделить внимание и жертвам.

Мысль. 2007. №1(35). С.90-93.

* * *

«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ»: РУМЫНСКИЙ ВАРИАНТ

Если история уничтожения евреев Советской Молдавии – в основном благодаря исследованиям историка И.Э. Левита (1), – раскрыта еще в 70-80-е годы XX века, то политика «окончательного решения» еврейского «вопроса», проводившаяся режимом И.Антонеску на территории Румынии, и поныне остается нежелательной темой румынской историографии. За пределами Румынии даже специалистам были известны лишь фрагменты кровавых событий 29 июня-3 июля 1941 года в Яссах. Но в целом подразумевалось, что евреи Румынии пережили войну сравнительно благополучно.

Другая тенденция в историографии, лишь на первый взгляд противоположная первой, связана с попытками снять с правящих кругов Румынии того времени ответственность за истребление евреев, всю вину возложив на «правителя». И, наконец, имеют место попытки объяснить проводимую им политику геноцида давлением Гитлера. Отыскать ответы на эти и многие другие вопросы этой трагической страницы истории позволяют материалы двух книг, выпущенных Международной комиссией по изучению Холокоста в Румынии: «Документы» и «Заключительный доклад» (2).

ЗАГАДКА ВАННЗЕЕ

Ныне одним из сложных для добросовестных историков остается поиск ответа на вопрос о том, как был организован геноцид. В «Документах» обоснованно воспроизведен, а в «Заключительном докладе» прокомментирован «Протокол Ваннзее» – план уничтожения европейских евреев. Суть дела такова. 20 января 1942 года в Берлине конспиративно, – не в помещении одного из министерств, а на берлинской улице Гросс-Ваннзее, №56-58, – перед представителями нацистской партии и ведомств, которым надлежало исполнять принятые решения (включая шефа гестапо Генриха Мюллера и его подручного Адольфа Эйхмана), выступил шеф Главного управления полиции и безопасности и службы безопасности (РСХА) обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих. Он сообщил, что назначен уполномоченным по «окончательному» решению еврейского вопроса в Европе» и изложил план такого «решения». Слов «расстрел», «концлагерь», «крематорий» в нем не прозвучало, говорилось об «эвакуации» либо «переселении» евреев. Участники совещания предложили широко использовать также стерилизацию. Было названо и число евреев, подлежащих уничтожению в странах Европы, – 11 миллионов человек.

Загадка «Протокола Ваннзее» заключается в том, что политика геноцида проводилась нацистами с первого дня войны, 1 сентября 1939 года, когда германские войска вторглись в Польшу. А совещание на улице Гросс-Ваннзее, на котором были приняты главные решения по этому вопросу, состоялось только два с половиной года спустя. Допустить, что гаулейтеры, группенфюреры и генералы подписывали людоедские приказы вопреки воле фюрера невозможно. А главное, темпами, опережающими установки Берлина, решали еврейский «вопрос» власти двух других государств – марионеточной Хорватии и суверенной Румынии. Почему это произошло?

ИСТОКИ АНТИСЕМИТИЗМА В РУМЫНИИ

Составители правы в своем стремлении выяснить социально-экономические предпосылки вспышки ненависти к евреям, имевшей место в Румынии в 1940-1944 гг. Вопрос о происхождении румынского антисемитизма – было ли его возникновение следствием местных условий или он был «импортирован» из Германии, – авторы доклада решают вполне корректно. Его истоки, справедливо отмечают они, уходят в социальные условия XIX столетия. В Румынии существовала и тенденция решать еврейский «вопрос» путем поэтапной румынизации евреев. Согласно этой схеме, государству их существование следовало игнорировать. Но ведущие деятели румынской политики и культуры, наглядно показано в Докладе, питали антиеврейские чувства. Вместо исследования социальных причин движения, на арендаторов-евреев, представлявших в селах помещиков-румын, они возлагали ответственность за сотрясавшие страну социальные конфликты, включая крестьянское восстание 1907 года. В 20-30-е годы ведущие политические партии Румынии стояли на антиеврейских позициях, обличая не капитализм как таковой, а «еврейскую плутократию». И, наконец, антисемитизм был стержнем идеологии «Железной гвардии» – партии румынских нацистов. В 20-30-е годы такие чтимые в современной Румынии деятели, как А.К. Куза, Октавиан Гога, Никифор Крайник построили на призывах к «устранению» евреев из общественной жизни успешные политические карьеры.

Из всего содержания сборника следует, что румынский антисемитизм, самостоятельный в основных своих проявлениях, вполне укладывался в контекст праворадикальных движений межвоенной Европы. Составителями справедливо отмечен «вклад» германских нацистов в радикализацию антиеврейской политики их румынских единомышленников. «Германия, – подчеркнуто в «Докладе», –

поддерживала идеологически и финансово крайне-правые и антисемитские группы, которые изнутри подрывали демократические порядки в Румынии». Поле действия демократических механизмов в Румынии всегда было ограничено – если не законом, то правоприменительной практикой и традицией. Зная суть «бессарабской системы» 1918-1940 годов, мы вправе усомниться в самом существовании в этот период «демократических порядков» в этом государстве. И все же вывод составителей неоспорим: Германия оказала поддержку формированию в Румынии нацистского движения, а «немецкий антисемитизм усилил антисемитизм румынский».

Результаты этого взаимодействия проявились уже в 30-е годы. Румынские «легионеры» влияли на студентов, городскую буржуазию, кулачество, военных. Обуреваемые антисемитизмом, в июне-июле 1940 года отступающие румынские войска громили и грабили еврейские магазины в Кишиневе, Бельцах, других городах и местечках Бессарабии. 1 июля на кладбище города Дорохой, уже в Румынии, солдаты 8-й дивизии открыли из пулемета огонь по похоронной процессии евреев. Было убито 52 человека. В Яссах, Ботошанах, других городах солдаты оскорбляли, избивали, грабили евреев, разрушали их недвижимость. В поездах румынские военные и гражданские лица нападали на пассажиров-евреев, в том числе солдат. Были случаи, когда евреев выбрасывали из поездов на ходу. Румынские офицеры поощряли эти бесчинства, а учителя, священники, преподаватели высшей школы не протестовали.

ШОВИНИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

При одобрительном молчании большинства румынской интеллигенции в 1936 году был принят шовинистический закон «Об охране национального труда». В Румынии была введена процентная норма – не менее 75 процентов работников любого предприятия или учреждения должны были составлять «румыны по крови». Защищая интересы немецкого меньшинства в Румынии, против введения этого закона в действие выступала даже германская дипломатия. Румынская сторона разъясняла: закон направлен против евреев. 13 января 1938 года румынский монарх Кароль II заявил, что «еврейский вопрос» представляет собой самую важную проблему Румынии. Браки между евреями и румынами «по крови» были запрещены. Только румыны могли быть допущены на руководящие посты в гражданской администрации и армии. Министром мог быть только румын не менее чем в третьем поколении. 1 декабря 1938 года королевский резидент в Черновцах издал распоряжение о запрете евреям публично разговаривать на ином языке, нежели румынский.

Аналогичные меры приняли румынские власти Бессарабии. В августе 1940 года король специальным декретом определил, кого считать в Румынии евреем, разделив евреев на три категории в зависимости от их отношения к иудаизму и наличия предков и супругов-христиан. Представители всех трех категорий были лишены доступа к государственной службе и в армию; было ограничено также их право заниматься предпринимательством, розничной и оптовой торговлей, юриспруденцией, врачебной практикой, владеть типографиями. Изгоняя евреев из традиционных сфер деятельности, отмечено в письме Федерации еврейских обществ Румынии, власти обрекают 80 тысяч из них на голод и смерть. «Румыния – страна только румын», – цинично разъяснил в официальном документе министр юстиции Ион Груйа.

Став «правителем», И.Антонеску лишил евреев права владения землей, недвижимостью, доступа к высшему образованию, других гражданских прав и свобод, и все же следует признать: режим этнической дискриминации евреев и других национальных меньшинств был в Румынии смонтирован до его выдвижения на

политическую авансцену. Антисемитские законы Румынии, включая Положение о евреях (Statutul evreilor), отмечено в «Докладе», действовали еще до прихода Антонеску к власти.

Использование «легионерами» и Ионом Антонеску антикоммунистического жупела, точнее, доктрины «иудео-коммунизма», представляло собой чисто пропагандистскую меру. Режиму требовался политический аргумент, призванный «обосновать» антиеврейские гонения, и степень его соответствия действительности особой роли не играла. Более реальным идеологическим мотивом являлись ссылки на «закон крови». В «Докладе» справедливо отмечен расовый характер румынского законодательства о евреях. В этом заключалось его сходство с Нюрнбергскими законами Гитлера. В основе румынского законодательства по национальному вопросу, как и в основе Нюрнбергских законов, лежали социально-экономические интересы буржуазии мажоритарной нации.

Материалы сборника дают все необходимые основания для очень важного в научном и политическом плане вывода: Основные принципы «окончательного решения» еврейского «вопроса», как и вся программа румынского фашизма в сфере национальной политики, была выработана в 20-30-е годы, когда у власти в Румынии находились так называемые «исторические» партии – Национал-царанистская и Национал-либеральная. Ныне историки-румынисты пытаются представить их «демократической» альтернативой коммунизму. А поклонникам «кондукэторула» этот вывод, а также то обстоятельство, что Антонеску – в отличие от Гитлера, Муссолини, Франко, Салазара – в партиях не состоял, дает повод утверждать, что румынский диктатор фашистом не был.

БЫЛ ЛИ РЕЖИМ АНТОНЕСКУ ФАШИСТСКИМ?

Официальная румынская историография отрицает это. Таковым, допускают некоторые авторы, режим являлся лишь в сентябре 1940 - январе 1941 г., в период пребывания в правительстве членов «Железной гвардии». Но 23-24 января 1941 года Антонеску разгромил легионеров. «В Румынии, – резонно отмечено в «Докладе», – сложилась особая, беспрецедентная в странах, союзных Гитлеру, ситуация: местная нацистская партия была насильственным образом упразднена, ее активные члены арестованы, а ее лидеры спасены от наказания...» В самом деле, в период, когда Румыния вела войну против России и румынская армия, полиция, оккупационная администрация совершили самые страшные преступления, фашистской партии в стране вроде бы не существовало. Однако факты, приведенные в «Документах», дают основания утверждать, что опорой режима, подлинной партией румынских нацистов, являлась бюрократия, государственный аппарат Румынии, десятилетиями формируемый по этническому принципу и воспитываемый в духе румынского национализма и вражды к венграм, славянам, и особенно к евреям. Существовало, как отмечено, и законодательство о евреях, выдержанное в нацистском духе. Но есть и более наглядный показатель существования в стране фашизма – значительная степень фашизации масс. В Румынии в направленных против евреев актах насилия повсеместно участвовали «волонтеры» из населения.

Так было уже во время массовых погромов в Бухаресте 20-24 января 1941 года. Исполнителями выступили члены и сторонники «Железной гвардии». Они подстрекали к насилию стихийно возникшие толпы, опьяненные безнаказанностью и алкоголем. Были разгромлены все синагоги Бухареста, – причем две из них сожжены, – тысячи торговых заведений, подожжены два еврейских квартала. Евреев избивали на улицах города, а полиция – вот она позиция государственной администрации! – лишь вносила в эту вакханалию насилия «организованность». Более 2 тысяч мужчин, женщин, а также стариков и детей задержаны, доставлены в полицейские участки и

подвергнуты избиениям и пыткам. Еврейское имущество, организованно награбленное «легионерами», не уместилось в 200 грузовиках. То, что растащили из еврейских квартир и магазинов самодельные погромщики, учету не поддается. За четыре дня легионерского мятежа в Бухаресте были убиты 125 евреев.

Гораздо более массовым и жестоким оказался погром в Яссах, проведенный 29 июня – 3 июля 1941 года. Он был заблаговременно подготовлен властями. Молодых евреев мобилизовали и заставили рыть ямы для массовых захоронений за неделю до погрома, в день начала войны против СССР. Антонеску лично приказал начальнику гарнизона, полковнику Константину Лупу «эвакуировать» евреев из города. В ночь на 29 июня румынские и немецкие войска, жандармерия, полиция приступили к арестам и массовым убийствам евреев. Солдаты обеих армий, а также жандармы и полицейские участвовали в погроме и неорганизованно, по собственной инициативе. Им помогали многочисленные гражданские лица, особенно члены местных праворадикальных организаций, маргинальные и уголовные элементы. Они также разыскивали евреев, избивали и убивали их, расхищали огромные ценности, которые диктатор был намерен передать в государственную казну. К.Лупу, утративший контроль над ситуацией в городе, был от командования отстранен, «операцию по эвакуации» евреев возглавил генерал Ставреску. От вокзала в концлагеря Роман и Тыргу-Жиу направлялись «поезда смерти». Всего в ходе погрома были убиты 14850 евреев, треть всего еврейского населения города.

Приведенные в «Документах» факты убедительно свидетельствуют о том, что накануне и в начале второй мировой войны еврейские погромы и другие акты массового насилия, направленные против еврейского населения Румынии, осуществлялись государственной властью. Вместе с тем к моменту вторжения немецких и румынских войск в СССР в Румынии состоялась фашизация достаточно широких кругов населения. Режим Иона Антонеску был фашистским.

СУВЕРЕННЫЙ ПАЛАЧ

Другой немаловажный вопрос – насколько был Антонеску свободен в своих решениях? Быть может, он лишь исполнял распоряжения Гитлера?

«Еврейский вопрос» или обращение с евреями в Румынии, отмечают авторы «Доклада», не были предметом обсуждения либо мотивом несогласия между Германией и национал-легионерским правительством». В октябре 1940 и январе 1941 года, когда Гитлер встречался с Антонеску, характер и масштабы «окончательного решения» еврейского «вопроса» якобы не были ясны и самим нацистам и поэтому не обсуждались. Весной 1941 года в Румынию прибыли немецкие войска, численно превосходящие румынскую армию, – 680 тыс. солдат и офицеров. Можно ли в этих условиях говорить о независимости страны?

Экономика и вооруженные силы Румынии были поставлены на службу Германии, но ничто не указывает, отмечено в «Докладе», на какое-либо давление Берлина в вопросе о судьбах евреев Румынии. Более того, нацистский план «окончательного решения» еврейского «вопроса» румынский диктатор скорректировал. Эсэсовские фантазии о массовой стерилизации евреев были ему чужды. Его собственный план предусматривал «очищение местности» («curatarea terenului») путем массовых расстрелов евреев и депортации оставшихся в концлагеря. Именно этим планом была предрешена судьба евреев Бессарабии, Буковины и «Транснистрии» («Заднепровья»), вскоре оккупированных румынскими войсками. 19 июня 1941 года начальник генштаба генерал Илие Штефля «конфиденциальным» циркуляром сообщил армии приказ И.Антонеску об «идентификации всех жидов, агентов или симпатизирующих коммунистам [...]»; Министерство внутренних дел должно знать,

где находятся, дабы воспретить им перемещения». Приказ лишь повторял инструкции, данные ранее вермахту фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем.

Антонеску импровизировал по партитуре, написанной нацистами, но делал это свободно, по собственному усмотрению. В Бессарабии, Буковине и восточнее Днестра оккупанты взяли курс на немедленное уничтожение еврейского населения. В гетто и концлагеря они заключили всех евреев. Там их морили голодом, избивали, расстреливали. Общее число евреев, убитых в Бессарабии и Буковине, достигло 60 тысяч человек. Оставшиеся в живых, около 90 тысяч, были осенью 1941 года угнаны в «Заднестровье». В Дальнике под Одессой были заживо сожжены в бараках 22 тысячи евреев, в Дубоссарах, Голте, Доманевке, Березовке, Богдановке, других концлагерях румынские жандармы расстреливали тысячи узников. К осени 1943 года в живых оставались только 56 тысяч заключенных, и уничтожение их продолжалось. Эти действия режима Антонеску, отмечено в «Докладе», «вызывали восхищение у нацистов и особенно у Гитлера». В Румынии механизм геноцида был запущен до решений, принятых на совещании в Гросс-Ваннзее.

Но приоритетными оставались все же интересы ведения войны, поэтому действовать в самой Румынии столь же жестоко, как на оккупированной территории, диктатор не считал возможным. После чудовищного Ясского погрома были заключены в концлагеря более 40 тысяч евреев Румынии, примерно седьмая часть еврейского населения страны, запрещены еврейские организации, проведена перепись лиц «еврейской крови», они были разделены на «полезных» и «бесполезных», функционеры грабили тех и других, налаживали их эксплуатацию. Но в концлагеря «Транснистрии» из Бухареста отправляли в первую очередь евреев-коммунистов и уроженцев Бессарабии. Вместе с тем от причалов Констанцы и Галаца назначением в Палестину отходили корабли с эмигрантами. Гитлера эта политика устраивала не вполне. 23 января 1942 года, после совещания в Ваннзее, германский советник по делам геноцида в Румынии Густав Рихтер, «имея в виду Окончательное Решение еврейского вопроса в Европе», потребовал от вице-премьера Михая Антонеску прекратить эмиграцию евреев. В апреле тот же Г.Рихтер печатно предупредил евреев Румынии, – а их было более 300 тысяч, – что их судьба будет решена в европейском контексте. Что это было – попытка деморализовать обреченных или сигнал: «спасайся, кто может»? И что они могли предпринять? К ноябрю 1943 года число евреев Румынии, уничтоженных в «Заднестровье», превысило 120 тысяч человек.

Спасение несла только победа России. Осенью 1942 года, когда волна нацистского нашествия была остановлена на Волге и предгорьях Кавказа, И.Антонеску отказался от депортации за Днестр русских, украинцев, гагаузов Бессарабии. После разгрома немецких, румынских и итальянских войск под Сталинградом румынское правительство официально известило Берлин, что «единственным решением еврейского вопроса в Румынии является эмиграция». При встрече с Гитлером в апреле 1943 года Антонеску не уступил его требованию об отправке румынских евреев в концлагеря. Все это невозможно объяснить снисходительностью диктатора. Антонеску призывал своих наместников быть беспощадными. Даже в 1944 году, перед крахом своего режима, выражал он ненависть к евреям как «врагам» румынской нации, оправдывал депортации и сожалел лишь о том, что ему не удалось «эвакуировать» в лагеря смерти всех евреев, находящихся в «очищаемых» областях – в Бессарабии, Транснистрии и Буковине. Общее число евреев, уничтоженных румынскими властями, достигло 380 тысяч человек. Это было более двух третей всех евреев, оказавшихся в 1940-1941 года во власти режима Антонеску.

Между тем Красная Армия приближалась к границам Румынии, и времени для завершения кампании геноцида у диктатора уже не оставалось. Большинство румынских евреев осталось в живых. Ссылаясь на это обстоятельство, в наши дни

национал-радикалы Румынии пытаются представить Антонеску «спасителем» евреев и вообще отрицать причастность румынского правительства к Холокосту.

ДЕПОРТАЦИЯ ЦЫГАН

Одна из особенностей национальной политики фашизма заключалась в том, что по мере «окончательного решения» одного национального «вопроса» возникал следующий. В Румынии таковым оказался цыганский «вопрос». Включив в «Заключительный доклад» также сведения об уничтожении цыган, составители поступили корректно в научном и нравственном плане.

В отличие от евреев, цыгане не были до войны объектом вражды румынских национал-радикалов. Цыган не рассматривали как «проблему» – возможно потому, что они были маргиналами румынских городов и сел. Правда, в 1940 году легионеры поставили вопрос о запрете браков между румынами и цыганами, а в годы войны расистские тенденции в Румынии усилились. В 1944 году некто Ион Келча выпустил в Бухаресте монографию «Цыгане Румынии», в которой – совсем в духе Ваннзее, хотя протокола заседания прочесть он не мог – предлагал три варианта решения цыганского «вопроса»: концентрацию цыган на окраине страны, их депортацию за Днестр либо принудительную стерилизацию. И все же депортацию цыган составители связывают исключительно с инициативой самого Антонеску. Он не издавал декретов о выселении цыган из Румынии, об их ограничении в правах. Приказания относительно «сбора» цыган и их конвоирования отдавались устно.

Власти также не пытались «обосновать» депортацию соображениями расистского толка. Тем не менее события развивались по сценарию Холокоста: перепись цыган, их концентрация и, начиная с 1 июня 1942 года, депортация за Днестр примерно 25 тысяч человек – якобы только кочевых, тех, кто вел «цыганскую» жизнь. Цыган, воевавших в составе румынской армии, отозвали с фронта и, пообещав им наделение земель, отправили вместе с семьями в ссылку. В сентябре 1942 года за Днестр были депортированы из Румынии также 13 тысяч оседлых цыган. Зимой почти половина высланных погибла от голода, холода, болезней. К лету 1943 года в лагерях на Буге оставалось всего 20 тысяч цыган. Осенью, когда Красная Армия вышла к Днепру, им разрешили возвратиться в Румынию. Вся история с депортацией цыган лишний раз свидетельствует о том, что «национальную политику» своего режима И.Антонеску выстраивал независимо от решений Гитлера.

СОСТОЯЛОСЬ ЛИ ПОКАЯНИЕ?

В 90-е годы XX века национал-радикалы Румынии провели массированную кампанию по реабилитации И.Антонеску. В Румынии (а также в Республике Молдова) портреты диктатора помещены в школьные учебники по «истории румын», историки представляют его патриотом Румынии, а преступления его режима, начиная с участия Румынии во второй мировой войне на стороне Гитлера и истребления евреев, пытаются оправдать либо просто замалчивают. Этот курс вызвал критику на Западе, и правящие круги страны внесли в него коррективы. Власти снесли несколько памятников «правителю», поддержали изучение Холокоста в Румынии. 20 января 2005 года президент Траян Бэеску заявил, что страна сделала выбор в пользу демократических ценностей, и выбор этот необратим.

Ранее, 17 июня 2003 года, исполнительная власть Румынии признала «часть ответственности румынского государства 60 лет назад за жертвы Холокоста» и заявила, что «правители периода 1940-1944 годов, представлявшие румынское государство, повинны в тяжких военных преступлениях, в погромах, в депортациях в Транснистрию, массовых перемещениях значительной части еврейского населения Румынии на территории, оккупированные и контролируемые румынской армией

методами дискриминации и уничтожения, составляющими жуткий механизм Холокоста».

Как видим, в тексте отсутствуют сожаления по поводу уничтожения «правителями периода 1940-1944 годов» сотен тысяч евреев Бессарабии, Северной Буковины и Буго-Днестровского междуречья, именуемого оккупационным термином «Транснистрия»; нет и упоминаний о главном организаторе геноцида. Нет и упоминаний об оккупационной политике на территории СССР – в Бессарабии, Северной Буковине и т.н. «Транснистрии», – которая привела к гибели сотни тысяч молдаван, украинцев, русских. Это замалчивание нельзя объяснить неведением, в научном плане вопрос – во всяком случае в части, касающейся Молдавии, – в основном решен (3). Неужели само участие Румынии в нацистской агрессии против России, – а значит и Молдавии, и Украины, – официальный Бухарест более не считает предосудительным, а в Ионе Антонеску видит национального героя, одного из виднейших деятелей румынской истории?

* * *

Уничтожение евреев Румынии в годы второй мировой войны было идеологически подготовлено в 20-30-е годы XX столетия, когда у власти находились «исторические» буржуазные партии. Организуя геноцид, И.Антонеску не просто творил кровавый произвол. Фашистский диктатор выполнял волю наиболее влиятельных в то время фракций правящего класса Румынии по устранению социальных конкурентов. Истребление евреев было также своего рода присягой верности румынских фашистов союзу с германским нацизмом. Диктатор Румынии был злобным, деятельным и упорным исполнителем программы нацизма – но только исполнителем. В рассмотренном двухтомнике наглядно раскрыта трагедия евреев Румынии и территорий СССР – Молдавии и юго-западных областей Украины, оказавшихся в годы второй мировой войны в сфере румынской оккупации. Опубликованные в нем документы и «Заключительный доклад» представляют несомненный интерес для исследователей и всех интересующихся историей второй мировой войны.

Коммунист. 2008; № 24 (623). 27 Июня; № 25(624). 4 июля.

Глава VI.

КОНСПИРОЛОГИЯ

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ДНЕСТРОВСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИОГРАФИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Днестровская война 1992 г. явилась самой острой фазой гражданского конфликта в Молдавии, спровоцированного в 1989 г. Тему войны и ее последствий и поныне обсуждают историки, политики, дипломаты. В Республике Молдова сформировались два основных направления исследований. Первое выражает взгляды молдавских традиционалистов, рассматривающих события с точки зрения интересов молдавской нации и молдавской государственности(1). Часть исследователей, также исходя из интересов существующей государственности, учитывает и «меньшинственный» фактор, политическую роль совокупности национальных меньшинств, не вполне адекватно именуемой «русскоязычными»(2). Молдавским государственным противостоит унионистское направление, представленное румынскими и молдавскими авторами, отрицающими молдавский этнокультурный суверенитет и право молдаван на молдавскую государственность(3). Специфичны позиции некоторых зарубежных авторов, чьи работы, затрагивающие интересующую нас тему(4), переизданы в Кишиневе, а также мемуары участников событий(5). Представляется целесообразным рассмотреть трактовку ключевых вопросов истории Днестровской войны, данную представителями всех направлений.

ПРИЧИНЫ ДНЕСТРОВСКОЙ ВОЙНЫ

Унионистская историография Республики Молдова игнорирует этнополитические и социально-экономические причины Приднестровского конфликта, а вооруженную конфронтацию 1992 г. стремится трактовать как конфликт между русскими и молдаванами либо даже войну между Молдовой и Россией. Однако знакомые с ситуацией в Молдавии тех лет румынские авторы отвергают определение Днестровской войны как конфликта межэтнического. Виктор Бырсан, впоследствии посол Румынии в Республике Молдова, еще в 1993 г. квалифицировал конфликт прежде всего как внутримолдавский. Прорумынские национал-радикалы Кишинева, признал он, сами сеяли отчуждение между молдаванами двух берегов Днестра, именуя левобережных конационалов **шантистами** (от диалектного слова *шанти* (затем)), – и **манкуртами** (согласно киргизскому писателю Чингизу Айтматову, людьми, утратившими память) (6). Абсурдную версию причин конфликта дал политолог Георге Кожокару. Невольно подтверждая приверженность молдаван существующей государственности, он утверждает, что дезинтеграция Молдавии являлась следствием заблуждения. Население республики якобы ошиблось, восприняв «законы 13-й сессии», предусматривающие придание в двуязычной республике государственного статуса только одному языку, как дискриминационные, и расценив перспективу включения Молдавии в состав Румынии как угрозу своему национальному бытию (7).

Замалчивая участие молдаван в Республиканской политической стачке 1989 г., в местных референдумах 1989-1990 г. и их голосование за сохранение Союза во время Референдума СССР, авторы-унионисты повторяют пропагандистский тезис официального Кишинева о том, что в период Днестровской войны население Приднестровья не поддерживало приднестровскую государственность. Хотя создание вооруженных сил ПМР началось только осенью 1991 г., результаты Референдума СССР 17 марта 1991 г. – в Приднестровье в нем приняли участие свыше 400 тыс. чел., и 98% из них проголосовали за сохранение Союза, – они пытаются объяснить давлением «вооруженных формирований приднестровских сепаратистов», в то время еще не созданных.

Молдавские традиционалисты признают активную роль молдаван восточного берега Днестра в создании Приднестровской республики и их участие в ее защите. В политическом трактате «История Молдавии в датах»(8), написанном в форме хроники исторических событий, идеолог движения молдавистов Василе Стати обвиняет в расколе Молдавии только политиков-унионистов. Левобережные молдаване, отмечает он, были оскорблены ярлыками «манкуртов» и «шантистов», навешанными на них кишиневскими румынистами. «Основание сепаратизма приднестровских молдаван, – сочувственно цитирует автор крупнейшего композитора Молдавии уроженца Левобережья Днестра Евгения Догу, – было заложено здесь, в Кишиневе. [...] Термин «румын» для абсолютного большинства жителей Приднестровья звучит издевательски».

Не оспаривая положение о том, что межэтнического конфликта в Молдавии нет, имеется лишь конфликт между прорумынскими национал-радикалами с одной стороны и большинством молдавской нации и совокупностью национальных меньшинств – с другой(9), главную причину войны В.Н. Стати усматривает в якобы нараставшем в эти годы недоверии «между совместно проживающими национальностями и титульной нацией». Историк по существу отказывает нетитульному населению в праве на защиту своих этнокультурных и социальных интересов. В монографии «История Молдовы» (10) Республиканскую забастовку 1989 г., проведенную под лозунгами защиты национального равноправия и молдавской этнокультурной традиции, В.Стати безосновательно расценивает как направленную «против придания статуса государственности молдавскому языку, родному языку народа (65% населения), давшего название этому государству!»

И все же непосредственную вину за провоцирование вооруженного конфликта с Приднестровьем историк возлагает на прорумынских национал-радикалов и часть партийной номенклатуры, которые, игнорируя историю этих молдавских районов, их культурную и лингвистическую специфику, обострили отношения между населением двух берегов Днестра. Официальный Кишинев, полагает он, несет ответственность за это, поскольку «грубо отверг» предложение властей Приднестровья придать статус государственного двум языкам: молдавскому и русскому. Войну против Приднестровья, «трагические дни великого стыда и боли», он рассматривает как братоубийственную, как национальную трагедию Молдавии. Вообще не усматривает связи между принятием законов о языке и сепарацией регионов Думитру Моцпан, лидер парламентской фракции аграриев, в 1992 г. сыгравший активную роль в прекращении войны на Днестре. Причину возникновения Приднестровской и Гагаузской республик он видит только в курсе правительства прорумынского национал-радикала Мирчи Друкча на разрыв с Москвой и включение Молдовы в состав Румынии (11).

Не отрицая влияния названных факторов, деятельное участие молдаван в создании приднестровской государственности признает и деятель Партии коммунистов Республики Молдова, депутат парламента Виктор Степанюк, автор книги

«Государственность молдавского народа»(12). В основе их позиции, отмечает исследователь, лежало стремление сохранить молдавскую национально-культурную самобытность перед угрозой румынизации. «Прорумынские силы из комиссии Верховного Совета [...], – отмечено им далее, – навязали республике, ее образовательной системе «историю румын», [лингвоним] «румынский язык», румынский алфавит. [...] В молдавских районах Левобережья Днестра учителя и само общество воспротивились такому наглому навязыванию чужой идеологии и политики». Включение в Закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» положения об идентичности молдавского языка с румынским, показал автор, было воспринято населением как свидетельство курса официального Кишинева на присоединение Молдавии к Румынии.

Однако данная В.Ф. Степанюком трактовка причин Приднестровского конфликта не вполне последовательна. Действия румынизаторов он определяет лишь как их тактическую ошибку: «квазиединством ошибки было навязывание в режиме *force majeure* румынского языка, румынского алфавита, триколора румынского государства, герба румынского государства». Молдавские традиционалисты, явствует из книги, уже летом 1990 г. предлагали осуществить либерализацию Закона «О функционировании языков...» и отказаться от использования румынской государственной символики. Однако унионистское руководство парламента отказалось от возможности предотвратить дезинтеграцию Молдавии и тем самым «поход» молдавских «волонтеров» против гагаузов и войну на Днестре.

Историки, учитывающие интересы нетитульного населения Молдавии, подчеркивают провоцирующую роль развернутой в 1989 г. насильственной языковой реформации, а также ее социально-политических и экономических последствий. Создание региональных государственных в Приднестровье и Гагаузии авторы «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (координатор – В.И. Царанов) (13) трактуют как акт самообороны населения восточного и южного регионов от деструктивной политики республиканского Центра. Придание государственного статуса только молдавскому языку, отмечают они, создало юридический предлог для дискриминации немолдавского населения в праве на труд, а дезинтеграция республики и вооруженный конфликт 1992 г. представляли собой закономерное продолжение таких событий, как решения 13-й сессии Верховного Совета МССР о придании государственного статуса только молдавскому языку, Республиканская политическая стачка, ограничение доступа к образованию на русском языке, массовые увольнения служащих, недостаточно владеющих языком, получившим государственный статус, поход молдавских «волонтеров» против гагаузов(1990), распад СССР (1991) и угроза аннексии Молдавии Румынией, ставшая актуальной зимой 1991-1992 гг.

Массовые увольнения под предлогом незнания государственного языка не только русских и украинцев, но и молдаван, политически неугодных прорумынским радикалам, показано в книге «Покушение на статус» (14), явились фактором разрушения промышленности, науки, здравоохранения. Наряду с политикой свертывания образования на русском языке, эта кампания способствовала обострению этногосударственных отношений в Молдавии и тем самым созданию Приднестровской и Гагаузской республик. Как попытка избежать национальной дискриминации и включения региона в состав Румынии представлена сепарация Приднестровья и Гагаузии также в труде «История и культура гагаузов»(15). Исходя из интересов молдавской государственности и молдавской нации, как угрозу утраты молдаванами культурной идентичности и нарушения гражданского согласия, рассматривает перевод молдавской письменности с традиционной кириллицы на

латинскую графику и придание государственного статуса только молдавскому языку деятель Движения «Унитате-Единство» Иван Руссу(16).

Основные положения названных версий пытается совместить профессор Стэнфордского университета (США) Чарлз Кинг. «Парламентское голосование в пользу молдавского языка, – утверждает он в монографии «Молдаване», – стало началом событий. В ответ на это голосование местные Советы Тирасполя и других городов проголосовали против регламентов, переданных из центра, и постановили, что законы о языке не признаются действующими восточнее Днестра. Напряженность возросла в недели после голосования. Столкновения между молдавской полицией и вооруженными «частями самообороны» приднестровцев, все более частые, множились.[...] Несколько кишиневских членов движения «Единство» также поддержали это движение; некоторые из них предпочли переселиться в Тирасполь, чтобы помочь приднестровцам, чем продолжать работать в молдавской политической системе»(17).

Стремлением к идеологическому компромиссу в ущерб истине отмечена версия событий, данная Федором Ангели, в прошлом депутатом парламента и послом Молдовы в Турции. Причину гражданского конфликта он, подобно Виктору Степанюку, усматривает не в самом факте придания государственного статуса в двуязычной республике только одному языку, а в тактических ошибках мажоритарных национал-радикалов: нереалистично высоких темпах и насильственном характере внедрения этого языка в обиход государственных структур, а также в навязывании населению румынской государственной символики – флага, герба, гимна, в насилии, к которому они прибегали против политических оппонентов, включая депутатов-приднестровцев и гагаузов(18).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОЙНЫ

Политический процесс в Молдавии, признают почти все авторы работ, посвященных Днестровской войне, развивался под воздействием внешних силовых полей, особенно событий в России, а после распада СССР – также под влиянием политики Румынии. Главное политическое формирование прорумынских национал-радикалов в Молдавии, Народный фронт, отмечено в «Истории Республики Молдова...», было создано при участии эмиссаров из Прибалтики(19). Практически того же мнения участник вооруженного конфликта 1992 г. Анатолий Мунтян: НФМ был создан «по модели, существующей в Литве, Эстонии и Латвии»(20).

По вопросу о непосредственных виновниках Днестровской войны Федор Ангели аргументированно доказывает, что инициатива принадлежала официальному Кишиневу, и вторжение готовилось заблаговременно. Относительно убийства в Дубоссарах офицера приднестровской милиции Игоря Сипченко, которое стало предлогом для начала боевых действий, Ф.Ангели утверждает: «имела место заранее спланированная провокация, целью которой было создать военный очаг на берегах Днестра». Назван автором – со ссылкой на публичное признание Иона Косташа, в то время министра обороны, – и конкретный виновник войны: президент РМ Мирча Снегур; якобы именно он отдал приказ о начале военных действий на Днестре. «Вооруженный конфликт в Приднестровье, – утверждает и бывший председатель парламента Молдовы лидер партии аграриев Думитру Моцпан, – был развязан президентом РМ и его окружением»(21).

Далее Ф.Ангели приводит данные о причастности к развязыванию гражданской войны в Молдавии также правительства Румынии. Ссылаясь на румынского автора Юлиана Кифу(22), Ф.Ангели сообщает следующее. В 1991-1992 гг. в Бухаресте была разработана секретная операция «Свободу Бессарабии!», конечной целью которой являлась аннексия Республики Молдова Румынией. Согласно плану операции,

М.Снегур и некоторые другие лидеры Кишинева должны были баллотироваться на парламентских выборах в Румынии по спискам румынских партий; президенту Молдовы была гарантирована должность председателя Сената. «Но он отверг это предложение, сделанное ему по дипломатическим каналам», – цитирует автор румынского историка. Вопрос о том, когда он это сделал, остается невыясненным, однако предположение о том, что, развязывая военные действия на Днестре, М. Снегур приступил к выполнению операции, разработанной Бухарестом, остается в силе.

Общая черта мемуаров и исторических работ о Днестровской войне – наличие сюжета о провокационном вмешательстве в ход событий «третьей силы». В убийстве Игоря Сипченко Влад Греку, участник войны против ПМР, обвиняет, не называя его по имени, подростка, получившего оружие(23). Но предположение о том, что убийство произошло случайно или – эта версия также рассматривалась исследователями, – осуществлено по приказу из Тирасполя, опровергает Федор Ангели, проводивший депутатское расследование по свежим следам событий. Подготовка вторжения в Приднестровье, отмечает он, началась сразу после упразднения СССР. Еще в январе-феврале 1992 г. на подступах к Дубоссарам и Бендерам, а также близ моста через Днестр у села Гура-Быкулуй, откуда удобно наступать на Тирасполь, были созданы базы молдавской полиции(24). Для вторжения требовался только повод.

Неудачную попытку внести вклад в создание мифологии Днестровской войны представляют собой имеющиеся в работах унионистов упоминания о якобы существовавших в Приднестровье «молдавских партизанах». В.Греку, участник одной из самочинно возникших там вооруженных групп, подтверждает тезис о решающей роли «третьей силы» в провоцировании конфликта. Житель села Кочиеры Александр Лукьянов, ведущий переговоры с офицерами, осажденными в помещении российской понтонной части, признает он, был убит выстрелом в спину кем-то из «коллег» – в расчете, что это преступление будет приписано офицерам. В Приднестровье, отмечает он далее, был совершен ряд жестоких убийств местных жителей, непричастных к войне ни на чьей стороне. Преступления не были раскрыты, но даже мемуарист, склонный приписать их приднестровским формированиям, в большинстве случаев не делает этого и признает, что группы самообороны, получившие оружие от МВД Молдовы, «терроризировали» противника(25).

Ч.Кинг объясняет этот террор отсутствием контроля в рядах вооруженных сил Молдовы. Полицейские, вооруженные гражданские лица, войска МВД и бывшие советские солдаты, ныне лояльные независимой Молдове, утверждает он, действовали не считаясь с приказами, поступавшими из Кишинева(26). Однако молдавские традиционалисты видят в террористических актах попытку спровоцировать ужесточение борьбы и распространить военные действия, развернувшиеся в районе Дубоссар, на другие районы, обвиняя в их организации Министерство национальной безопасности Молдовы(27). В апреле 1992 г., отмечено в «Истории Республики Молдова», в Бендерах из бронетранспортеров Молдовы, т.е. по приказу командования, были расстреляны два микроавтобуса приднестровской милиции и гвардии, автобус с рабочими. Террористы Министерства национальной безопасности Молдовы (группа «Бужор») убили деятеля Приднестровской республики депутата парламента Молдовы Николая Остапенко и руководителя ополчения города Слободзея Александра Гусара. В мае гагаузская милиция захватила оперативную группу МНБ, направленную с террористическим заданием в город Чадыр-Лунга. Пять членов группы избежали ареста, но при бегстве были по ошибке расстреляны молдавской полицией. В мае артиллерийским снарядом, прицельно выпущенным с западного берега Днестра, при выходе из здания городского Совета

были убиты шесть директоров промышленных предприятий города Дубоссары. Имели место и другие террористические акты.

Подтверждая конспирологическую версию, генерал П.Крянгэ, в период войны – заместитель министра обороны, пишет, что для него ввод сил Молдовы в Бендеры явился неожиданностью(28). Утверждение представляется в значительной степени достоверным, поскольку 17 июня, после заседания Совета Безопасности, принявшего решение о проведении Бендерской операции, министр обороны генерал И.Г. Косташ подал президенту заявление об отставке. Другой мемуарист, офицер полиции Анатолий Мунтян, в расчете на наивность читателя пытается представить ввод в Бендеры бригады специального назначения МВД Молдовы как результат эмоциональной реакции ее командира Антона Гамуаря на столкновение приднестровских гвардейцев с полицией Молдовы. Однако тут же проговаривается, что оперативно-тактические направления ввода войск в город и их состав были расписаны заранее (29). Для вторжения требовался только повод, но подготовлено оно было в секрете даже от командования Национальной армии.

Унионистская трактовка Бендерских событий отвергнута и молдавскими традиционалистами, и зарубежными исследователями. Как меру, призванную сорвать выполнение постановления об урегулировании конфликта на основе компромисса, принятого парламентом Молдавии 16 июня, трактует вторжение в Бендеры В.Стати (30). Также возлагая на официальный Кишинев ответственность за вторжение, как попытку отвоевать стратегически важную позицию, квалифицирует Бендерскую операцию и Ч.Кинг (31). В труде «История и культура гагаузов» (32) относительно Бендерских событий сказано: «В Бендерах полиция Молдовы спровоцировала вооруженное столкновение с местными гвардейцами, и в город была введена бригада спецназа МВД и другие части. Начались уличные бои». Упомянуто в книге также о движении солидарности с Приднестровьем, развернувшимся в Гагаузии, и о гибели в бою в Бендерах одного из приднестровских бойцов – гагауза по национальности.

ХАРАКТЕР КОНФЛИКТА

Умалчивая о том, что провозглашенную 27 августа 1991 г. независимость Республики Молдова первой признала Российская Федерация, некоторые авторы-унионисты пытаются трактовать Днестровскую войну как «молдавско-российскую войну за независимость»(33). Оценка возникновения автономий как меры «Кремля», направленной на территориальное расчленение Молдавии, попала в учебники, написанные историками-унионистами. Однако даже элементарного перечисления событий Днестровской войны они избегают(34). Авторы официозного издания «Полиция Республики Молдова: события и факты»(35), не приводя соответствующих фактов, трактуют вооруженный конфликт 1992 г. как «войну за обеспечение суверенитета, независимости и территориальной целостности республики». Несостоятельной попыткой оправдать карательную операцию являются приведенные в книге суждения о руководящем органе рабочего движения – Объединенном Совете трудовых коллективов (ОСТК), – как «ортодоксально коммунистической» структуре русскоязычного населения. Однако сведения о состоявшихся в Приднестровье в 1989-1990 гг. местных референдумах, также приводимые в книге, свидетельствуют о массовой поддержке населением движения за создание Приднестровской республики.

Официальной точкой зрения Министерства внутренних дел Молдовы остается тезис о вине Тирасполя за возникновение конфликта. Умалчивая об убийстве Игоря Сипченко, разоружение полиции Молдовы в Дубоссарах в ночь с 1 на 2 марта составители книги подают как неспровоцированное нападение «вооруженных бандитских формирований». В книге публикуются высказывания, позволяющие подозревать официальный Тирасполь в намерении сорвать назначенное на 2 марта

принятие Республики Молдова в ООН. Однако если бы это было так, провокацию следовало предпринять на 10-15 дней ранее.

Стремясь обосновать наличие в деле о происхождении Днестровской войны «российского следа», А.Мунтян и Н.Чиботару без ссылок на источники сообщают о решении создать «нелегальные организации», призванные бороться с «процессом национального освобождения в Балтийских Странах, Кавказских Республиках и Республике Молдова», якобы принятом на совместном заседании Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в 1988 г. по предложению председателя ВС СССР А.Лукиянова. Со ссылкой на литературный, а не на документальный источник приводят данные авторы и невероятное сообщение о заявлении А.Лукиянова молдавским депутатам Верховного Совета СССР о планируемом разделении Молдавии на пять автономных областей – «гагаузскую, приднестровскую, русскую, украинскую и румынскую». Другими историками эти утверждения проигнорированы как явно недостоверные.

Некоторые из бывших участников Днестровской войны не избежали соблазна демонизировать противника. Армия и полиция Молдовы, утверждал в 1993 г. министр внутренних дел К.Анточ, боролись против «самой одиозной тоталитарной системы на свете». По его мнению, жители Приднестровья были «лишены самых элементарных прав человека». Будь это так, следовало ожидать поддержки населением Приднестровья действий сил официального Кишинева. Но достоверная картина массового гражданского неповиновения населения административным структурам Кишинева, данная бывшим начальником полиции города Бендеры полковником В.Гусляковым(36), свидетельствует об обратном.

Не считая нужным рассматривать лишенные фактических оснований суждения министра и его единомышленников, а также тезис о «войне за независимость», В.Стати и авторы «Истории Республики Молдова» признают высокую степень политической сплоченности приднестровцев. Эту оценку подтверждают приводимые в работах молдавских традиционалистов сведения о масштабах участия населения Приднестровья в вооруженной борьбе с силами официального Кишинева. В ходе войны приднестровские власти вооружили 14000 рабочих, взорвали мосты через Днестр и взяли под охрану плотину Дубоссарской гидроэлектростанции(37).

Молдавские традиционалисты указывают также на массовое уклонение молдаван от призыва в Национальную армию. Хотя в ходе конфликта предполагалось мобилизовать 60 000 чел., власти Кишинева смогли поставить под ружье всего 7,5 тыс. резервистов. В июле-августе численность личного состава Национальной армии была доведена до 18000 чел., но, поскольку приднестровские формирования не уступали противнику в вооружении и боевой выучке, соотношение сил на поле боя осталось, в общем, равным.

Из всей литературы о конфликте явствует, что воевать армия Молдовы не желала. Министр внутренних дел К.Анточ и генерал П.Крянгэ, возглавлявшие соответственно полицейские и армейские подразделения на Днестре, поддерживали телефонную связь с приднестровским командованием. Вероятно, с их согласия командиры секторов заключали с командирами противостоящих формирований Приднестровья местные перемирия, а солдаты Национальной армии договаривались с приднестровскими ополченцами не стрелять друг в друга. Подтверждая тезис о нежелании молдаван воевать, авторы-унионисты любую неудачу в борьбе против приднестровцев объясняют «изменой» в штабах войск Молдовы, «саботажем» боевых действий многими молдавскими офицерами, работой шпионов противника (38).

Число лиц, добровольно принявших участие в войне против Приднестровья, оказалось невелико. Перспектива получить оружие привлекла лишь асоциальные элементы. Возникновение вооруженных групп в некоторых молдавских селах на

восточном берегу Днестра В.Греку представляет как ответную меру их жителей на действия анархических вооруженных групп, не контролируемых Тирасполем. Однако в справедливости даже этой, возможно, не лишенной оснований трактовки событий, вынуждают усомниться факты, давшие основание для выдвижения конспирологической версии событий, о чем пойдет речь далее. Несмотря на пропагандистски выигрышный сюжет о «народной инициативе» в борьбе против сепаратистов, участие – вместе с войсками и полицией – нескольких сот «волонтеров» в Бендерской операции историки-унионисты предпочитают замалчивать. Ни они, ни мемуаристы не берутся объяснять участие этих лиц во вторжении патриотическим порывом (39). Мотивы «волонтеров» были мародерские, и авторам известно, что в период боев в Бендерах были разграблены многие магазины и склады предприятий, сотни квартир, угнаны более 2000 автомобилей. Добычу вывозили грузовыми автомобилями и даже армейскими бронетранспортерами.

Историки, придерживающиеся различных взглядов, приводят факты, опровергающие тезис о межэтническом характере Днестровской войны: в формированиях Приднестровья 30 процентов бойцов составляли молдаване, а на стороне официального Кишинева воевали также русские и украинцы (40). Вооруженными силами ПМР командовал румын-уроженец Буковины отставной полковник Советской Армии Штефан Кицак, а его сын Андрей, капитан, командовал приднестровским ополчением в районе Дубоссар. С другой стороны, среди пяти главных молдавских «героев» войны против Приднестровья – трое русских и один украинец. Война была спровоцирована извне и осталась «чисто политической», не повлияв на геополитическую ориентацию молдавского этноса. Это отмечают и авторы-унионисты. Обличая «национальную бестактность молдаван, неспособных сделать шаг к необратимой самоидентификации с румынами» (41), Юлиан Фрунташу признает прочность молдавского национального и государственного сознания и подходит к парадоксальной мысли: существование Приднестровской республики молдаване, за небольшим исключением, не расценивали как угрозу интересам молдавской нации.

Красноречивым свидетельством оценки Днестровской войны как бесславной страницы истории Национальной армии является решительное уклонение от рассмотрения перипетий боевых действий ее участником Виктором Гайчуком, впоследствии – министром обороны Республики Молдовы. Причину создания Национальной армии он усматривает не в необходимости защищать вдруг обретенную независимость и даже не в сепарации Приднестровья и Гагаузии, а в недовольстве матерей гибелью солдат-молдаван в «горячих точках» СССР – местах межэтнических конфликтов. Об участии Национальной армии в войне 1992 г. В.Гайчук умалчивает (42).

КТО ВИНОВЕН В НЕУДАЧЕ ВТОРЖЕНИЯ?

Сознавая слабость тезиса о численном и организационном превосходстве вооруженных сил Приднестровья, представленных спешно созданным ополчением, авторы-унионисты пытаются объяснить низкую боеспособность правительственных сил некомпетентностью, трусостью и изменой политического руководства Молдовы, а также командного состава Национальной армии.

Наиболее полно конспирологическая версия событий представлена в книге А.Мунтяну и Н.Чиботару «Война на Днестре»(43). Большинство молдавских политиков и командиров воинских частей авторы подозревают в поддержании тайных связей с противником. Список возглавляет президент РМ Мирча Снегур. Он отказал террористам в санкции на убийство Игоря Смирнова и других лидеров Приднестровья и допустил – очевидно, вследствие ее непригодности для ведения гражданской войны,

– ликвидацию службы военной контрразведки. Далее следуют министр обороны Павел Крянгэ, не применивший оружие массового поражения – артиллерийскую систему «Ураган», его заместитель генерал Федор Дабижа-Казаров, не справившийся с задачей захвата и удержания города Бендеры, командиры секторов, заключавшие с приднестровцами местные перемирия. Штабных офицеров Национальной армии авторы голословно обвиняют в шпионаже в пользу противника и даже в корректировке по радио артиллерийского огня приднестровских формирований. «Мы проиграли войну, – сочувственно цитируют они высказывание одного из отставных молдавских генералов, – потому что Москва прямо командовала Кишиневом». Но если контроль Москвы над событиями в Молдавии действительно был столь всеобъемлющим, почему вообще стало возможно кровопролитие на Днестре? Отсутствие в книге ответа на этот вопрос и фактов, убедительно подтверждающих конспирологическую версию боевых действий, не позволяет признать эту версию состоятельной.

Более убедительным объяснением неудачи вторжения в Приднестровье представляется положение о слабости Национальной армии, также приведенное в книге. Свидетельствуя об отсутствии у Кишинева к началу конфликта вооруженных сил, А.Мунтяну и Н.Чиботару по существу подтверждают тезис об авантюристическом характере вторжения в Приднестровье, инициированного унионистами в расчете не на военную победу, а на создание предлога для румынской военной интервенции по сценарию 1918 г. Однако попытка противопоставить позицию молдавских командиров, «советских стратегов в молдавской армии», не желавших вести гражданскую войну, и рядовых полицейских и «волонтеров», якобы стремившихся «разделаться с сепаратистами», остается необоснованной, а сообщаемые авторами факты об имевших место на позициях «двусторонних переговорах, временных перемириях с застольями и пьянками, особенно с бывшими армейскими офицерами, ныне сепаратистами, наемниками-казаками», создают наглядную картину обоюдного нежелания воевать. Если рядовые военнослужащие Национальной армии устраивали совместные пирушки с приднестровскими ополченцами и казаками на нейтральной полосе, то министр обороны РМ, начальник Генерального штаба, командующие секторами проводили подобные мероприятия с приднестровскими командирами в служебных кабинетах в Кишиневе. А.Мунтян, участник одного из таких застолий, приводит свидетельство о непринужденности отношений между противниками. После нескольких стопок водки молдаване позволили себе подшутить над внешностью командующего 14-й армией генерала Александра Лебеда. На конкурсе на роль кинематографического бандита, сказал один из молдавских офицеров, Лебедь занял бы первое место. Генерал лишь рассмеялся.

Попытки объяснить нежелание солдат и офицеров Национальной армии Молдовы вести войну против Приднестровья кознями КГБ, и тем более личными мотивами ее командиров, неубедительны. Однако далее авторы выходят на более обоснованный вывод: главной причиной поражения Кишинева был «прорусский выбор политического класса Республики Молдова, структур Президентуры, парламента и исполнительных органов». Но этот выбор соответствовал традиционной геополитической ориентации молдавского народа. Итогом Днестровской войны, полагает и Юлиан Фрунташу, стали «победа русского национал-шовинизма, продвижение антирумынского молдавизма и удержание Республики Молдова в российской зоне влияния». Иными словами, провал попыток унионистов ликвидировать Приднестровскую республику благотворно сказался на молдавском национальном сознании.

КТО ЕЩЕ ВИНОВАТ? РОССИЯ, ЗАПАД, РУМЫНИЯ, УКРАИНА...

Ответ на вопрос о виновниках кровопролития во многом зависит от ответа на другой, вроде бы частный вопрос – об инициаторах вооруженного конфликта. «Генеральный штаб Советской Армии, – ссылаясь на недостоверную газетную публикацию, утверждают авторы «Истории Бессарабии» (2001 г.) (44), – выработал детальный план создания двух новых республик, который должен быть осуществлен немедленно при помощи со стороны вооруженных сил Одесского округа». Не приводя фактов, политологи-унионисты повторяют тезис о политической, экономической, военной и информационной поддержке Приднестровья Россией (45). Без ссылок на источники приводятся в книге утверждения об увольнении в запас 300 офицеров 14-й российской армии и их зачислении в вооруженные формирования Приднестровья, о передаче им с армейских складов вооружения, боеприпасов и боевой техники.

Более обоснованные суждения по данному вопросу находим в работах противника российского военного присутствия в Молдавии сотрудника МИД РМ Михаила Грибинчи (46). Им признана поддержка приднестровской государственности личным составом 14-й армии еще до начала конфликта, готовность ее частей перейти под юрисдикцию ПМР. Оружие приднестровским формированиям, явствует из материалов книги, офицеры и прапорщики передавали по собственному выбору, не спрашивая разрешения командования. Процесс формирования вооруженных сил Приднестровья представлен автором как результат местной инициативы, хотя и поддержанной офицерами 14-й армии. Движение солидарности с Приднестровьем, особенно движение добровольцев-казаков, по мнению М.Грибинчи, правительство Бориса Ельцина «не смогло подавить и не посмело осудить официально». Генерал Александр Лебедь, назначенный командующим 14-й армии в период боев в Бендерах, смирился с «исчезновением» со складов партий стрелкового оружия, а также 19 танков, но предотвратил переход армии под юрисдикцию ПМР.

Игнорируя эти оценки, развернутую аргументацию активного участия России в вооруженном конфликте дают авторы упомянутой книги «Война на Днестре». Она грешит выдумками и фактическими неточностями. В частности, авторы приводят фантастические данные о наличии в Приднестровье 3000-3500 казаков. В действительности их общее число никогда не превышало 200 чел., а за все время с момента распада СССР до окончания Днестровской войны Приднестровье «посетили» не более 500 казаков-добровольцев. Роль казаков в боевых, и тем более в политических действиях, учитывая общую численность вооруженных формирований Приднестровья (14 000 бойцов), не могла быть решающей, однако авторы именно участием казаков пытаются объяснить перевод под юрисдикцию ПМР государственных структур региона: милиции, прокуратуры, судов и т.д.

Неубедительны и приводимые в доказательство причастности России к боевым действиям в Приднестровье данные о ряде деятелей Приднестровской республики – уроженцах России, а также об участии в создании вооруженных формирований ПМР отставных офицеров Советской Армии. При этом авторы без комментариев упоминают, что бывшие военнослужащие Советской Армии участвовали и в организации «похода» молдавских «волонтеров» на гагаузов в октябре 1990 г., и в войне 1992 г.

Столь же спорны попытки объяснить позицию российского правительства поддержку Приднестровья большинством российских СМИ. На деле в тот период правительство Бориса Ельцина не контролировало ни одного телевизионного канала. Более того, правительственная позиция по вопросам войны и мира в Приднестровье формировалась уже в период конфликта. По существу признавая эту реальность, практическое, в плане ведения боевых действий, российское содействие

формированиям ПМР, А.Мунтяну и Н.Чиботару сводят к психологическому. «Российская боевая техника, особенно артиллерия и танки, – утверждают они, – сыграли решающую роль в воодушевлении военных сил сепаратистов и в деморализации молдавской армии».

Факт оказания помощи приднестровцам офицерами российских войск отмечают и молдавские традиционалисты. 80% личного состава 14-й армии, сообщают авторы «Истории Республики Молдова», составляли уроженцы Приднестровья. Офицеры-уроженцы России, Украины, Белоруссии, чьи семьи проживали в Тирасполе и других городах региона, также сочувствовали согражданам, сражавшимся в составе формирований ПМР. В книге «Покушение на статус» отмечена заслуга российских СМИ, особенно телевизионного канала «Останкино», в прорыве информационной блокады вокруг событий на Днестре, установленной официальным Кишиневом. Однако все эти факты, полагают неангажированные исследователи, еще не свидетельствуют о поддержке Приднестровья правительством России.

Информационная поддержка Приднестровья Россией отражала позицию российской общественности, а не правительства. Переход офицеров 14-й армии в приднестровскую гвардию, признает Ч.Кинг, представлял собой нарушение воинской дисциплины, но может быть понят в хаосе 1991 года. После дня уличных боев в Бендерах, утверждает американский историк, 14-я армия все же вмешалась в конфликт, и в ночь с 20 на 21 июня воевала вместе с силами ПМР, дабы изгнать правительственные войска из города. Насилие в Бендерах, угроза населению города, преимущественно русскому, отмечает он, вынудили российские войска вмешаться в ход событий, но решение об этом было принято аппаратом командующего армией генерала Ю.Неткачева, а не правительством Б.Ельцина. Действия российской стороны Ч.Кинг расценивает положительно. Эскалация насилия и активное вмешательство Российской Федерации, отмечает он далее, привели к заключению соглашения о прекращении огня(47).

При всей логичности этого построения, сообщение об участии российских подразделений в боях остается недоказанным. В книге отсутствуют конкретные факты об обороне или взятии ими тех или иных объектов в Бендерах. В подтверждение своего суждения Ч.Кинг ссылается лишь на не внушающую доверия публикацию в румынской газете. Румынские авторы, утверждая, что с 19 июня по 7 июля 1992 г. подразделения 14-й российской армии «приняли участие в боях совместно с сепаратистами»(48), также не ссылаются на эту публикацию, признавая ее недостоверной. Молдаванка Наталия Киртоакэ, сторонница тезиса об участии России в боевых действиях, все же приводит данные, свидетельствующие о том, что инициатива создания ПМР и ее вооруженных формирований принадлежала населению Приднестровья, а оружие со складов 14-й армии приднестровцы получили вопреки воле ее командования, при содействии военнотружущих-уроженцев Левобережья Днестра(49).

Вероятно, не зная о традициях корректных межэтнических отношений в регионе, французский историк Жак Ньюзиль(50) «проблему» Приднестровья видит в том, что 60% ее населения составляют русскоязычные, а сама область представляет геополитический интерес для России. Однако, отмечая инициативную роль приднестровских лидеров Игоря Смирнова и Григория Маракуцы в консолидации приднестровской государственности и в выдвижении требований о ее признании Россией, автор, по сути дела, опровергает положение об ответственности России за самоопределение Приднестровья. Путая события 1992 г. с временами «похода» на гагаузов в 1990 г., автор утверждает, что вооруженные формирования Приднестровья составляли всего 4500 солдат и офицеров.

Аргументация положения о поддержке Россией Приднестровья в период вооруженного конфликта, данная М.Грибинчей, основана на заявлениях приднестровских лидеров, сделанных в то время с целью поднять дух населения. Другие факты, приведенные в книге, начиная с признания российского президента Бориса Ельцина о переходе ряда частей 14-й армии под юрисдикцию Приднестровской Республики, фактически опровергают этот тезис. Офицерские собрания, прошедшие в частях в конце 1991 г. и принявшие резолюции об их переходе под юрисдикцию ПМР, свидетельствуют о выходе армии из-под контроля Б.Ельцина. Офицеры, передававшие оружие и технику приднестровским формированиям, действовали как мятежники, вопреки приказам командующего армией генерала Ю.Неткачева. По собственной инициативе, а не по призыву правительства России, пришли на помощь Приднестровью и российские казаки. Перед лицом движения солидарности с Приднестровьем, обоснованно отмечает автор, «российские власти продемонстрировали как свое бессилие, так и страх перед стихийными движениями вообще и движениями казачества в частности» (51).

Гораздо меньшее внимание историков привлекает причастность к событиям на Днестре другого государства – Румынии. Визит президента И.Илиеску в Кишинев в мае 1992 г., помощь вооружением, боевой техникой, информационная и дипломатическая поддержка, оказанная румынским правительством Кишиневу, лишь походя упоминаются в работах молдавских государственныхников. Авторы-унионисты склонны осуждать румынское правительство тех времен за недостаточную активность. Однако румынские историки приводят все новые данные о вовлеченности Румынии в Днестровскую войну. Как отмечено, румынский политолог Юлиан Кифу (52) сообщил о «вкладе» Румынии в подготовку аннексии Молдавии и Днестровской войны. Осуществлением секретного плана «Свобода для Бессарабии» руководил румынский министр торговли и промышленности Ион Вэтэшеску, при этом румынское правительство пошло на большие материальные затраты. В 1992 г., признают и авторы «Истории Бессарабии», Румыния предоставила Молдове целевой заем в сумме 20 миллиардов леев для закупки горючего (53). Румыния, отмечает М.Грибинча, оказала Молдове серьезную помощь в борьбе с сепаратистами. Она предоставила не только стрелковое оружие (2000 автоматов), но и боевую технику (боевые машины пехоты) и тяжелое оружие (артиллерийские системы), а также понтонные средства, необходимые Национальной армии для форсирования Днестра. Однако факт участия румынских офицеров в боевых действиях автор отрицает, признавая только присутствие в Бендерах 24 военных «наблюдателей».

Стремясь оправдать вмешательство румынского правительства в Приднестровский конфликт, Ю.Фрунташу пополняет список «врагов» Румынии, обвиняя в содействии приднестровцам также украинских националистов. Часть вины за такую позицию Украины он не без оснований возлагает на прорумынские круги Кишинева. «Нервируемый» высказываемыми в Кишиневе «мнениями» о необходимости возврата Румынии территории Северной Буковины, отмечает он, Киев уклонился от установления блокады на границе с Приднестровьем, более того, устами украинских национал-радикалов из организации УНА-УНСО объявил Приднестровье «украинской» землей. И, наконец, Приднестровский конфликт, искажая суть явления, утверждает политолог, выявил «антирумынизм» гагаузов и болгар Молдавии. И те и другие приняли участие в боевых действиях в составе формирований Приднестровья, а Болгария и Турция – вероятно, по призыву общественных организаций гагаузов и болгар, – выступали в их защиту. Однако общий вывод данного автора по-своему показателен: «Русские Приднестровья недвусмысленно сформулировали то, что чувствует абсолютное большинство национальных меньшинств Молдавии: дезинтеграция СССР была исторической ошибкой» (54). Остается добавить: того же

мнения придерживается большинство молдаван. Их поведение в дни войны на Днестре подтверждает этот вывод.

Историография вооруженного конфликта 1992 г. переживает период стабилизации. Ее характерная черта – принципиальная ориентация авторов-унионистов на клише национал-радикальной части румынской историографии и рассмотрение событий с точки зрения государственных интересов не Молдавии, а Румынии. Молдавские историки-традиционалисты сохранили концептуальный суверенитет, но они не располагают поддержкой государственных институтов, а их трактовка причин и характера Днестровской войны грешит молдавским этноцентризмом. Краткое, но методологически наиболее сбалансированное изложение событий 1992 г. содержит труд «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней».

*Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья.
Сб. статей./ Науч. ред. Кимутака Мацузато. Slavic Research Center Hokkaido
Universiti. 2008. С.62-78.*

ОБЪЯСНЕНИЯ БЕЗ ОПРАВДАНИЙ

Вышла в свет книга М.Снегура и Э.Волкова «Откровенные диалоги»(1).

Согласно традиции, оценивать любой труд надлежит исходя из стандартов, установленных для себя самими его авторами. Притязания М.И. Снегура скромны. Он считает нужным, чтобы читатели лишь узнали «всю правду о разных этапах преобразований (удачных и не очень) в Республике Молдова, о предпосылках, подготовке и провозглашении независимости». Примерно так же, желанием донести до читателей правду о ключевых событиях истории Молдавии времен президентства М.И. Снегура, мотивирует написание книги и Э.Г. Волков. Что же, свидетельства участника политических событий, тем более столь осведомленного, как бывший глава государства, всегда значимы. Достойны уважения и стремление ответить на накопившиеся в обществе вопросы, разъяснить мотивы своих действий, наконец объявить о своих представлениях о своем месте в истории. Поэтому сам факт издания «Откровенных диалогов» М.И. Снегура заслуживает одобрения.

Будучи историком и политологом, интервьюер понимает, что уклонение от рассмотрения щекотливых вопросов политической биографии собеседника информационно обесценит книгу. Побудив первого президента РМ высказаться по ряду вопросов, им обычно не затрагиваемых, Э.Волков оказался прав. Отметим еще одно достоинство «Диалогов»: позиции и лексика их участников вполне различимы, приведенные в книге высказывания М.И. Снегура – это именно его слова, без редакционной правки. Таким образом, соавторы книги нашли удачную форму взаимодействия мемуариста и литератора.

Но насколько «Диалоги» откровенны? Способствует ли книга выяснению правды новейшей истории Молдавии? Предмет нашего анализа – декларируемые и действительные взгляды М.И. Снегура, степень взаимного соответствия его слов и практической деятельности.

БАЛОВЕНЬ «ТОТАЛИТАРИЗМА»

Биография М.И. Снегура наглядно подтверждает тезис о решающей роли политики КПСС в социально-культурном взлете молдавской нации в 60-80-е годы XX века. В отличие от мемуаристов-литераторов, он дальновидно избегает огульно чернить советское прошлое, а значит, и собственные труды и поведение тех лет. Примечательны уже воспоминания детства. Его впечатления о советских офицерах и солдатах, находившихся в его родном селе Трифанешты на постое в 1944 году, правдивы: русские подкармливали из полевых кухонь сельских ребятишек и делали им, в том числе будущему президенту, маленькие подарки. Негативные суждения М.И. Снегура о Советской власти, приведенные в книге, связаны с высылкой некоторых родственников в 1949 г. и – менее обоснованно – с послевоенным голодом. Но депортацию 1949 года, признает он, односельчане связывали не с произволом Сталина, а с самоуправством местного начальства. Руководство КПМ инициировало ее, а списки подлежащих выселению «кулаков» составляли сельские и районные администраторы, главным образом молдаване.

Мемуарист не пыгается представить себя оппозиционером с молодых ногтей и признает: он был ребенком и просто принимал пропагандистские и бытовые объяснения этой акции. А политика Советской власти внушала народу симпатии, потому что открывала перед молодежью перспективы социального продвижения. Крестьянский мальчик из молдавского села бесплатно, как и другие его сверстники, получил образование, а по окончании Сельскохозяйственного института был выдвинут на главную на селе должность председателя колхоза. В то время когда

городские интеллигенты выслуживали эту «честь» десятилетиями, он был незамедлительно, в 24 года, принят в КПСС. Партии, разъясняет мемуарист, «необходимо было использовать мои знания сельского хозяйства [...] И в принципе, партия не ошиблась в своем выборе».

Это верно. Положительно проявив себя как администратор, Мирча Иванович легко, без конкурса, поступает в аспирантуру и должное время спустя получает ученую степень. Его личная заслуга заключалась прежде всего в своевременно проявленной инициативе. Но могло ли быть возможным его стремительное продвижение по социальной лестнице, если бы молдаване в СССР подвергались национальной дискриминации под языковым или иным предлогом или было учтено родство мемуариста с высланными «кулаками»? Советский «тоталитаризм» оказался вполне либеральным, а путь М.И.Снегура в высший эшелон республиканской администрации – фактически беспрепятственным. Оснований для недовольства властью у баловня судьбы просто не имелось.

КОММУНИСТ «ПО ДОЛЖНОСТИ»

Вместе с тем, учитывая высылку родственников (хотя вскоре и реабилитированных), утверждение М.И. Снегура «Я никогда не был правоверным коммунистом» недоумения не вызывает. Но что считать приверженностью коммунизму? Конечно, не любовь к идеологемам истмата. А экономическая, социальная, национальная политика, проводимая в Молдавии Коммунистической партией в 60-80-е годы, соответствовала национальным интересам молдавского народа. Очевидно именно поэтому Снегур, председатель колхоза, якобы «вынужденный» вступить в партию, сделал блестящую партийную карьеру и, явствуя из приведенных в «Диалогах» фактов, на протяжении десятилетий не конфликтуя с совестью, последовательно и инициативно проводил в жизнь политику КПСС. И вполне успешно, исходя и из задач, которые ставило перед ним руководство партии, и из интересов населения Единецкого района, где он четыре года был первым секретарем райкома, «хозяином», и сельского хозяйства всей Молдавии, которое он «курировал» в качестве секретаря ЦК КПМ. Как мог человек, к партийной программе безразличный, стать одним из лидеров республиканской партийной организации – загадка не только Мирчи Снегура. Это все еще недостаточно разъясненная тайна всей кадровой политики КПСС. Что касается мемуариста, то он честно изложил основные факты своей биографии.

Впрочем, партийное руководство экономической и социальной жизнью, явствуя из «Диалогов», было для республики благотворным. В начале 60-х годов, пережив кукурузную и атеистическую кампании Н.С. Хрущева, Молдавия вступила в самый продуктивный период своей истории. Поэтому нынешние сетования мемуариста по поводу всевластия номенклатуры, – в которой он занимал один из высших постов, – напрасная дань конъюнктуре. Тем более сомнительны его попытки представить себя и других «номенклатурщиков» борцами сопротивления «тоталитарному режиму». Они связаны со снегуровской трактовкой исполнения в Молдавии антиалкогольной кампании М.С. Горбачева. Секретарь ЦК КПМ по сельскому хозяйству, запомнившийся крестьянам как проконсул «минерального секретаря», приводит любопытный эпизод. На Каларашском коньячном комбинате ему показали емкости с коньячным спиртом: что с ним делать? «Спирт замуруйте! – ответил Снегур местным руководителям, – Время пройдет, волна спадет, и он еще пригодится».

Подобные действия должностных лиц, по мнению мемуариста, были связаны для них с «большим риском»; наверное, даже выговор можно было схватить! Тем не менее «номенклатура», утверждает М.Снегур, по существу саботировала вырубку виноградников, заменив разреженные виноградники посадками марочных сортов.

Вопрос о том, связано ли это явление с деятельностью секретаря ЦК по сельскому хозяйству, требует дальнейшего изучения, но в одном следует сразу согласиться с мемуаристом: виноградарство в Молдавии было разрушено не в 80-е, а в конце 90-х годов. Уточним: в ходе осуществления навязанной республике Западом и профинансированной им программы «Пэмынт».

Отдадим должное здравомыслию экс-президента: фантазии о его личной или вообще чьей-то оппозиционности советскому «режиму» в «Диалогах», в отличие от публикуемых ныне «дневников» и мемуаров некоторых литераторов, отсутствуют. «Советский Союз, – отмечает он, – нуждался в капитальном ремонте». Но не в расчленении! Перестроечные процессы, включая национальные движения в союзных республиках и автономиях, обоснованно отмечает М.И. Снегур, инициировали определенные московские круги.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

Для характеристики морально-политического состояния номенклатуры КПМ накануне распада Союза показательно такое признание мемуариста: «переход от коммунистической идеологии к либерально-демократической для меня проходил довольно быстро. [...] без тормозов». Странно, что «без тормозов», хотя представления человека об оптимальных путях социально-экономического развития общества могут измениться под влиянием новых сведений. Однако можно ли за ночь сменить национальное сознание?

С одной стороны, на митинге в Тирасполе М.И. Снегур заявил: «Я молдаванин, и я люблю свой народ!». Депутатов-аграриев подкупала его чуждая имитации румынских стандартов молдавская речь. Однако именно он сыграл одну из наиболее активных ролей в переводе молдавской письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику. После распада СССР родной язык М.И. Снегур именовал то молдавским, то румынским, то государственным; в своих книгах он отдает предпочтение лингвониму «румынский язык». Но молдаванином он себя называет и сегодня. Вместе с тем глава Молдавского государства позволял себе и высказывания унионистского толка, предъявлял Украине территориальные притязания, выгодные Румынии, но способные осложнить межгосударственные отношения Молдавии с восточной соседкой. «Молдова как историческое государство, – публично заявил он, – оказалась разделенной на четыре части. Три из них в СССР – собственно Молдова, Северная Буковина и Южная Бессарабия – и Запрутская Молдова в Румынии»(2).

Разгадку этногосударственной идентичности Мирчи Снегура можно поискать в его воспитании, в пресловутых «шапте ань де акасэ» – «семи домашних годах», в семейных воспоминаниях. В румынском (нет, судя не по графике, а по языку, все-таки молдавском!) варианте своих мемуаров (3) бывший президент повествует о рассказах матери о Румынском королевстве и королевской семье, «о нашей принадлежности к этому пространству», о родственниках, уехавших в 1940, а затем в 1944 году и поселившихся в Румынии. Да, Мирча – румынское, точнее, валашское имя. Но фамилия Снегур – западнорусского происхождения. Себя экс-президент считает выходцем из зажиточных крестьян. Однако этническое происхождение дедов и бабушек нельзя забыть, а ссылки на чье-то индивидуальное преуспевание в годы румынской оккупации Бессарабии как причину смены этнической идентичности их детьми или внуками алогичны. Не будем уточнять национальную принадлежность родителей и жен деятелей унионистских формирований – это уже сделано одним из них (4), – но отметим: их деды и родители-крестьяне «при румынах» жили в нищете, а сами они при Советской власти преуспели. Вызывает сожаление, что в «Диалогах» вопрос о мотивах этнополитической эволюции мемуариста, его отношения к нации, к которой принадлежит по рождению, к сожалению, оставлен необъясненным.

СТОЛЬ СТРАННЫЙ ЛИБЕРАЛ

Менее загадочно отношение мемуариста к национальным меньшинствам Молдавии и их языкам. Уже в июле 1989 г. секретарь ЦК КПМ М.И. Снегур, только что избранный (скорее, назначенный) председателем Президиума Верховного Совета МССР, пришел к заключению, трудно совместимому с принципами интернационализма: в полиэтнической, в основном двуязычной Молдавии, «языком [официального] общения должен быть государственный язык, а русский язык остается языком общения между народами СССР». Неужели он полагал, что языковую ситуацию возможно изменить принятием законодательного акта и не предвидел этносоциальных и политических последствий установления в поликультурной Молдавии одноязыкового режима?

Как ни странно, приведенное выше признание не мешает М.И. Снегуну протестовать против обвинений в национализме. Но попытки Э.Волкова поставить экс-президенту в заслугу некоторые акты, принятие которых было продиктовано ему внутрисполитической обстановкой, т.е. борьбой сторонников национального равноправия, и необходимостью на международной арене представить ситуацию с правами человека в Молдавии в более благовидном свете, чем это было на самом деле, несостоятельны. Приведем все же список президентских «заслуг», данный собеседником: Закон «О функционировании языков», послуживший законодательной базой массовых увольнений специалистов, но характеризуемый М.И. Снегуром как весьма либеральный (правда, по сравнению с прибалтийскими); предоставление республиканского гражданства всем жителям Молдавии, а не только владеющим государственным языком, утверждение Конституции 1994 года, провозглашающей равенство граждан всех национальностей перед законом, издание указов о поддержке украинской, гагаузской, болгарской, цыганской – но не русской! – культур, создание Департамента межэтнических отношений, утверждение принятого парламентом закона о выдаче двухязычных удостоверений личности, поощрение создания этнокультурных организаций и легализацию гагаузской автономии.

Не избежал повторения пропагандистских клише начала 90-х годов и сам М.И. Снегур. Не называя национальных свобод, какими не обладали молдаване в СССР, движение за ограничение сферы функционирования русского языка он именует национально-освободительным. То обстоятельство, что согласно законам 13-й сессии русский язык был лишен в Молдавии официального статуса, которым он фактически обладал с 1944 года, мемуарист безосновательно пытается трактовать как «восстановление справедливости и для мажоритарного этноса, и для украинцев, гагаузов, болгар, цыган, евреев etc., нисколько не ущемляя при этом законные права русских». Массовые увольнения специалистов под предлогом незнания государственного языка, проведенные в его бытность главой государства, а также начатое тогда же формирование государственной администрации почти исключительно из «титовых» функционеров мемуарист замалчивает. Об этом, справедливо подчеркнув инициативную роль премьера-фронтиста М.Г. Друка, упоминает не Снегур, а его собеседник, бывший активист Интердвижения.

Э.Волкову удалось прояснить дальнейшую эволюцию взглядов экс-президента по национально-языковому вопросу. «Вы ведь хотели – и в этом суть Вашей концепции, – спрашивает интервьюер, – чтобы украинцы учились на украинском, болгары – на болгарском, но ни в коем случае не на русском». «Абсолютно так, – подтверждает М.Снегур. – А они этого не поняли». Итак, пусть учатся на любом языке – только не на русском? Этому вопроса Э.Волков не задает, хотя как историк, видимо, помнит разъяснение главы ведомства образования оккупированной Бессарабии Штефана Чобану, данное им румынским властям в 1920 году: «Пусть учатся на любом языке,

кроме русского, – и через год-другой сами попросят обучать своих детей на румынском». В собеседнике берет верх политолог. «Почему же, – резонно возражает он. – Они поняли. Но, видите ли, они этого не хотят [...] они хотят, чтобы их дети получили образование на русском языке. Кроме узкого слоя интеллигенции, среди украинцев, гагаузов и болгар, которые хотят отдавать детей обучаться на украинском, гагаузском и болгарском языках, остальные слои упомянутых и других национальных меньшинств (в основном) предпочитают, чтобы их дети обучались на русском».

Вполне уместного объяснения приверженности национальных сообществ Молдавии русскому языку, данного академиком М.Н. Губогло, в «Диалогах» не приведено. Между тем в монографии «Именем языка» (5) ученый отмечает: отказ от русского языка, подобно эффекту бумеранга, приведет не к спасению от ассимиляции, а, напротив, будет загонять гагаузов и их социокультурное и этнополитическое развитие в тупик, в изоляцию от магистрального развития модернизации. Успешная самозащита малочисленного и потому малозащищенного народа на основе младописьменного, функционально слабобазвернутого гагаузского языка, невозможна. На эту роль подходит русский язык, которым гагаузы владеют и уже сделали своим национальным достоянием. Несмотря на массированную пропаганду, организационные меры воздействия и структурное насилие (сокращение возможности получить в Молдове высшее образование на русском языке и невозможность трудоустройства в государственную администрацию при наличии такого образования), гагаузы и в дальнейшем сохранили ориентацию на русский язык как язык образования. Гагаузский этногосударственный проект наряду с традиционными национально-культурными ценностями включает и идею сохранения и развития своей национальной самобытности на базе двух языков – гагаузского и русского. Неужели украинцы и болгары хуже понимают свой национальный интерес, чем гагаузы?

Требуем уточнения упомянутое Э.Г. Волковым «стремление» некоторых интеллигентов к обучению детей на украинском, гагаузском, болгарском языках. В конце 50-х – начале 60-х годов интеллигенты-гагаузы, показал М.Н. Губогло в другом исследовании «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (6), добивались обучения на гагаузском языке чужих детей; своих отпрысков они «пристраивали» в школы с обучением на русском языке. Стремление углубить знания русского языка свойственно и современной молдавской молодежи. Большинство студентов внебюджетных, т.е. платных, академических групп с обучением на русском языке в высших учебных заведениях Кишинева – молдаване.

ПАРАДОКС НЕЛЮБВИ

Свою не получившую в книге внятного объяснения нацеленность на вытеснение русского языка из обращения экс-президент выдает в странном пассаже: «Смотрю я как-то передачу «Сегодня в Израиле». Идет фрагмент о евреях в Молдове. И показывают еврейскую школу. Обучаются дети на родном языке. А на доске все на русском написано. И на иврите. Спрашивается, почему на русском? Почему не на иврите и на румынском? Почему только на русском? Это так мы идем вперед?» Неужели г-ну Снегуру неизвестно, на каком языке предпочитают говорить, получать информацию и учиться евреи Молдавии? Почему его, «демократа», беспокоит предпочтение граждан республики русскому языку? И, наконец, можно ли претендовать на признательность нетитульных сограждан при таком отношении к их праву на выбор языка образования?

Тем не менее, тезис Э.Волкова о том, что в законодательной сфере в Молдове для обеспечения интересов национальных меньшинств все-таки сделано немало, заслуживает внимания. Причиной «недооценки» национальными меньшинствами «заслуг» Мирчи Снегура в деле решения их проблем, разъясняет он, является нежелание русофонов Молдовы сопоставлять свое положение с положением национальных меньшинств в других постсоветских государствах. Русскоязычные, утверждает Э.Волков, подвергаются дискриминации не только в Латвии и Эстонии, но и в большинстве стран СНГ. Не будем спорить против этого мнения, однако как повод для любви нацменьшинств к Снегуру меньшая степень национальной дискриминации в Молдове вряд ли состоятельна. Свое нынешнее положение они обоснованно сравнивают с условиями Союза ССР, а не современных Эстонии и Латвии.

Еще менее убедительны попытки интервьюера объяснить (т.е. оправдать?) этническую «чистку» 1990-1991 годов недоверием прорумынских национал-радикалов к русскоязычным, в которых они еще до Днестровской войны усмотрели «пятую колонну» Москвы. Разумеется, национальное равноправие советских времен собеседники трактуют как ситуацию, когда мажоритарный этнос якобы «не имел возможности в равной и полной мере реализовать свои этнокультурные права». Но можно ли признать справедливой политику национальной дискриминации, даже если ее проводят в порядке «мести» за политику прежнего «режима»? «Люди, – утверждает мемуарист, – не должны страдать». В случае с русскими, украинцами, гагаузами, болгарам даже соображения «исторического возмездия» представляют собой выдумку. У читателя остается впечатление, что использование языкового предлога в целях вытеснения русскоязычных из социально-значимых сфер деятельности участники диалога считают оправданным. Впрочем, Э.Волков все же критикует попытки унионистов законодательно ограничить в Молдавии радиовещание на русском языке: «вместо того, чтобы запрещать то, что есть на русском языке, не лучше ли способствовать созданию новых румыноязычных радиостанций, передающих прекрасный молдо-румынский фольклор и замечательную молдавскую и румынскую эстраду»?

М.Снегур также не поддерживает затею с ограничением вещания на русском языке. Но достаточно ли политику дистанцироваться от тех или иных шовинистических инициатив для того, чтобы претендовать на любовь национальных меньшинств? Они ведь помнят, чьим указом учреждена в 1992 году лингвистическая полиция – Департамент языков, кто подписал указ об аттестации служащих на знание государственного языка. Публичная национальная самоидентификация стала делом политического выбора именно в период его президентства. И, наконец, с именем Снегура они связывают и самые трагические страницы новейшей истории Молдавии.

«ВОЛУНТАРИАДА» И КРОВОПРОЛИТИЕ В ДУБОССАРАХ

Приведенный в «Диалогах» тезис «Поход на Юг – друковская авантюра», вроде бы обеляющий экс-президента, нельзя признать новым. «Волунтариада», только благодаря вмешательству Москвы, предпринятому по требованиям, поступавшим и из Кишинева, и из Тирасполя, и, конечно, из Комрата, не приведшая к большой крови, изначально связана с именем премьер-министра М.Г. Друка. М.И. Снегур действительно «согласился ввести в регион внутренние войска МВД СССР». Потом он выехал на Юг Молдавии и якобы лично «развернул» «волонтеров». Но почему он не предотвратил переброску на Юг 2800 служащих МВД, составлявших действительную армию вторжения? Почему не потребовал от парламента сместить премьера-авантюриста?

2 ноября 1990 года, когда была предпринята попытка ввода сил МВД Молдовы в Дубоссары и произошли их столкновения с невооруженными дружинниками, М.И. Снегур находился в Москве и обратился к гражданам Молдовы с призывом «Будьте благоразумны! Прекратите стрельбу!» Это правда. Но не уместнее ли было отдать МВД приказ о прекращении операции в Дубоссарах? Нет, мемуарист и в этом случае ссылается на необходимость поддержать на восточном берегу Днестра «конституционный порядок». Ценой кровопролития?

Справедливости ради отметим, что в тот период контроль президента над исполнительной властью становился все более относительным. Премьер-министр приступил к формированию личной гвардии, при посредстве «улицы» он оказывал давление на оппозиционных ему парламентариев. «Опергруппа», сформированная из деклассированных элементов, постоянно пикетировала парламент и безнаказанно избивала неугодных Друку депутатов и журналистов. М.И. Снегур на протесты по поводу этого беспредела, помнится, ответил рекомендацией голосовать так, как хочет «народ». Но премьер и президента попытался превратить в чисто декоративную фигуру и явно вел дело к установлению праворадикальной диктатуры. Вопрос о своем конфликте с Друком весной 1991 года М.И. Снегур в «Диалогах» обходит. В сущности, он придерживается испытанной тактики: смещение премьера президент осуществил при участии некоторых депутатов-членов НФМ. И был поддержан в этом не только аграриями и «независимыми», но и участниками «Единства». Это был один из немногих случаев, когда М.И. Снегур сыграл стабилизирующую роль. К сожалению, другие события такого рода – форум «Наш дом – Республика Молдова» и опрос «Совет с народом», референдум, утвердивший существующую государственность, – в книге явно обойдены вниманием.

ДНЕСТРОВСКАЯ ВОЙНА

Поражение – всегда сирота. Мемуарист прав, осуждая бывших соратников за стремление представить его «крайним» виновником вооруженного конфликта 1992 г. Его заявление «Я же был не один!» справедливо. Но его попытки вообще снять с себя ответственность за активизацию военных действий неубедительны. В списке инициаторов Бендерской операции Верховный Главнокомандующий, явствует из «Диалогов», все же стоял первым. Объясняя причины вторжения в Бендеры, он демонстрирует поистине монархический подход: «наш единственный островок в Бендерах – комиссариат полиции – подвергся нападению. Что же, я должен был оставить верных конституционному строю, мне, Президенту РМ, полицейских на произвол судьбы, на погибель?» Далее экс-президент обоснованно оглашает список лиц, причастных к принятию решения о вводе войск в город: председатель парламента А.Мошану, председатель парламентской комиссии по безопасности В.Берлинский, министр обороны И.Косташ, министр внутренних дел К.Анточ. Решение это, не без оснований утверждает Мирча Иванович, принималось коллегиально. Но, видимо, не единодушно. Иначе почему премьер-министр В.Муравский и даже главный «ястреб» И.Косташ после заседания Совета безопасности подали в отставку?

М.Снегур не чужд самокритике, но сразу переводит стрелки на ближайших сотрудников: «Я – безопытный президент. Они – безопытные министры». Мастерски перекладывая часть ответственности за войну на министров И.Косташа, А.Плугару и К.Анточа, экс-президент хвалит их: «Я не могу отказать кому-нибудь из них в желании (в тексте: **нежелании** – П.Ш.) добросовестно выполнять свои обязанности». Весьма красноречива данная мемуаристом характеристика унионистов, окружавших его в те дни. Эти «патриоты», свидетельствует М.Снегур, «все время провозглашали лозунги: «Стоять до конца!» и «Не сдаваться!» Кстати, лозунги они провозглашали,

но автомат в руки не брали и на передовую не шли». Президентский советник О.Нантой, в отличие от В.Жосу и других коллег по Социал-демократической партии, выступил против подписания Московского Соглашения о прекращении огня от 21 июля 1992 года. «А что он, собственно говоря, хотел, – вопрошает Э.Волков, – Чтоб было как? Война до последнего молдаванина, не считая его самого?»

М.Снегур подтверждает это предположение: «продолжения этой бойни». Но углубленного анализа мотивов политического экстремизма прорумынских «патриотов» избегает. В «Диалогах» нет сведений о причастности к хищениям государственной собственности должностных лиц, раздувавших пламя межнациональной вражды. Лично ничем не рискуя, они, используя парламентский иммунитет, «делали деньги» на распродаже различных материалов, предназначенных для Национальной армии, и на контрабанде. Это были воры. Их коллеги-депутаты видели это. Именно тогда, еще до массовой «прихватизации», термин «патрихотий» стал прозвищем унионистов. Неужели этого не знал президент? Все сказанное о них в книге – правда. Но не вся правда. И эта правда не снимает с бывшего главы государства его доли ответственности за трагедию Днестровской войны.

Крайне интересен другой затронутый в книге вопрос: подталкивал ли Запад Молдову к решительным действиям? М. Снегур отрицает это: якобы все, с кем он беседовал в дни Днестровской войны, обращали его внимание «на то, что вооруженный конфликт это очень плохо, что надо стремиться избежать его и решить проблемы мирными политическими средствами». В этом утверждении сомнительно только слово «все». Ведь в книге приводятся данные о финансовой и военной помощи, оказанной официально Кишиневу во время конфликта Румынией. Могла ли она допустить такое вмешательство без негласной санкции Запада? Могла ли поступать эта помощь без ведома президента?

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Обоснованно не поддерживает экс-президент шпионских версий неудач действий войск и полиции Молдовы в период Днестровской войны. Но и в этом вопросе он непоследователен. Так, вдруг заявляет, что в апреле 1992 года сместил А.Н. Сангели с поста вице-премьера «за лояльность к сепаратистам». Сангели, якобы даже получал из Тирасполя «специфическую материальную поддержку». Но в то время М.И. Снегур сохранил за подозреваемым в связях с Тирасполем пост министра сельского хозяйства, а уже в июне – по настоянию фракции аграриев – предложил ему стать главой правительства Молдовы. Объяснение этой странной позиции тем обстоятельством, что выбора, оказывается, не было, трудно признать резонным. На наш взгляд, ближе к истине другая указанная мемуаристом причина его неприязни к Сангели: премьер был «очень упрямым, честолубивым и властолюбивым человеком». То есть не позволял никому, включая президента, управлять собой из-за кулис.

Отвращения к спецслужбам мемуарист не питал. Не только Мирча Друк и другие кандидаты в премьеры, оказывается, в прошлом были связаны с советской политической полицией, но и прочие унионистские деятели того времени, и М.И. Снегур это знал. «Все были агентами КГБ» – компетентно утверждает экс-президент. «И самое интересное, – продолжает он, – что они сейчас больше всех кричат о доступе к архивам КГБ, чтобы были опубликованы списки тайных агентов». Они кричат, разъяряет Э.Г. Волков, потому что предполагают, что архивов КГБ здесь наверняка нет. А вдруг все-таки есть? П.К. Лучинский в бытность президентом Республики расценил требования опубликовать списки информаторов как угрозу для национальной безопасности Молдовы. 15 января 1998 года он отверг очередное

предложение рассекретить имена информаторов, объяснив свою позицию заботой об интеллигенции: «Допустим, мы сделаем это сейчас, – ответил П. Лучинский журналисту. – В первую очередь мы перебьем всю нашу интеллигенцию. Не рабочих и не крестьян. Вы представляете себе, что будет тогда в Молдавии?» (7).

Сегодня М.И. Снегур идею оглашения списков стукачей поддерживает. Вопрос о том, почему он не сделал этого в бытность главой государства, интервьюером, к сожалению, не задан. Не опасался ли Мирча Иванович «перебить» собственное окружение? Или выявить агентов не КГБ, а иных служб? Во всяком случае, в 1996 году его ловко подставил «друг» – румынский литератор Адриан Пэунеску, с которым президент толковал о «предстоящем воссоединении двух братских государств». «Друг» сделал магнитофонную запись беседы и опубликовал ее фрагмент. В результате скандала М.И. Снегур лишился на президентских выборах немалого числа голосов. Не их ли не хватило ему для переизбрания на второй срок? Урок не пошел впрок. Перед следующими парламентскими выборами он вступил в блок с унионистской ХДНП, хотя ее лидера обвиняет в связях сразу с несколькими разведками.

* * *

Оставим без детального рассмотрения не лишнее познавательного интереса описание событий августа-сентября 1991 года и пространный репортаж с политической кухни «демократов», дающий все основания для определения «Политика – дело грязное». Утратив властные prerogatives, М.И. Снегур потерял и бывшее влияние в обществе. Его союзники торговали депутатскими мандатами, самого бывшего президента обманывали, использовали и, как прочих смертных, выбрасывали из избирательных списков. Это естественно: каковы политики, такова и политика. Отметим следующее.

Несмотря на многообещающее название книги, ряд заданных ему вопросов экс-президент оставил без ответа, а многие свои поступки – без объяснения. И все же «Диалоги» Снегура–Волкова оказались достаточно откровенными и содержательными. Своими ответами М.И. Снегур способствует решению важной задачи исторической науки – персонификацию современной истории Молдавии. Штрихи к портрету эпохи переломов, привнесенные в общественную память «Откровенными диалогами», обогащают существующие представления о недавнем прошлом. Сюжеты «Диалогов» позволяют выявить и отчасти объяснить закономерности идеологической эволюции поколения, достигшего гражданской зрелости во времена перехода Молдавии к независимости. Объявленная цель написания книги достигнута.

Более того, ценно не только сказанное бывшим главой государства – показательны и замалчивания. Станным образом оказались обойдены авторским вниманием два ключевых вопроса современной истории Молдавии – о молдавской национально-культурной идентичности и о статусе русского языка в республике. Неясно, чем руководствовался председатель Президиума Верховного Совета МССР, добиваясь перевода молдавской письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику в 1989 г. Осталась без комментариев роль президента в исключении истории Молдавии из программ учебных заведений (1990 г.) и в срыве попытки партии аграриев возобновить ее преподавание (1995 г.).

Эти деяния, а также поддержка президентом мер, направленных на ограничение сферы функционирования русского языка, – деструктивного свойства, но и они выглядят как его вынужденные уступки национал-радикалам. Туманные рассуждения о намерении «продолжать реформы, остановленные агросоциалистами»,

положительной программой Мирчи Снегура признать нельзя. Вопрос о том, за что, кроме власти и собственного выживания как политика, он боролся, если судить о им сказанном, остается открытым.

К чести М.И. Снегура, он не стремится представить себя лидером компрадорского, поощряемого из-за Прута движения унионистов. Но попытку мемуариста создать о себе миф как о вожде молдавского «национально-освободительного» движения – в отсутствие такового – следует признать безрезультатной. Скрытая задача авторов – создание мифа о Первом Президенте – мудром, проницательном, принципиальном – осталась нерешенной.

Мысль. 2007. №3(37). С.100-104.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В экономическом и социальном плане провальные, в сфере исторических исследований 90-е годы XX века дали немало нового. Анализ историографии Молдавии этого периода показывает, что гражданский конфликт в республике не имел существенных внутренних социально-экономических и этнополитических причин. Он спровоцирован извне, в основном государственными структурами Румынии, в условиях, когда последние располагали в Молдове свободой действий и политическим инструментарием в лице унионистских политических формирований и румынских «этнокультурных» организаций. Целью идеологического вторжения в Молдавию была и остается национально-культурная и геополитическая переориентация молдаван, навязывание им румынского этногосударственного проекта, т.е. подготовка условий для аннексии республики Румынским государством.

Историки, политологи, мемуаристы, перешедшие на позиции румынизма, отрицают этнокультурную самобытность молдаван и выдерживают курс на поэтапный демонтаж молдавской национальной идентичности: подавление молдавского национального сознания, выхолащивание и вытеснение этнонима «молдовень», забвение молдавского фольклора, молдавской традиции использования кириллической графики, молдавской государственности, Молдавского этногосударственного проекта и роли России в его осуществлении. В сознании нового поколения граждан Молдовы память о молдавской истории историки-румынисты пытаются заменить мифами румынизма. В историографии наглядно раскрыты причины и процесс превращения молдавского вопроса в главный национальный вопрос Молдавии.

В версии, насаждаемой в Молдавии, румынизм в основном сохранил шовинистическую антиславянскую и антисемитскую составляющую идеологии праворадикальных движений Румынии 20-40-х гг., направленность на историческое обоснование «прав» Румынии на аннексию территории Молдавии и юго-западных областей Украины. В отличие от титульных национал-радикалов Румынии, румынисты Молдавии роль исторических врагов «румынского рода» отводят не венграм, а славянам. Само их присутствие в Карпато-Днестровском регионе в VI-XIII вв. и в период существования Молдавского государства (1359-1859 гг.), их вклад в развитие экономики и культуры Молдавии в курсе «история румын» замалчиваются.

Безосновательно выступая от имени молдавской нации, историки-румынисты несостоятельными ссылками на историческое право пытаются обосновать правомерность социальной маргинализации нетитульного населения Молдавии, запрета русским, украинцам, гагаузам, болгарам использовать русский и родные языки в сфере образования, официального общения, массовой информации, по

существо – любого публичного выражения их «нерумынской» этничности. Шовинизм якобы национал-радикалов Молдавии обусловлен не столько социально-конкурентными условиями, сколько геополитически, государственными интересами Румынии в их трактовке, данной агрессивными праворадикальными кругами страны.

В методологическом плане деятельность историков-румынистов Молдовы оказалась бесплодной. Они лишь повторяют, неряшливо «аргументируя» их фактами из молдавской истории, давно опровергнутые румынскими же учеными постулаты идеологии румынизма, при этом вульгаризуя их. Насаждение румынского национального сознания, пропагандирование румынского этногосударственного проекта, продолжающееся при посредстве системы образования, финансируемых Румынией средств массовой информации, общественных организаций представляют угрозу для дальнейшего существования молдавской государственности; румынисты продолжают претендовать на утверждение идеологии румынизма в качестве официальной идеологии Республики Молдовы, обязательной для ее населения. Они располагают существенной поддержкой в государственной администрации.

Историк живет в обществе. Сегодня он по-прежнему стоит перед выбором: извращение исторической истины, – либо искажающее замалчивание ее существенных фрагментов, – или конфликт с соседним государством и представляющими его интересы политическими формированиями внутри страны. Сотрудники научных учреждений работают по заказу – даже если это так называемый социальный заказ. Тот, кто пытается разрабатывать ту или иную тему, интересующую его, но не лиц, в силу служебных полномочий определяющих сущность социального заказа, лишен возможности публиковать результаты своих исследований. Тем не менее часть историков сохранила концептуальный суверенитет и верность научному методу. Вопреки политической конъюнктуре они продолжили исследования с научных позиций. Благодаря их усилиям по некоторым направлениям историографией Молдавии совершен подлинный прорыв. Свидетельством тому – появление в обороте молдавской историографии новых тем, сюжетов, терминов, важнейший из которых – **молдавизм**. Наиболее весомый вклад в разработку тематики молдавизма внесен трудами В.Н. Стати.

Историки-традиционалисты научно обоснованно и последовательно отстаивали молдавскую национальную самобытность, право молдаван на государственность, отдельную от румынской. Защищая молдавскую государственность, они выступают в поддержку традиционной восточной геополитической ориентации молдавского народа. Более корректно также их отношение к русским, украинцам, гагаузам, болгарам, евреям. Традиционалисты признают полиэтнический молдавско-русинский характер средневековой молдавской государственности и роль России в освобождении молдавского народа от турецкого ига. Их отношение к периоду развития Бессарабии в составе Российской Империи и СССР в целом корректно, хотя и в их трудах присутствует необоснованный тезис о якобы проводившейся «царизмом», сталинским и брежневским «режимами» политике русификации молдаван. Не требуя вытеснения и запрета русского языка, выступая против крайностей языковой и кадровой политики румынистов, положительно расценивают молдавские традиционалисты также огосударствление молдавского языка в 1989 г. Главным научным достижением молдавских традиционалистов стало обновление, в том числе на материале, впервые вводимом в научный оборот, исторической, культурологической и лингвистической аргументации молдавизма.

В отличие от румынистов, молдавские историки-традиционалисты оперируют не мифами, а реалиями истории. Их оппоненты понимают это и явно избегают обсуждения сущности **румынизма**. В отличие от Константина Рэдулеску-Мотру, который формулировал идеологию румынизма во времена, когда от научной критики

он был огражден государственной властью, современные румынисты не располагают этой льготой. Они еще помнят прошлое молдаван и других народов Молдавии и понимают, что серьезное изучение сущности румынизма означает его разоблачение как политического в своей сути этногосударственного проекта, осуществляемого на основе исторических мифов. По внеученым причинам это их не устраивает, тем не менее они продолжают выполнять политический заказ.

Прорывом системы табу, на протяжении почти столетия блокирующей осмысление этнокультурных процессов, стало возобновление исследований истории русского населения Молдавии. Основные исследования ведутся учеными, работающими вне учреждений Академии наук Молдовы. Книги издаются на спонсорские средства. В целях изучения истории коренного русского (русинского) населения Молдавии в республике учреждены общественная организация «Русь», издается международный исторический журнал «Русин», в Интернете открыт сайт «Русины Молдавии». Учеными не просто осуществляется накопление фактических данных по истории русских Молдавии, – что само по себе ценно в научном плане, – но решается вопрос о содержании современной русинской идентичности. С выходом в свет книги С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии» этноним русин (руснак) возвращен в научный оборот, восстановлена традиция русинских исследований, прерванных в России еще в годы первой мировой войны. Достижениями науки стало издание коллективной работы «И... разошлись славяне по Земле», посвященной славянскому населению Карпато-Днестровских земель VI-XIII веков, и монографий: И.А. Анцупова «Казачество российское между Бугом и Дунаем», Н.В. Абакумовой «Русское население городов Бессарабии в XIX в.», А.Ю. Скворцовой «Русские Бессарабии. 1918-1940: Опыт жизни в диаспоре». Изданы также три сборника статей, посвященных истории старообрядцев, материалы других конференций, посвященных изучению истории и современного положения русского населения Молдавии.

Навязывание молдавскому обществу румынского взгляда на историю при посредстве преподавания курса «история румын» ускорило развертывание в Молдавии исследований этнических историй гагаузов и болгар. Важнейшими достижениями этого направления можно назвать исследования академика М.Н. Губогло «Русский язык в этнополитической истории гагаузов» (М., ЦИМО. 2004), «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов» (М.: Наука. 2006) и другие, коллективный труд «История и культура гагаузов» (Кишинев-Комрат. 2006), сборники «Курсом изменяющейся Молдовы» (Москва, 2005-2007), подготовленный И.Ф. Греком и Н.Н. Червенковым сборник документов «По пути национальной духовности болгар Молдовы. Конец 80-х - 90-е гг. XX в. (Кишинев. 2005)», материалы ряда научных конференций, проведенных в Комрате, Кишиневе, Этулии. Успешно продолжается изучение истории евреев Молдавии. Результаты этих исследований подтверждают ключевую функцию русского языка в обеспечении национального равноправия в Молдавии.

Принимая позицию молдавистов по вопросам национальной самобытности молдавского народа, это направление в историографии только положительно расценивает включение Бессарабии в состав России в 1812 г., обосновывает провоцирующую роль, сыгранную в этнополитическом расколе общества и в дезинтеграции Молдавии, приданием в полиэтничной, в основном двуязычной республике, государственного статуса только одному языку – языку мажоритарной нации. Законы 13-й сессии Верховного Совета Молдавской ССР, показывают исследования современной истории Молдавии, были использованы как юридический предлог для притеснений нетитульного населения, провоцирования гражданского конфликта в республике и ее дезинтеграции, они и поныне остаются источником

недоверия в отношениях национальных меньшинств с официальным Кишиневом, с существующей молдавской государственностью. Но этнолингвистическая цель инициаторов их принятия – маргинализация и вытеснение русского языка и его носителей, остается недостигнутой.

Межэтнического конфликта, явствует из рассмотренной литературы, в Молдавии, в сущности, нет. Есть два этнополитических конфликта: между молдавскими традиционалистами и румынистами и между последними и совокупностью национальных меньшинств, объединенных ориентацией на русский язык. Политически значимо обоснованное исследователями заключение: придание русскому языку статуса официального языка остается в Молдавии условием урегулирования гражданского конфликта и реинтеграции страны.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Подробнее см.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь. Изд-во Приднестровского ун-та. 2007.

2. A se vedea: Rădulescu-Motru C. Româanismul. București. 1939; Etnicul românesc. Comunitate de origine, limba și destin. Naționalismul. București. 1996. P.4. Ранее политическую программу румынизма развивали и другие праворадикальные авторы (См.: Șeicaru P. Principiile de politică națională. București. 1919; Ionescu N. Roza vînturilor. 1926-1933. Chișinău. 1993).

1. КОНЦЕПЦИЯ ЗАБВЕНИЯ

1. Автор данной статьи, входивший в состав комиссии, в своем выступлении в Парламенте 23 июня 1990 г. отметил непричастность участников этой комиссии к разработке проекта. 22 июня, сообщил он, «нам был вручен текст проекта декларации, составленный без нашего участия. До утра этого (23 июня) дня мы не имели возможность ни составить альтернативный проект, ни просто должным образом проверить по документам и литературе верность приводимых фактов, обоснованность выводов». Возражений не последовало. (Стенограмма заседания Верховного Совета ССР Молдова 23 июня 1990 г. Л.113). Тем не менее проект был принят.

2. Единство. 1990. 15 июля

3. Там же.

4. См.: Программа для средней общеобразовательной школы. История румын. V-XI классы. – Кишинев. 1990

5. Panaitescu P.P. Istoria românilor. P.II. - Chișinău. 1990; Панаитеску П.П. История румын. – Кишинев. 1991

6. См.: Ожог И.А. История румын. Ч.I. Древняя и античная история. – Кишинев. 1993; Niculiță I. Istoria românilor. Epoca veche. - Chișinău. 1997; Dragnev D. Dragnev E. Istoria medie a românilor (pînă la mijlocul secolului al XVII-lea) - Chișinău. 1997; Idem. Istoria modernă a românilor. Partea I. (mijlocul secolului al XVII - 1848) - Chișinău. 1997; Vizer B. Istoria contemporană a românilor. - Chișinău. 1997.

7. Vezi: Boia Lucian. Istorie și mit în conștiința românească.- Buc., Humanitas. 1997.

8. Mihai T.Oroveanu. Istoria dreptului românesc și evoluția instituțiilor constituționale. - București. Editura CERMA. 1992. P.11.

9. См.: Istoria Moldovei în date. Elaborată: Vasile Stati. - Chișinău. 1998. P.409.

10. См.: Универсальная десятичная классификация. Третье советское издание. Вып.6. 7/9. Искусство. Языкознание. География. История. - М., Изд-во Стандартов. 1986. 805.92. Молдавский.

11. См.: Новая история румын. Часть II. 1848-1918. – Кишинев. 1999. Учебник для VIII класса). История румын. Знаменательные страницы. -Chișinău, 1999). Учебник для 4-го класса. Подробнее данные положения обоснованы в рецензиях: Молдова - вне истории? // – Кишиневские новости. 2000. 28апреля; Как отыскать тебя в «истории», Молдова? // Коммунист. 2000. 19 мая.

12. Спекулятивный характер тезиса о русификации молдаван опровергается данными статистики. За 106 лет развития Бессарабии в составе России численность молдавского этноса увеличилась в 6-7 раз. В советский период доля молдаван среди населения Молдавии на 1 января 1941 г. была даже меньше (63,8%) того же показателя полвека спустя, 1 января 1989 г.(64,5%). (См.: Статистический ежегодник Республики Молдова. 1992. -Ch.: Universitas. P.64; Зеленчук В.С. Население Молдавии. – Кишинев. Штиинца. 1973. С.9,16,26; Шорников П.М. Цена войны. –

Кишинев. 1994. С.14;) В действительности страной, проводящей эффективную политику ассимиляции меньшинств, является Румыния. В Добрудже доля румын среди населения в 1880-1992 гг. возросла с 28 до 91%, тотальная румынизации области, в прошлом населенной преимущественно болгарами, стала фактом. В Трансильвании доля румын с 53,8% (в 1910г.) возросла в основном в результате политики Н.Чаушеску, до 73,6% (1992г.). (Boia L. Op. cit., P.216)

13. Подробнее см.: Шорников П. Фашист ли Антонеску? // Кишиневские новости. 1999. 26 февраля; Левит И. Холокост в Бессарабии в кривом зеркале господина Петренку. // Glasul Moldovei. 2000. 30 mai, 6, 13, 20 iunie.

14. Списки лиц, подлежащих депортации, составлялись по политическим, а не этническим признакам. Из 4507 глав высланных семей 1719 числились как бывшие помещики и чиновники румынской администрации, 1681 – как активные члены антисоветских и белогвардейских организаций, 268 – бывшие офицеры румынской, польской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы, 389 – бывшие сотрудники царской охраны, жандармы, полицейские; имелось также 163 уголовника. (Пасат В. Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР 40-50 гг.- Кишинэу. Моментул. 1988. С.92, 99-101, 122, 123) По данным румынской полиции, в числе прочих были депортированы 953 собственника - еврея. Большевики, считала румынская полиция, депортировали из Бессарабии румын (уроженцев Старого Королевства), русских антикоммунистов и евреев. (См. подробнее: Шорников П.М. Цена войны. С.13; Raza. 1941. 2-16 noiembrie).

15. См.: Никулицэ И. История румын: Древний период. Экспериментальный учебник для V класса. – Кишинев. «Cardidact». 1999). Дабижа Н, Силвестру А. Дакиада. – Кишинев. 1992. Рец. см.: Чужая история.// – Кишиневские новости. 2000. 14 апреля; Мюнхаузен-2, или Страшные сказки господ Дабижи и Силвестру.// Приднестровье.1998. 23 сентября; Кишиневские новости. 1998. 9 октября.

16. См.: История румын. Новейшее время. Учебник для 9 класса. – Кишинев. Cardidact. 1999; Визер Б. Новейшая история румын. Материалы для IX класса». – Кишинев, Штиинца. 1999. Petrencu A. Basarabia în cel de al doilea război mondial. 1940-1944. - Chişinău. 1997. Рецензии на указанные работы см.: Антиистория. // Glasul Moldovei. 2000. 28 martie; Технология забвения.// – Кишиневские новости. 2000. мая.

17. Dreptate. 1995. Februarie.

18. Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999. – Кишинев. 1999. С.286.

19. Стенограмма заседания Парламента Республики Молдова 25 мая 1992 г. Л.2573.

20. Представляется целесообразным указать основные работы по истории Молдавии, написанные с позиций защиты молдавской государственности: Анцупов И.А. Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период. – Кишинев. Штиинца. 1990; Грек И., Червенков Н. Болгарите от Украйна и Молдова: минало и настояще. - София. Христо Ботев. 1993; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. М.,Терра. 1994; Шорников П.М. Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. – Кишинев. 1994; Молдован П.П. Молдоване в истории. – Кишинев. Полиграф-сервис. 1994; Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII-XIX в. (Социально-экономический очерк). – Кишинев. 1996; Portrete în miscare. 30 de lideri politici din Moldova. - Chişinău. 1996; Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии. 1988-1996. – Кишинев. 1997; Левит И. Движение за автономию Молдавской республики. 1917. – Кишинев. 1997; Царанов В.И. Операция «Юг». О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии. – Кишинев. 1998; Istoria Moldovei în date.

Elaborată: Vasile Stati. - Chişinău. 1998. В.Пасат. Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР 40-50 гг. - Кишинэу. Моментул.1988; Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999. - Кишинев. 1999; Поливцев В.Н. Железной дороге Молдовы 125 лет. Очерки истории.- Кишинев, 1998; Руссу И.Г. Заметки о смутном времени. - Кишинев. Про. Молдова. 1999; Анцупов И.А. Казачество российское между Бугом и Дунаем. - Кишинев. 2000. Репида Л.Е. Население Молдовы в интеграционных процессах (40-50-е гг. XX в.) – Кишинев. 2000.

21. Млечко Т.П. Указ. соч., С. 83,95,96.

22. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. - Кишинев.1997.

23. Literatura şi arta. 1998. 25 iunie; Мысль. 2000.N2; - Кишиневский обозреватель.2000.N26-28.

II. МОЛДАВСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ

МОЛДАВИЗМ

1. Costin N. Scrieri: În două volume. Vol. I. Chişinău. 1990. PP. 77,78.

2. См.: Славяно-молдавские летописи. Москва. 1973; Стати В. История Молдовы. - Кишинев. 2002. С.8.

3. A se vedea: Documente privind istoria României. A.Moldova. /Red. resp. Mihail Roller. Vol. I-V. Bucureşti. Ed. Acad. RPR. 1951-1957; Documenta României Historica. A. Moldova. Vol. I.(1384-1448). Bucureşti. Ed. Acad. Române. 1975; Vol. II.(1449-1486). 1976; Vol. III.(1487-1504). 1980; Documente privind iastoria României. A.Moldova. Veacurile XIV-XVII(1384-1625): Indicile numelor de locuri./ Intocmit de A.I. Gonţa. Bucureşti. Ed. Acad. Române. 1990; Documente privind istoria României. A.Moldova. Veacurile XIV-XVII(1384-1625): Indicile numelor personale. / Intocmit de A.I. Gonţa. Bucureşti. Ed. Acad. Române. 1995.

4. А се ведя: Молдова ын эпока феодализмулуй. Документе славо-молдовенешть. Алкэтуиторий: А.Н.Никитич, Д.М.Драгнев, Л.И.Светличная. Суб ред. луй П.В. Советов. Вол. I. Кишинэу. 1961; Вол. II. Кишинэу. 1978; Вол. III. Кишинэу. 1982; Вол. V. Кишинэу. 1987; Вол. VI. Кишинэу. 1992; Вол. VII. (Ын 2 пэрць). Кишинэу. 1975.

5. А се ведя: Costin Miron. Opere. -Bucureşti. 1958; Уреке Григоре. Летописецул Цэрий Молдовей. - Кишинэу. 1971; Костин Мирон. Летописецул Цэрий Молдовей. - Кишинэу. 1972; Кантемир Дмитрий. Описание Молдавии. - Кишинев. 1973; Некулче Ион. Летописецул Цэрий Молдовей. - Кишинэу. 1974; Костин Мирон. Opere. - Кишинэу. 1989; Costin Nicolae. Scrieri. În două volume. Vol. I-II. -Chişinău. 1990-1991.

6. См.: Молдован П. Молдоване в истории. - Кишинев. 1994. С.39, 57; Стати В. История Молдовы. - Кишинев. 2002. С.47,48, 57.

7. А се ведя: Стамати Константин. Opere алесе. -Кишинэу. 1953; Руссо Алеку. Opere алесе. -Кишинэу. 1955; Стамати Константин. Избранное. - Кишинев. 1959; Когэлничану Михаил. Opere Алесе. -Кишинэу. 1966; Негруци Константин. Opere алесе. Кишинэу. 1966; Руссо Алеку. Opere. Кишинэу. 1967; Александри Василе. Публицистикэ, скрисорь. -Кишинэу. 1968; Стамати Константин. Opere. -Кишинэу. 1975; Александри Василе. Opere. Ын патру волуме. -Кишинэу. 1975-1977; Асаки Георге. Исторические новеллы. - Кишинев. 1988; Дософтей. Opere поетиче. - Кишинэу. 1989.

8. Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. -Москва. 1966. С.119; Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. - Кишинев. 1978. С. 15; Păcurariu M. Politica statului ungar faţă de biserica românească din Transilvania în

perioada dualismului (1867-1918). Sibiu. 1986. P.70; Pop I. Basarabia din nou la răscruce. - București. 1995. PP. 160-162.

9. A se vedea: Rădulescu-Motru C. Românismul. -București. 1939; Etnicul românesc. Comunitate de origine, limba și destin. Naționalismul. -București. 1996. P.4. Ранее политическую программу румынизма развивали и другие праворадикальные авторы (См.: Șeicaru P. Principiile de politică națională. București. 1919; Ionescu N. Roza vinturilor. 1926-1933. - Chișinău. 1993).

10. A se vedea: Xenopol A. D. Teoria lui Roessler (Studii asupra staruintei românilor în Dacia Traiană).- Iași. 1884; Ibidem. Istoria românilor. Ediția a 3-a. Vol. I-XIV. -București. 1896; Ed. A 4-a. Vol I-XIV. -București. 1913.

11. A se vedea: Iorga N. Istoria românilor: În 10 volume. -București. 1937-1939; 1988 .; Iorga N. Cugetari. -București. 1967; Basarabia noastră: Scrisa după 100 de ani de la rapirea ei de către Ruși. -Valenii de Munte. 1912; Elemente de unitate ale lumii medievale și contemporane. -București. 1922; Brodnicii și Români: O problema din vechea istorie a românilor. -București. 1927-1928; Hotarele și spații naționale. Valenii de Munte. 1938; Dezvoltarea imperialismului contemporan.- București. 1940.

12. Panaitescu P. Istoria românilor. -Chișinău. 1992.

13. Панаитеку П. История румын. – Кишинев. 1993. С.48, 73, 136. К списку правителей «восточно-романского пространства» со славянскими именами могут быть добавлены Литовой, воевода Олтении в 1247-1277 или 1279 гг., Владислав (Влайку-воевода), правивший Валахией в 1352-1364 гг., Раду II Праснаглава (1421, 1423, 1424, 1426,1427), воевода Трансильвании Ладислав Канн (1294-1315 гг.), деспот Добруджи Добротич (1370-1385 гг.) и, возможно, другие.(Istoria României în date. Chișinău. 1992. PP. 63, 71, 72, 375,376).

14. Когэлничану М. Оп. чит., П.252, 253, 256.

15. Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. С. 18.

16. A se vedea: Părvan V. Getica. O protoistorie a Daciei. -București. 1926.

17. Philipide A. Originea românilor. Vol. II.- București.1928. P.389.

18. A se vedea: Puscariu O. Pe marginea cărților. // DacoRomânia. VIII. -București. 1934-1935. P.278.

19. A se vedea: Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare. T. I-II. București. 1913-1914; Hogas C. Opere. Editie îngrijită, cu glosar... -București. 1956; Подробно см.: Стати В. История Молдовы. – Кишинев. 2003. С. . С.50, 60, 68, 86, 98, 125, 143, 200, 417, 418, 426; Попович К. Еминеску. Вяца ши опера. –Кишинэу. 1974. ПП. 419-425.

20. Brătianu G.I.. O enigma și un miracol istoric: poporul român. –București. 1940. P.60; Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița M., Zaharia Em. Așezări din Moldova. De la Paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. –București. 1970; Ștefănescu St. Demografia, dimensiune a istoriei. –Timișoara. 1974.

21. A se vedea: Boia Lucian. Istorie și mit în conștiința românească.- București. 1997; Jocul cu trecutul. București. 1998; Două secole de mitologie românească. –București. 1999.

22. Для сравнения приведем определение венгерской национальной идеи – **хунгаризма**, данное в 1897 г. германским послом в Бухаресте фон Бюловом, будущим канцлером Германской империи, и опубликованное в книге румынского автора «Хунгаризм сегодня – паранойя и очаг нестабильности в центре Европы». Хунгаризм – это «Смесь великодержавного безумия и психологической слепоты, нетерпимого фанатизма и процедурных вызовов, которые характеризуют мадьярскую национальную политику и раздражают в самой высокой степени сербов и румын. Но презрение мадьяр к малым народам, подчиненным короне Святого Стефана, слишком укоренилось, чтобы быть восприимчивым к аргументам и здравому смыслу. Для венгров румын – *budos olah* - вонючий румын, к сербам и хорватам они применяют пословицу: славянин не человек... Авторитарное и парламентское правление,

удерживающее власти в апостолическом королевстве, преследует мираж полной ассимиляции немадьярских национальностей с ослеплением, очевидным всякому влиятельному государственному деятелю...». Сам автор книги квалифицирует хунгаризм как «параноидальное проявление народа, незначительного в мировом процессе сотворения цивилизации и культуры, с дикими инстинктами, проявляемыми в отношении румын на протяжении всей истории...» (Theodoru Radu. *Hungarismul astăzi – paranoia unui focar de instabilitate din centrul Europei*. – București. 1996. P. 14,15)

23. A se vedea: Iorga N. *În luptă cu absurdul revizionism magiar*. București. 1991; *Hotare și spații naționale – afirmarea vitalității românești*. – Galați. 1996; *Istoria Moldovei în date*. Elaborată: Vasile Stati. – Chișinău. 1998. P.255.

24. Rădulescu-Motru C. *Etnicul românesc. Comunitate de origine, limba și destin. Naționalismul*. P.186.

25. Boia L. *Op. cit.*, P.216.

26. Frunda G., Ștefoi E. *Drept minoritar, spaime naționale*. – București. 1997. PP. 35, 36, 85.

27. Феномен Приднестровья. – Тирасполь. 2000. С. 209.

28. A se vedea: Mateevici A. *Opere*. Vol. I-II. Chișinău. 1993; Лашков Н.В. *Бессарабия: к столетию присоединения к России. 1812-1912*. – Кишинев. 1912; Болдырь А. *Национальное самоопределение и Бессарабия*. – Кишинев. 1917; Colesnic Iu. *Basarabia necunoscută*. – Chișinău. 1993. P.54.

29. Стати В. *История Молдовы*. С. 262.

30. A se vedea: Nistor I. *Istoria Basarabiei*. – București. 1991.

31. A se vedea: Boldur A. *Istoria Basarabiei*. – București. 1992.

32. A se vedea: Ciobanu Șt. *Basarabia: populația, istoria, cultura*. – Chișinău. 1992.

33. Особую позицию по вопросам молдавской национально-культурной идентичности занимали бессарабские регионалисты. Виднейшие из них – и К.Стере и П.Халиппа, причастные к событиям 1917-1918 гг., и Н.Костенко, Г.Безвиконный, историк Н.Поповский, фольклорист П.Штефэнукэ и другие, – декларируя приверженность румынизму, на деле отстаивали право молдаван на собственную историю, и выявляли молдавскую культурную самобытность. (A se vedea: Ștefănuță P. *Folclor și tradiții populare*. Vol. 1-2. Chișinău. 1991; Stere C. *Documentări politice*. – Chișinău. 2002; Halippa P. *Publicistica*. – Chișinău. 2001. К.Стере в конце жизни определял себя как «бессарабца, сохранившего духовный отпечаток родной провинции» (Stere C. *Documentări politice*. – Chișinău. 2002. P. 472). Подробно см.: Шорников П. *Молдавское национально-культурное сопротивление. 1918-1940*.// Мысль [Кишинев]. 2001. N 4(14)).

34. См.: *Славяно-молдавские летописи*. – Москва. 1973.

35. См.: Сенкевич В.М. *Образование Молдавского государства*.// Уч. Зап. КГУ. Т.1. – Кишинев. 1949. С.71-93; Его же. *Истоки молдавской культуры и ее развитие в XVI-XVII ст.* // Уч. зап. КГУ. Т.II. – Кишинев. 1950. С.27-50; Руссев Е.М. *Хронография молдовеняскэ дин сек. XV-XVIII*. Кишинэу. 1977; его же. *Свет из Москвы*. – Кишинев. 1981; его же. *Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии*. – Кишинев. 1982.

36. См.: *История Молдавии*. – Кишинев. 1951; *История Молдавской ССР*. Т.I. – Кишинев. 1965.

37. См.: Мохов Н. А. *Молдавия эпохи феодализма*. – Кишинев. 1967.

38. Его же. *Очерки истории формирования молдавского народа*. – Кишинев. 1978.

39. См.: Лазарев А.М. *Молдавская советская государственность и Бессарабский вопрос*. – Кишинев. 1974.

40. См.: Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20-30 годы XIX века). – Москва. 1966; Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование Румынского независимого государства. – Москва. 1969.

41. См.: Великанова М.В. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975; Ее же. Антропология средневекового населения Молдавии. – Москва. 1993.

42. См.: Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. – Кишинев. 1972; его же. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии: Очерки истории ренты в XVI – начале XVIII в. – Кишинев. 1980; его же. Типологические пути развития феодализма и турецкое завоевание Юго-Восточной Европы (К вопросу о типологических сдвигах в Молдавии). // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Сб. докладов. – Кишинев. 1973; Его же. Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах (Проблема «государственного феодализма» и его роль в период генезиса, развития и разложения феодальной формации). // Известия АН МССР. Серия общественных наук. 1986. №№2,3; его же. Общее и особенное в развитии форм молдавского феодализма. // Молдавский феодализм: общее и особенное (История и культура). – Кишинев. 1991. Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. – Кишинев. 1972; Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма. – Кишинев. 1983; Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. – Кишинев. 1988; Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы. – Москва-Кишинев. 1988-1989.

43. См.: Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. – Кишинев. 1969; Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. – Кишинев. 1979; Бырня П.П. К вопросу о градообразовании в Днестровско-Прутском междуречье (до установления османского ига). // Труды V международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т.1. Вып. 2; Orasul medieval in Moldova. Chişinău. 1997. Список научных трудов П.П. Бырни см.: Stratum-plus. Культурная антропология, археология. 2000. N5. С.21-25.

44. См.: Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774-1806. – Кишинев. 1975; Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа. – Кишинев. 1982; Историческое значение присоединения Бессарабии и Левобережного Поднестровья к России. – Кишинев. 1987.

45. Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). – Кишинев. 1979.

46. Гросул Я.С. Труды по истории Молдавии. – Кишинев. 1982. Список трудов Я.С. Гросула см. там же: С.294-312.

47. Атласул лингвистик молдовенеск. Вол. 1-2. – Кишинэу. Штиинца. 1968-1973.

48. Диалектология молдовеняскэ. Суб ред. луй Р.Удлер ши В.Комарнилки. Кишинэу. Лумина. 1976; Удлер Р.Я. Диалектное членение молдавского языка. Ч. I-II. – Кишинев. Штиинца. 1976.

49. А се ведя: Корлэтяну Н.Г. Егалэ ынтре егале. Лимба молдовеняскэ литерарэ ын периоада советикэ. – Кишинэу. 1971; Его же. Молдавский язык сегодня. – Кишинев. 1983; Корлэтяну Н.Г. Мокряк И.Ф., Удлер Р.Я. и др. Очерк современного молдавского литературного языка. – Кишинев. 1967; Дырул А.М., Ецко И.И., Котелник Ф.С., Н.Г. Маткаш, Медвецкая О.Г., Мокряк И.Ф., Перчек Н.М., Чобану А.И. Лимба молдовеняскэ контемпоранэ. Синтакса. – Кишинэу. 1981; Ильяшенко Т.П. Формирование романских литературных языков. – Кишинев. 1983; Пиотровский Р.Г. Близкородственные языки или национальные варианты. // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев. 1976; Стати В.Н. Лимба

молдовеняскэ ши рэувоиторий ей. – Кишинэу. 1988; Пиотровский Р.Г. Близкородственные языки или национальные варианты.// Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев. 1976.

50. А се ведя: Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. – Кишинэу. 1988.

51. См.: Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. – Кишинев. 1982. С.682; Фолклор молдовенеск. Алк. ши ынгрижит де М.Г.Савина ши И.Д. Чобану. Кишинэу. 1956; Аксьонова Л.А. Кынтекул популар молдовенеск. – Кишинэу. 1958; Зеленчук В.С. Очерки молдавской народной обрядности. – Кишинев. 1959; Очерки молдавского фольклора. – Кишинев. 1965; Жунгиету Е.В. Фолклор молдовенеск дин аний Марелуй рэзбой пентру апэраря Патрией. 1941-1945. – Кишинэу. 1967; Хынку А. Балада популарэ «Миорица». – Кишинэу. 1967; Гацак В.М. Восточнороманский героический эпос. Исследование и тексты. – Москва. 1967; Фолклор дин пэрциле Кодрило. Алк.: Г.Г. Ботезату, Н.М. Бэшу, Е.В. Жунгиету ши а. Кишинэу. 1973; Попович Ю.В. Молдавские новогодние праздники (XIX начало XX в.). – Кишинев. 1974; Чиримпей В.А. Фольклор и современность (На материале молдавской народной поэзии). – Кишинев. 1974; Чиримпей В.А. Реализэрь але фолклористичий тимпурий молдовенешть. Кишинэу. 1978; Гацак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. Москва. 1975; Спатару Г.И. Драма популарэ молдовеняскэ. Кишинэу. 1976; Повешть нувелистиче. Суб ред. Луй В.М. Гацак ши И.Д. Чобану. Кишинэу. 1980; Аузита-ам дин бэтрынь: Леженде молдовенешть. / Селекция ши постфаца де Григоре Ботезату. Кишинэу. 1981; Бэшу Н.М. Фолклорул ритуалик ши вяца. – Кишинэу. 1981; Провербе ши зикэторь молдовенешть ку екиваленте русешть. Алк. Е.В. Жунгиету ши В.Д. Чернелюв. Кишинэу. 1987; Фолклор дин степа Бэлцулуй. Кишинэу. 1988; Фолклор пэстореск. Алк., префаца ши комент. де Е.Жунгиету ши А.Фуртунэ. Суб ред луй В.Зеленчук. – Кишинэу. 1991.

52. См.: Чобану И.Д. Молдавская народная лирическая поэзия. – Кишинев. 1973; Фолклор молдовенеск. Студий ши материале. – Кишинэу. 1968.

53. См.: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев. 1977.

54. Формирование молдавской буржуазной нации. – Кишинев. 1978.

55. Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ. Вол.1-8. Кишинэу. 1970-1978; Молдавская Советская Социалистическая Республика. Гл. ред. И.К. Вартичан. – Кишинев. 1979; Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. – Кишинев. 1982; – Кишинев. Энциклопедия. Гл.ред. А.И.Тимуш. – Кишинев. Главная редакция молдавской советской энциклопедии. 1984.

56. А се ведя: История литературий молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. – Кишинэу. 1986; Волумул II. Де ла 1840 пынэ ла 1917. – Кишинэу. 1988; Волумул III. Де ла 1917 пынэ ла 1955. Партя 1. – Кишинэу. 1990

57. А се ведя: Дин история гындирий сочиал-политиче ши филозофиче ын Молдова. Суб. ред.: В.Н. Ермуратский, А.В. Шеглов. – Кишинэу. 1970; Очерки по истории молдавско-русско-украинских философских связей (XVII – XX вв.). – Кишинев. 1977; Верцан Ф.М. Молдавия и Россия: преемственность общественно-политической и философской мысли(дооктябрьский период). – Кишинев: 1984; Урсул Д. Н.Г. Милеску Спэтарул. – Кишинэу. 1975; Ковчегов П.А. Алеку Руссо. – Кишинэу. 1975; Левинца С. Алексей Матеевич. – Кишинэу. 1978; Борщ Д. Александру Хыждеу. Кишинэу. 1979; Бабий А.И. Н.П. Зубку-Кодряну. – Кишинэу. 1982; Русев Е. Мирон Костин. – Кишинев. 1982; Осадченко И. Костаке Негруци. Кишинэу. 1984; Смелых В.М. Константин Стамати. – Кишинэу. 1983; Булгару М. Георге Асаки. Кишинэу. 1983; Комерзан А.Ф. Богдан Петричейку Хашдеу. – Кишинев. 1989.

-
-
58. См.: История Молдавской ССР. С древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1982.
59. См.: История Молдавской ССР. Том первый. Первобытнообщинный строй. Переход к классовому обществу. Формирование феодальных отношений. Образование Молдавского государства. – Кишинев. 1987.
60. См.: Драгнев Д.М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии. – Кишинев. 1975; Гонца Г.В. Молдавия и османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI в. – Кишинев. 1984; Гонца Г. Лупта попурулу молдовенеск ымпотрива експансионий османе. – Кишинэу. 1986; Ешану А. Димитрие Кантемир. «Дескриеря Молдовей». Манускрисе ши едиций. Кишинэу. 1987;) Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. – Кишинев. 1981.
61. A se vedea: Panaiteescu P.P. Istoria românilor. P.II. – Chișinău. 1990; Панаитеску П.П. История румын. – Кишинев. 1991.
62. Bruhis M. Rusia, România și Basarabia: (1812, 1918, 1924, 1940). – Chișinău. 1992.
63. История румын. Античность и средневековье. Учебник для VIII класса. Проф. Хадриан Дайковичу, проф. Помпилиу Теодор, про. Иоан Кымпяну. – Кишинэу. 1993;
64. См.: Ожог И.А. История румын. Ч.I. Древняя и античная история. – Кишинев. 1993; Niculita I. Istoria românilor. Epoca veche. – Chișinău. 1997; Dragnev D. Dragnev E. Istoria medie a românilor(pina la mijlocul secolui al XVII-lea) – Chișinău. 1997; Idem. Istoria modernă a românilor. Partea I. (mijlocul secolului al XVII – 1848) – Chișinău. 1997; Vizer B. Istoria contemporană a românilor. – Chișinău. 1997; Новая история румын. Часть II. 1848-1918. Учебник для VIII класса). – Кишинев. 1999; История румын. Знаменательные страницы. Учебник для 4-го класса. Chișinău, 1999; Никулицэ И. История румын: Древний период. Экспериментальный учебник для V класса. – Кишинев. "Cardidact". 1999; Дабижа Н, Силвестру А. Дакиада. – Кишинев. 1992.
65. Ojog I.A., Șarov I.M. Curs rezumativ de lecții la istoria Românilor. – Chișinău. 1997.
66. A se vedea: Heitman Klaus. Limba și politica în Republica Moldova. Culegere de studii. – Chișinău. 1998; Pop Iftene. Basarabia dinnou la răscruce. – București. 1995. P3. 260, 268.
67. См.: Гросул В.Я. О терминах «молдавский народ» и «молдавский язык». – Тирасполь. 1991; Чобану И.Д. Слово о судьбе родного языка. – Тирасполь. 1992; его же. Родной язык в моей судьбе. –Тирасполь. 1993.
68. Moldovan P.P. Moldovenii în istorie. – Chișinău. 1993; Молдован П.П. Молдоване в истории. – Кишинев. 1994.
69. См.: Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г. Курс лекций по истории Молдавии. Лекции I-IV, VIII-XI. –Тирасполь. 1992-1997.
70. История Приднестровской Молдавской Республики. –Тирасполь. 2000.
71. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней; Istoria Moldovei din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. –Chișinău. 1997.
72. Istoria Moldovei din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. –Chișinău. 1997.
73. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 2002.
74. A se vedea: Istoria Moldovei in date. Elaborată: Vasile Stati. – Chișinău. 1998.
75. См.: Стати В. История Молдовы. – Кишинев. 2003; его же. Штефан Великий, Господарь Молдовы. – Кишинев. 2004.
76. См.: Рабинович Р.А. Искусшение «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы. // Великая Скуфь. Stratum-plus. 2000. N5.
77. См.: Тельнов Н., Степанов В., Руссов Н., Рабинович Р. «И ... разошлись славяне по земле...»: Из истории Карпато-Днестровских земель VI – XIII вв. – Кишинев. 2002.

-
-
78. См.: Сперальский Зд. Молдавские авантюры. –Бэлць. 2001.
79. King Charles. The Moldavians. Hoover Institution Press, Stanford University, Stanford, - California. U.S.A. 2000; King Charles. Moldovenii. România, Rusia si politica culturala. –Chişinău. 2002.
80. A se vedea: Stati V. Dictionar moldovenesc-românesc. –Chişinău. 2003.
81. A se vedea: Stati V. Ştefan cel Mare Voievodul Moldovei. –Chişinău. 2004.
82. A se vedea: Stepaniuc V. Statalitatea poporului moldovenesc. – Chişinău. 2005.
83. A se vedea: Eminescu M. Publicistica. Referiri istorice si istoriografice. – Chişinău. 1990. P.540.
84. См.: Шорников П.М. Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны. – Кишинев. Штиинца. 1986; Его же. Мунчиторий Молдовой Советиче ын лупта ымпотрива котропиторилор фасшишь. – Кишинэу. 1988; его же. Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. – Кишинев. 1994; его же. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. – Кишинев. 1997.
85. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997; Феномен Приднестровья. – Тирасполь. РИО ПГУ им. Т.Г. Шевченко. 2000; Вехи молдавской государственности. – Кишинев. 2000; История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2. Первая часть. – Тирасполь. РИО ПГУ. 2001; Вторая часть. –Тирасполь. РИО ПГУ. 2001.

III. ЯЗЫК СОГЛАСИЯ

РУССКИЕ ЛЮДИ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

1. Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. –Москва. 2004. С.219.
2. См. подробнее: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическое вторжение в Республику Молдова. // Мысль [Кишинев]. 2000. N1(9); Его же. Молдовенизм. Историографический очерк. Мысль. 2003. N2(20).
3. А се ведя: Уреке Г. Летописецул Цэрий Молдовой. – Кишинэу. 1971. ПП. 66, 70, 118 ш.а.; Костин М. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. – Кишинэу. 1972. ПП.116, 166; Некулче И. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. – Кишинэу. 1974 291, 305.
4. Кантемир Дм. Описание Молдавии. – Кишинев. 1973. С. 147, 151
5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. – СПб., 1899. С.297-297. // Суляк С. Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии.– Кишинев. 2004. С. 174.
6. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I, Т. I-II. – М., 1988. С.118-119
7. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т.25. – М.-Л., 1949. С.344-345.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.- Л., 1950. С.176.
9. Степанов В.П. Проблема сохранения инонационального населения в условиях национального меньшинства в Республике Молдова: по результатам этносоциолингвистического исследования украинского населения села Мусаит Тараклийского уезда. // Moldova intre est si vest: identitatea naţionala si orientarea europeana. –Chişinău. 2002. P.207.
10. Суляк С. Указ. соч., С.10, 96-122.
11. Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. – Кишинэу. 1988. ПП. 232-244.

-
-
12. Список славяно-молдавских летописей приведен в статье «Молдовенизм». См. также: Славяно-молдавские летописи. – Москва. 1973.
13. А се ведя: Уреке Гр. Летописецул Цэрий Молдовой. – Кишинэу. 1988; Костин М. Летописецул Цэрый Молдовой де ла Аарон-водэ ынкоаче. Кишинэу. 1972; Костин М. Опере. Кишинэу. 1989; Некулче И. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу. 1974; Кантемир Д. Описание Молдавии. – Кишинев. 1973.
14. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты. Составители: А.Н.Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Под ред. П.В. Советова. Т. I. (XV в. – первая четверть XVII в.). – Кишинев. 1961; Т. II. (XV- XV вв.). – Кишинев. 1978; Т. III. 1601-1640. – Кишинев. 1982; Т. V. – Кишинев. 1987; Т. VI. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи. 1671-1710. – Кишинев. 1992.
15. A se vedea: Documente privind istoria României. A. Moldova. /Red. resp. Mihail Roller. Vol. I-V. – București. Ed. Acad. RPR. 1951-1957; Documenta României Historica. A. Moldova. Vol. I-III. – București. Ed. Acad. Române. 1975-1990; Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor de locuri./ Intocmit de A.I. Gonța. – București. Ed. Acad. Române. 1990; Documente privind istoria României. A. Moldova. Veacurile XIV-XVII (1384-1625): Indicile numelor personale. / Intocmit de A.I. Gonta. – București. Ed. Acad. Române. 1995.
16. A se vedea: Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei. Ed.: M. Kogălniceanu. Vol. I-III. – București. 1874. Характеристику молдавских летописей XVIII в. см.: Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев. 1964. С.50-56. Руссев Е.М. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. – Кишинев. 1982.
17. Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские документы. Составители: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Под ред. П.В. Советова. Т. VII. (в двух частях). – Кишинев. 1975.
18. Мирон Костин был идеологом польской партии молдавских бояр, а ее вождем являлся его брат Величко Костин.
19. Costin M. Opere. P. 233.
20. Costin N. Scrieri. In doua volume. Vol. I. -Chișinău. 1990. PP. 98,99.
21. Кантемир Дм. Описание Молдавии. – Кишинев. 1973. С.7,38.
22. См.: Cantemir D. Hronicul vechimii a româno-moldo-vlahilor. – București. 1906. P. 325. //Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. – Кишинев. 1978. С.86.
23. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. – Кишинев. 2001. С.64-70.
24. См.: Защук А.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. – Санктпетербургъ. 1862; Его же. Материалы для военной географии и военной статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Военное обозрение Бессарабской области. – СПб., 1863.
25. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. II. Очерки Днестра. – СПб. 1863. С.129.
26. См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряженной РГО. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским. Т. 1-7. – СПб. 1872-1877; Отчет о деятельности Юго-Западного Императорского РГО за 1874 глд, составленный правителем дел П.П. Чубинским. – Киев. 1875.

-
-
27. Купчанко Г.И. Некоторые историко-географические сведения о Буковине. // Записки Юго-Западного отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. – Киев. 1875.
28. См.: Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. – Варшава. 1905; его же. На севере Бессарабии. – Варшава. 1910; его же. Материалы по этнографии бессарабских русинов. – Киев. 1905.
29. См.: Накко А. Бессарабія (Историческое описание). Т.1-2. – Одесса. 1875-1876.
30. См.: Бессарабія.. Историческое описание. Посмертный выпуск исторических изданий П.Н. Батюшкова. – С.-Петербургъ. 1892.
31. См.: Бессарабія. Географическій, историческій, статистическій, экономическій, этнографическій, литературный и справочный сборникъ. Издание газеты «Бессарабець», под редакцией П.А. Крушевана. – Москва. 1903.
32. См.: Берг Л.С. Бессарабия. Страна-люди-хозяйство. – Петроград. 1918.
33. См.: Бессарабия и Северная Буковина. / под ред Н.С.Державина. – Ленинград. 1940.
34. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб. 2000.
35. Подробно см.: Шорников П. Концепция забвения: Идеологическая агрессия против Молдовы. // Мысль [Кишинев]. 2000. №2(10).
36. A se vedea: Xenopol A. D. Istoria românilor. Ediția a 3-a. Vol. I-XIV. – București. 1896; Ed. A 4-a. Vol I-XIV. – București. 1913.
37. A se vedea: Iorga N. Istoria românilor. In 10 Volume. Ed. A 2-a. – Iași-București. 1988; Idem. Istoria românilor pentru poporul românesc. – Valenii-de-Munte. 1908; Idem. Neamul românesc in Basarabia. București. Vol. I-II. 1995-1997; Idem. Histoires des relations russo-roumaines. Antologie et edition augmentee par Florin Rotaru. – Bucarest. 1995.
38. A se vedea: Nistor I. Istoria Basarabiei. – București. 1991.
39. A se vedea: Boldur A. Istoria Basarabiei. – București. 1992.
40. A se vedea: Ciobanu Șt. Basarabia. Monografie. Chișinău. 1993; Idem. Problema ucraineană în lumina istoriei. – Rădăuți. 1997.
41. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. – Кишинев. 2004. С.119.
42. A se vedea: Panaitescu P. Istoria românilor. – Chișinău. 1992.
43. Подробно см.: Шорников П.. Молдовенизм. Историографический очерк. // Мысль. 2003. N2(20).
44. A se vedea: Constantinescu-Iași P. Relatiile culturale româno-ruse. București. 1954; Bezviconi Gh. Contributii la relatiile româno-ruse. – București. 1962.
45. А се ведя. Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев. 1964; История Молдавской ССР. Т. I. – Кишинев. 1965; Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев. 1977; История литературный молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. – Кишинэу. 1986. История Молдавской ССР. Том I. – Кишинев. 1987.
46. См. подробно: Суляк С. Указ. соч., С. 128-129.
47. См.: История Молдавии. – Кишинев. 1951; История Молдавской ССР. Т. I. – Кишинев. 1965.
48. См.: История Молдавской ССР. – Кишинев. 1984.
49. См.: Федоров Г.Б. Славяне Поднепровья // По следам древних культур. Древняя Русь. – М., 1953; Его же. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. №89; Его же. Древние славяне в Пруто-Днестровском междуречье. М., 1966; Его же. Древнерусская культура Поднепровья (X-XII вв.) // Древняя культура Молдавии. – Кишинев. 1974.

50. См.: Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. – Кишинев. 1969; Его же. Молдавский средневековой город в Днестровско-Прутском междуречье (XV-нач. XVI в.) – Кишинев. 1984.
51. См.: Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. – Кишинев. 1979; Его же. Раннефеодальная Молдавия. – Кишинев. 1985.
52. См.: Великанова М.В. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975; ее же. Антропология средневекового населения Молдавии. – Москва. 1993.
53. А се ведя: Леженде, традиций ши повестирь орале. Алк.: Гр.Ботезату. Суб ред. луй В.М. Гацак. – Кишинэу. 1975; Театру популар. Алк.: Г.И. Спатару ши Ю.И. Филип. Суб ред. луй Н.М. Бэшу ши В.А. Чиримпей. – Кишинэу. 1981. Фолклор дин степа Бэлцулуй. Кишинэу. 1988; Фолклор дин кымпия Сорочий. – Кишинэу. 1989.
54. См.: Чебан И.Д. Молдавская народная лирическая поэзия. Необрядовая песня. – Кишинев. 1973; Гацак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. – Москва. 1975; Гацак В.М., Рикман Э.А. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в восточном Прикарпатье.// Этническая история и фольклор. – Москва. 1977.
55. А се ведя: Креация популарэ. (Курс теоретик де фолклор ромынеск дин Басарабия, Транснистрия ши Буковина). – Кишинэу. 1991.
56. А се ведя: Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. – Кишинэу. 1988.
57. См.: Параска П.Ф. Ла извоареле приетений попурулуй молдовенеск ку попоареле рус ши украинян. – Кишинэу. 1986.
58. См.: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения. – Кишинев. 1977; Формирование молдавской буржуазной нации. – Кишинев. 1978.
59. См.: Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). – Кишинев. 1979.; Загородная Е.М., Зеленчук В.С. Популяция РСС Молдовенешть. – Кишинэу. 1983.
60. Зеленчук В.С. Население Молдавской ССР (социальные и демографические процессы). – Кишинев. 1987.
61. См. Грушевський М. Історія України-Руси. Том I. До початку XI віка. – Львів. 1904; Его же. Ілюстрована історія України. – Донецьк. 2003.
62. Історія Української РСР. Том 2. – Київ. 1979.
63. Украинцы. Народы Европейской части СССР. – М., 1964 (Народы мира); Украинско- молдавские этнокультурные взаимосвязи в период социализма. Киев, 1987; Зеленін Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
64. Субтельний О. Україна. Історія. Київ. 1993.
65. Полонська-Василенко Н. Історія України від середини XVII століття до 1923 року. Т.2. Київ. 2002.
66. См.: Молдова в эпоху феодализма. Молдавские и славяно-молдавские грамоты и записи. 1671-1710. Сост.: А.Н. Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. – Кишинев. 1992; Moldova in epoca feudalismului. Vol. VIII. Documente moldovenesti din secolul al XVIII-lea (1711-1750)/ Carti domnesti si zapise. Intocmit de L.Svetlicnaia, D.Dragnev, E.Bociarov. – Chişinău. 1998.
67. А се vedeа: Gonta I. Relatiile românilor cu slavii de rasarit pina la 1812. – Chişinău. 1993.
68. А се ведя: Panaitescu P.P. Istoria românilor. P.II. - Chişinău. 1990; Панаитеску П.П. История румын. – Кишинев. 1991; История румын. Античность и средневековье. Учебник для VIII класса. Проф. Хадриан Дайковичиу, проф. Помпилиу Теодор, проф. Иоан Кымпяну. Кишинэу. 1993; Ожог И.А. История румын. Ч.I. Древняя и античная история. – Кишинев. 1993; Niculita I. Istoria românilor. Epoca veche. - Chişinău. 1997; Dragnev D. Dragnev E. Istoria medie a românilor (pina la mijlocul secolui al XVII-lea) -

Chişinău. 1997; Idem. Istoria modernă a românilor. Partea I. (mijlocul secolului al XVII-1848) – Chişinău. 1997; Vizer B. Istoria contemporană a românilor. - Chişinău. 1997; История румын. Новейшее время. Учебник для 9 класса. – Кишинев. 1999; Niculiţă I. Istoria românilor. Perioada antică. Manual. – Chişinău. 1999; Istoria nouă a românilor. Partea I - Partea II. 1848-1918. Manual pentru clasa VIII. – Chişinău. 1999; История румын. Знаменательные страницы. Учебник для 4-го класса. Chişinău. 1999; Никулицэ И. История румын: Древний период. Экспериментальный учебник для V класса. — Кишинев. 1999; Istoria românilor. Pagini ilustre. Manual pentru clasa IV. – Chişinău. 1999; Istoria Basarabiei. (De la începuturi până în anul 1998). – Chişinău. 2001; Esanu A. Cultura si civilizatia medievala româneasca: Din evul mediu timpuriu pina in sec. 17. Manual pentru invatamintul superior. Chişinău. 1996; Idem. Contributii la istoria culturii româneşti (Moldova medievala). – Bucureşti. 1997; Новая история румын. Часть II. 1848-1918. Учебник для VIII класса. – Кишинев. 1999.

69. См. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997, 1998; Второе издание, переработанное и дополненное, вышло в свет в 2002 г.

70. См.: Сперальский Зд. Молдавские авантюры. – Бэлць. 2001.

71. A se vedea: Istoria Moldovei în date. Elaborată: Vasile Stati.- Chişinău. 1998; Stati V. Istoria Moldovei. -Chişinău. 2002; Stati B. История Молдовы. – Кишинев. 2003; Stati V. Ştefan cel Mare Voievodul Moldovei. -Chişinău. 2004; Штефан Великий, Господарь Молдовы. – Кишинев. 2004.

72. См.: Коляда І.А. Криlach К. І., Юренко С.П. История Украины. . Підручник для 6-7 класів. -Київ. 1999; Роман Лях, Надія Темірова. История Украины з найдавніших часів до XV століття. Підручник для 7 класу. - Київ. 2000; Власов В. История Украины. Підручник для 8 кл. загальноосвіт. Навч. закл. Київ. 2002; Турченко Ф.Г. Новітня історія України. Частина перша. 1917-1945. 10 клас. Підручник для серед. загальноосвіт. шк. – Київ. 2000; Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України (1945-1998 рр.) Підручник для 11-го кл. серед. шк. – Київ. Генеза. 2000.

73. См.: Добржанський О. Національний рух українців Буковини другої половини ХХ початку ХХ ст. –Чернівці. 1999.

74. См.: Магочій П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Ужгород. 1994; его же. Карпатські русини. –Торонто. 2000. Штумпф-Бенедек А. Сосіди добрі и вшеілякі. Русини, gens fidelissima. –Ужгород. 2001.

75. См.: Кожолянко Г. Эмиграция трудового населения Буковины в конце XIX – начале XX в. // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). – – Кишинев. 1991; Кожолянко Г. Етнографія Буковини. Чернівці. 1999. Т.1.; Т.2. – Чернівці. 2002.

76. См.: Украинцы. -М., Наука. 2000. С. 19,21, 44, 57,60. См. также: Восточные славяне: Антропология и этническая история. - М., 1999.

77. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. – Кишинев. 2001.

78. См.: Тельнов Н., Степанов В., Руссев Н., Рабинович Р. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. –Кишинев. 2002.

79. См.: Панько В. Заговори Севера Молдовы. – Бельцы. 2002.

80. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси: Очерки этнической истории руснаков Молдавии. -Кишинев. 2004.

81. См. подробнее: Шорников П. Русский язык в Молдавском княжестве. 1359-1859. // Русский альбом. 2001. N3; Суляк С. Миграции русинов Буковины в

Бессарабию. // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г. – Кишинев. 2003; Шорников П. Культурное многоцветье Молдавского княжества. // Там же; Суляк С. Руснаки Бессарабии: Почему им нет места в учебниках истории? // Мысль. 2003/ №4 (22); Руснак В. Идея общерусского единства у русинов. // Мысль. 2004. №1 (23); Буркут И. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль. 2004. №2(24); Суляк С. Замена этнонима - прелюдия этнокультурной трансформации? // Там же; Его же. Этнокультурная идентичность руснаков Бессарабии в начале XX века. // Вестник Славянского Университета. – Кишинев. 2004. Вып. 11; Шорников П. Молдавская «картина мира» в Средневековье // Там же; Степанов В. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (Продолжение темы). // Мысль. 2004 №3(25); Шорников П. Молдаване и русские: Опыт взаимодействия в XVIII– начале XIX в. // Славянские чтения. Вып.2. Материалы научно-теоретической конференции. – Кишинев. 2004.

82. См.: Токарский А. Русины не сдаются. // – Кишиневские новости. 2003. 18 июня; Кто они – русины? // Русское слово. [– Кишинев]. 2004. №11(74). Июнь; Дрейзлер М. Давно живут в Молдове руснаки. // Независимая Молдова. 2004. 24 июня; Андреева Д. Русины – коренное население Молдовы. // «Аргументы и факты» – Молдова. [Кишинев]. 2004. №24(416). Июнь; Наний В. Осколки Руси? // Коммунист. [– Кишинев]. 2004. 2 июля; Зозуляк А. Интересна книжка о Русинах Молдавії... // Пряшев. 2004; Осколки Святой Руси. // Бесида. 5/2004

ОБНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

1. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – Москва. 1989. С.44.
2. См.: Федоров Г.Б. Славяне Поднестровья // По следам древних культур. Древняя Русь. – М., 1953; Его же. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. 1960. №89; Его же. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. – М., 1966; Его же. Древнерусская культура Поднестровья (X-XI вв.) // Древняя культура Молдавии. – Кишинев. 1974; Бырня П.П. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. – Кишинев. 1969; Его же. Молдавский средневековой город в Днестровско-Прутском междуречье (XV- нач. XVI в.) – Кишинев. 1984; Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. – Кишинев. 1979; его же. Раннефеодальная Молдавия. – Кишинев. 1985; Раевский Н.Д. Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе базэ де дате лингвистиче. – Кишинэу. 1988.
3. Бабилунга Н.В. Указ. соч., С.85.
4. Ткаченко О. Початок. // Просвіта. [Кишинев]. 1991. №1.
5. Датий Ю.П. Указ. соч. С. 47.
6. См.: Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX - начала XX в. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. – Кишинев. 2001.
7. См.: Русские Молдовы: история, язык, культура. – Кишинев. 1994; Славянские культуры в инациональной среде. – Кишинев. 1995; Вне России. Сб. научных статей о русских и русской культуре Молдовы. – Кишинев. 1997;
8. См.: Тельнов Н., Степанов В., Русев Н., Рабинович Р. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. – Кишинев. 2002.
9. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. -Москва. 1996.
10. См.: Зеленчук В.С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. – Кишинев. 1979.

11. См.: Буркут И. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль. 2004. №2 (24); Суляк С. Замена этнонима - прелюдия этнокультурной трансформации?// Там же.

12. В марте 2003 г. В.С. Зеленчук скончался, а в октябре 2004 г., так же за письменным столом, умер И.А. Анцупов.

13. См.: Степанов В. Проблема этнической и гражданской идентичности сообщества Молдовы // *Procesele integratiunii din Moldova: elaborarea strategiei naționale*. – Chișinău. 2000; Шорников П. Межэтническая диффузия и национальная самоидентификация в Молдове. // *Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea europeană*. – Chișinău, 2001; его же. Бессарабизм. // Русский альбом. [Кишинев]. 2001. N1; его же. Русский язык в Молдавском княжестве.1359-1859.// Русский альбом. 2001. N3; его же. Эволюция межэтнических и этногосударственных отношений в Республике Молдова в 90-е годы XX века.// *Minoritățile naționale și relațiile interetnice: tradiție europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova*. Vol.II. – Iași. 2002; его же. Земля согласия: Национальная политика и межэтнические отношения на Севере Молдовы.// Русский альбом. 2002.N5. Степанов В. Диалог культур против политических монологов: распространение общеукраинской идентичности среди восточных славян Пруто-Днестровского междуречья. //Мысль 2002. №2(16); Шорников П. Культурное многоцветье Молдавского княжества. // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г. – Кишинев. 2003; Руснак В. Идея общерусского единства у русинов.// Мысль. 2004. N1 (23).

14. См.: Суляк С. Осколки Святой Руси. – Кишинев. 2004.

15. См.: Суляк С. Миграции русинов Буковины в Бессарабию. // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г. – Кишинев. 2003; Его же. Руснаки Бессарабии: Почему им нет места в учебниках истории? // Мысль. 2003. №4 (22); Его же. Этнокультурная идентичность руснаков Бессарабии в начале XX века. // Вестник Славянского Университета. – Кишинев. 2004. Вып. 11; Шорников П. Молдавская «картина мира» в Средневековье. // Там же; Степанов В. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (Продолжение темы). //Мысль. 2004 №3(25); Степанов В. Молдова многонациональная.// Мысль. 2005. №1(27); Суляк С. Я горжусь, что я – русин. //Мысль.2005. №2(28).

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В МОЛДАВИИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

1. См.: Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. – Кишинев. 2004.

2. См.: Славяно-молдавские летописи. Москва. 1973; *Primele istorii ale Moldovei. Cronografia moldo-slavona*. Editie alcatuita si completata de Vasile Stati. Chișinău. Lumina. 2007; Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. – Кишинев. 1967.

3. А се ведя: Молдова ын эпока феодализмулуй. Документе славо-молдовенешть. Алкэтуиторий: А.Н.Никитич, Д.М. Драгнев, Л.И. Светличная. Суб ред. луй П.В. Советов. Вол. I. – Кишинэу. 1961; Вол. II. Кишинэу. 1978; Вол. III. – Кишинэу. 1982; Вол. V. – Кишинэу. 1987; Вол. VI. – Кишинэу. 1992; Вол. VII. (Ын 2 пэрць). – Кишинэу. 1975; Руссев Е.М. Кронोगрафия молдовеняскэ дин сек. XV-XVIII. – Кишинэу. 1977; Его же. Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. – Кишинев. 1982.

4. А се ведя: История литературий молдовенешть. Волумул 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. – Кишинэу. 1986; Волумул II. Де ла 1840 пынэ ла 1917. – Кишинэу. 1988;

Волумул III. Де ла 1917 пынэ ла 1955. Партя 1. – Кишинэу. 1990 Стати В. История Молдовы. – Кишинев. 2003.

5. A se vedea: Istoria Moldovei în date. Elaborată: Vasile Stati. – Chişinău. 1998; Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь. 2007.

6. См.: Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М., Школа «Языки русской культуры». 1998; Субботина И.А. Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. М.,ЦИМО.1998; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские Молдавии: миграция или адаптация? М., ЦИМО. 1998; Савоскул С.С. Русские нового Зарубежья: выбор судьбы. М. Наука. 2001.

7. См.: Савоскул С.С. Указ. соч., С. 127, 222-231 и др.; Шорников П.М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в Молдавии. 1988-1996. – Кишинев. 1997; Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999. – Кишинев. 1999.

8. Подробнее см.: Шорников П. Парламентская деятельность В.Б. Сеника //Исторический вестник Приднестровья. 2006.№10. С.211-226; его же. Лингвистическая полиция – инструмент национальной политики в Республике Молдова (1991-1994).//Общественная мысль Приднестровья 2005. №1(1). С.48-55.

9. См.: Бабилунга Н.В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? Ассимиляция? Русификация? – Кишинев. 1990.

10. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997.

11. См.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. – Тирасполь. 2007.

12. Frunţaşu Iu. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812-2002. –Bucureşti-Chişinău. 2002. P.185-187.

13. См.: Mircea Snegur – Эдуард Волков. Откровенные диалоги. – Chişinău. Draghiştea. 2007. P. 627.

14. См.: Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. – Кишинев. 1999.

15. A se vedea: История литератур молдовенешть. Вол. 1. Де ла орижинь пынэ ла 1840. – Кишинэу. Штиинца. 1986.

16. См.: Губогло М.Н. Именем языка. -М.: Наука.2006.

17. См.: Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. – М., ЦИМО. 2004.

18. См. подробнее: Шорников П. Парабола забвения: этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века.//Русин [Кишинев]. 2005. №2(2). С.151-177.

19. См.: Степанов В.П. Развитие этногосударственного законодательства в Республике Молдова (1989-2005 гг.) и деятельность государственных учреждений в деле защиты прав и свобод национальных меньшинств (на примере украинского населения) // Revista de etnografie şi culturologie. Nr.1. – Chişinău. 2006. P. 33.

20. См.: Степанов В.П. Украинцы Республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989-2005). – Кишинев. 2007.

21. Там же. С. 491-503, 512, 513.

22. См.: По пути национальной духовности болгар Молдовы /Сост.: И. Грек, Н. Червенков, Т.Шкирлийская. – Кишинев. 2005.

23. См.: Моцпан Д. Шипы и розы. -Chişinău. Princeps. 2005.

24. См.: Mircea Snegur – Эдуард Волков. Откровенные диалоги.- Chişinău. Draghiştea. 2007.

25. A se vedea: Адевэрул кА аер ал ренаштерий. Кулежере де публичистикэ. – Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1988; Серафим Сака. Пентру тине бат... Карте де конворбиров, артиколе, ынсемнэрь. – Кишинэу. Литература артистикэ. 1988; О луптэ,

о суферинцэ ши...Материале дин сэпт. «Литература ши арта».- Кишинэу. Литература артистикэ. 1989; Поварэ сау тезаур сфынт? [Деспре старя лимбий м олдовенешть]/ Алк. И.И. Лупан. -Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1989; Алежем депутаць ай попорулуй: пьедичь ши грешель. -Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1989; Как больно... Обращения, письма, статьи. О чем тревожится, к чему зовет, за что борется интеллигенция республики. – Кишинев. Литература артистикэ. 1989; Ындемн ла ынэлцаре ын историе./ Алк. Л.Буллат. –Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1990; Basarabia si basarabenii. – Chişinău. Uniunea scriitorilor din Noldova. 1991; Istoricul an 1989. /Red.-alc. L.Bucătaru. – Chişinău. Universitas.1991; Situatia sociolingvistică din R.S.S.M. reflectata în presa periodică (1987-1989). Vol. I. Partea 1. – Chişinău. 1999.

26. См.: Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. – Кишинев. 1997. С.3.

27. Charles King. Moldovenii. România, Rusia şi politica culturală. – Chişinău. ARC. 2002. P.191, 192.

28. См.: Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. – Тирасполь. 1993.

29. См.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. – Тирасполь. Изд-во ПГУ. 2007. С.329.

30. См.: Млечко Т.П. Быть или не быть? Русский язык в системе образования Республики Молдова. – Кишинев. 1999

31. См. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997.

32. См.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. – Тирасполь. 2007. С.326, 329.

33. См.: Яковлев В.Н. Тернистый путь к справедливости. – Тирасполь. 1993.

34. A se vedea: Stati V. Istoria Moldovei. – Chişinău. Vivar-Editor. 2002. P. 374-378.

35. См.: Андроник Н., Иванов В., Татар Г. Государственный суверенитет Республики Молдова. – Кишинев. 2000. С.137-139.

36. См.: Степанюк В.Ф. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. – Кишинев. 2006.

37. См.: История Бессарабии /От истоков до 1998 года/. Изд. 2-е, переработанное. Координатор И.Скурту. – Кишинэу. 2001. С.303.

38. См.: Лучинский П. Молдова и молдаване. – Кишинев. 2007.

39. См.: История и культура гагаузов / Коорд. С.Булгар. – Кишинэу-Комрат. Понтос. 2006.

40. См.: Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. – М., ЦИМО. 2004.

41. Подробнее см.: Шорников П.М. Буджакский узел: дискуссии по вопросу о создании автономии на Юге Молдавии и в Придунайских землях Украины. 1988-1991 гг. // Курсом изменяющейся Молдовы. Под ред. М.Н. Губогло.- М., 2006.

42. См.: Начало: Сб. воспоминаний / Сост. А.З. Волкова. -Тирасполь. 2000.

43. См.: Волкова А. Горячее лето 1989 года. – Тирасполь. 2004; ее же. Референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (1989-2003 гг.). - Тирасполь. 2005; ее же. Съезды депутатов всех уровней Приднестровской Молдавской Республики (1990-2006 гг.). -Тирасполь. 2006.

44. См.: Феномен Приднестровья. – Тирасполь. РИО ПГУ. 2000; История Приднестровской Молдавской Республики. Т.II. Ч.2. -Тирасполь. 2001.

45. Степанюк В. Указ. соч., С, 394, 395.

46. История Бессарабии /От истоков до 1998 года/. Изд. 2-е, переработанное. Координатор И.Скурту. – Кишинэу. 2001. С.303.

-
-
47. A se vedea: Istoria Românilor: curs universitar / Vasile Vasilos.- Chișinău. Civitas. 2003;
48. A se vedea: Frunțașu Iu. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812-2002. -București/ Chișinău. 2002.
49. Nouzille J. Moldova: istoria tragică a unei regiuni europene. -Chișinău. 2005. P.203, 248.
50. A se vedea: Charles King. Moldovenii. România, Rusia si politica culturala. PP. 144, 145.
51. Ibid., P.191.
52. A se vedea: Nouzille J. Op. cit., P.235.
53. См.: Крянгэ П. Я хочу рассказать... – Кишинэу. 1998; Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. – Chișinău. Prut Internațional. 2005; Cojocaru Gh.E. Separatismul în slujba imperiului. – Chișinău. Civitas. 2000; Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. – Chișinău. 2005; Muntean A., Cibotaru N. Războiul de pe Nistru (1990-1992). AGER- economistul. – București. 2004; Munteanu Anatol. Sacrificiu și trădare. Războiul de secesiune din Republica Moldova (1990-1992). – București. 2005.
54. A se vedea: Bărsan V. Masacrul inocenților. Războiul din Moldova. – București. 1993.
55. A se vedea: Cojocaru Gh.E. 1989 la Est de Prut. – Chișinău. Prut Internațional. 2001. P.154, 155.
56. См.: Русский альбом. Исторический и литературный журнал. (Всего вышло 9 номеров); Вестник Славянского университета.(10 выпусков); Славянские чтения (8 выпусков); Мысль. Общественно-политический и научный журнал ЦК ПКРМ (37 номеров); Русин. Международный исторический журнал (8 номеров).
57. См.: Русские Молдовы: история, язык, культура. Материалы научно-практ. конференции. – Кишинев. 1994; Славянские культуры в инонациональной среде. – Кишинев. 1995; Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации. – Кишинев, 1999; Вне России: Сб. научных статей о русских и русской культуре Молдовы. – Кишинев. 1997; Procesele integrationiste din Republica Moldova: elaborarea strategiei naționale. Chișinău. 2000; Положение русского языка и преподавание на русском языке вне России. Возможности использования международного опыта. – Кишинев. 2005; Moldova între Est si Vest: identitatea naționala si orientarea europeana/CAPTES. Chișinău, 2001; Regionalni ta naționalni eilii: Xto formule politiku? Материали Міжнародної наукової конференції. Чернівці, 6-7 грудня 2001 р. - Чернівці. Букрек. 2002; Minoritățile naționale și relațiile interetnice: tradiție europeană și experiența noilor democrații. Vol. 1-2. Iași. Paneurop. 2002; Этногенез и этническая история гагаузов. Материалы и исследования, посвященные 150-летию В.А. Мошкова. Выпуск 1. – Кишинев-Етулия. Ekim. 2002; Minoritățile naționale și relațiile interetnice: tradiția europeana și experiența noilor democrații pentru Moldova. Vol.II. Iași. Pan Europe. 2002; Нить времен. Материалы научно-практической конфер. «Русское население Молдавии: история и современность». – Кишинев. 2006; Русский язык в Республике Молдова: реалии и перспективы. – Кишинев. 2007 и др.
58. См.: Кожокару Н. Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде. – Кишинэу. Tehnica-info. 2004.
59. См.: Субботина И.А. Стратегия поведения русской молодежи в странах нового зарубежья: Молдавия. – М., ЦИМО. 1998; Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские Молдавии: миграция или адаптация? – М., ЦИМО. 1998; Савоскул С.С. Русские нового Зарубежья: выбор судьбы. – М. Наука. 2001.
60. A se vedea: Hobsbawn E.J. Națiuni și naționalism: din 1789 pînă în present. – Chișinău. 1997. P.179.

V. СПОР О ГЕНОЦИДЕ

ПРАВорадикальные ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

1. Dabija N. Rusoaicele.//Literatura și arta. 1996. 24 octombrie; Dabija N. Moldovencele.//Literatura și arta. 1997. 28 august.
2. Подробнее см.: Шорников П.М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса.1989-1996. – Кишинев: 1997. С. 34-37, 65-75.
3. Наш голос. 1990. 16-31 августа
4. Советская Молдова. 1991. 6 марта
5. Путь (Москва). 1992.N10
6. Независимая Молдова. 1992. 25 июля
7. См.: Literatura și arta. 1996. 8 august
8. Единство. 1997. 9 октября.
9. Кишиневские новости. 1996. 13 апреля; 13 июля.

ОТ ЗАМАЛЧИВАНИЯ – К ОПРАВДАНИЮ?

1. Basarabia dezrobită. F.I. 1942.
2. См.: Сенкевич В.М. Советская Молдавия в борьбе против фашистских захватчиков. - Б.м. Госполитиздат. 1944; Березняков Н.В. Кримеле фашиштилор жермано-ромынь ын Молдова. – Ф.л. ЕСМ. 1947.
3. См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. В тылу врага. /Сост.: И.Э. Левит и др. – Кишинев. Штиинца. 1976; Афтенюк А., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970; Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. – Кишинев. Штиинца. 1981; Его же. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. – Кишинев. Штиинца. 1983; Гратинич С.А. На левом берегу Днестра. 1941-1944. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1985; Шорников П.М. Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны. – Кишинев. Штиинца. 1986.
4. A se vedea: Bruhis M. Rusia, România si Basarabia (1812, 1918, 1924, 1940). – Chișinău. Universitas. 1992.
5. См.: Шорников П.М. Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. – Кишинев. 1994. С. 93, 94.
6. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. Типография Академии Наук. 1997. С.221; см. также История Республики Молдова. С древнейших времен до наших дней. Издание второе, переработанное и дополненное. – Кишинев. 2002. Типография «Elan Poligraf». 2002. С.235.
7. Suferintele Basarabiei și răpirile rusești. Antologie. Editie îngrijită, note și comentarii de Florin Rotaru. – București. Semne. 1996. P.1.
8. Moraru A. Istoria românilor. Basarabia și Transnistria. . (1812-1993)-Chișinău.1995.
9. Petrencu A. Basarabia în al doilea război mondial. 1940-1944. – Chișinău. 1997. P.168.
10. Левит И.Э. Адвокат румынско-фашистских оккупантов. // Glasul Moldovei. 1999. 8 июня.
11. Calvarul... – Chișinău. 1998. P.32.
12. A se vedea: Istoria Românilor: curs universitar / Vasile Vasilos- Ch.; Civitas. 2003.

-
-
13. Petrencu A. Basarabia în timpul celui de al doilea război mondial (1939-1945). – Chișinău. Prut Internațional. 2006. P. 76.
 14. «История Бессарабии (От истоков до 1998 года). – Кишинев. 2000.
 15. A se vedea: Goma P. Săptămîna Roșie 28 iunie-3 iulie sau Basarabia și evreii. Muzeum. Chișinău. 2003.
 16. См.: Шорников П. Книга ненависти. // Русское слово [Кишинев]. 2003. №15(59). Август; Еврейское местечко [Кишинев]. 2003. N13.Сентябрь.
 17. Левит И. В наркотическом угаре юдофобии. По поводу эссе писателя Паула Гомы «Красная неделя 28 июня – 3 июля 1940 или Бесарабия и евреи». – Кишинев. 2004. С.57.
 18. Удлер Р. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. – Pittsburg, Chișinău. 2003
 19. См.: Назария С. Холокост: Страницы истории (На территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941-1944). – Кишинев. 2005.
 20. A se vedea: Documente/ Comisia Internațională pentru Studiarea Holocaustului în România; Ed. îngrij. de Lia Benjamin. – Iași. Polirom.2005; Raport final. / Comisia Internațională pentru studierea Holocaustului în România; Ed. îngrij. de Lia Benjamin. – Iași. Polirom.2005.
 21. Cașu Igor. Istoriografia și chestiunea Holocaustului: cazul Republicii Moldova (I) // Contrafort. №11-12 (145-146), noiembrie-decembrie 2006. P.15.

«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ»: РУМЫНСКИЙ ВАРИАНТ

1. См.: Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. – Кишинев. Штиинца. 1981; Его же. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. – Кишинев. Штиинца. 1983; Ценный вклад в разработку и популяризацию этой темы внесли также С.Назария и Р.Удлер (См.: Удлер Р. Годы бедствий. Воспоминания узника гетто. – Pittsburg, Chișinău. 2003; Назария С. Холокост: Страницы истории (На территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941-1944). – Кишинев. 2005).
2. A se vedea: Documente / Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România; ed. îngrij. de Lia Benjamin/ - Iași. Polirom, 2005; Raport final / Comisia internațională pentru studierea Holocaustului în România; președintele Comisiei: Elie Wiesel; - Iași. Polirom,2005.
3. См.: Шорников П.М. Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. – Кишинев. 1994.

VI. КОНСПИРОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ДНЕСТРОВСКАЯ ВОЙНА В ИСТОРИОГРАФИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

1. A se vedea: Conflictul din Transnistria: adevărul așa cum a fost el. Materialele Conferinței științifico-practice «Interesele de stat și rolul organelor de interne în asigurarea ordinii constituționale, drepturilor și libertăților omului în raioanele de est ale Republicii Moldova». - Chișinău, 12-13 ianuarie 1993; Istoria Moldovei în date. Elaborată: Vasile Stati. – Chișinău. 1998; Stati V. Istoria Moldovei. – Chișinău. Vivar-Editor. 2002; Aspecte ale conflictului transnistrean./ Colectiv de autori. – Chișinau. Știința. 2001; Степанюк В. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. – Кишинев. 2006.
2. A se vedea: Istoria Republicii Moldova din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. Chișinău. 1997 (1998, 2004); Шорников П.М. Покушение на статус:

Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. – Кишинев. 1997; История и культура гагаузов/ Coord. St. Bulgar. – Chișinău. Pontos. 2006; Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). – Кишинев. 2006.

3. A se vedea: Bărsan V. Masacrul inocentilor. Războiul din Moldova, 1 martie – 29 iulie 1992. – București. Editura Fundației Culturale Române. 1993; Țurcanu I. Basarabia din nou în fața opțiunii istorice: impresii și mărturii privind mișcarea națională a românilor basarabeni la sfârșitul anilor 80– începutul anilor 90. Chișinău. Universitas. 1994; Moraru A. Istoria românilor – Basarabia și Transnistria. (1812-1993). Chișinău. 1995.; Chifu Iu. Război diplomatic în Basarabia. O istorie ultramodernă. – București. 1997; Gribincea M. Politica rusă a bazelor militare: Georgia și Moldova. – Chișinău. 1999; Cojocaru Gh.E. Separatismul în slujba imperiului. – Chișinău. Civitas. 2000; История Бессарабии (От истоков до 1998 года). Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Координатор: Иоан Скурту. – Кишинэу. 2001; Frunțașu Iu. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812-2002. – București/ Chișinău. Cartier. 2002; Istoria Românilor: curs universitar / Vasile Vasilos; Univ. Tehnica a Moldovei. – Chișinău. Civitas. 2003; Munteanu Anatol. Sacrificiu și trădare. Războiul de secesiune din Republica Moldova (1990-1992). – București. 2005.

4. A se vedea: King Ch. Moldovenii. România, Rusia și politica culturala. Chișinău. ARC. 2002; Nouzille J. Moldova. Istoria tragică a unei regiuni europene. – Chișinău. Prut Internațional. 2005.

5. См.: Крянгэ П. Я хочу рассказать...– Кишинэу. 1998; Руссу И.Г. Заметки о Смутном времени. – Кишинев. 1999; Моцпан Дм. Шипы и розы. – Кишинев. Princeps. 2005; Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. – Chișinău. Prut Internațional. 2005.

6. A se vedea: Bărsan V. Masacrul inocentilor. Războiul din Moldova, 1 martie – 29 iulie 1992. – București. Editura Fundației Culturale Române. 1993.

7. A se vedea: Cojocaru Gh.E. Separatismul în slujba imperiului. – Chișinău. Civitas. 2000.

8. A se vedea: Istoria Moldovei în date – Elaborată: Vasile Stati. – Chișinău. 1998.

9. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997 (1998, 2004); Шорников П.М. Покушение на статус: Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. – Кишинев. 1997;

10. A se vedea: Stati V. Istoria Moldovei. – Chișinău. 2002.

11. A se vedea: Моцпан Дм. Шипы и розы. – Кишинев. Princeps. 2005.

12. См.: Степанюк В. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. – Кишинев. 2006.

13. A se vedea: Istoria Republicii Moldova din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. – Chișinău. 1997 (reedizioni: 1998, 2004).

14. См.: Шорников П. Покушение на статус. – Кишинев. 1997.

15. История и культура гагаузов/ Coord. St. Bulgar. -Chișinău. Pontos. 2006.

16. См.: Руссу И.Г. Заметки о Смутном времени. – Кишинев. 1999

17. A se vedea: Charles King. Moldovenii. România, Rusia și politica culturala. P.192.

18. См.: Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). – Кишинев. 2006.

19. См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. – Кишинев. 1997. С.308.

20. A se vedea: Muntean A., Cibotaru N. Războiul de pe Nistru (1990-1992). -București. 2004.

21. См.: Ангели Ф. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989-2005 гг.). – Кишинев. 2006.

22. A se vedea: Chifu Iu. Război diplomatic în Basarabia. O istorie ultramodernă. - București. 1997.
23. Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. - Chișinău. 2005.
24. Ангели Ф. Указ. соч., С.132.
25. A se vedea: Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. - Chișinău. 2005.
26. A se vedea: Charles King. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. - Chișinău. ARC. 2002. P.196.
27. A se vedea: Istoria Republicii Moldova din cele mai vechi timpuri până în zilele noastre. - Chișinău. 1997 (Ed. a 2-a, 2004).
28. См.: Крянгэ П. Я хочу рассказать... - Кишинэу. 1998.
29. A se vedea: Munteanu Anatol. Sacrificiu și trădare. - București. 2005. P.209.
30. A se vedea: Stati V. Istoria Moldovei. - Chișinău. Vivar-Editir. 2002.
31. Charles King. Op. cit., P.197.
32. См.:История и культура гагаузов/ Coord. St. Bulgar. - Chișinău. Pontos. 2006.
33. A se vedea: Munteanu Anatol. Op. cit.
34. A se vedea: Istoria românilor: curs universitar./ Vasile Vasilos.- Chișinău. Civitas. 2002.
35. Poliția Republicii Moldova: evenimente și fapte. 1990-2000. - Chișinău. 2000.
36. A se vedea: Conflictul din Transnistria: adevărul așa cum a fost el. Chișinău, 12-13 ianuarie 1993.
37. См.:Стати В. История Молдовы. - Кишинев. 2003.
38. A se vedea: Munteanu Anatol. Sacrificiu și trădare. - București. 2005.
39. A se vedea: Conflictul din Transnistria: adevărul așa cum a fost el.
40. A se vedea: Istoria Republicii Moldova din cele mai vechi timpuri până în zilele noastre. - Chișinău. 1997 (Ed. A 2-a 2002); Grecu V. O viziune din focarul conflictului de la Dubăsari. - Chișinău. 2005.
41. A se vedea: Frunțașu Iu. O istorie etnopolitică a Basarabiei. 1812-2002. - București/ Chișinău. Cartier. 2002.
42. Gaiciuc V. Constituirea Armatei Naționale a Republicii Moldova. Autoreferat. - Chișinău. 2000.
43. Muntean A., Cibotaru N. Războiul de pe Nistru (1990-1992). - București. AGER-economistul. 2004.
44. См.:История Бессарабии (От истоков до 1998 года). - Кишинэу. 2001.
45. A se vedea: Aspecte ale conflictului transnistrean./ Colectiv de autori. - Chișinău. Știința. 2001.
46. Gribincea M. Politica rusă a bazelor militare. Georgia și Moldova. - Chișinău. 1999.
47. A se vedea: Charles King. Moldovenii. România, Rusia și politica culturală. P.195-197.
48. См.:История Бессарабии (От истоков до 1998 года). - Кишинэу. 2001
49. A se vedea: Aspecte ale conflictului transnistrean./ Colectiv de autori. Chisinau. Știința. 2001.
50. A se vedea: Nouzille J. Moldova. Istoria tragică a unei regiuni europene. - Chișinău. 2005.
51. A se vedea: Gribincea M. Politica rusă a bazelor militare: Georgia și Moldova. - Chișinău. 1999.
52. A se vedea: Chifu Iu. Razboi diplomatic in Basarabia. O istorie ultramoderna. - București. 1997.
53. См.: История Бессарабии (От истоков до 1998 года). - Кишинэу. 2001. С.345.
54. A se vedea: Frunțașu Iu. Op. cit. , P. 344.

ОБЪЯСНЕНИЯ БЕЗ ОПРАВДАНИЙ

1. См.: Mircea Snegur – Эдуард Волков. Откровенные диалоги (Краткая версия). Fundația “Draghiște”. – Chișinău. 2007. – 850 С.
2. Аргументы и факты. 1991. №21.
3. Snegur M. Labirintul destinului. Memorii. Vol. I. – Chișinău. 2007.
4. Dabija N. Rusoaicele // Literatura și arta. 1996. 24 octombrie; Rusoaicele-2. // Literatura și arta. 2004. 1 aprilie.
5. См.: Губогло М.Н. Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов. – М.: Наука. 2006.
6. См.: Губогло М.Н. Русский язык в этнополитической истории гагаузов. – М., ЦИМО. 2004.
7. Dialog. 1998. 24 ianuarie

Приложение *А КРИТИК – КТО?*

Читатель вправе задать такой вопрос.

Историография – особая историческая дисциплина. Для результативной работы в этой сфере требуются глубокое знание теории и методологии исторического исследования, широкий научный кругозор, наличие научного авторитета и, – следует признать, – гражданское мужество. П.М. Шорников – доктор истории, автор ряда монографических трудов, множества научных и газетных публикаций. Работал учителем, редактировал печатные органы, был научным сотрудником Института истории Академии наук МССР, проректором Молдавского филиала Современного Гуманитарного университета (с аккредитацией в Москве и Оксфорде), возглавлял Управление информации и мониторинга межэтнических отношений Департамента межэтнических отношений РМ. Преподает в высших учебных заведениях, выступает в периодической печати.

В 90-е гг. П.М. Шорников – лидер общественно-политического Движения за равноправие «Унитате-Единство». Как депутат молдавского парламента, он отстаивал официальный статус русского языка и право граждан на получение на нем образования и общественно-значимой информации, боролся против этнических чисток в государственной администрации, за восстановление гражданского согласия в Молдавии. Участвовал в разработке проектов ныне действующей Конституции РМ, законов «О гражданстве», «Об образовании», «О правах национальных меньшинств», «Концепции государственной национальной политики», добивался учреждения в РМ Департамента национальных отношений, Славянского университета и упразднения лингвистической полиции – Департамента языков, отмены аттестации на знание государственного языка.

Научные и публицистические работы П.М. Шорникова написаны с уважением ко всем национальным сообществам Молдавии. Он последовательно защищает национальное равноправие русских и украинцев, гагаузов, болгар, право молдаван на этнокультурную самобытность. Научную основательность исследователя по существу признают и его оппоненты. Они избегают привлекать к работам П.М. Шорникова общественное внимание и уклоняются от их предметного анализа. Их аргументами в научном споре являются угрозы и административный прессинг. Более десяти лет препятствуют они его возвращению на работу в Академию наук Молдовы.

Ниже приведены оценочные отзывы о научных работах П.М. Шорникова, данные и научными единомышленниками, и противниками, дополняющие уже данную картину борьбы направлений в современной молдавской историографии.

* * *

АЛЬТЕРНАТИВА ЛОЗУНГАМ

Т.П. Млечко, доктор педагогики, заведующая отделом истории, языка и культуры русского населения Молдовы Института национальных меньшинств АНМ:

[...] Об этом стоит упомянуть в год 50-летия Победы, переходя к другой книге, «Цена войны»*, автор которой доктор истории П. Шорников. Уникальные документы, таблицы, цифры, обстоятельно комментируемые факты свидетельствуют и обвиняют. Именно факты. Сам автор, депутат, политик, лидер Движения «Единство», нигде, тем не менее, не позволяет себе ни конъюнктурных политических, ни эмоциональных, ни субъективных оценок. Его книга, написанная в безупречно корректной форме научного исследования, доступна любому читателю, способна его взволновать и потрясти, так как цена войны для Молдовы была до содрогания велика.

Примечание. *См.: Шорников П.М. Цена войны. Кризис системы здравоохранения и демографические потери Молдавии в период Великой Отечественной войны. - Кишинев. 1994.

Кишиневские новости. 1995. 18 ноября.

Расцарапывание исторических ран не лечит, а скорее вызывает осложнения. [...]Сборище ущербных умов и душ, как пишет в нашей газете (2.07.98) госпожа Раиса Лозан, заслуженный работник образования Республики Молдова, взялось даже составить учебник «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», в котором вывернута наизнанку вся наша история. Нельзя отравлять умы детей, так называемый учебник должен быть немедленно запрещен, немедленно нужно «привлечь к ответственности», как требует г-жа Раиса Лозан, тех, кто «допустил появление «книги», по суду обязать их возратить 40 000 леев и возместить ущерб за моральную травму, нанесенную народу».

Luceafarul. 1998. 9 iulie. Перевод с молдавского.

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Н.Торня, журналист:

Как о правдивом документе эпохи, нашего непростого, беспокойного времени и как о серьезном научном исследовании говорили о книге «Покушение на статус»* ученые, дипломаты, педагоги, политики. Говорили искренне, взволнованно на ее презентации, состоявшейся во вторник в Академии наук.[...] Представлявший сборник первым и горячо приветствующий его председатель парламентской комиссии по науке, культуре, образованию и СМИ Валерий Сенник это подтвердил: «В книге – правда, изложенная активным участником событий, участником сопротивления произволу, несправедливости. Ученым, общественным деятелем, исследователем предстал автор перед нами».[...] На презентации присутствовал и министр культуры Молдовы Геннадий Чобану. Светло говорили об авторе. Шорников – человек долга.

*Примечание.** Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996. Кишинев. 1997.– 235 С.

Кишиневские новости. 1997. 13 июня.

ПОКУШЕНИЕ НА СТАТУС

Т.П. Млечко, доктор педагогики:

Недавно в Академии наук РМ прошла презентация новой книги П.М. Шорникова «Покушение на статус»[...] Петр Михайлович Шорников – доктор истории, опытный специалист-исследователь в своей области, кроме того – действующий политик, лидер Движения за равноправие «Унитате-Единство», и государственный деятель – депутат Парламента Республики Молдова с 1990 года, член его Постоянного Бюро. Сама книга – не классический образец монографического труда, а сборник материалов, научных статей, докладов, политической публицистики, написанных по ходу событий, в процессе их развития, по мере возникновения и решения тех или иных проблем. Оба эти обстоятельства – личность автора и содержание книги, – делают ее в чем-то очень похожей на историю болезни, оформленную не просто профессионалом, а одним из лечащих врачей, в полной мере осознающим свою ответственность за поставленный диагноз, за избранную тактику лечения, за каждый выписанный больному «рецепт».

Glasul Moldovei. 1997 22 iulii. Перевод с молдавского.

АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ РМ ТРЕБУЕТ ОТСТАВКИ МИНИСТРА ПОПОВИЧА

На расширенном заседании Руководящего комитета Ассоциации историков РМ 24 декабря обсуждено положение исторического образования в республике. Участники направили Меморандум Президенту Петру Лучинскому и Премьер-министру Иону Чубуку.[...]

«В условиях, когда педагогам месяцами не выплачивается заработная плата, а студентам – стипендии, когда в селах школьники учатся в холоде и темноте, большей частью лишенные учебников и других совершенно необходимых учебных материалов, руководство сочло возможным без одобрения экспертов профинансировать печатание настоящего политического памфлета, претенциозно озаглавленного «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», истратив на это сумму в 30 000 леев».

Руководящий комитет Ассоциации историков Республики Молдова квалифицировал эту издательскую продукцию, которую ответственные лица министерства назвали дидактическим материалом, как оскорбление в адрес автохтонного населения, попытку разжигания межэтнической вражды, попытку оправдать явление сепаратизма, с которым сталкивается Республика Молдова.

За блокирование реформ в сфере исторического образования и участие в сомнительных делах Руководящий комитет Ассоциации историков требует отставки Министра Образования, Молодежи и Спорта Якоба ПОПОВИЧА и заместителя министра Влада ЧИБУКЧИУ».

Faalia. 1998. 17 ianuarie. Перевод с молдавского.

«МЕМОРИЙ» Ассоциации историков Р.Молдова Президенту РМ Петру Лучинскому и премьер-министру РМ Иону Чубуку по поводу выхода в свет книги «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней»:

[...]Выход в свет в последние часы одной работы развеял всякое доверие к руководству Министерства Образования, Молодежи и Спорта относительно того, что касается проведения реформ в сфере нашего исторического образования. В ситуации, когда педагогическим кадрам месяцами не выплачивается заработная плата, а студентам – стипендии, когда сельские школьники занимают в холоде и темноте, будучи большей частью лишены учебников и других совершенно необходимых дидактических материалов, руководство министерства сочло возможным

профинансировать, – без одобрения Экспертной комиссии, – печатание настоящего политического памфлета, претенциозно озаглавленного «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (на русском языке), израсходовав сумму в 30 000 леев. Более того, некоторые лица из руководства министерства проявили такой восторг этой сомнительной издательской продукцией, что квалифицировали ее как «дидактический материал», очень желаемый неизвестно какими педагогическими кадрами.

Руководящий комитет Ассоциации историков РМ считает появление этого политического памфлета оскорблением автохтонного населения, попыткой разжигания межнациональной розни, попыткой оправдать «СНГ-овский феномен», с которым сталкивается наша республика. Политические привязанности руководства Министерства Образования, Молодежи и Спорта очевидны. Считаю, что вышеизложенные факты требуют Вашего срочного и энергичного вмешательства.

Одновременно Руководящий комитет Ассоциации историков РМ требует отставки министра Образования, Молодежи и Спорта г-на Якова Поповича и заместителя министра г-на Влада Чубукчу, как лиц, блокирующих реформы в школе, в том числе изучение – преподавание истории[...]

Mesagerul. 1998. 23 ianuarie. Перевод с молдавского.

Н. Андроник, депутат Парламента рм, вице-председатель снегуровской Партии возрождения и согласия:

– Господин председатель комиссии, есть и у меня вопрос, по существу – констатация, что те, кто допустил издание учебника истории Молдовы, написанного Шорниковым, останутся в истории, когда-нибудь история их укажет. Где гарантия, что эти деньги не попадут к кому-то вроде Шорникова, и в этих книгах будут опубликованы приказы тех же Лазаревых* и всех, об отправке в Сибирь местного населения, об уничтожении здешнего национального генофонда?

Скажите, пожалуйста, можем ли мы сегодня проголосовать, поскольку, после того как некоторые государственные функционеры запятнали себя изданием этого учебника Шорникова, я очень боюсь за что-то голосовать.

Примечание. * А.М. Лазарев – бывший секретарь ЦК КПМ, академик Академии наук Молдовы. В 1994-1995 гг. – депутат парламента (Фракция «Социалистическое Единство»).

Стенограмма заседания Парламента. 5 февраля 1998 г. Перевод с молдавского.

КОНФЕРЕНЦИЯ АССОЦИАЦИИ ИСТОРИКОВ

16 февраля представители Ассоциации историков Молдовы (АИМ) организовали пресс-конференцию, в ходе которой обратились к ряду проблем, отрицательно влияющих на процесс преподавания истории румын в школах и гимназиях. На конференции сообщили, что Министерство образования выделило в прошлом году 30 тысяч леев на издание учебника «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», написанного группой авторов из Ассоциации ученых, в числе которых и лидер парламентской группы «Социалистическое Единство» Петр Шорников. В короткий срок были отпечатаны и распределены по школам 1000 экземпляров на русском и 2000 экземпляров этого учебника на румынском языке. Организаторы конференции квалифицировали этот учебник как «политический памфлет, написанный в интерфронтальном духе».

Luceafarul. 1998. 19 februarie. Перевод с молдавского.

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПРОСПОНСИРОВАЛО
УЧЕБНИК ИСТОРИИ, НАПИСАННЫЙ В ИНТЕРФРОНТОВСКОМ ДУХЕ**

В понедельник 16 февраля представители Ассоциации историков Молдовы (АИМ) организовали пресс-конференцию, в ходе которой обратились к ряду проблем, негативно влияющих на преподавание истории румын в школах и гимназиях. В дебюте пресс-конференции председатель Ассоциации Анатол Петренку представил десять недавно изданных учебников и учебных пособий по истории. Он сообщил, что до издания рукописи этих книг были изучены комиссией экспертов соответствующего министерства. Эти книги распечатаны на деньги авторов, министерство отказалось выделить деньги на их мультипликацию, сказал он. В то же время Анатол Петренку подтвердил, что министерство выделило в прошлом году 30 тысяч леев на издание учебника «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», написанный группой авторов из Ассоциации ученых, среди которых и лидер парламентской группы «Социалистическое Единство» Петр Шорников. В короткий срок были отпечатаны и распределены по школам 1000 экземпляров этого учебника на русском и 2000 экземпляров на румынском языке. Председатель АИМ отметил, что в результате проведенных с данным министерством переговоров министр Якоб Попович вначале заявил, что заинтересован в урегулировании ситуации. Затем, однако, вопреки данным обещаниям, министерство одобрило распределение этих книг по школам и гимназиям, а заместитель министра Владимир Чибукчиу рекомендовал этот учебник учителям. Организаторы пресс-конференции выразили сожаление в связи с тем обстоятельством, что министерство не заняло адекватной позиции по отношению к этому случаю, по их мнению, «тяжелому». Они считают, что министр Попович и его заместитель Чибукчиу «должны быть привлечены к ответственности» за то, что профинансировали общественное объединение из бюджетных средств, или смещены со своих должностей. Организаторы пресс-конференции квалифицировали этот учебник как «политический памфлет», «написанный в интерфронтальном духе».

Mesagerul. 1998. 20 februarie. Перевод с молдавского.

**ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ИСТОРИЯ ПОСАДИЛА ВСЕХ НАС
В ОДНУ ТЕЛЕГУ: ДВИЖЕМСЯ? ОПРОКИДЫВАЕМСЯ?**

Юлиан Филипп, литератор, функционер примарии Кишинева:

[...] Петр Шорников обеспокоен тем, что мы возмемся у массивных замков, навешанных на подлинную историю, чтобы мы не сдвинулись с 1812 года, чтобы мы не упоминали больше о пакте Риббентропа-Молотова, о депортациях, о методичном «выпалывании» «думающих» бессарабцев и последующих сибирских «туристических» путешествиях; знаменитая его история о нас известна, его обида – также. И все же диалог не имеет альтернативы. Самым убедительным аргументом за то, что наша Дания не догнала Европу, был рабочий язык круглого стола в отношениях, которым вновь не был государственный язык Республики Молдова – я был единственным «государственным» выступающим.[...]

Litertura și arta. 1998. 20 august. Перевод с молдавского.

Г.Марку (псевдоним национал-радикального публициста):

Самым эффективным оружием в арсенале неокommунистов является румынофобия. Депутаты вроде Шорникова представляют интересы старых большевиков, питающих патологическую ненависть ко всему румынскому: языку, культуре, истории, краю (кроме хлеба и вина).[...] Как поступают шорниковы накануне парламентских выборов 1998 года? Ничего нового. Вчера Национальное радио довело до сведения общественности, что группа из 38 депутатов подготовила

законодательную инициативу о проведении 22 марта референдума по двум вопросам: согласны ли мы, местные, называть румынский язык «молдавским языком» и изменить наименование учебника «История румын» на «История Молдавии»? Они, русскоязычные, заботятся о нашем языке и истории. Хотят учить нас тому, кто мы, откуда приходим и как должны себя называть.

Luceafarul. 1997. 25 decembrie. Перевод с молдавского.

ИСТОРИЯ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭРЗАЦ

Ион Шишкану, доктор истории, ректор Кагульского университета:

Недавно вышла в свет написанная на русском языке по заказу Министерства Образования, Молодежи и Спорта* авторами В.Андруцаком, П.Бойко, П.Бырней, И.Жаркуцким, В.Платоном, Н. Руссевым, А.Скворцовой, К.Стратиевским, Н.Тельновым, Н.Чаплыгиной, П.Шорниковым и В.Царановым (координатор) «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней»**[...] Не будем останавливаться на периоде 1944-1989 гг., добросовестно переписанном из работ «классиков» молдавской советской историографии. Отметим, однако, потрясающую рекламу приднестровского сепаратизма в главе «Распад СССР. Провозглашение независимости Молдовы». Смысл главы очень ясен: в Кишиневе действуют «унионисты – враги молдавского народа», настоящие молдаване – в Тирасполе, в «ПМР», под мудрым руководством Игоря Смирнова. Обращаясь к забастовкам в городах на Левобережье Днестра*** против государственного языка и латинской графики, авторы заключают, что «Республиканская политическая стачка положила начало новому рабочему движению в Молдове». И оригинальному, добавим мы, учитывая «интернационалистские» цели забастовщиков. [...]

Фактически «История Республики Молдова» не является историей этой земли. Написанная заложниками имперского мышления, она есть [...] исключительно история российской, затем советской территории, которая только вследствие исторического несчастного случая, о котором авторы сожалеют, стала независимым государством. Если это была цель впечатляющего коллектива авторов – признаем, что она достигнута вполне.

Примечания: * Написание книги было предпринято историками по собственной инициативе; ** См.: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. -Кишинев. 1997. В 1998 г. отпечатан дополнительный тираж книги; 2002 г. книга выпущена дополненным изданием; ***Забастовка проходила на всей территории Молдавии.

Arca Politicii. 1998. N4 (16). P.19. Перевод с молдавского.

Илья Марьяш, журналист:

Впервые после выборов вышло «Единство». Движение за равноправие умеет держать удар и продолжит борьбу. Газета начала публикацию опальной книги «История Республики Молдова (с древнейших времен до наших дней)».

Коммерсант Молдовы. 1998. 24 апреля.

О МОЛДОВЕ – С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Иван Грек, доктор истории, депутат парламента РМ (2001-2005 гг.):

Ассоциация ученых Республики Молдова им. Н. Милеску-Спэтару подготовила и издала в 1997 году «Историю Республики Молдова с древнейших времен до наших дней». Книга еще не получила публично научную оценку, но уже систематически подвергается яростным атакам со стороны определенных кругов внутри страны и за ее пределами.[...]

Авторский коллектив книги – известные у нас и за рубежом ученые – историки и археологи: члены-корреспонденты АН РМ К.В.Стратиевский и В.И.Царанов, доктор хабилитат истории П.П. Бырня, доктора истории В.Е. Андрушак, П.А. Бойко, И.И. Жаркуцкий, В.П. Платон, Н.Д. Руссев, А.Ю. Скворцова, Н.П. Тельнов, Н.А. Чаплыгина, П.М. Шорников. Все они люди разных национальностей и разных политических взглядов или стоящие вне политики. Их объединило желание высказать свой взгляд на многовековую историю земель Пруто-Днестровского междуречья и Левобережья, получивших в конце второго тысячелетия от Рождества Христова государственную самостоятельность и независимость. Они попытались ответить на молчаливо недоуменный вопрос граждан страны: в конце концов, кто мы такие и что мы такое? Устойчивая и перспективная полиэтническая общность с глубокими древними корнями или мимолетный исторический метеорит небольших размеров, обреченный на гибель вследствие мощных геополитических притяжений?

Не вызывает сомнений высокий профессионализм коллектива в целом и каждого члена в частности, помноженный на научную объективность и четкую гражданскую позицию ученых – государственников Молдовы. Они имеют право на свою точку зрения, ее обнародование и отстаивание. Они владеют материалом и аргументированно его подают.[...] Наконец-то нам после 1989 года в рамках определенной научной концепции предложили книгу, в которой заинтересованно говорится об истории Молдовы, истории молдавского народа и его культуры, истории нового независимого государства в Пруто-Днестровском междуречье и Приднестровье.[...]

Независимая Молдова. 1998. 6 мая.

ВАЛИДОЛ – ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ!

Н.Дабижа, депутат Парламента, редактор газеты «Литература ши арта»:

Должна быть спасена школа. Дезагrarianована. Поскольку она идеологизировала школьные учебники (смотри, по меньшей мере, «Историю Республики Молдова с древнейших времен до наших дней», написанную П.Шорниковым, П.Бырней и т.п., в которой молдаване объявлены пришельцами в этих местах, И.Илашку – бандитом, а И.Смирнов – героем молдавского народа), издевалась над педагогическими кадрами, вынуждая их покидать школы, превращаясь в скотников всей Европы в поисках лучшего куска хлеба...

Literatura și arta. 1998. 28 mai.

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИВЛЕЧЕНЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сава Мелега, доктор истории, национал-радикальный публицист:

Читая статью г-на Николае Дабижи «Прошлое как настоящее» (См. «Литература ши арта» от 25 июня с.г.), еще раз убеждаешься, что, будучи заняты повседневными мелкими делами, мы забываем о фундаментальных проблемах нашего национального существования в историческом контексте народов, предоставляя сброду ворошить наше прошлое, настоящее и будущее.[...]

Обращение известного писателя и патриота к изданию так называемой «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» так называемых ученых В.Андрушака, П.Бырни, П.Бойко, Н.Чаплыгиной, И.Жаркуцкого, В.Платона, Н.Руссева, А.Скворцовой, К.Стратиевского, П.Шорникова, Н.Тельнова и В.Царанова является лишним подтверждением этой истины. Описание путей проникновения этих индивидов в научные учреждения и приобретения ими ученых степеней было бы ничем не оправданной потерей времени.[...] Содержание этой книги нельзя квалифицировать иначе как политическое хулиганство под маркой учебника истории.

Приведем несколько примеров из бреда, написанного в главе XVII, напечатанной в «Литература ши арта». «Отказ от культурного суверенитета развязал румынистам руки. Под лозунгом «Один язык – один народ» они открыто выступили с призывом отказаться от молдавской национальной идентичности».

Выходит, за 106 лет русской оккупации и 45 лет оккупации советской возникла новая нация. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, с которыми эти провокаторы спят под подушкой, больше не в счет. Не говоря уже о митрополите Варлааме или Василе Лупу. Пришел Петр Шорников из Пересечины и все решилось – в духе покойного Советского Союза.[...]

Рассматриваемая публикация содержит достаточно материала для их привлечения к уголовной ответственности. Ни в коем случае не могут они считаться представителями науки.

Luceafarul. 1998. 7 iulie. Перевод с молдавского.

ДИАЛОГ МЕЖДУ ТЕМИ, КТО С-ЛЫ-ШИТ

Юлиан Филип, национал-радикальный литератор:

Государственный смысл существования Департамента указывает на европейские качества диалога (в очень чувствительной сфере: межэтнические отношения и функционирование языков). Если же это учреждение останется де-факто владением социалистов, где соавтор знаменитой «Истории Республики Молдова» П.Шорников еще более знаменит своим одноцветным отношением ко всему, что принадлежит нашему роду, Департамент станет гнездом напряженности в отношениях.

В этом контексте я сторонник призыва представителя болгарской общины Ивана Забунова оградить Департамент от политических спектаклей. Диалог может быть эффективным только между знающими и слышащими. Здесь недоумение и недовольство ученой Татьяны Млечко огорчают меня иначе, чем социализм, и не только из-за наших особых личных отношений...

Litertura și arta. 1998. 13 august. Перевод с молдавского.

ШАПКА: «ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРИМИТИВНЫМ МОЛДАВИЗМОМ» БУДЕМ СЕРЬЕЗНЫ, ТОВАРИЩИ «УЧЕНЫЕ»!

Фока Обадэ:

Вы [член-корреспондент АНМ, профессор В.И. Царанов] утверждаете, что во всем мире к созданию учебников «привлекаются виднейшие ученые страны». Так ли это в случае с коллективом авторов, которые под Вашим высоким патронажем выпустили учебник «История Республики Молдова» 1997 года издания? Являются ли столь видными «специалистами в истории» В.Е. Андрущак, П.П. Бырня, П.А. Бойко, Н.А. Чаплыгина, И.И. Жаркуцкий, В.П. Платон, П.М. Шорников, Н.П. Тельнов или К.В. Стратиевский, которому потребовалось 19 лет для защиты посредственной кандидатской диссертации?[...] Самые бесстыдные и дерзкие извращения находим в последней главе учебника: «Распад СССР. Провозглашение независимости Молдовы».[...] В искаженной концепции авторов учебника единственными демократическими и патриотическими силами были в тот период Интернациональное движение Молдовы «Унитате-Единство», «Гагауз халкы» и советы трудовых коллективов, а действительно патриотические объединения и организации – Кругок им. А.Матеевича, Народный фронт, Общества «Язык наш румынский», «Про Басарабия ши Буковина» и т.п. – квалифицируются как националистические и антинародные.[...] Вот какими историческими знаниями хотят забить ум и голову нашим учащимся авторы антинаучных и антинациональных учебников. Мне не остается иного, как сказать четко этим «доброжелателям»: «Но пассаран!»

Literatura și arta. 2001. 16 august. Перевод с молдавского.

ИСТОРИЯ НАЦИИ – ПРЕДМЕТ ДЛЯ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ?

Е.Пэдуре, пенсионерка, с. Яловены (вероятно, псевдоним журналиста):

Есть у меня надежда, что доживу до дня, когда ложь и фальсификации, собранные в этой «истории», будут публично сожжены на костре на Площади Великого Национального Собрания, а их авторы поставлены у позорного столба, поскольку это позор для человечества – называть вас людьми. Л.Чолаку, В.Гинжу, Е.Чолаку, Л.Лушаку, И.Кукоарэ, В.Чиримпей – всего 27 подписей, люди культуры, преподавательские кадры, учащиеся и др.: Где же ты, Цепеш, господин наш, чтобы увидеть, какого рода историю нам пишут пришельцы начиная 1812 года – шовинистические экстремисты, пристроившиеся при Академии наук Республики Молдова. Быть может, только Твое Величество посадило бы их на кол, поскольку нынешние правители одобряют все. Потому что это им подходит. Потому что они хотят этого. Нам нужна история румынского рода, поскольку оттуда приходим! – а не история «старших братьев» – захватчиков земель: нам необходимо объединение, потому что в единстве сила; объединение рода, объединение со Страной. Мы настойчиво требуем лишения всех научных степеней и изгнания из Академии следующих фальсификаторов истории: В.Царанова, В.Андрушака, Н.Чаплыгиной, И.Жаркуцкого, А.Скворцовой, К.Стратиевского, П.Шорникова, Н.Тельнова и др. Эти товарищи, очевидно, понятия не имеют об истоках племени, от которого мы приходим. Поэтому они не должны оставаться среди нас и, к тому же, стряпать для нас фальшивую, шовинистическую историю. Мы от Рима ведем свой род – и баста! Стало быть, мы – румыны! Требуем нашу подлинную историю, автохтонную.

Literatura și arta. 2001. 16 august. Перевод с молдавского.

В ЗАЩИТУ ПОСЛЕДНИХ МОЛДАВАН НА ПЛАНЕТЕ

Аркадий Дзюбинский, почетный председатель Патриотического движения «Про Молдова»:

Собрать бы, используя рычаги власти, как это делали ваши оппоненты, в этот день на Площади Победы Великое национальное вече (не менее 50 тыс. человек) и отпраздновать день родного языка молдаван, русских, украинцев, гагаузов, болгар и др. национальностей по «нашенскому» сценарию, к составлению которого было бы весьма полезно привлечь, например, и таких ученых, преданных идеалам молдавской государственности, как В.Б. Сеник, В.Н. Стати, П.М. Шорников, почему-то оставшихся невостребованными у нас, а ведь опыт, эрудиция и ценностная ориентация таких борцов как бы пригодились сейчас для повышения КПД борьбы за программные цели новой властной команды...

Коммерсант Молдовы. 2001. 7 сентября

РУБРИКА: РУСИФИКАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ДМО* ПОСТАВИЛ КРЕСТ НА РУМУНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Кожокару:

Татьяна Стоянова, бывший генеральный директор прежней структуры, была заменена Татьяной Млечко (член Академии наук**, автор книги «Быть или не быть русскому языку?»).[...] В ряды администрации ДМО попал и Петр Шорников, лидер бывшего левоэкстремистского движения «Интерфронт», ныне начальник Управления информации и мониторинга.[...] ДМО провел серию опросов совершенно антинационального содержания, как, например: «Русский язык в Р.Молдова», «Язык в молодежной среде», «Русскоязычная школа в Р.Молдова», «Собрание русской общины Р.Молдова». Во всех опросных листах русский язык – это «русский язык», а

румынский язык – это «государственный язык» (!).*** Все, что нам вместе с Татьяной Стояновой удалось сделать за три года, обращено в прах.

Примечания. * ДМО-Департамент межэтнических отношений; ** В 90-е гг. Т.П. Млечко заведовала в Институте межэтнических исследований АНМ отделом истории и культуры русского населения Молдовы. *** В опросных листах государственный язык РМ именовался молдавским.

Timpul. 2001. 21 decembrie

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Редакционное Предисловие к публикации:

Недавно под эгидой Ассоциации ученых имени Н.Милеску-Спэтару вышло в свет второе, переработанное и дополненное издание «Истории Республики Молдова с древнейших времен до наших дней». Уже само название новой книги говорит о временном диапазоне, ставшем предметом внимания коллектива ее авторов. А коллектив состоит из ученых, большинство из которых хорошо известно читателю «Мысли» также по журнальным публикациям: доктор истории В.Е. Андрушак, доктор истории П.А. Бойко, доктор хабилитат истории П.П. Бырня, доктор истории В.П. Платон, доктор истории И.И. Жаркуцкий, доктор хабилитат истории Н.Д. Руссев, доктор истории А.Ю. Скворцова, член-корреспондент АНМ К.В. Стратиевский, доктор истории Н.И. Тельнов, член-корреспондент АНМ В.И. Царанов, доктор истории Н.А. Чаплыгина, доктор истории П.М. Шорников.

Мысль. 2003. N1(19). С.58

ИСТОРИЮ НЕ ИЗМЕНИШЬ

Елена Семенова

В понедельник, 17 февраля, на пресс-конференции Ассоциация историков Молдовы (АИМ) высказалась против введения в школах республики предмета «История. Полный курс». Председатель данного общества Анатоли Петренку заявил о том, что хотя никаких документов о новом предмете не обнародовано, министерство просвещения уже располагает «концепцией полного курса истории». По его словам, Координационный совет этнокультурных организаций при департаменте межнациональных отношений по просьбе правительства обсудил проект концепции. Петренку утверждает, что новый предмет преследует цель заменить изучаемую сегодня "Историю румын", и представляет собой сочетание различных историй: румын, Молдовы и всемирной истории.

«Нынешнее руководство пытается перечеркнуть нашу национальную идентичность, положить конец движению национального возрождения, начатого в 1988-1989 гг.», - считают лидеры АИМ. Они заявили, что Молдове не нужен полный курс истории, поскольку она «является национальным, а не многонациональным государством, как это стараются доказать власти». Видимо, статистика представителей молдавской интеллигенции не интересует. А она безжалостно опровергает высказывание о том, что наша страна не многонациональна. Куда же подевались украинцы, русские, болгары - не понятно.

ЛУЧШИЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ - НАПАДЕНИЕ

Руководство АИМ предупредило, что если коммунисты настоят на введении предмета «История. Полный курс», члены Ассоциации прибегнут к уличным манифестациям протеста.

Напомним, что не так давно около 100 представителей прорумынской интеллигенции провели митинг протеста против намерения коммунистического правления «пересмотреть язык, историю, культуру». Митинг прошел перед центральным корпусом Государственного университета Молдовы. Манифестанты несли национальные флаги и плакаты с надписями «Наша история – это история румын!» Через час митингующие направились по улице Бэнулеску Бодони к бюсту Михая Эминеску на Аллее классиков в городском парке. У бюста поэта они возложили цветы, исполнили национальный гимн румын «Воспрянь, румын» и другие патриотические песни, прочитали стихи классика.

Поводом для этой немногочисленной акции протеста стало распоряжение президента Воронина о разработке учебника «История Молдовы» взамен учебника «История румын», по которому преподается в настоящий момент в школах. Тогда вице-председатель Парламента коммунист Вадим Мишин сообщил, что по указанию Президента Владимира Воронина, группа ученых, возглавляемая академиком Владимиром Царановым, разрабатывает учебник «История Молдовы». «Настало время изучить историю нашего государства, края, в котором живем», - сказал Мишин.

МОЛДОВА И РУМЫНИЯ – НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Разработка учебника была возложена на группу историков во главе с Владимиром Царановым. Академик Царанов известен как один из проводников теории "молдовенизма". Согласно данной теории, румынский язык и "молдавский" язык - два разных языка, а молдаване и румыны - два разных народа. Сторонники теории "молдовенизма" утверждают, что у молдаван есть и "славянские корни", а "молдавский" язык - это синкретизм латинского и славянского языков. Эту теорию решительно опровергли видные ученые Республики Молдова и всего мира. Но 1994 году, когда была принята Конституция, парламентское большинство отдало предпочтение данной концепции, провозгласив государственным языком Республики Молдова молдавский язык.

Однако в пользу этой теории – история. Действительно, молдавская письменность и литература развивались на кириллическом алфавите. Латиница появилась только в 19 веке. Соответственно молдо-влашские церковные и государственные деятели на протяжении многих веков принимали активное участие в русском культурном и государственном строительстве – достаточно привести имена митрополита Петра Могилы, Дмитрия Кантемира, деятелей движения православного возрождения круга преподобного Паисия Величковского и др. Если создание нового учебника является историческим обоснованием разворота Молдавии к этому историческому выбору, то его издание является реальным шагом президента Воронина в сторону России. Если это и так, то что плохого видит в этом молдавская интеллигенция?

Но, по их мнению, несмотря на то что Молдова – вовсе не Румыния и даже не часть ее. Молдова – суверенное независимое государство, одним из соседей которого является Румыния, в школах одного суверенного государства должна изучаться история другого, соседнего, а не собственная. А почему не украинская история и ридна мова этой страны? Ведь Украина тоже «соседка» Молдовы.

Но когда у государства нет истории, или ее меняют на историю другого государства, – это печально.

19.02.2003 *PRESS-обозрение.Интернет-газета* © 2000-2007
<http://press.try.md/view.php?id=25507&iddb=Inter>

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ

Валерий Косарев:

Свершилось: Василе Стати своим трудом убедительно опроверг утверждение, будто невозможны молдо-румынский или румынско-молдавский переводы и соответствующие словари. А Петр Шорников, этот наиболее эрудированный молдавский историк с отменным публицистическим пером, авторитетно озвучил и то, что тщательно скрывалось или постоянно саркастически осмеивалось: такое не только возможно и необходимо, но и не раз планировалось, причем вне всякой зависимости от так называемого «сталинского концепта о существовании молдавской нации и молдавского языка», который, сами и выдумав, клеймили румынизаторы. [...] П.Шорников, отмечая достоинства «Молдавско-румынского словаря», а также его недостатки (в частности, излишне сильное сходство с толковым словарем), упомянул и проблему языкового одеяния. Убежден, что давно пора открыто сказать: молдавский язык на основе латинской графики – это исторический нонсенс, более того, это, вне зависимости от качества словарного состава и разного рода лингвистических форм, – румынский язык, в лучшем случае – всецело подчиненный ему местечковый диалект.

Коммерсант plus. 2003. 26 сентября

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, РАЗРАБОТАННАЯ ИНТЕРФРОНТОМ

Анета Гросу:

С тех пор как коммунистическое правление посадило своего человека в кресло генерального директора Департамента Межэтнических отношений (ДМО), здесь случаются дела, по меньшей мере, странные. Одно недавнее событие, вызвавшее новый раздор в обществе, – это разработка ДМО в сотрудничестве с коммунистическим депутатом Михаилом Сидоровым, бывшим служащим сепаратистской администрации Тирасполя*, и социалистическим экс-депутатом, лидером Интерфронта Петром Шорниковым проекта Концепции государственной национальной политики. Хотя проект был сурово раскритикован и отвергнут признанными учеными, профессорами, другими представителями интеллигенции, авторы проекта не сомневаются, что разработали важный и полезный документ, который в текущем октябре будет проголосован Парламентом. [...] Внеся свой вклад в разработку названного проекта, Петр Шорников ушел в отпуск по болезни*, по каковой причине мы его не смогли найти. [...] Будучи по совместительству занят на работе в нескольких учебных заведениях в Кишиневе и Тирасполе, Петр Шорников уделяет слишком мало времени своей деятельности в ДМО.

Примечание: *Утверждение не соответствует действительности.

Accente. 2003. 2 octombrie. Перевод с молдавского.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РМ

Влад Мадан (псевдоним?):

[...] Откровенно шокирующий характер имеет приведенное в разделе первом Концепции (перечисление направлений государственной национальной политики-Ред.) упоминание о необходимости «правовой (!) и политической нейтрализации ... попыток демолдовенизации, отрицания существования молдавской нации и молдавской государственности». Против чего нацелена данная инвектива, вполне понятно – отчаянная борьба коммунистов и [их] разношерстных «попутчиков» типа

П.Шорникова и В.Стати с «румынизмом» хорошо известна. Термин «политическая нейтрализация» также не вызывает вопросов – под таковой, по всей видимости, имеются в виду низкопробные опусы соответствующего содержания в «Коммунисте» и активно стимулировавшаяся воронинским руководством сразу же после прихода к власти в 2001 г. порча отношений с Румынией. Определение «правовая нейтрализация», очевидно, может означать наличие санкционированных действующей властью непосредственных репрессивных мер в отношении той части коренного населения, которая идентифицирует себя как «румыны» и открыто заявляет об этом. Оставляя в стороне откровенно антидемократический характер и направленность цитируемого пассажа, отметим очередное логическое противоречие, в которое при этом попадают авторы Концепции – выше в тексте румыны признаются одним из реальных этнических компонентов Молдовы, не вызывает сомнений, что абсолютное большинство из тех 8-10 %% (даже в соответствии с самой же ПКРМовской статистикой) населения, которые определяют себя в качестве румын, в советское время в паспортах имели в графе о национальности отметку «молдаванин». Следуя логике Концепции, необходимо с одной стороны признавать закономерность и конструктивность существования в РМ данной этнической группы, при этом подвергая ее представителей «нейтрализации» за «отрицание молдавской нации и государственности».

Подобная, вполне вытекающая из положений Концепции постановка вопроса, полностью несовместима с содержащимися в этом документе утверждениями о «недопустимости ассимиляции» каких-либо этнолингвистических групп. Принятие же модели, при которой ассимиляция признается недопустимой по отношению ко всем, исключая признающих свой румынский статус жителей, превращает Концепцию из декларирующего демократические принципы документа в подобие Нюрнбергских законов нацистской Германии. В то же время отмеченный опыт даже более «демократичной» «политической нейтрализации румынизма» в духе В.Стати заведомо подпадает под постулируемое в Концепции утверждение о необходимости «привлечения к ответственности за разжигание межнациональной розни» (раздел четвертый, «Задачи государственной национальной политики») – если последовательно проводить это положение, к ответственности в первую очередь должны быть привлечены главные «нейтрализаторы» – редакция «Коммуниста» должна предстать перед судом в полном составе, а названные П.Шорников и В.Стати «тянут» по меньшей мере на 15 – 20 лет лишения свободы (если такие санкции предусмотрены соответствующими статьями УК РМ).[...]

Интернет. Перевод с молдавского.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ТРЕБУЕТ ОЦЕНКИ ДНЕСТРОВСКОЙ ВОЙНЫ

Историко-политическая оценка воздействия Войны 1991-1992 на дальнейшую историю РМ и процесс европейской интеграции будет сформулирована в контексте научно-практической Конференции «Днестровская война: причины и следствия». Она состоится в Кишиневе 20 февраля по случаю 15-летия развязывания вооруженного конфликта в марте 1992 года. Полковник запаса Андрей Ковриг полагает, что «этот вопрос не может быть оставлен на усмотрение «специалистов» вроде Шорникова, Стати или Назарии».

Timput. 2007. 19 februarie. Перевод с молдавского.

III СЪЕЗД ИСТОРИКОВ МОЛДОВЫ, КИШИНЕВ, 5 НОЯБРЯ 2005: «О СОСТОЯНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА»

Анатол Петренку, председатель Ассоциации историков Молдовы:

[...] И еще кое-что. Как будто мало существования [в Кишиневе] Славянского университета с преподаванием только на русском языке, Высшей антропологической школы с преподаванием только на русском языке и периодических изданий на том же языке, появляется еще и общественная организация «Русь» («Россия»), издающая журнал «Русин» с периодичностью четыре раза в год. В первом номере упомянутого журнала историк-интерфронтист Петр Шорников подписывает статью* с претензиями на стратегию русских историков Р.Молдовы, материал, в котором пытается показать, что территория между Прутом и Днестром якобы была населена прадедами русских *руси́нами* (рутены) или *русна́ками* до образования Молдавского княжества, что Стефан Великий разговаривал на русском языке, что в 1919 году русские в Хотине восстали против того, что он именует румынской оккупацией и что история Молдавии никогда не будет полной и достоверной, если не будет учитываться русский состав [населения] Молдавского государства. Что означает, что если даже П.Шорникову и тем, кто заказывает такого рода провокационные материалы, не удастся «показать» русский характер Молдавии, они, по меньшей мере, создадут впечатление, что Молдавское государство было полиэтническим.

Примечание. См.: Шорников П.М. Русские люди Молдавского княжества // Русин [Кишинев]. Международный исторический журнал. 2005. №1(1). С.9-40.*

Центр Мониторинга и Стратегического Анализа Интернет. Ноябрь 7 2005 - 18:49. Перевод с молдавского.

П. ШОРНИКОВ ОБОШЕЛ ГЛАВНЫЙ ВОПРОС, А ИМЕННО: ЗАЧЕМ НУЖНА АДАПТАЦИЯ?

Н.Кожокару, доктор философии:

В газете «Русское Слово» - №. 8 (100), апрель месяц с.г., с. 5 – П. Шорников подверг критике мою книгу *Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде*. Издательство „Tehnica-Info”, Кишинэу-2004.

[...] «Критика» особенно взбесило то, что в книге показано, как можно обеспечить, чтобы румынский язык стал – на деле – языком общения между автохтонными жителями республики и теми, кто принадлежит к этническим группам*. И он в целом хорошо довёл до читателя газеты основные моменты этой концепции. Правда, от беспомощности противопоставить ей что-либо путное, **провокационно** называет её «инструкцией по нетерпимости». [...]

Особое внимание книга уделяет необходимости преодоления **психологии неадаптации**, которая автору статьи присуща в высшей степени. Она выражается, в частности, в стремлении все диктовать автохтонным жителям: и как им следует самоидентифицироваться, и как они должны называть свой язык, и т. д. Утверждение же книги, что не гоже неавтохтонным жителям вмешиваться в решение такого рода споров, А. с. бесстыдно называет ... *запретом на участие в политической жизни*.

Наш «критик» выдаёт себя за горячего «защитника» молдован и всего молдавского. Но уточним: **лишь молдован кротких, смущающихся говорить на своём языке, из боязни напороться на «освободителя» или его отпрысков, которые этот язык не поймут; молдован, дающих, таким как он, противопоставлять их всему румынскому и которых он хочет видеть и далее у**

ног той страны, за чьи интересы изо всех сил он здесь ратует. А. с. тится прятать от них ту истину, что ненавидящий всё румынское неизбежно является и ненавидящим всё молдавское, ибо всякое молдавское является одновременно **И** румынским. Можно спорить на что угодно, что *его реакция на эту книгу не была бы по существу иной, если бы даже представить на миг невозможное, а именно, что в ней слова **румын** и **румынский** вообще отсутствуют*.

Для него главное в том, чтобы обеспечить господство России здесь. Не случайно он скорбит по временам Кантемира, когда в далёкой стране только составлялись инструкции, как подчинить другие страны и народы, а её армия вступила в Молдову.

*Примечание.** Здесь и далее подчеркнуто либо выделено курсивом автором.

Русское слово. 2005. № 13(105). Июль

МОЛДАВСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ

Иван Грек, доктор истории, депутат парламента РМ (2001-2005 гг.):

[...] Книга, о которой пойдет речь*, не оставит равнодушным никого из тех, кто прочтет, независимо от его политических взглядов и геополитической ориентации. При этом каждый найдет в ней и то, что не воспримет, и то, чего не может отрицать – как исторический факт или историографическую истину. И это потому, что молдавская самобытность как историческое, этническое, этнополитическое и этнокультурное явление находится на самом острие внутривнутриполитических и даже геополитических проектов.

Автор – известный в Молдове ученый-историк, политолог и политик. Почти два десятилетия он защищал суверенность Молдавского государства на митингах его сторонников, в стенах парламента – как один из руководителей бывшей фракции «Социалистическое единство», общественно-политического движения «Унитате-Единство», Социалистической партии Молдовы. За это же время он глубоко изучил историю и культуру молдавского этноса и на высоком профессиональном уровне знакомил заинтересованного читателя с его самобытностью, опубликовав не один десяток научных и научно-популярных статей на эту тему в различных сборниках, научных и политических журналах, особенно в журнале «Мысль», на страницах газет. Но монографический труд П.М. Шорникова – это не сборник ранее опубликованного им по теме, а новое, цельное и всеохватное осмысление прежде обнародованного. [...]

Да, книга носит острополитический характер и недвусмысленную геополитическую нацеленность, исторически обоснованную и аргументированную. Да, она далеко не всеми будет воспринята с восторгом, и кое у кого возникнет огромное желание не заметить книгу, не допустить ее до массового читателя. Но разве это свидетельство того, что эти люди относятся к категории демократически мыслящих? Живущих в плюралистическом обществе и разделяющих его ценности? Допускающих проявление мнения, отличного от их собственного? Готовых учитывать это мнение, разделяемое большинством этнических молдаван и немолдаван страны, в своей политической деятельности и профессиональной работе? Понимая, чем вызвано замалчивание и сопротивление книге, задаешь себе еще один вопрос: возможен ли консенсус – политический, этнокультурный, гражданский – в полиэтническом народе Молдовы на основе изъятия из него важнейшего компонента молдавской государственности – идентичности молдавского этноса?

Рецензент не ставит перед собой задачу изложить содержание книги. Если в самом общем виде, то это содержание очень емко сформулировано самим автором в аннотации: «В книге рассмотрены условия формирования, структура и содержание молдавской национальной идентичности и геополитической ориентации молдавского народа, эволюция молдавской государственной идеи, борьба молдаван за

осуществление своего национального проекта, истоки современного кризиса национальной идентичности». [...]

Книга П.М. Шорникова – одно из лучших изданий последнего времени, освещающее историю молдавской идентичности и молдавской государственности. [...]

Примечание. * См.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь. 2007. Мысль. 2007. №2(36)

ОТКУДА ДУЮТ ВЕТРЫ?

ИЛИ ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ КНИГИ ПЕТРА ШОРНИКОВА.

Ольга Панова, журналист:

Все 17 лет существования ПМР кишиневские политики полемизируют о том, где искать как идеологов создания республики на Днестре, так и корни «приднестровской проблемы». Это по сей день вопрос многовекторный. Географический вектор влияния, вопреки утверждениям с правого берега [Днестра], следует переместить совсем в другую сторону. И это совершенно точно доказал в своей монографии «Молдавская самобытность» авторитетный приднестровский и молдавский историк, доцент кафедры отечественной истории института истории, государства и права ПГУ, кандидат исторических наук П.М. Шорников.

[...] Вывод напрашивается сам собой: не тайные силы из Москвы руками директорского корпуса привели к расколу Молдавии и образованию ПМР, а деструктивная политика кишиневских лидеров, направленная на отказ от собственной истории, собственного языка, самобытной культуры, национальной идентичности собственного народа. Думаю, не ошибусь, если скажу, что главная ценность монографии П.М.Шорникова даже не во всеобъемлющем исследовании молдавской самобытности. В научный оборот введен огромный массив исторических источников [...]. Несмотря на строгую научность издания, книга читается с неослабевающим интересом. Логика доказательств подкрепляется ссылками на обширную библиографию и примечания, приведенные в конце работы. Заслуживает глубочайшего уважения научная и полиграфическая выверенность монографии, выпущенной издательством Приднестровского университета в рамках совместного проекта НИЛ «История Приднестровья» и союза молдаван Приднестровья.

В Предисловии, написанном В.А. Тулгарой*, говорится, что книга «послужит просвещению не одного поколения молдаван». Думаю, что не только молдаван.

Примечание. * В.А. Тулгара – председатель Союза молдаван Приднестровья, депутат Верховного Совета ПМР.

Приднестровье. 2007. 5 июля.

МОЛДАВАНЕ И МОЛДАВИЗМ

М.Н. Губогло*

В Москве издан третий том сборника «Курсом развивающейся Молдовы»**. В нем увидели свет материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», проведенного 20-21 апреля 2007 г. в Комрате**. В их числе – размышления М.Н. Губогло, почетного действительного члена Академии наук Молдовы, одного из виднейших этнологов России, в связи с выходом в свет книги П.М. Шорникова «Молдавская самобытность». Публикуем сокращенный вариант научной статьи.

В 2007 г. увидели свет две книги большой общественной значимости: соответственно, в Москве – «Национализм в мировой истории» – коллективное произведение, и в Тирасполе – индивидуальная монография «Молдавская

самобытность». В первой из них впервые произведен систематический анализ национализма (точнее – национализмов) и представлен обстоятельный обзор различных концепций и подходов к изучению национализма на примерах Британской и Российской Империй, Венгрии, Индии, Ирландии, Испании, некоторых Среднеазиатских государств, Югославии, Японии, во второй – дано панорамное (в хронологическом масштабе) изображение молдавской национальной идеи, из которой на протяжении веков складывалась, адаптируясь к временам и ситуациям, молдавская идентичность.

Если бы в названиях каждой из них мы в порядке логического эксперимента поменяли местами два понятия: «национализм» и «самобытность», то в новом варианте соответствующие названия книг – «Самобытность в мировой истории» и «Молдавский национализм» – вполне соответствовали бы их нынешнему содержанию.[...] В каждой из них в скрытой или явной форме произносится молитва балансу прошлого, соотношению традиций и инноваций, без которых становление, воспроизводство и сохранение самобытности (в том числе в форме национализма) трудно себе представить.

Монография П.М. Шорникова представляет собой первый синтез, раскрывающий во всей полноте содержание молдавской этничности и эволюцию государственной идеи молдаван. В свою очередь равнодействующая двух векторов развития – этничности и государственности – в суммарном виде представляет то, что в современной европейской и частично в российской литературе именуется национализмом в его не этническом, а в гражданском смысле, а в книге П.М. Шорникова – самобытностью.

Как и любой другой народ, отмечает автор, молдаване хотят уважать себя, свой язык, свою культуру. Им необходимо ясное представление о своем прошлом, о своей миссии в истории и задачах на будущее, ибо, как отмечал классик Михаил Эминеску, «без общих идей не существует народа». Логика исторического познания и потребности молдавского общества, полагает П.М. Шорников, требуют изучения сущности и структуры молдавской национальной идентичности, особенностей молдавского этнического и государственного сознания, этнообразующих функций молдавского языка, молдавской духовной культуры, молдавской государственности, молдавской Церкви, молдавского обычного права, типичных черт национального характера молдаван. Все перечисленные характеристики, присущие молдаванам, представляют собой предмет национальной идентичности, именно то самое, чем надо дорожить и гордиться, а не стыдиться и испытывать комплекс неполноценности, уподобляясь отдельным лицам, назвавшим себя румынами.

Разнообразная по количеству и надежная по качеству источниковая база [монографии] П.М. Шорникова подтверждает известный в литературе факт, что этническая принадлежность в различных ситуациях может опираться на различные факторы – на язык, религию, историческую память, на кочевой или оседлый образ жизни в прошлом, на «Золотой век» своей истории или на славные реальные или мифические подвиги культурных и этнических героев. Информационные источники, использованные П.М. Шорниковым, включают не только до сих пор не переведившиеся на русский язык труды молдавских летописцев, молдавских писателей-классиков, комплекс документов канцелярии молдавских господарей, но и основные работы молдавских и румынских историков и лингвистов. Представляется обоснованным предпочтительное отношение автора к фольклору как источнику по истории молдавской этничности и массового сознания молдаван. Анализ молдавской национально-культурной идентичности, основанный лишь на суждениях писателей и историков, был бы неполным, ибо таковые свидетельствуют только о существовании тех или иных взглядов и суждений у интеллектуальной элиты, а легенды, сказки,

баллады, пословицы, поговорки, другие явления устного народного творчества характеризуют национальную культурную идентичность всего народа.

В методологическом плане книга «Молдавская самобытность» – новаторская. В ней тщательно обоснована концепция исторического развития молдавского народа, раскрыта спорность, если не несостоятельность противостоящей молдавизму идеологии румынизма, включая основу ее исторической концепции – теории континуитета. Данная автором «картина мира» молдаван средневековья, характеристика их отношений с соседними народами, а также с Московской Русью позволяет судить о происхождении некоторых исторических стереотипов их поведения.

Оригинален представленный в монографии очерк этногенеза молдаван. Автору удалось избежать излишнего молдавского этноцентризма, закономерного при исследовании молдавской национальной идеи. В книге упомянуто о продолжительном начиная с VI в. славянском присутствии в Карпато-Днестровских землях, отражено этническое многообразие средневековой Молдавии, участие потомков древнерусского населения в этнокультурном синтезе, приведшем к образованию молдавской народности. Обстоятельный анализ молдавского этногенеза, формирования молдавской этнокультурной идентичности позволил ему дать ответ на политически злободневный вопрос о том, что есть молдавизм, чем отличаются молдаване от румын в историко-политическом и в национально-культурном плане.

Убедителен данный в книге очерк эволюции государственной идеи у молдаван – от верности своему господарю – к попыткам возвести на господарский престол «своих», крестьянских правителей и, – через отчуждение от молдавского государства, превращенного в аппарат ограбления народа в интересах Османской империи, – к лояльности Государству Российскому. Идея присоединения Молдавии к России, как удалось показать автору, восходит к временам Стефана Великого. Его женитьба на киевской княжне Евдокии, брак его дочери Елены с наследником московского престола Иваном-царевичем, вассальная присяга великому князю Ивану III свидетельствуют, по мнению автора, о существовании у молдавского господаря интеграционного замысла объединения Молдавии и России под одним скипетром. Начиная с господаря Георгия Стефана (1656 г.), Молдавская Церковь и ряд правителей Молдавии при поддержке народа добивались включения Молдавии в Состав России. Самую решительную попытку осуществления этой идеи предпринял Дмитрий Кантемир.

Научный и познавательный интерес представляют собой приведенные в книге сведения о том, как вели себя молдаване в различных исторических обстоятельствах, как сформировался и изменялся Молдавский национальный проект, как молдавское национальное сознание влияло на геополитический выбор молдавского народа во времена русско-турецких войн, в том числе в момент присоединения Бессарабии к России в 1812 г., ее оккупации румынскими войсками в 1918 г., в годы Великой Отечественной войны и на рубеже 90-х гг. XX в., в период кризиса и распада Союза ССР.

Обоснованно выделяет автор существование у молдаван с начала XX в. двух видов национализма – интеллигентского и крестьянского, – с различными кругами требований и идей. Расхождения в политическом поведении интеллигенции и крестьянства прослежены на материалах событий времен революции 1917 г., румынской оккупации Бессарабии 1918-1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В книге даны убедительные ответы на вопросы о том, действительно ли режим Антонеску считал молдаван румынами, удалось ли оккупантам повлиять на национальное самосознание, государственную ориентацию и политическое поведение молдавского народа. Хорошо документирован вывод автора: по вопросу

об отношении к Румынии и румынизму в молдавском обществе раскола не было. Массовое участие молдаван в борьбе против фашистской агрессии невозможно объяснить только симпатиями трудящихся к советскому строю. Более понятным, близким массовому сознанию фактором являлась приверженность молдаван России/СССР как своему государству. Великая Отечественная война осталась в историческом сознании молдавского народа не только как время страданий и жертв. Сознание своей причастности к завоеванию Великой Победы возвысило национальное достоинство молдаван, открыло новые пути к укреплению этнокультурного суверенитета молдавской нации. В духовных, нравственных итогах войны, полагает автор, – истоки молдавского национального возрождения 60-80-х гг. XX в.

Нынешний этап эволюции молдавской этничности автор определяет как кризис молдавской идентичности. Точнее было бы определить ее как развивающуюся идентичность. Для молдаван Пруто-Карпатской Молдавии подобный кризис в конце XIX в. закончился их включением в состав румынской нации. Но вывод исследователя относительно будущего молдавского этноса оптимистичен. Молдаване располагают государственностью, которая ограждает их этничность и питает национальное достоинство. Кроме того, в настоящее время стратегия забвения – главное звено созидания новой нации, – становится нереализуемой в принципе. Молдаване отстают и свою культурную самобытность, и вместе с лицами других национальностей – свое национальное единство.

Книга П.М. Шорникова позволяет по-новому оценить текущие этнические процессы, она познавательна интересна и прочно связывает современность с историей, помогает не только лучше понять молдаван людям других национальностей, но и многое разъясняет и самим молдаванам. Методология «Молдавской самобытности» универсальна.

Примечания. * ГУБОГЛЮ Михаил Николаевич – действительный почетный член Академии наук Молдовы. Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, президент ассоциации этнологов и антропологов России, руководитель Центра по изучению межнациональных отношений (ЦИАМ), зам. Директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Один из наиболее авторитетных российских и европейских специалистов в области этнополитических процессов современного мира, автор проекта и главный редактор серии трудов «Национальные движения в СССР и на постсоветском пространстве», в которой уже издано более 120 томов.

**См.: Курсом развивающейся Молдовы. Том 3. Материалы II Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации». 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. Москва. 2007. С.489-497.

Русское слово. 2007. №24(164). Декабрь.

М.И. Снегур, Президент Республики Молдова (1991-1996 гг.):

Петр Шорников был одним из самых жестких моих критиков в Парламенте и СМИ в течение многих лет.[...] Я никогда не подвергал сомнению профессионализм и компетентность Петра Шорникова как историка. Даже если не соглашался с его оценками политических событий. И как политический деятель он обладает многими нужными для этого качествами. Но в период нашей с ним конфронтации у меня часто складывалось стойкое впечатление, что он действует, пишет и говорит так, словно живет в Бессарабской губернии Российской Империи, а не в независимой Республике Молдова.

Mircea Snegur-Эдуард Волков: Откровенные диалоги. Chisinau. 2007. С.374.

СУДЬБА МОЛДАВИЗМА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

*Кимитака Мацузато, профессор, директор Центра славянских исследований
Университета Хоккайдо (Япония):*

П.М.Шорников, историк из Кишинева, лидер молдавистской исторической школы, недавно издавший чрезвычайно интересную монографию*, анализирует причины и характер приднестровского конфликта с точки зрения как румынизма, так и молдавизма. [...]

На постсоветских территориях мы нередко наблюдаем столкновения примордиализма малых народов с примордиализмом более крупных (например, примордиализм мишарей против примордиализма татар). При этом часто бывает, что примордиализм малых народов еще более фантастичен и мифологичен. Знакомство с новейшей литературой о молдавизме (например, с книгой П.М. Шорникова «Молдавская самобытность», изданной в 2007 г.) дает нам другое впечатление. Во-первых, как это бывает со многими примордиалистскими интерпретациями истории в бывших социалистических странах, румынисты склонны чрезвычайно широко во времени применять этноним и лингвоним «румыны» и «румынский» – понятие сравнительно недавнее, в действительности ранее XVIII в. не использовавшееся; молдавизм же более скрупулезен в работе с источниками. Во-вторых, румынисты воображают существование в древности обширной территории, населенной (прото-) румынами. Это также роднит их с примордиализмом бывших социалистических стран. Напротив, Шорников доказывает, что появление как молдавской, так и румынской идентичностей явилось «проектом», выработанным через взаимодействия нескольких прото-этносов Северного Причерноморья и юго-востока Европы. Естественным результатом такого подхода явилось то, что книга Шорникова изобилует модными «империологическими» словечками типа «национальный проект». Симптоматично, что эта книга была опубликована в Тирасполе, а не в Кишиневе, причем ее издание было профинансировано Союзом молдаван Приднестровья. Все это дало повод для обвинения группы [профессора Н.В.] Бабилунги в молдавофилии.

*Примечание:** См.: Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь. 2007.

*Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья.
Сб.статей./Науч. ред. Кимитака Мацузато. Slavic Research Center Hokkaido
Universiti. 2008. С. 10, 218,219.*